

С.В. КАРПЕНКО

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ
НА ЮГЕ РОССИИ
(1917 - 1920 гг.)**

68.3(2)612
K262

С.В. Карпенко

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ
НА ЮГЕ РОССИИ (1917 - 1920 гг.)**

668687

Центральная городская
публичная библиотека
им. В.В.Маяковского
С-Петербург, наб. р.Фонтанки 44/46

Москва 2003

ББК 63.3 920 612
И-72

С.В. Карпенко

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ НА ЮГЕ РОССИИ
(1917 - 1920 гг.)**

Рецензенты:

д-р ист. наук В.Д. Зимина

д-р ист. наук А.Д. Степанский

Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на юге России (1917 - 1920 гг.). 2-е изд., испр. М.: Издательство Инполитова, 2003. 352 с.

Книга включает в себя научные очерки по истории возникновения, развития и гибели Белого движения на юге России в годы Гражданской войны, составляющие основу специального курса лекций "Белое движение 1917 - 1920 гг.", читаемого автором в Российском государственном гуманитарном университете. Основное внимание в очерках уделяется экономическим и социальным процессам, протекавшим в белом тылу, экономической политике белых правительств, их попыткам регулирования товарно-денежного обращения в условиях войны и кризиса.

Книга предназначена для преподавателей вузов, средних и средних специальных учебных заведений, аспирантов, студентов и всех интересующихся историей Гражданской войны в России.

ISBN 5-93856-014-4

© Карпенко С.В., 2003

© Издательство Инполитова, 2003

СОДЕРЖАНИЕ

Бесприютная армия: добровольцы в конце 1917 — начале 1918 гг.	5
Поход на Москву в 1919 г.: мобилизация и регулирование экономики	147
1920 год в Таврии: «левая политика правыми руками»	271

**БЕСПРИЮТНАЯ АРМИЯ:
ДОБРОВОЛЬЦЫ В КОНЦЕ 1917 – НАЧАЛЕ 1918 гг.**

ДОНСКАЯ КУПЕЛЬ

2 ноября 1917 г.¹ генерал М.В. Алексеев прибыл в Новочеркасск. Из Петрограда и Москвы многим противникам Совнаркома Дон казался «твердым консервативным устоем, о который разобьется Большевицкая пропаганда» и с которого начнется возрождение Великой России². Алексеев не был исключением. Впрочем, долгая и трудная жизнь приучила его избегать плена иллюзий. И хотя он крепко надеялся «не только найти временный приют, но и начать работу» на Дону, однако с многозначительной оговоркой — «если только это окажется возможным»³.

Надежды свои он считал вполне обоснованными.

Казачьи области Юго-востока России, на его взгляд, имели «достаточную силу не только для обороны, но и для активных мероприятий». Являлись «районом относительного спокойствия и сравнительного государственного порядка», где «нет анархии, даже резко выраженной классовой борьбы». Располагали естественными богатствами и хорошим урожаем, «необходимыми всей России». Наконец, Дон, Кубань, Терек и горские народы Северного Кавказа образовали в конце сентября «Юго-восточный союз» с «объединенным правительством» в Екатеринодаре, в чем Алексеев увидел первый шаг к «водворению порядка» в стране⁴.

Очень скоро, однако, надежд поубавилось, а сомнений и оговорок прибавилось.

Донской атаман А.М. Каледин принял Алексева в своем дворце тепло, как и подобает старому боевому товарищу. Но в просьбе «дать приют русскому офицерству», означавшей, по сути, взять на содержание донского правительства будущую антибольшевистскую армию, отказал твердо. Ссылаясь на хорошо известные ему настроения казаков, донельзя уставших от войны и исполненных ненависти к «старому режиму», он попросил Алексева сохранять инкогнито, «не задерживаться в Новочеркасске более недели» и перенести формирование за пределы Донской области⁵.

Такой прием, хотя и приоткрыл Алексеву глаза на реальное положение вещей, не мог его обескуражить. Он добился от атамана выделения госпиталя на окраинной Барочной улице «для выздоравливающих офицеров», который был превращен в общежитие. Спешно приступил к изучению «моральных и физических сил казачьего союза»: наличия военных складов и припасов на них, вооружения, численности и настроения тыловых донских частей. Наконец, установил контакты как с местными общественными деятелями и предпринимателями, начиная с Н.Е. Парамонова, так и прибывшими из Центральной России⁶.

Так было положено начало «Алексеевской организации» — будущей Добровольческой армии.

Самой острой проблемой, связавшей Алексева по рукам и ногам, стала финансовая.

Рассчитывать приходилось лишь на пожертвования. Первые небольшие суммы, тайно переданные ему некоторыми лицами, в том числе и супругами Калединами, — в пределах нескольких сот рублей — едва позволяли кормить прибывавших в одинопочку и мелкими группами офицеров и юнкеров, покупать им зимнюю одежду. Краткосрочную ссуду до 50 тыс. руб. предоставил Парамонов⁷.

«Работа чуть теплится, — не скрывая горечи, писал 8 ноября Алексеев генерал-квартирмейстеру штаба главноверха генералу М.К. Дитерихсу в Могилев, — так как приток средств скуден, русский человек не хочет рисковать и жертвовать ничем»⁸.

Несколько дней работы и общения со сведущими людьми, как свидетельствует письмо, ему вполне хватило, чтобы убедиться в чрезмерном оптимизме своих первоначальных расчетов и прийти к неутешительным выводам: военные силы казачьего союза «ничтожны и едва удовлетворяют местным потребностям», донские склады военного ведомства пусты, возвращающиеся с фронта казачьи части «заражены немногим меньше, чем «товарищеские»», и борьбу с большевиками «сами они не пачнут, равно не пойдут только со своими силами». Горечь разочарования, однако, не погасила надежды, что «государственные настроения» вскоре возьмут верх у казаков и тогда они пойдут на Москву, ведомые офицерской армией, сформированной военными и политиками из центра⁹.

Что касается финансирования, то на этапе формирования оставалось уповать лишь на добровольные пожертвования, расчетливо распределяя их между содержанием личного состава, пропагандой и созданием сети вербовочных пунктов.

Несмотря на мизерность и нерегулярность первых пожертвований, Алексеев и здесь не позволял себе впасть в пессимизм: «Приток денежных средств... пока ничтожен. Но верится, что, когда увидят приступ к серьезному делу, дадут»¹⁰.

В дальнейшем, по мере развертывания армии, Алексеев планировал передать ее на содержание и снабжение Ставки. Большевицкая власть, полагал он, еще долгое время не выйдет за пределы центра страны, и Ставка в Могилеве, как и казачьи области, сохранит «самостоятельное существование» и будет распоряжаться наиболее стойкими старыми частями, запасами военного имущества и финансовыми ресурсами. «Первоначальное формирование — на частные пожертвования, — развивал он свои мысли Дитерихсу, — по мере готовности, — принятие на общий бюджет, ибо благо-

творительность не может дать всего необходимого»¹¹. Иллюзии соседствовали в его планах с трезвым предвидением: если вовремя не передать формируемую на Дону армию в состав вооруженных сил, состоящих в ведении штаба главковерха, «может настать момент, когда нечем будет кормить и содержать собранных, и все дело рухнет»¹².

В качестве предварительного шага Алексеев просил Дитерихса узаконить формирование офицерских частей на Дону под видом запасных и направлять в них офицеров и даже целые части, сохранившие дисциплину, а также выслать орудия, пулеметы, винтовки и боеприпасы под видом снабжения резервов Кавказской армии¹³.

В основе намерения Алексеева не вешать формируемую им армию исключительно на шею казачьих областей лежала не только неуверенность в их готовности и способности принести свои материальные ресурсы и интересы в жертву вооруженной борьбе против большевиков, но весьма дальний и серьезный расчет. Он стремился избежать ситуации, когда тяжесть содержания формируемой армии окончательно подорвет экономику казачьих областей, и без того пораженную общероссийским кризисом. Наоборот, генерал предполагал сделать все возможное для экономического возрождения «Юго-восточного союза», без чего рассчитывать на его независимость от Советской части России, равно как и на превращение его в базу антибольшевистского движения, не приходилось.

Экономическая программа Алексеева, хотя и набросанная в письме Дитерихсу вчерне и наспех, но уже обговоренная с местными и приезжими предпринимателями и общественными деятелями, была весьма последовательна и увязывалась с решением социальных и политических проблем в общероссийском масштабе.

На территории «Юго-восточного союза» планировалось прежде всего «толкнуть вперед промышленность» за счет «приложения капитала, энергии, знаний, временно оказавшихся ненужными для центра и севера». Привлечь капиталы из Великобритании и США путем «скорейшего крупного займа», обеспеченного природными ресурсами края. Поднять экономику настолько, чтобы союз «оказался способен отбиться от немецкого капитала, промышленной предприимчивости, тевтонского натиска». За счет подъема промышленного производства удовлетворить потребности «нуждающегося во всем местного населения» и проводить «энергичные меры по развитию материального благосостояния», что укрепит авторитет власти и позволит ей «поддерживать безусловный порядок» и формировать из казаков «прочные части». Возродив край, активно развивать экономические связи с соседними гу-

берниями, вывозя туда продовольствие и промтовары и тем создавая в них «условия наступления порядка и нормальной жизни». Превратить в итоге «Юго-восточный союз» в «цитадель», от которой «как от масляной капли начнет распространяться пятно желаемого содержания»¹⁴.

Очевидно, что за годы возглавления Ставки, когда он распоряжался огромными людскими, материальными и финансовыми ресурсами, Алексеев приучился соизмерять потребности воюющей армии с экономическими возможностями тыла. И теперь он прекрасно сознавал, насколько важно сохранять баланс между снабжением армии и обеспечением приемлемого жизненного уровня населения в тылу, насколько опасно разорять тыл ради фронта — это неминуемо приведет к экономической катастрофе, росту большевизма, социальному взрыву и, в конечном итоге, бумерангом ударит по армии — попросту развалит ее. Похоже, он был одним из немногих высших офицеров (и это выгодно отличало его от других основателей Добровольческой армии), кто извлек какие-то уроки из российского экономического кризиса 1915 — 1917 гг.

И тем более замечательным, особенно с учетом итогов «похода на Москву» его преемников, представляется следующее: на фоне всеобщей уверенности, что большевики продержатся у власти «две недели», Алексеев в конце 1917 г. хорошо понимал важность «экономического освобождения» России от большевизма, экономической победы над ним, которая должна если не предшествовать, то, во всяком случае, сопутствовать победе военной.

С другой стороны, расчеты Алексеева базировались на многих ошибочных представлениях: о длительном сосуществовании, без вооруженной борьбы, самостоятельных государственных образований в России (своего рода новом издании феодальной раздробленности), о сохранении Ставкой контроля над наименее разложившимися частями и системой военного снабжения (через 12 дней Ставка будет ликвидирована отрядом П.В. Крыленко), об удержании и даже освоении Германией занятых российских территорий, о способности, едва ли не обязанности, держав Антанты прийти на помощь антибольшевистским властям юга своими финансовыми и материальными ресурсами (тем более под обеспечение русским сырьем) и, наконец, о готовности отечественной буржуазии пожертвовать свои капиталы на восстановление Великой России. А главное — он явно недооценил как политическую волю и военные возможности большевиков, их решимость раздавить «осиное гнездо контрреволюции» на Дону, так и глубину социального раскола между казаками и иногородним крестьянством — раскола, который вскоре повергнет Дон к ногам новых властителей России.

Алексееву казалось, что его планы уже начали осуществляться.

Понаехавшие из центра общественные деятели и предприниматели, договорившись с Донским военно-промышленным комитетом, создали совместное «Экономическое совещание». В нем готовился проект скорейшего крупного займа в Великобритании и США, продумывались шаги по развитию военного производства на территории союза и снабжению добровольческих частей боеприпасами, обмундированием и обувью. Совещание претендовало на то, чтобы занять при формирующейся армии свободное пока место центрального органа, разрабатывающего основы экономической политики и организации управления¹⁵. И сам Алексеев склонен был придавать совещанию «большое значение не только промышленно-экономическое, но и политическое, а, следовательно, косвенно и военное»¹⁶.

К 20-м числам ноября количество прибывших и поступивших в «Алексеевскую организацию» генералов (среди них были А.И. Деникин, А.С. Лукомский, И.П. Романовский и С.Л. Марков), офицеров, юнкеров и кадетов старших классов достигло 500. Большинство поселилось в общежитии на Барочной. Денег, чтобы прокормить и одеть их, катастрофически не хватало¹⁷.

О финансировании из бюджета донского правительства можно было только мечтать. Просителей денег, посланных Алексеевым, предприниматели встречали весьма прохладно, причем наиболее находчивые оправдывали свой отказ ссылкой на посланное из быховской тюрьмы письмо Корнилова, которым сбор средств поручался исключительно Завойко. Тайная же благотворительность позволяла лишь не умереть с голоду¹⁸.

Среди хлопот, беготни и бесконечных обсуждений Алексееву не раз являлась, искушая, мысль, не призвать ли во всеуслышание офицеров со всех концов России немедленно ехать на Дон. И прибывать начнут не сотни, а тысячи. А когда вместе с собранной большой силой появится и уверенность в успехе, в капиталистах, конечно, проснутся «Минины». Удерживали от такого шага «обет молчания», наложенный Калединым, и весьма трезвый контрдовод: а на какие деньги содержать эти тысячи в ожидании, пока капиталисты, наконец, раскошелятся?¹⁹

Получался заколдованный круг: без больших денег нельзя было сформировать внушительную силу, а без нее предпринимательские круги не склонны были жертвовать даже малые суммы.

Каледин же еще и еще раз просил Алексеева ускорить переезд его организации за пределы Дона, а до этого «не делать никаких официальных выступлений и вести дело в возможной тайне». Безусловно, в душе сочувствуя Алексееву и желая ему сформировать

боеспособную армию, он не мог в первую очередь не думать о сохранении хрупкого социального мира на Дону – хотя и слабой, но единственной гарантии независимости области от большевистского Петрограда и прочности собственной власти. Между тем по мере роста «Алексеевской организации» среди казаков усиливались опасения, что «непрошеные пришельцы» помешают «полюбовно договориться» с местными и столичными большевиками и втянут Дон в «новую бойню». Особую враждебность к алексеевцам вызывала такая перспектива у «нарубавшихся по ноздри» казаков-фронтовиков. Давление на атамана станичников и демократических политиков все усиливалось, заставляя его лавировать, избегать всякого повода к обострению ситуации и выжидать перелома в настроении казаков²⁰.

У Алексеева времени выжидать не было, и он попытался прощупать возможность перенесения базы формирования на Кубань. Он дважды ездил в Екатеринодар, вселивший в него оптимизм обилием слетевшихся туда из разных мест офицеров казачьих и регулярных частей. Однако участие в работе «объединенного правительства» и встречи с Кубанским атаманом полковником А.П. Филимоповым разочаровали: становилось все более очевидным, что «Юго-восточный союз» существует пока только на бумаге, власть Кубанского атамана, наделенного конституцией Кубанского края лишь представительскими функциями, – «дряблая» и «беспомощная», а «осторожная линия» его политики сводится к уклонению от создания антибольшевистской казачьей армии. Тем более не приходилось рассчитывать на его помощь в финансировании, формировании и снабжении алексеевской армии из офицеров-добровольцев²¹.

20 ноября наметился наконец перелом в отношениях между Доном и «Алексеевской организацией». Не располагавший надежными казачьими частями, Каледин вынужден был обратиться к Алексееву с просьбой разоружить стоявшие в Хотунке, пригороде Новочеркасска, два большевистски настроенных запасных полка, представлявших угрозу атаманской власти. Посланные туда почти безоружные офицеры и юнкера без особых затруднений разоружили казаков. Винтовки и патроны, что было, видимо, заранее обговорено, стали наградой алексеевцам за успешную операцию. В этот день фактически родилась антибольшевистская армия генерала Алексева²².

Уверенность Алексева и его окружения в успехе формирования окрепла, хотя Каледин продолжал осторожничать, выжидать и внешне держаться на расстоянии. Принимая 25 ноября прибывших в Новочеркасск генералов Деникина и Лукомского, он настой-

чиво рекомендовал им «пока активно не выступать», а еще лучше – «временно уехать из пределов Дона», ибо «имена генералов Корнилова, Деникина, Лукомского и Маркова настолько для массы связаны со страхом контрреволюции»²³.

Однако на следующий день в Ростове произошло событие, не оставившее Каледину выбора: отряды красногвардейцев, подчинившиеся радикально настроенному ВРК, и прибывшие моряки-черноморцы попытались захватить город. Разложившиеся казачьи части ростовского гарнизона сопротивлялись слабо, и борьба быстро клонилась к успеху большевиков. Единственной вооруженной силой, способной предотвратить падение атаманской власти, оказались добровольцы Алексеева. И Каледин пришел к нему за помощью: «Будем, как братья, помогать друг другу. Всякие недоразумения между нами кончены. Будем спасать, что еще возможно спасти»²⁴.

2 декабря алексеевские части (до 500 штыков), поддержанные казачьими партизанскими отрядами, взяли город и подавили большевистское восстание. Первая победа и первая кровь добровольцев стали платой «Алексеевской организации» за право перейти на легальное существование на донской земле и подняли ее авторитет в глазах всех антибольшевистских элементов.

К этому времени обозначился просвет и на финансовом горизонте.

Как явствует из занесенных Алексеевым в записную книжку данных о приходе и расходе (похоже, неполных – отсутствуют записи о первых пожертвованиях), с 17 по 24 ноября им было получено 116 тыс. руб., 100 из которых были привезены из Москвы и переданы через Парамонова²⁵.

25 и 27 ноября инженер Н.Н. Лебеденко и М.М. Федоров, министр торговли и промышленности в правительстве С.Ю. Витте, прибывшие из Москвы от «Правого центра» с заданием разобраться в ситуации на Дону, установить контакт с «Алексеевской организацией» и выяснить ее перспективы и потребности, передали ее основателю соответственно 100 и 150 тыс. Последняя сумма (часть от нескольких сотен тысяч, на которые раскошались московские предприниматели) стала самым крупным из пожертвований, полученных Алексеевым²⁶.

Федоров прибыл не один, а во главе делегации из четырех человек. Пригласив Алексеева на свою конспиративную квартиру, они убедительно изложили ему свои намерения: связать его с «общественной Россией», помочь ему знаниями, опытом и связями, создать «рабочий аппарат гражданского управления» и, наконец, обеспечить доставку собираемых средств. Более того, от «Правого

центра» основателю «Алексеевской организации» было предложено ежемесячное вознаграждение в сумме 1 500 руб.²⁷ Старый генерал был растроган и окрылен²⁸. Полученные деньги доказывали серьезность намерений и широту возможностей «Правого центра». Какая именно часть денег, собранных «под Алексеევскую организацию», осела в кассе самих московских подпольщиков, Алексей мог только предполагать. Но это были детали, главное – финансовый ручеек добежал-таки до Новочеркасска, помог покрыть самые горящие расходы и подавал надежды на превращение в полноводную реку. Соглашение о сотрудничестве, устное, в принципе, состоялось.

Где-то в конце ноября – начале декабря Алексей переехал сам и перевел свой штаб из вагона, стоящего на станции, в снятый дом на площади Никольской церкви. Если он не хлопотал, бегая по городу, чтобы достать кровати, полушубки, продукты и дрова, то работал за письменным столом или принимал подчиненных и посетителей в жарко натопленной комнате – кабинете. Изрядно похудевший и осунувшийся, совсем побелевший, он сохранил былую живость и деятельность. Тем же бисерным почерком в той же маленькой записной книжке, куда в Могилеве он записывал миллионные цифры солдат, миллионы пудов предметов военного снабжения и миллиарды рублей военного бюджета, которыми он распоряжался, Алексей подсчитывал теперь ничтожные сотни рублей пожертвований, десятки пудов продуктов и дров. Кому-то «бедный старик» казался трогательным, у кого-то его вид вызывал грусть, но все испытывали к нему безмерное уважение за самоотверженность и веру в успех начатого дела²⁹.

Во многих добровольцах, впрочем, эта вера поддерживалась не только (и даже не столько) работой Алексеева, но и ожиданием прибытия их кумира – бывшего главковерха генерала Л.Г. Корнилова.

* * *

Покинув быховскую тюрьму в ночь на 20 ноября, претерпев немало невзгод и подставив под разгром свой конвойный Текинский полк, Корнилов добрался наконец до Новочеркасска 6 декабря. Его прибытие, дав толчок к разрешению накопившихся проблем формирования, привнесло новые. Главной из них, породившей немало сложностей и конфликтов, стали личные отношения между ним и Алексеевым.

Спустя годы их ближайшие соратники в своих мемуарах глухо сожалели о «несхожести характеров» Алексеева и Корнилова³⁰.

Деникин назвал это жестче — «органической неприязнью друг к другу»³¹.

Однако источник этой «органической неприязни» крылся не столько в «несхожести характеров», сколько в их прошлых отношениях, а главное — в той реальной обстановке, в которой им пришлось работать бок о бок.

Еще до августа 1917 г. они относились друг к другу весьма критически. Алексеев не слишком высоко ставил Корнилова, зная его слабые места как военачальника, приводившие к поражениям подчиненных ему войск. Весной 1917 г. он наотрез отказал военному министру А.И. Гучкову, вознамерившемуся назначить Корнилова главнокомандующим армиями Северного фронта. Корнилов, со своей стороны, считал Алексеева одним из виновников неудач русской армии в годы войны и вообще смотрел на него с «оттенком презрительности, с какой боевые генералы смотрят на кабинетных стратегов»³².

Тем не менее, движимые общим желанием «спасти армию и страну», они нашли общий язык накануне августовских событий. В дни работы Государственного совещания в Москве Корнилов, понимая, что опираться во многом придется на созданный Алексеевым «Союз офицеров армии и флота», предложил тому возглавить выступление против правительства Керенского, а затем, возможно, и новую диктаторскую власть. Но Алексеев без видимой борьбы и сомнений уступил первенство Корнилову, взвесив все «за» и «против» и решив, что тому, «будучи верховным, это сделать легче»³³.

Однако после провала августовского выступления глухая взаимная антипатия переросла в нетерпимость, особенно со стороны Корнилова — человека весьма прямолинейного, самолюбивого и слабо разбиравшегося в людях и мотивах их поступков. Ни разумом, ни сердцем не мог он простить Алексееву того, что тот согласился стать начальником штаба у Керенского, да еще прибыл в Ставку, чтобы арестовать его, Корнилова. Истинный мотив этого шага, очевидный многим, — спасти главноверхамятежника и его соратников от солдатского самосуда — в поверхностном понимании Корнилова оправданием не являлся. Умудренный жизнью и практичный Алексеев, в свою очередь, из августовских событий сделал вывод, что Корнилов — «опасный сумасброд, человек неуравновешенный и непригодный на первые роли»³⁴.

Новочеркасская обстановка не могла не придать их отношениям характера «острого антагонизма». Властного и честолюбивого Корнилова задевало за живое уже то, что Алексеев приехал на Дон первым и худо-бедно, но заложил основы антибольшевистской

армии. Ему «резало уши» само ее название — «Алексеевская организация»³⁵.

А главное — все жертвоприношения на добровольцев шли в руки Алексева, тогда как казна, которую собирал по его поручению Завойко, оставалась пустой. Более того, Завойко так умудрился «подготовить почву» к приезду начальника, что поставил его в крайне неловкое положение. Во-первых, претензиями на монополию сбора средств он вызвал «всеобщее недоумение», а у Алексеевского окружения — открытую враждебность. А, во-вторых, некоторыми своими шагами он дал основание заподозрить его в «нелепейшей интриге» — попытке «свергнуть Каледина» и «выбрать» Донским атаманом Корнилова. Если это соответствовало действительности, расчет Завойко вполне очевиден: вместе с атаманским перначом Корнилов сразу получил бы казачьи части и донскую казну. Пока же он получил одной неприятной заботой больше: бесцеремонная предприимчивость адъютанта грозила ссорой с Калединым. Быстро привязывавшийся к людям, которым он доверял, Корнилов всегда тяжело переживал, когда приходило разочарование. Имея за плечами четырехлетний опыт службы военным агентом (атташе) в российском посольстве в Пекине, он расстался с Завойко в соответствующих традициях: приказал тому в 24 часа покинуть Новочеркасск³⁶.

Так же просто решить проблему отношений с Алексеевым (в данном случае — покинуть Новочеркасск самому) не позволяли характер и интересы дела. После первого разговора, с глазу на глаз, они «расстались темнее тучи». Опасения окружающих подтвердились: их совместная работа будет «очень нелегкой»³⁷.

Алексеев, поднявшись выше личных предубеждений и неприязни, готов был использовать авторитет и опыт Корнилова. И предложил тому компромиссное распределение обязанностей: Корнилову — формирование и командование армией, Алексееву — финансы, внутреннюю и внешнюю политику. Корнилов не согласился, и его аргументы, с узко военной точки зрения, нельзя не признать вескими: во главе всего дела должен стоять один человек, а такая «параллельная деятельность» будет постоянно вызывать недоразумения и трения, прежде всего в финансовых вопросах, ибо «каждую копейку на организацию и нужды армии придется ему испрашивать у генерала Алексева», а «с развитием дела» ему как командующему не избежать того, чтобы «вплотную подойти к внутренней политике»³⁸.

Итак, яблоком раздора, и не случайно, стала казна. Сохраняя ее в своем распоряжении, Алексеев сохранял контроль над формированием и снабжением армии. Понять его можно: увереннос-

ти, что «сумасброд» Корнилов сумеет рационально использовать с таким трудом собранные им, Алексеевым, скудные средства, не было. В итоге он предложил Корнилову ехать в Екатеринодар и там формировать добровольческие части «совершенно самостоятельно». Корнилов и от этого категорически отказался, заявив, что «это не выход», а «еще хуже»: «...Находясь на таком близком расстоянии один от другого, мы, Михаил Васильевич, уподобились бы с вами двум содержателям балаганов, зазывающих к себе публику на одной и той же ярмарке»³⁹.

Невозможность найти общий язык с Алексеевым, полное безденежье, неустроенность и ненадежность Дона как базы — все это привело Корнилова, склонного к поступкам столь же бескомпромиссным, сколь и непросчитанным, к решению схват (прихватив Деникина и Лукомского) на Волгу, а оттуда в родную Сибирь, где, как он надеялся, ему «удастся создать большое дело»⁴⁰.

Отъезд Корнилова уже считался решенным, но в ситуацию вмешались представители «Правого центра». Встречаясь попеременно то с ним, то с Алексеевым, москвичи горячо убеждали генералов, что только их совместная работа даст шанс на финансовую помощь как со стороны отечественного капитала, так и держав Антанты. Аргумент был вский и далекий от лукавства. Действительно, уже первые попытки сбора средств среди предпринимателей и контакты на этот же предмет с дипломатическими и военными представителями союзников показали: рассчитывать на щедрое финансирование новой армии можно лишь в случае их уверенности в ее успехе, питаемой прежде всего верой в ее вождей.

Лукавство состояло не в самом аргументе, а в его подоплеке: единство Алексеева и Корнилова являлось для «Правого центра» залогом собственного лидирующего положения в антибольшевистском лагере, которое обеспечивалось, во-первых, ролью финансового посредника, что сулило приток средств в собственную казну, и, во-вторых, ролью правительственного органа при формируемой армии, что открывало прямую дорогу к власти после свержения большевиков.

По их расчетам, имя Корнилова, нажившего в союзных державах репутацию «реакционера», но популярного среди русских офицеров, гарантировало приток добровольцев в армию, а имя Алексеева — высокий авторитет у союзников, поскольку в столицах Антанты он считался, по выражению У. Черчилля, «крупным стратегом, не уступающим Фошу и Людендорфу и прекрасно знакомым с государственными делами страны»⁴¹.

Тем временем делегация Федорова сумела значительно поднять ставки «Правого центра» в Новочеркасске, в очередной раз делом

доказав свою полезность. Входящий в ее состав Хрущов, бывший товарищ министра Временного правительства, убедил атамана Каледина совместно организовать весьма прибыльную финансовую комбинацию. Проводя принцип, что Временное правительство хотя и свергнуто большевиками, но де-юре продолжает оставаться высшим органом управления, он предписал Ростовскому отделению Государственного банка выдать донскому правительству хранившиеся там 36 млн. руб., которые составляли часть доходов Донской области за 1917 г. и подлежали передаче в государственную казну. Согласно договоренности, одну половину этой суммы донское правительство забирало на свои нужды, а вторую должно было негласно передать Алексееву. 11 декабря он получил первую часть из 18 млн. — 500 тыс. руб.⁴²

Между 16 и 25 декабря в Новочеркасске состоялись два совещания делегатов «Правого центра» и группы генералов. Деникин, Лукомский и Марков не менее общественных деятелей были заинтересованы в сохранении связки Алексеев — Корнилов во главе армии. По замечанию Деникина, «ее хрупкий организм не выдержал бы удаления кого-нибудь из них»: в случае отхода от дел Алексеева армия «раскололась бы», в случае отъезда в Сибирь Корнилова — «она бы развалилась»⁴³.

Первое совещание вылилось в «тяжелую сцену». Корнилов требовал полной власти, грозя в противном случае уехать в Сибирь. Алексеев цепко держался за финансы и политическое руководство. Проникновенные речи москвичей — о «самопожертвовании» и «государственной необходимости соглашения» — перебивались их «краткими, нервными репликами». Никто из вождей уступать не хотел, и соглашение не состоялось⁴⁴.

Настояв на втором совещании, делегация Федорова, не рассчитывая более лишь на аргументы нравственного порядка, едва ли не ультимативно предъявила финансовый: союзники окажут помощь только в случае соглашения Каледина, Алексеева и Корнилова о совместной работе на юге России. Причем оно должно быть документально оформлено, подписано всеми тремя и передано представителям Великобритании и Франции. Корнилову ничего не оставалось, как унять гордыню и согласиться принять лишь военную власть. Однако начавшаяся тут же прием-передача формируемых частей обернулась еще одной «тяжелой сценой»: когда из доклада Алексеева выяснилось, что наличные деньги не покрывают не только будущих, но и текущих расходов, Корнилов в очередной раз дал волю эмоциям и отказался от командования. В конце концов, после настойчивых уговоров общественных деятелей и генералов, он уступил, и соглашение состоялось⁴⁵.

На Рождество было объявлено о вступлении Корнилова в командование армией, названной по его настоянию Добровольческой. Его ущемленное компромиссом честолюбие хотя бы отчасти было удовлетворено тем, что мало понятное «гражданское» название — «Алексеевская организация» — ушло в прошлое, а с ним — и имя ее основателя.

Окончательному разделу сфер компетенции между Корниловым, Алексеевым и Калединым должна была послужить организация «верховой власти», претендующей на статус всероссийской. Ее конструирование грозило новыми «тяжелыми сценами», поэтому Деникин взял на себя инициативу и быстро набросал проект, используя древнюю форму правления, диктовавшуюся условиями дня нынешнего, — триумvirат. За Алексеевым закреплялись финансы, гражданское управление и внешние связи, за Корниловым — военная власть, за Калединым — управление Донской областью. «Вопросы государственного значения» подлежали решению триумvirата в целом⁴⁶.

Совещание генералов, на котором кроме будущих «триумvirов» присутствовали Деникин, Лукомский, Романовский и Марков, одобрило деникинский проект. Затем текст был отредактирован Лукомским, подписан «триумvирами» и отправлен «Правому центру» с одним из его эмиссаров, возвращавшихся в Москву, для передачи союзным миссиям⁴⁷.

Сам Деникин изобретенную им конструкцию назвал «исключительно психологическим средством, вполне достигшим цели»⁴⁸. С первой частью этого утверждения можно согласиться в том смысле, что удалось найти баланс честолюбий, амбиций и интересов трех вождей, впрячь их в одну упряжку, удержать Корнилова на Дону. Однако вторая часть вызывает сомнения, поскольку сферы компетенции часто совпадали: Алексеева и Каледина — в части финансов армии и Донской области, Корнилова и Алексеева — в части снабжения армии и т.д. Таким образом, на бумаге триумvirат объединил трех вождей, на деле же — расширил почву и конкретизировал поводы для трений и конфликтов между ними.

* * *

К концу декабря Корнилов обосновался в небольшом доме на Комитетской улице, где разместил и свой штаб. Хотя у крыльца стоял офицер-часовой, сам командующий Добровольческой армией формы, по просьбе атамана, не носил. В потертом, мешковато сидевшем костюме, черном в полоску, галстуке и солдатских сапогах он походил на мелкого приказчика⁴⁹.

Во главе своего штаба, быстро сформированного, он поставил генерала Лукомского, в течение лета 1917 г. служившего при нем начальником штаба главковерха. Штаб ведал всеми оперативными, организационными, административными и хозяйственными вопросами. Состоял он из двух отделов: Строевого и Снабжения. Начальником Строевого отдела был назначен генерал Романовский, должность начальника Отдела снабжения Корнилов доверил опытному генералу Е.Ф. Эльснеру, которого хорошо знал по Юго-Западному фронту, где тот с начала войны служил помощником начальника, а с 1916 г. — начальником снабжений армий фронта⁵⁰.

Первые же дни командования подтвердили опасения Корнилова по части финансирования Добровольческой армии.

Алексеев всю жизнь, даже будучи начальником штаба главковерха, когда в его распоряжении были огромные материальные и финансовые ресурсы, отличался крайней бережливостью и старался избежать неоправданных трат казенных денег⁵¹. В Новочеркаске же, считая финансовое положение формируемой армии совершенно не обеспеченным, он стал чрезвычайно скуп и методично урезал Корнилова во всех расходах. В итоге, когда вернувшиеся с фронта казаки, дабы поправить свое хозяйство, распродавали, сравнительно недорого, патроны, винтовки, пулеметы и даже орудия со снарядами, снабженцы из-за нехватки денег упускали выгодные случаи. Время шло, денег не прибавлялось, и командующего это просто выводило из себя. То и дело он требовал у Алексеева крупные суммы в свое безотчетное распоряжение, и тогда между ними происходили резкие объяснения⁵².

При всяком подобном обострении общественные деятели буквально перебегали от одного к другому, пытаясь предотвратить разрыв. Бралась даже за выработку нового письменного соглашения, дабы более четко разграничить их сферы компетенции. Сглаживать разногласия между ними стоило каждодневных усилий и генералам: Деникину, назначенному помощником командующего, и начальнику штаба Лукомскому⁵³.

Хотя Корнилов был «иногда очень резок и часто несправедлив» с Алексеевым, последний «терпеливо переносил незаслуженные обиды». Лишь изредка, в разговорах с самыми близкими, он сетовал по-стариковски: «Как тяжело работать при таких условиях...» Скрепя сердце он в интересах дела уступил первое место своему бывшему ученику в Академии Генштаба и теперь «тщательно избегал всего, что могло показаться Корнилову вмешательством в управление армией»⁵⁴.

Корнилов же, ощущавший компромисс с Алексеевым как путы на руках и ногах, с трудом сохранял внешнее спокойствие, прили-

чувствующее вождю. Своему окружению он твердил, что не верит в успех дела, возглавляемого двумя лицами, и остался на юге лишь «по настоянию и принуждению» московских представителей. Его тяготили финансовая зависимость от Алексеева и материальная от Каледина, угнетали «отсутствие полной мощи» и «ограниченность перспектив»⁵⁵.

Снедаемый боевым нетерпением и жаждой избавиться от тыловых пут, он спешил сформировать части и уйти с ними на фронт. Порой им овладевало намерение переехать со штабом в Ростов. Наконец, поскольку Доп уже не казался надежной базой формирования, его никак не покидала мысль уехать в Сибирь. «Сибирь я знаю, — говорил он Лукомскому, — в Сибирь я верю... Долго здесь оставаться я буду не в силах. Жалею только, что меня задерживают теперь и не пускают в Сибирь, где необходимо начинать работу возможно скорей, чтобы не упустить время»⁵⁶.

Уже в начале января 1918 г. он предпринял первые шаги в этом направлении: в города Поволжья были посланы офицеры для организации сил и подготовки к захвату власти, к политическим деятелям Сибири были направлены нарочные с письмами. У Корнилова зрел план не только создать на Востоке антибольшевистскую армию, но и воссоздать фронт против Германии⁵⁷. Последнее намерение питалось как убежденностью, что правительство Ленина насаждено немцами и держится лишь благодаря им, так и надеждами на получение финансовой и материальной помощи со стороны союзников. Считалось само собой разумеющимся, что союзники с готовностью оплатят новой армии продолжение вооруженной борьбы против Германии и тем самым попутно покроют материальные затраты на уничтожение большевизма. О моральных никто пока не задумывался.

Вообще, на примере Корнилова и Алексеева видно, как тяжело переносили белые вожди непривычку к безвластию (большевики гораздо легче перенесли и быстрее изжили непривычку к власти). Впрочем, умудренный жизнью Алексей, похоже, психологически гораздо легче Корнилова приспособился к унижительному положению генерала без армии и без тыла, к невообразимой прежде ситуации, когда все нужно начинать с нуля и при этом нельзя привычно требовать и приказывать, а можно только просить и убеждать, да и то с оглядкой, поскольку отношение вокруг, в лучшем случае, равнодушное и скептическое, в худшем — враждебное.

Нелады между Алексеевым и Корниловым раскололи их окружение. В штабе командующего царили культ Корнилова, которого именовали не иначе как «верховным», и пренебрежительное отношение к Алексееву. Сотрудники последнего платили «корни-

ловцам» тем же. Эти раздоры, которые даже не пытались скрывать, бросались в глаза рядовым офицерам и вызвали тревожные пересуды в частях. Довольно скоро разделение на «алексеевцев» и «корниловцев» проникло в офицерскую среду⁵⁸.

Структура управления Добровольческой армией также отразила компромисс между двумя вождями.

В противовес штабу командующего Алексей реорганизовал бывший при нем штаб в Политический отдел. В январе на его основе было создано Военно-гражданское управление, которое возглавил полковник Д.А. Лебедев (в начале марта 1918 г. он был направлен в Сибирь). В него входили Политический отдел, ведавший, в частности, пропагандой (его начальником Алексей назначил инженера С.С. Петина), Финансовый отдел (пост его начальника был доверен Н.Н. Богданову) и Отделы внутренних и иностранных дел (их общим начальником был назначен А.А. Лодыженский, с 1915 г. возглавлявший в Ставке канцелярию по делам гражданского управления). Энергии и дотошности Алексеева хватало на непосредственное руководство всей текущей работой управления и его отделов; начальники, часто менявшиеся, были низведены им до простых исполнителей⁵⁹.

В вопросах, которые требовали совместного решения и работы, штаб армии и Военно-гражданское управление порой действовали несогласованно и тормозили дело, что являлось неизбежным следствием ненормальных отношений между Корниловым и Алексеевым, а также между их подчиненными⁶⁰.

Управленческие структуры Добровольческой армии постоянно реорганизовывались и разбухали, что Деникин объяснял «стихийным стремлением всех штабов всех времен к саморазмножению»⁶¹.

В конце января, когда численность Добровольческой армии достигла 2 тыс., то есть далеко еще не дошла до пехотного полка военного времени, в штабе командующего служило уже около 150 человек. Это бросавшееся в глаза несоответствие между штабом и боевым составом армии вызывалось, прежде всего, стремлением Лукомского и его помощников поставить работу с большим размахом в расчете на скорый приток десятков тысяч добровольцев. Вдобавок штабные офицеры, занимавшие прежде высокие посты, не могли отрешиться от привычных миллионных масштабов старой армии. Далее, в Новочеркасск прибыли десятки пожилых штабистов, чей возраст и опыт не допускали их использования в строю. Наконец, с первых дней существования армии отдельные офицеры проявили старание всеми правдами и неправдами устроиться самим, а затем устроить близких и верных людей на безопасные штабные должности, подальше от фронта⁶².

В итоге быстро разбухавшие штаб Корнилова и Военно-гражданское управление Алексеева тяжким бременем легли на тощую казну.

Корнилов попытался остановить это дорогостоящее «саморазмножение» и в конце января приказал Лукомскому сократить штаб на четверть. Лукомского, который при всей рациональности своего ума никак не мог отрешиться от привычных «главкововерховских» масштабов, это приказание повергло в отчаяние. И он пошел на конфликт с командующим, доказывая, что сократить штаб, не дезорганизовав его работы, нельзя. Кончилось тем, что 2 февраля Корнилов снял Лукомского, назначив своим представителем при Донском атамане, и заменил его генералом Романовским⁶³. Однако и при новом начальнике штаба ситуация изменилась мало.

В штабе и Военно-гражданском управлении быстро возродились худшие штабные традиции русской армии: на строевых смотрели свысока, о бумагах заботились больше, чем о людях, о карьере — больше, чем о службе, снабжали себя прежде фронта. Ропот в частях по поводу многочисленности и привилегиях штабных, устроившихся на безопасные и теплые места, высокомерно игнорировали. Алексеевские финансисты вообще ходили тоголем, считая, что «на них вся армия держится»⁶⁴.

Даже при крайней малочисленности добровольцев штаб армии никак не мог научиться рационально и бережно использовать их, легко распоряжаясь человеческими жизнями. В условиях, когда части вели маневренную войну, разрываясь между особо угрожаемыми направлениями, и командирам приходилось пользоваться чисто партизанскими приемами, штабисты, далекие от реальной обстановки и людей, были не в состоянии преодолеть в себе стереотипы академической стратегии⁶⁵.

Наконец, помимо штаба командующего и Военно-гражданского управления, при Добровольческой армии был, по выражению Леникина, «рожден в муках»⁶⁶ своего рода зачаток правительства — Политический совет. Его рождение стало результатом сложных комбинаций политиков, либералов и демократов, приезжих и местных, их давления, прямого и косвенного, на Корнилова и Алексеева.

Федоров первым, едва приехав в Новочеркасск, начал проталкивать идею создания некоего совета, задачи которого состояли бы в «организации хозяйственной части армии, сношениях с иностранцами, возникшими на казачьих землях местными правительствами и с русской общественностью», в «подготовке аппарата управления по мере продвижения вперед Добровольческой армии». Тем самым он пытался воплотить в жизнь идею «Правого центра» дать в помощь генералам деятелей с именами и опытом гражданс-

кого управления, проще говоря — придать антибольшевистской военной силе «государственный ум». Воплощением последнего должны были стать все прибывшие из Москвы представители «Правого центра», включая П.Н. Милюкова.

Первое препятствие Федоров встретил со стороны другого претендента на роль «всероссийского правительства» — возглавляемого Пармоновым «Донского экономического совещания». Его члены, уже взявшиеся за решение практических вопросов, опасались «засилия» москвичей и намерениям «Правого центра» воспротивились. Укротил «местные самолюбия» Каледин: поддержав идею Федорова, он, дабы погасить назревающий конфликт, отрядил в будущий совет Пармонова и председателя донского правительства М.П. Богаевского⁶⁷.

Дело ускорило энергичное вмешательство Б.В. Савинкова, прибывшего в середине декабря. Сходу разобравшись в ситуации на Дону и нимало не смутившись враждебностью к нему офицеров-добровольцев, он быстро нашел общий язык с лидерами казачьей демократии и иногородних. Энергичный, волевой и всегда спокойный, он знал, чего хочет, и умел убеждать людей в своей правоте. Посетив сначала Каледина, а затем Алексева, он попытался внушить им мысль, что борьба с большевиками не может возглавляться одними генералами и «отмежевание от демократии составляет политическую ошибку». Ибо крестьяне, казаки и солдаты воспримут Добровольческую армию как контрреволюционную и не поддержат ее. Дабы показать всем, что «начатое дело есть дело чисто патристическое, чуждое каких-либо контрреволюционных замыслов», Савинков предложил создать при армии Политический совет, куда наряду с генералами и либералами вошли бы социалисты (среди них и он сам — как «посредник с демократией»).

Первым на уговоры Савинкова сдался Каледин, согласившись, что «без этой уступки демократии ему не удастся обеспечить пребывание на Дону Добровольческой армии». Затем — Милюков и Федоров, принявшиеся, со своей стороны, обрабатывать Алексева в том же духе. Наконец, согласился и Алексеев, решив, что Савинков «будет полезен» при совместной работе, особенно в привлечении денежных средств, тогда как, работая отдельно, он «сильно повредит начатому делу» тем, что оттянет на себя финансовую помощь со стороны симпатизирующих ему демократически настроенных союзников.

Корнилов упирался дольше других, считая роль Савинкова в августовских событиях «провокационной»: не так-то просто было расстаться со «слишком болезненными воспоминаниями» о сотрудничестве Савинкова с Керенским. Однако, в конце концов, он

поддался на уговоры Алексеева и Каледина. Не последнюю роль тут сыграли уверения Савинкова, что в Ростове в его распоряжении имеются «тысячи социалистов», которые сразу же хлынут в ряды Добровольческой армии. Кроме того, положение вождя обязывало избегать упреков, что им «руководят какие-либо личные мотивы». Лукомскому он сказал: «...Переборол себя и решил это забыть, так как для меня прежде всего важно спасти Родину, а не сводить личные счета»⁶⁸.

В итоге в совет вошли генералы Алексеев (председатель), Корнилов, Каледин, Деникин (участвовать в работе отказался), Лукомский и Романовский, либералы Милюков и Федоров, социалисты Савинков и его соратник Вендзягольский, Агеев (лидер донских социалистов) и председатель съезда иногородних Мазуренко, а также Богаевский и Парамонов.

Когда в конце декабря в Новочеркасск прибыли от «Правого центра» Г.Н. Трубецкой и П.Б. Струве, Алексеев при первой же встрече предложил им войти в состав совета. Те поначалу отказались, ссылаясь на то, что в Москве «отрицательно относятся к идее соглашения» (с социалистами). Алексеев убеждал, что их присутствие в совете крайне необходимо, дабы «парализовать в нем опасные течения» (иными словами – для противовеса Савинкову и его группе). Как признался Алексеев, «совет был ему навязан Калединым», считавшим, что иначе Добровольческая армия не может долее оставаться на Дону и «это была как бы плата за квартиру». Аргументы подействовали, и Трубецкой со Струве дали свое согласие⁶⁹.

Деятельность политического органа при армии, который командование называло Политическим советом, а Каледин и донское правительство – «Донским гражданским советом» (дабы сделать его привлекательным в глазах казаков), по сути, ограничилось разработкой воззвания к населению. Написанное сначала Савинковым, а затем пересоставленное Милюковым, оно было опубликовано 27 декабря от имени штаба Добровольческой армии. Ближайшей целью армии провозглашалась защита рука об руку с казаками самостоятельности казачьих областей, «являющихся последним оплотом русской независимости, последней надеждой на восстановление Свободной Великой России», от «немецко-большевистского ига». Конечной – «дать возможность русским гражданам осуществить государственное строительство Свободной России» и «стать на страже гражданской свободы, в условиях которой хозяин земли русской – ее народ – выявит через посредство избранного Учредительного Собрания державную волю свою»⁷⁰.

Выспренность и витиеватость воззвания, рассчитанного на сбор

«всенародного ополчения», исключала упоминаний о материях низкого свойства: как обеспечить борьбу с большевиками финансовыми средствами и вообще материальными ресурсами. Если места новых Пожарских уже были заняты, то претенденты на роль новых Мининых пока держались в тени, и сбор денег был под большим вопросом.

Никаких хозяйственных проблем совет за несколько проведенных заседаний не обсудил и не решил. Прежде всего, по причине отсутствия управляемой территории. А потом, левые и правые в совете взаимным недоверием и обструкцией предложений противоположной стороны парализовали друг друга до полной невозможности работать⁷¹.

9 января один из «алексеевских» офицеров, ссылаясь на сведения контрразведки, доложил своему шефу, что Корнилов тайно готовит переезд штаба в Ростов, предполагая «свергнуть триумvirат и объявить себя диктатором». Масла в огонь подлил Савинков, заявивший, что офицеры-«корниловцы» готовят покушение на него, а заодно и на Алексеева. Предубежденный против командующего, Алексеев поспешил собрать совет, чтобы «вывести на чистую воду» эту историю. Когда явившийся Корнилов понял, что от него хотят получить «объяснения», а заседание превратить в «судилище», он пришел в бешенство, кричал на Алексеева и вышел вон. На следующий день оба «триумвира» письменно заявили об отказе от работы в армии. Деникину и Каледину еле удалось успокоить их и уговорить забрать заявления.

Корнилов не упустил случая хоть что-то расставить по своим местам. Он потребовал от делегатов «Правого центра», имевших в его глазах немалый «общественный» вес, «письменного извещения», что «совет признает себя органом только совещательным при коллегии из трех генералов, и ни один вопрос, внесенный на рассмотрение совета, не получает окончательного решения без утверждения означенных трех лиц». Ультимативное требование командующего, естественно, было удовлетворено, и обстановка разрешилась⁷².

Радикально ее улучшил последовавший вскоре по инициативе Алексеева отъезд Савинкова в Москву под предлогом налаживания связей армии с лидерами социалистов. Все эти события, а также переезд в середине января Корнилова со штабом в Ростов привели к тихой смерти «Донского гражданского совета», который попросту перестали собирать на заседания. Подводя итоги кратковременному «соглашательству» с Савинковым, представлявшим «только себя лично», Деникин не без горечи заметил, что его участие «не дало армии ни одного солдата, ни одного рубля»⁷³.

«Донской гражданский совет» явился еще одним не более чем «психологическим средством», которое слишком разные по взглядам и психологии люди пытались использовать для достижения зачастую противоположных целей. Поскольку никому это не удалось и реальный вклад совета в решение самых острых проблем Добровольческой армии был равен нулю, никто не пытался отдалить его неминуемую кончину.

* * *

Сменить унылый и запущенный Новочеркасск на нарядный и богатый Ростов Корнилова заставили как быстро менявшаяся не в пользу Добровольческой армии военно-политическая обстановка, так и надежда поправить финансовые дела.

Работавший в первой половине декабря в Новочеркасске III Большой войсковой круг принял решение создать «паритетное» правительство, в котором поровну были бы представлены казаки и иногородние. Каледин, хватавшийся за все, что давало шанс предотвратить братоубийство и укрепить его власть, поддержал эту идею. В первых числах января собравшийся там же съезд неказачьего населения области, тон на котором задавали эсеры, утвердил соглашение с войсковым правительством о «паритете» и заявил о необходимости бороться против большевистского Совнаркома за Учредительное собрание, потребовав вместе с тем разоружить и распустить Добровольческую армию.

Когда же 4 января «паритетное» правительство было сформировано, его председателю М.П. Богаевскому и Каледину удалось уломать его левую часть — эсеровских лидеров — и отговорить от разоружения добровольцев. В опубликованную 5 января правительственную декларацию была включена компромиссная формула: Добровольческая армия сформирована «в целях защиты Донской области от большевиков, объявивших войну Дону, и в целях борьбы за Учредительное собрание, должна находиться под контролем объединенного правительства и, в случае установления личности в этой армии элементов контрреволюционных, таковые элементы должны быть удалены немедленно за пределы области»⁷⁴.

Такая официальная позиция впервые дала Каледину законное основание оказывать армии Корнилова финансовую и материальную помощь. Однако настроений казачьего и иногороднего населения области и его отношения к добровольцам такой декларативный компромисс изменить не мог.

Казачья масса, уже прельстившись посулами большевиков, но еще не испытав их власть на собственной шкуре, опасалась, как бы

Добровольческая армия не стала «бельмом на глазу» большевистского правительства и не толкнула его на войну против Дона. Казачьи политики «двоились» между надеждой, что в отсутствие добровольцев им было бы легче договориться с Совнаркомом о самостоятельности Дона, и опасением, что без их помощи от нашествия с севера не оборониться. Наконец, прибывшие на Дон вместе со своими частями казаки-фронтовики, сполна хлебнувшие окопов и большевистской пропаганды, ждали установления Советской власти спокойно: они считали, что это и есть «настоящая народная власть», которая им, простым казакам, ничего худого не сделает, а ежели прижмет атаманов, генералов и помещиков, так им и надо — «довольно побарствовали». Тысячами растекаясь по родным станицам и хуторам, они заражали своим настроением казачье население. Популярными среди фронтовиков есаул Голубов и подхорунжий Ф.Г. Подтелков активно агитировали за свержение Каледина и изгнание армии Корнилова из области, убеждая, что тогда большевики предоставят казачеству возможность самому решить свою судьбу. Казакам такая агитация все больше была по нраву⁷⁵.

Что касается изголодавшихся по земле иногородних — «хохлов», — точивших зубы не только на помещичью, но и на казачью землю, то они рассчитывали получить ее именно от центральной Советской власти и с нетерпением ждали ее установления на Дону.

Силы большевиков между тем постепенно обкладывали область, группируясь на ее границах.

Новочеркасск жил в состоянии хронической паники. Слухи, многократно увеличенные страхом, о продвижении большевистских войск к центрам области почти парализовали донские власти. Даже штаб Добровольческой армии подчас реагировал на них излишне нервно, перебрасывая части без достаточных на то оснований. Каледин, не имея надежных войск, остро переживал свое бессилие. По наблюдению Трубецкого, «во всей фигуре этого спящего тигра было что-то обреченное». Однажды на заседании совета Милюков, чуждый сентиментальности в политике, с беспощадной прямотой поставил перед ним вопрос о необходимости переменить «чреватый опасностями курс соглашательства с демократией». Атаман, всегда сдержанный, на этот раз был задет за живое, но от дискуссии уклонился, хорошо понимая ее бессмысленность⁷⁶.

Корнилову, с его бойцовским характером, все острее претили пассивность Донского атамана и его реверансы налево. Раздражали необходимость согласовывать свои действия с человеком, потерявшим сердце, и унижительная зависимость от «провинциальной» власти, которая бралась его «контролировать», но не давала ни бойцов, ни денег. Раздражал и Политический совет своей бес-

помощной и подчас заумной говорильней, далекой от нужд фронта. Пребывание в Новочеркасске тяготило все сильнее и крепло убеждение: ему и его армии делать тут больше нечего и честь защищать столицу Дона нужно предоставить самим казакам⁷⁷.

10 января в станице Каменская собрался съезд фронтового казачества. Делегаты двадцати одного полка и пяти батарей два дня обсуждали вопрос, как предотвратить братоубийственную войну на Дону. Общим желанием было скинуть Каледина, изгнать с Дона армию Корнилова и не отдавать власть пришлым большевикам. «Глубокие эгоисты и шкурники», казаки опасались, что ненавистные «хохлы» в случае установления на Дону власти Совнаркома «распосянутся». В итоге съезд объявил войсковое правительство низложенным и избрал свой орган власти — Донской казачий ВРК во главе с Подтелковым⁷⁸.

Посланные ВРК части захватили Лихую и Зверево. До Новочеркасска было рукой подать.

13 января в Каменскую прибыла делегация войскового правительства — уладить дело миром. Переговоры шли трудно. Посланцы Каледина и Богаевского упрекнули ВРК в том, что тот «продался большевикам». ВРК в долгу не остался, обвинив правительство в том, что оно приютило генералов, офицеров и буржуев, бежавших из Центральной России, и тем втянуло Дон в гражданскую войну. В конце концов, решили все же не брать грех на душу и продолжить переговоры в Новочеркасске. Многие члены ВРК, не большевики, еще надеялись уладить дело миром и отправляли командующему советскими войсками Антонову-Овсеенко телеграммы с просьбой не вмешиваться в дела Донской области.

15 января переговоры были продолжены в здании областного правления. Подтелков обвинил калединское правительство в разжигании гражданской войны и предъявил ультиматум: отозвать с фронта и разоружить все добровольческие формирования, выслать их участников за пределы области и передать власть ВРК. Вечером в Новочеркасск пришла телеграмма: казачий добровольческий отряд полковника В.М. Чернецова отбил Лихую и Зверево. Воодушевившись, правительство отвергло ультиматум и потребовало распустить ВРК. Шанс на компромисс был упущен.

Для Корнилова сам факт, что Каледин пошел на переговоры с казачьим ВРК, стал последней каплей. Вопрос с переездом в Ростов был решен.

Прежде всего, это диктовалось соображениями безопасности: со дня на день атаман мог попросту «сдать» свою столицу «демократии», а уж та, как это уже случилось в Петрограде, перед большевиками не устоит. С другой стороны, на харьковско-ростовском

направлении, открытом разошедшимися донскими частями и принятом добровольцами, обозначился серьезный нажим большевиков. Вдобавок, не было уверенности, что разложившиеся казачьи гарнизоны сумеют удержать Ростов и Таганрог, города с многочисленным рабочим населением.

С переездом в Ростов Корнилов рассчитывал обрести независимость не только от Политического совета, но и от Алексеева, которого он предполагал оставить в Новочеркасске вместе со всем его управлением.

Усугубления трудностей финансирования Корнилов при этом не предвидел. Напротив, он надеялся, что в ситуации, когда угроза прихода большевиков стала реальной, а Добровольческая армия превратилась в единственного защитника, ростовская буржуазия, наконец, раскошелится. И у него, командующего, появятся свои собственные деньги.

Наконец, Корнилов рассчитывал значительно пополнить армию за счет тысяч офицеров и гражданской молодежи, приехавших в Ростов из различных районов страны.

Однако Алексеев, как только узнал о намерениях Корнилова, резко воспротивился им. Очередная «тяжелая сцена» между ними закончилась решением переезжать в Ростов всем руководителям и учреждениям. В Новочеркасске было оставлено лишь отделение Политического отдела, ведавшее пропагандой⁷⁹.

В середине января переезд состоялся. Парамонов предоставил под штаб армии свой особняк на Пушкинской улице⁸⁰; здесь же были обустроены кабинеты и жилые комнаты Алексеева и Корнилова. Хотя кабинеты их находились по соседству, они сносились между собой записками или через адъютантов.

Приказом Каледина, дабы затушить ее независимость, Добровольческая армия была формально подчинена командующему войсками Ростовского района генералу А.П. Богаевскому, старшему брату главы правительства. Корнилов с этим приказом совершенно не считался и действовал по собственному усмотрению. Благо, Богаевский, человек бесхарактерный и уступчивый, сам поспешил поставить себя в положение подчиненного: усиливал по приказу Корнилова охрану в городе, предоставил в его распоряжение два аппарата Юза, державшие связь с войсковым штабом в Новочеркасске. Корнилов чуть ни ежедневно заходил в штаб Богаевского на Таганрогском проспекте и по прямому проводу обсуждал с Калединым положение на фронте⁸¹.

Цепляясь за Дон, добровольческое командование хранило в уме вариант перенесения базы формирования на Кубань. И прочное удержание Ростова имело в этом смысле стратегичес-

кое значение: отсюда шла железная дорога через Батайск на Екатеринодар.

Еще в начале января в кубанскую столицу в качестве представителя командующего был направлен «быховец» генерал И.Г. Эрдели, на которого возлагалась задача подготовить почву для включения в армию формировавшихся там добровольческих офицерских отрядов. Его впечатления были безрадостны: власть атамана Филимонова еще более слаба, чем Каледина, сам атаман «в окружении демократии» ведет себя, «как врач в психиатрической больнице», и отваживается лишь на то, чтобы в беседах с близкими поругивать находящихся у власти демократов и «самостийников», сторонников автономии Кубани, кубанские иногородние крестьяне (не меньше половины населения) быстро большевизируются благодаря возвращению с Кавказского фронта совершенно распропагандированных большевиками частей 39-й пехотной дивизии⁸².

В то же время Федоров попытался добиться от кубанского правительства материальной помощи Добровольческой армии. Однако председатель правительства Л.Л. Быч, лидер «черноморцев»-«самостийников», отказал наотрез, заявив: «Помогать Добровольческой армии – значит, готовить вновь поглощение Кубани Россией»⁸³.

Таким образом, оснований считать Кубань более надежной базой по сравнению с Доном у добровольческого командования не было.

Для Корнилова поиск базы (базы не только формирования, но и будущей борьбы во всероссийском масштабе) быстро перерастал из чисто военной проблемы в экономическую и политическую. В парамоновском особняке его почти ежедневно посещали общественные деятели, местные и приезжие, интересовавшиеся его взглядами на «вопросы государственной политики». Терять драгоценное время на долгие разговоры, далекие от не терпящих отлагательства нужд фронта, не хотелось совершенно, однако и оставлять эти вопросы без ответов, когда «внутренняя политика так переплелась с военным делом», вождю не полагалось.

Поэтому, выбрав свободное время, Корнилов надиктовал журналисту М. Лембичу, сотруднику своего штаба, основные мысли на этот счет и приказал тому «расписать» их в программу⁸⁴.

В экономической области «ростовская» программа сводилась, во-первых, к восстановлению свободы торговли и промышленности, во-вторых, к отмене национализации частных финансовых и промышленных предприятий. За рабочими признавались «целесообразные завоевания революции»: 8-часовой рабочий день, право на создание союзов и проведение стачек, широкое развитие ко-

операции. «Гибельный для развития промышленности рабочий контроль над предприятиями» не допускался. Земельный вопрос предполагалось решить весьма радикально: государство выкупает у помещиков и духовенства их земли и вместе со свободными казенными бесплатно раздает беднейшим крестьянам в полную собственность, зажиточные крестьяне могут купить ту же землю «по справедливой оценке», а помещикам, ведущим лично сельское хозяйство, устанавливается «достаточный максимум землевладения»⁸⁵.

Судя по программе, начавшаяся гражданская война заставила Корнилова глубже вникнуть в далекие ему экономические и социальные проблемы. Она формулировалась с учетом первых большевистских декретов и выстраивалась как их альтернатива. При чем альтернатива «бонапартистская» – сбалансировать и удовлетворить за счет друг друга интересы всех социальных групп ради подведения под антибольшевистское движение прочного экономического и социального фундамента. Радикализм в решении аграрного вопроса явно был рассчитан на миллионы фронтовиков: Корнилова чрезвычайно тревожило, что среди поступающих в армию добровольцев почти не было солдат.

Вместе с тем «ростовская» программа свидетельствует: взгляды Корнилова на «вопросы государственной политики» остались такими же упрощенными, а его представления о средствах их решения – смутными (или военными: приказать и будет исполнено). Интересно, что в отличие от «быховской» программы, предусматривалось восстановление полной (никак не регулируемой властью) свободы предпринимательства. Несмотря на печальный опыт мировой войны, она считалась естественным и оптимальным средством восстановления экономики и материального обеспечения армии. Ни слова не говорилось о путях оздоровления финансовой системы. Без ответа оставался и вопрос, откуда власть в условиях кризиса и войны возьмет деньги для выкупа земель у помещиков.

Милоков, которому командующий доверил участвовать в окончательном редактировании программы, добавил ей учености и основательности, но напрочь ликвидировал «корниловский прорыв» на аграрном фронте. Вероятно, считая, что оттолкнуть от армии помещиков – дело более опасное и дорогостоящее, чем не привлечь крестьян, он настоял на включении пункта о недопустимости «захватно-анархических действий» в деревне (то есть перечеркнул уже фактически проведенный крестьянами на основании большевистского декрета «черный передел» помещичьей земли), а решение земельного вопроса было передано будущему Учредительному собранию. В особый пункт, вероятно также по настоянию Мило-

кова, было выделено «восстановление права собственности» как универсальный принцип, а также «отменена» «насильственная социализация предприятий и рабочий контроль, ведущий к гибели отечественной промышленности»⁸⁶.

Шел январь 1918-го. Апогей кровопролития и разрухи был еще впереди. Ни искушенный историк и политик Милюков, ни выступивший на свою третью войну генерал Корнилов пока не подозревали, что для экономики, а вместе с ней и для армии, «восстановление прав собственности и свободы промышленности и торговли» окажется не менее, если не более, губительным, чем «насильственная социализация и рабочий контроль».

* * *

«Вопросы государственной политики» не могли не казаться Корнилову весьма отдаленными, поскольку самые насущные еще не были решены и намертво держали за горло. И прежде всего – вопрос финансовый.

Искренне приликая деятелей «Правого центра» за представителей «широкого фронта русской общественности» и заблуждаясь относительно их возможностей, он крепко верил их обещаниям обеспечить бесперебойное поступление значительных средств в добровольческую казну. Не только верил, но и попросту считал это их патриотическим долгом.

Однако реальные дела не ушли особо далеко от обещаний. И вовсе не по вине московских делегатов, похоже, так же искренне, как и Корнилов, заблуждавшихся насчет собственных возможностей.

Все попытки выкачать деньги из состоятельной Москвы дали весьма скромные результаты: несколько сот тысяч вместо вожденных сотен миллионов. Причин тому хватало. Национализация парализовала банковскую систему и сделала невозможным безналичный перевод денег в южные города. Многие богачи опасались репрессий со стороны власти, уже успевшей показать себя решительной и жесткой: «банки и капиталы были терроризированы». Другие жили надеждой, что большевики через неделю – другую «испарятся», и потому нет смысла тратить, а там, глядишь, и, «может быть, другой даст за меня». Да и мало кто верил в надежность подобных «капиталовложений», ибо не забылся еще августовский провал тех самых генералов, для которых уговаривали пожертвовать большие суммы. Не помогал даже авторитет просителей и сборщиков денег – видных в прошлом сановников, тесно связанных с предпринимательской элитой – А.В. Кривошеина,

Каминки, Федорова и других. Удерживали (а заодно служили предлогом для отказа) и сомнения относительно добросовестности посредников, поскольку конспиративность сборов и переправки денег давала им широкие возможности для пополнения в лучшем случае казны «своих» организаций, в худшем – собственных карманов. Наконец, далеко не все предприниматели, припрятав деньги, выжидали: немало было таких, кто спешил воспользоваться последними лазейками и перевести капиталы в Европу, где они рассчитывали пережить в свое удовольствие «русскую смуту», нимало не заботясь о нуждах «новых Пожарских» и их «ополчений»⁸⁷.

Всего в ноябре 1917 г., по записям Алексеева, из Москвы было передано через разных лиц около 360 тыс. руб., и в декабре поступления прекратились⁸⁸. Деникин приводит в два с лишним раза большую цифру – 800 тыс. (не уточняя, правда, откуда он ее позаимствовал, что не дает возможности установить, какая из цифр ближе к истине)⁸⁹.

Но даже собранные с большим трудом и риском деньги имели немного шансов быть доведенными до Новочеркасска и Ростова.

Поезда ходили все реже и без всякого расписания, двигались медленно и подолгу стояли. Вагоны 1-го и 2-го классов исчезли, вагоны 3-го класса и теплушки были забиты «товарищами», разъезжавшимися с фронта по домам. Посадка стала сродни рукопашному бою, в ожидании сидячего места приходилось сутками выстаивать в коридоре, в вагонах царил мрак. Кража вещей в этом хаосе стала делом заурядным. В избавлении пассажиров от багажа с ворами успешно конкурировали красногвардейские и матросские караулы на станциях. Обыски, конфискации и аресты особенно активно проводились в поездах северокавказского направления: выискивали офицеров и юнкеров, едущих к Каледину и Корнилову, и бегущих на юг буржуев. Чтобы перевезти деньги, требовались мужество, ловкость и везение⁹⁰.

В этой ситуации все большее значение приобретали местные источники финансирования.

Частные пожертвования от донских предпринимателей поступали туго. До середины декабря Алексеевым было получено всего 216 тыс. руб.⁹¹

Перелом, как уже говорилось, внесла разработанная Хрушовым комбинация, суть которой состояла в обращении донским правительством на нужды Добровольческой армии половины получаемых 25 % всех казенных сборов области. Благодаря ей, согласно записям Алексеева, с 11 декабря по 11 февраля правительством М.П. Богаевского пятью неравными частями были конфиденци-

ально переданы Алексею 12 млн. руб. (последние 500 тыс. Богданов доставил 11 февраля уже в Ольгинскую, где собрались части армии перед походом на Кубань)⁹². Источники, однако, называют и другие цифры: Лукомский, оговариваясь, что память может ему изменять, утверждает, что было получено 15 млн.⁹³, а по данным Казановича, который, не жалуясь на память, уверенно цитирует самого Алексея, — всего 9 млн.⁹⁴ Если цифра, приведенная Лукомским, может быть преувеличенной по причине его забывчивости, то приумножение суммы в разговоре с Казановичем, отправляемым в Москву с целью сбора денег, возможно, было допущено Алексеевым намеренно, дабы не дать москвичам повода оправдать свою прижимистость ссылкой на то, что армия и без того немало получила от донского правительства.

Так или иначе, командование считало этот источник денег «весьма скудным и ненадежным», поскольку, во-первых, казенные сборы с каждым месяцем падали, во-вторых, скольжение Каледина по наклонной плоскости «соглашательства» в любой момент могло привести к установлению контроля пробольшевистских элементов над расходами правительства, и, в-третьих, постоянные трения с Калединым в случае обострения обстановки грозили разрывом отношений с донской властью. Поэтому, дабы «расширить на тех же началах финансовую базу», в Екатеринодар и Владикавказ был командирован Федоров. Однако кубанское и терское правительства отказались финансировать Добровольческую армию из своего бюджета⁹⁵.

После переезда в Ростов, где находились правления многих банков, акционерных обществ, крупных фирм и предприятий, Алексеев и Корнилов, каждый сам по себе, усилили нажим на местную буржуазию. Однако та «проявила полнейшее равнодушие»⁹⁶.

Тогда по договоренности с М.П. Богасевским в Ростове и Новочеркасске была объявлена подписка, средства от которой после их сбора предполагалось разделить пополам между правительством и Добровольческой армией. В Ростове сочувствующие элементы подписались на 6,5 млн., в Новочеркасске — на 2 млн. Однако казначействам до ухода армии в поход удалось собрать и передать ей не более 2 млн.⁹⁷

В общем, переезд в Ростов в финансовом отношении себя не оправдал. Защищая этот крупнейший торгово-промышленный центр, армия значительных средств из него не извлекла. По мере приближения большевиков «скаредная ростовская плутократия», опасаясь репрессий, все меньше жертвовала на добровольцев, справедливо полагая, что «горсть героев все равно не спасет от большевиков». Те немногие, кто искренне хотел бы помочь, предлага-

ли командованию обложить их «насильно», чтобы было потом, чем оправдаться перед новой властью. Однако без санкции донского правительства на такую меру не решились⁹⁸.

Некоторые в этой ситуации предпочли тайно жертвовать деньги лично Корнилову, скорее всего — через Парамонова и ростовского градоначальника кадета В.Ф. Зеелера, «добросовестного и деятельного посредника» между Добровольческой армией и ростовскими толстосумами⁹⁹. В результате во второй половине января в распоряжении командующего появился его собственный фонд, размеры которого не известны¹⁰⁰.

Без учета корниловского фонда, согласно приходным записям Алексея, с 17 ноября 1917 г. по 11 февраля 1918 г. Добровольческая армия из различных источников получила почти 15,5 млн. руб.¹⁰¹ Крайне лаконичные, иногда нарочито затуманенные и сделанные с нарушением хронологии, записи эти не дают возможности проверить их полноту и прояснить источники поступления некоторых сумм. Остается лишь довериться аккуратности Алексея и, в частности, считать наиболее достоверной цифрой поступивших от донского правительства денег записанные им в приход 12 млн.

Эти 12 млн. составили 78,1 % всех поступлений в добровольческую казну. 1,32 млн., полученные «из Ростова от деятелей», — 8,6 %, 975 тыс., занятые на полгода под проценты у «особого источника» (скорее всего, им был Парамонов) — 6,4 %, 360 тыс. из Москвы — 2,3 %, 305 тыс. от французской миссии — 2 %. Наконец, 404 тыс. руб., пожертвованных суммами от нескольких сотен рублей до нескольких десятков тысяч частными, в том числе «неизвестными», лицами, в большинстве, скорее всего, прибывших из центральных районов страны, составили 2,6 %.

На взгляд самого Алексея, частные пожертвования вылились в «совершенно ничтожную сумму»¹⁰². И ничего не остается, как согласиться с ним и попутно признать, что Добровольческая армия с первых дней своего существования фактически находилась на содержании донского войскового правительства.

Определить, в какой степени поступающие деньги покрывали ее многообразные и растущие нужды, можно лишь косвенным путем и весьма приблизительно, поскольку в записной книжке Алексея странным образом отсутствуют записи о расходах с начала ноября по 9 февраля. По данным Деникина, армия выступила в поход, имея в казне 6 млн.¹⁰³ Следовательно, за три месяца с небольшим было потрачено около 9,5 млн., то есть в среднем 3 млн. в месяц при численности армии, возросшей до 5 тыс. (около 600 тыс. руб. на каждую тысячу чинов).

Таким образом, при выбивании из разных источников в среднем 5 млн. в месяц Добровольческая армия сохраняла финансовый «запас прочности» лишь при одном условии — прекращения ее формирования и развертывания. При этом шансы хотя бы закрепиться на нижнем Дону падали до нуля. А чтобы «начать расширяться и приступить к выполнению более крупных задач», полагали Алексеев и Корнилов, армию следовало как можно скорее увеличить, по крайней мере, вдвое — до 10 тыс.¹⁰⁴ Это требовало, с учетом инфляции, как минимум удвоения расходов — до 6 млн. в месяц. Дилемма, которая встала перед вождями, была беспощадна: текущий бюджет армии не допускал ее развертывания, а останавливать формирование на уровне 5 тыс. и сводить стратегию к обороне донской базы было равносильно самоубийству. Финансовая необеспеченность, таким образом, подрезала на корню все стратегическое планирование.

Между тем, ввиду падения казенных сборов и уменьшения наличности в отделениях Государственного банка, угроза опустошения нависла и над казной донского правительства. Выплата денег казачьим частям, без чего невозможно было сохранить даже видимость их подчинения и дисциплины, в самом скором времени могла прекратиться.

В такой ситуации в головах экономических советников Каледина, Алексеева и Корнилова родилась мысль решить финансовую проблему способом, который не мог не показаться вождям добровольчества самым простым и надежным. «Донское экономическое совещание» в начале января предложило приступить к эмиссии денежных знаков донской власти. Правительство М.П. Богаяевского идею одобрило и решило устроить при Ростовском отделении Государственного банка экспедицию заготовки государственных бумаг. Предварительная работа — составление рисунков денежных знаков, изготовление клише и установка печатных машин — была завершена быстро: уже в начале февраля. У командования Добровольческой армии появились надежды получить «свою» долю и тем обеспечить себя более устойчивым бюджетным финансированием. Однако надеждам этим не суждено было сбыться ввиду падения атаманской власти и вынужденного оставления Дона¹⁰⁵.

Таким образом, по оценке Деникина, денежный вопрос, «от которого зависело само существование армии», вплоть до выступления в поход на Кубань оставался «по-прежнему неразрешенным»¹⁰⁶.

Особенно неприятный осадок и разочарование за эти первые — моголевский и новочеркасско-ростовский — этапы борь-

бы оставило в душах белых вождей упорное уклонение подавляющего большинства крупных и средних финансистов, промышленников и торговцев от денежной помощи. Мизерные размеры полученных для Добровольческой армии пожертвований и ссуд никак не соответствовали их представлениям о патриотическом долге буржуазии, о ее обязанности принести на алтарь борьбы с новой «смутой» жертву в виде денежных знаков, как приносят свою жертву они сами — в виде крови, их собственной и их подчиненных. Новые Пожарские совершенно неожиданно для себя обнаружили, что ловкие Минины не спешат к ним со своей денежной помощью, без которой шансы собрать новое «народное ополчение» равны нулю.

Деникин считал «постановку финансового вопроса весьма показательной», ибо она, на его взгляд, раскрывала «своеобразное отношение крупной буржуазии к антисоветскому и антибольшевистскому движению, — той самой крупной буржуазии, которую революционная демократия тщится представить вдохновительницей и покровительницей движения, созданного, якобы, на ее средства и для ее благоденствия. От буржуазии генералы Алексеев и Корнилов требовали жертв, но служили не ей, а народным, национальным интересам. Быть может, это обстоятельство и вызывало те трудно преодолимые препятствия...»¹⁰⁷.

Как это иногда случается с Деникиным, наивность его некоторых обобщений не уступает их же широте. В данном случае — наивность относительно традиционных купеческих представлений о «жертвах» и «интересах». Много заработать может лишь тот, кто бережен в тратах и расчетлив в коммерческих рисках. А купеческий расчет показывал: армия Корнилова и Алексеева слишком малочисленна и слаба, чтобы защитить Дон от большевиков и хотя бы этим окупить жертвования на нее. Тем более не было веры в ее кредитоспособность: не имея собственной территории и шансов на ее занятие в обозримом будущем, она не могла ни вернуть предоставленных ей ссуд, ни восстановить традиционные условия рыночной экономики, которые позволили бы предпринимателям развернуть свою деятельность и возместить все понесенные потери (от кризиса, экспроприаций большевиков и поддержки антибольшевиков). Потому для всех почти донских толстосумов, ввиду скорого прихода большевиков, просто выбросить деньги на ветер имело куда больше «интересу» в смысле сохранения жизни и даже, возможно, немалой части капиталов, на что многие еще слепо надеялись.

Решающую ставку руководители Добровольческой армии, как и деятели «Правого центра», делали на помощь союзников. С их точки зрения, иначе и быть не могло. Поскольку Ленин и его правительство насаждены немцами с целью разрушить Россию и вывести ее из войны, то вооруженная сила, борющаяся против большевиков, не может одновременно не бороться и против Германии. Следовательно, она вправе рассчитывать на политическую и материальную поддержку Антанты. С другой стороны, среди добровольцев, от вождей до рядовых, царила непоколебимая уверенность, что помощь им – вопрос чести и долга союзников перед Россией, принесшей себя в жертву ради общей, близкой уже, победы. Этот взгляд был отражен во всех программах Корнилова, на нем строились и планы Алексеева. Тут расхождений между ними не было.

Жизнь, однако, оказалась намного прозаичней и горше.

Посольства держав Антанты, для переговоров с которыми «Правый центр» отрядил в Петроград Кривошеина, Трубецкого и Д.М. Щепкина, встретили их закрытыми наглухо дверями. Находясь в состоянии жалкой растерянности и страха перед большевиками, дипломаты вполне допускали, что «агенты Германии», в случае их контактов с внутренними противниками Советской власти, не станут церемониться и попросту свезут их в Петропавловскую крепость. Британский посланник Бьюкенен упорно отказывался принять ходатаев из Москвы и даже увидаться в нейтральном месте. Лишь военный агент майор Киз решился на тайную встречу с Кривошеиным, на которой пообещал «крупную материальную поддержку». Однако практичные англичане больше всего беспокоились, как переправить деньги в Новочеркасск¹⁰⁸.

В декабре 1917 – январе 1918 гг. бывшему товарищу министра внутренних дел А.И. Пильцу удалось-таки вступить в переговоры с и.д. британского посла М. Линдлеем. Убеждая того скорее прийти на помощь антибольшевистским силам в России, и в частности Добровольческой армии, он запугивал его ужасными последствиями отказа¹⁰⁹.

В столицах Антанты, между тем, еще только пытались разобратся в мешанине сил внутри России и оценить, какая из них способна побыстрее, а главное подешевле, восстановить фронт против Германии. Добровольческая армия Алексева и Корнилова, естественно, не была обойдена вниманием. С целью выяснить ее реальные возможности и перспективы, из французской и британской миссий в Москве были тайно посланы в Новочеркасск по

офицеру. Скорее, не столько увиденные результаты работы Алексева и Корнилова на Дону – они были весьма скромны, – сколько уверенно нарисованные белыми вожжами победные перспективы «народного ополчения», произвели на визитеров благоприятное впечатление. Оговорившись, что «пока» могут помочь только деньгами, они заверили генералов, что есть «полная надежда» получить 100 млн. руб., которые будут передаваться Алексееву по 10 млн. ежемесячно. Однако до выступления армии в поход на Кубань, то есть до конца января, по утверждению Лукомского, от союзников никаких денег так и не поступило¹¹⁰.

Утверждение это противоречит другим данным.

Еще в декабре Алексеев установил связь с французской военной миссией в Киеве и командованием стоявшего на Украине Чехословацкого корпуса, который, ввиду начала 9(22) декабря в Бресте мирных переговоров между Германией и большевиками, Франция взяла на свое содержание. Он попытался добиться переброски на Дон всего корпуса или хотя бы одной из двух его дивизий. Чешские руководители проигнорировали просьбу¹¹¹. Французы отделались мелкой подачкой: как явствует из записной книжки Алексева, со 2 по 10 января из французской миссии в Киеве были переданы 25, 100 и 180 тыс. руб. – всего 305 тыс.¹¹²

По всей видимости, была получена еще какая-то сумма от англичан (не зафиксированная Алексеевым), поскольку три месяца спустя он сам сказал генералу Б.И. Казановичу, что до конца января от союзников поступило 500 тыс.¹¹³

Алексеев разбирался в свойствах человеческой природы и прекрасно понимал, что посредники не устоят от соблазна расходовать часть получаемых денег на нужды своих организаций. Поэтому в середине января в Москву в качестве негласного представителя армии был направлен Лодыженский. В его задачи входило: установить прямую связь с послами и военными атташе Антанты, добиться значительного и регулярного финансирования и «парализовать опасные выступления» Савинкова, который, похоже, рассматривался как главный конкурент в борьбе за финансовую помощь¹¹⁴.

Трудно сказать, сколь успешно справился с порученным делом Лодыженский, но «Правый центр» в январе 1918 г. так ничего и не добился, «питаясь только обещаниями англичан»¹¹⁵.

В конце января, когда Чехословацкий корпус уже был объявлен частью французской армии, Алексеев в очередной раз попытался воззвать к стратегическому разуму и союзническому долгу французской военной миссии в Киеве и убедить ее перебросить одну дивизию корпуса хотя бы в район Екатеринослава: «...Силы

неравны, и без помощи мы вынуждены будем покинуть важную в политическом и стратегическом отношении территорию Дона к общему для России и союзников несчастью»¹¹⁶.

Призыв, хотя и достойный по форме, но отчаянный по сути, услышан не был.

На пристрастный взгляд Деникина, французский посол Нуланс «отнесся весьма несерьезно к нарождающемуся на юге движению».¹¹⁷ Констатация этой «несерьезности» требует, однако, серьезных пояснений.

Французы, которых мировая война сделала чрезвычайно прагматичными и скупыми, сомневались в успехе военных вождей, уже однажды – в августе 1917 г. – провалившихся из-за отсутствия поддержки демократии. Сомнения усиливала и удручающая малочисленность «нарождающегося движения». Наконец, Дон был слишком далеко от русско-германского фронта и, увы, поддержка Добровольческой армии могла быть оказана лишь путем его ослабления – переброской чехословацких частей. В этой ситуации, что совершенно естественно, Париж искал более серьезную, в плане численности и социальной базы, и близкую к фронту силу против Германии.

Не имея порой возможности верно оценить и спрогнозировать быстро и неожиданно менявшуюся ситуацию в России, Париж попытался восстановить антигерманский фронт с демократической Украиной (до подписания 27 января делегацией Центральной Рады мира с Четверным союзом в Бресте). А позже переориентировался на большевистскую Россию: 8(21) февраля, после начала немецкого наступления, французы обратились к Троцкому и предложили финансовую и техническую помощь с условием продолжения войны против Германии¹¹⁸.

Добровольческие стратеги до Брестского мира считали Германию и большевиков, ее «агентов», равнозначными угрозами. И не сомневались, что союзники, на высокую честь и глубокий карман которых они рассчитывали, думают точно так же. Потому и пытались поднять свои акции, внушая им, что Добровольческая армия «в полной мере удовлетворяет идее борьбы против австро-германцев и большевиков». Соответственно, они считали, во-первых, моральной обязанностью союзников дать, а своим заслуженным правом получить деньги на войну против немцев и, во-вторых, само собой разумеющимся потратить эти деньги в первую очередь на уничтожение большевистской власти.

А Париж и Лондон, между тем, разумели по-своему. Западные политики и военные были очень далеки от осознания опасности большевизма и главным врагом считали Германию. Понесенные

за три с половиной года колоссальные потери, людские и материальные, и развернувшиеся теперь на Западном фронте решающие сражения исключали иное восприятие ситуации.

Соответственно и положение на Восточном фронте – отказ захвативших власть большевиков от обязательств перед союзниками, прекращение ими военных действий и вступление с Германией в сепаратные переговоры о мире – оценивалась ими исключительно с точки зрения собственных интересов: как они повлияют на ход и исход войны. Общий взгляд на эту ситуацию с подкупающим своей искренностью цинизмом, характерным для политики Альбиона во все времена, сформулировал Черчилль, назвав ее «дезертирством России»¹¹⁹.

Просчитывая с этой позиции, столь же близорукой, сколь и эгоистичной, развитие событий в России, союзники больше всего были озабочены тем, как бы Германия и Австро-Венгрия резко не усилили свой военно-экономический потенциал за счет России, что могло перевесить чашу весов в их пользу. Как признавался Черчилль, в конце 1917 – начале 1918 гг. «никто не ждал быстрого окончания войны» и не сомневался, что «немцы и австрийцы располагают достаточным временем и силами, чтобы неопределенно долго существовать за счет склонившейся перед ними гигантской империи»¹²⁰.

Особую ценность в глазах Антанты имели сотни тысяч тонн военных материалов, топлива и продовольствия, завезенных из Франции, Великобритании и США в Мурманск, Архангельск и Владивосток. Складированные в портах, они могли быть захвачены немцами или просто переданы им большевиками. Кроме того, последние могли использовать их в борьбе против своих внутренних врагов. Поэтому союзники считали чрезвычайно важным воссоздать Восточный фронт, чтобы не дать противнику возможность поживиться их военными припасами и усилить свои войска на Западе за счет переброски освободившихся частей с Востока¹²¹.

Таким образом, основатели Добровольческой армии, изначально заблуждаясь относительно взглядов союзников на «русский вопрос», еще не осознали и другой горькой истины: казачьи области юга России, считавшиеся ими оптимальной базой для борьбы против большевиков, в глазах Антанты имели третьестепенное стратегическое значение по сравнению с Севером, Дальним Востоком и Украиной. И о том, что Деникин назвал «новым (южным) общесоюзническим фронтом»¹²², никто в Париже и Лондоне всерьез пока не думал.

Однако это вовсе не исключало оказания соответствующей, третьестепенной, финансовой помощи Добровольческой армии.

Повторимся: союзники еще были далеки от решения, на кого ставить в борьбе против немцев и большевиков. Во всяком случае, Добровольческая армия отнюдь не представлялась им бесспорным фаворитом еще весьма слабого антибольшевистского движения: не дорогостоящим, но надежным, расходы на которого окупятся скоро. Сказались и питаемые самоуверенной близорукостью настроения за то, чтобы попытаться найти общий язык с большевиками и подтолкнуть их, в том числе и оказанием им массовой материальной помощи, к активным действиям против Германии. Если смотреть на ситуацию глазами союзников, то следует признать, что армия Алексеева и Корнилова всеми сложившимися обстоятельствами была обречена на то, чтобы не получить той помощи, военной и финансовой, от которой напрямую зависело само ее существование.

Задним числом Деникину оставалось лишь горько сетовать, что союзники, вместо того, чтобы сразу придти на помощь Добровольческой армии всеми доступными силами и средствами, теряли драгоценное время, строя «нелепые планы, над которыми жизнь издевалась ежедневно»¹²³.

В чем, однако, представители Антанты проявили присущую им практичность, так это в организации пусть даже худосочной финансовой помощи Алексееву. В частности, они стремились исключить посредников, к рукам которых могла прилипнуть часть выделяемого. Поэтому общественных деятелей они кормили одними обещаниями, а сами искали прямые и надежные каналы переправки денег на Дон, что требовало немало времени. А оно шло, и шансов удержаться на Дону у Добровольческой армии оставалось все меньше.

В начале 1918 г. можно было сколько угодно упрекать державы Антанты в том, что «все они руководствовались исключительно собственной выгодой; до несчастья русского народа им не было никакого дела». И с какой угодно горечью можно было сожалеть, что они оказались не способны не только на «самопожертвование — этот банальный с точки зрения Европы альтруизм был похоронен... в русских братских могилах», но и хотя бы на «некоторую жертву»¹²⁴. Нельзя было сделать одного: заставить их всерьез принимать в расчет интересы тех, кто представлял поверженную войной, кризисом и революцией Российскую империю — их бывшую союзницу.

* * *

Скудость казны Добровольческой армии пагубным образом отразилась на ее формировании и содержании ее чинов.

С ноября Алексей приступил к развертыванию сети военно-

политических центров на территории большевиков и бюро записи на юго-востоке России. Однако безденежье заставило отказаться от широких планов и ограничиться лишь ключевыми пунктами (прежде всего Москвой, Киевом и Ростовом). Он лично назначал туда офицеров и выделял средства для пропаганды, вербовки добровольцев и их переправки на Дон. Минимальный возраст для поступления в организацию был установлен в 16 лет (при условии разрешения родителей). При записи проверялись документы и требовались рекомендации. Каждый доброволец давал письменное обязательство прослужить четыре месяца и беспрекословно подчиняться командованию¹²⁵.

Воспользовавшись конфликтом 9 января, когда Алексей неудачно попытался «вывести на чистую воду» историю с «заговором», Корнилов добился переподчинения себе военно-политических центров и вербовочных бюро¹²⁶.

По рукам и ногам связанные калединским «соглашением», Алексей и Корнилов, сами скрывавшие свои имена и ходившие в штатском, не могли открыто издать для распространения по всей стране приказ о мобилизации в армию. По мнению Деникина, «такой приказ был бы юридически оспорим, но морально обязателен для огромного большинства офицерства, послужив побуждающим началом для многих слабых духом»¹²⁷.

В этой непредвиденной генералами ситуации решающим средством побуждения «слабых духом» стала пропаганда. Доверив Трубецкому это совершенно не генеральское дело, денег на него Алексей старался выкроить побольше. В Новочеркасске печатались и затем рассылались по центрам и бюро анонимные плакаты, афиши и «проспекты». В них излагались цели армии и условия службы. Иногда им придавалась литературная форма, вплоть до стихов, рассчитанная как на интеллигентных людей, так и «простых». В Новочеркасске и Ростове издания отделения пропаганды обильно развешивались и постоянно обновлялись, в других местах дело зависело от регулярности их доставки, наличия денег и политических условий. Обращаясь к чувству долга, совести и патриотизму, они призывали «подняться всенародным ополчением» на борьбу с «анархией и немецко-большевистским нашествием», на защиту «оскверненных святынь» и «попранных прав»¹²⁸.

Пропаганда эта неизбежно сбилась на повторение «уговариваний» образца 1917 г. И, как признает Деникин, в отсутствие «властного приказа», рассчитанного на «офицерскую психологию», она не подействовала на «ослабевшее нравственно офицерство»¹²⁹. Конечно, будь у Алексева больше денег, вербовочная сеть Добровольческой армии была бы погуще, а пропаганда — поактивней.

Однако вряд ли стоит полагать, что это значительно умножило бы число добровольцев.

В армию пробирались сотни, а десятки тысяч, опустошенные войной, разочарованные в начальниках, запуганные издевательствами и расправами со стороны «солдатни», предпочитали затаиться и выждать. Крупные города были забиты покинувшими армию и обличившимися в штатское офицерами. Разруха и большевистские репрессии нарастали и заставляли заботиться прежде всего о том, как прокормить семьи и спасти свои жизни. Не мирясь в душе с «властью Хама», умом многие признавали: большевики торжествуют благодаря не столько германским деньгам, сколько поддержке «распоясавшейся черни», ее ненависти к «старому режиму», а потому вооруженная борьба против них, во всяком случае теперь, бессмысленна.

Тем же, кто был полон решимости немедленно вступить в борьбу «за Россию», приходилось лишний раз рисковать жизнью, чтобы примкнуть к Алексееву и Корнилову. На станциях и в поездах, следовавших на Дон, устраивались дотошные проверки документов и обыски. Немало офицеров, заподозренных в попытке попасть в Добровольческую армию, было арестовано и расстреляно. Безопаснее был путь с Украины, откуда Центральная рада беспрепятственно пропускала на Дон казачьи эшелоны, с которыми просачивались и офицеры. Но по мере обострения вооруженной борьбы на Украине, установления большевиками контроля над всеми железными дорогами, ведущими на юг и ужесточения ими репрессий, шансов благополучно добраться до Ростова и Новочеркасска становилось все меньше. В начале января, с занятием большевиками Киева, приток добровольцев оттуда прекратился, а с середины месяца и из Центральной России удавалось проникать лишь отдельным смельчакам. В декабре – январе в армию ежедневно записывалось 75 – 80 человек, среди которых доля приезжих быстро сходилась на нет¹³⁰.

Всерьез рассчитывать, таким образом, приходилось только на местные ресурсы. На взгляд, они были немалыми. В одном только Новочеркасске в начале 1918 г. проживало около 6 тыс. молодых и здоровых офицеров регулярных и казачьих войск: на каждом шагу среди прогуливавшейся публики встречались шинели мирного и военного времени, разных частей и учреждений, защитные полушубки и бекешы. Еще больше офицеров осело в разгульном Ростове, где ими были наводнены центральные улицы, рестораны и кафе¹³¹.

Корнилов был поражен количеством увиденной в Ростове офицерской и штатской молодежи, слонявшейся без дела или воссе-

давшей в питейных заведениях. И с горечью поговаривал: «Если хотя бы пятая часть ее поступила в армию, большевики перестали бы существовать»¹³².

Однако надежды на приток добровольцев, связывавшиеся с переездом в Ростов, как и расчеты на пополнение казны, не оправдались.

На призывы добровольческой пропаганды живо откликнулись прежде всего горевшие жаждой мести «поругателям России», но еще не нюхавшие пороха кадеты и гимназисты старших классов. Многим едва исполнилось 14 – 15 лет. Являясь в бюро записи, они завышали свой возраст и представляли подложное разрешение родителей.

С порывом и антибольшевистской романтикой местной учащейся молодежи резко контрастировало безысходное или безразличное настроение многих съехавшихся в южные города боевых офицеров. Они не имели никаких препятствий к поступлению в Добровольческую армию, кроме одного – нежелания доверять свою жизнь Корнилову и Алексееву. Выжив в кровавой бойне, претерпев унижения «демократизации армии» и опасаясь мести ожидаемых со дня на день большевиков, они не хотели участвовать в очередном «деле» генералов, на которых лежала мрачная тень августовского провала. Корнилов, коль он оказался бессилем спасти страну, будучи главкомом, не мог внушать им веру в победу над «немецко-большевистским нашествием», будучи, как и они сами, беженцем.

Вдобавок перед их глазами был красноречивый пример офицеров Донского войска, многие из которых попросту опасались пойти против настроений своих рядовых казаков-станичников и потому всеми правдами и неправдами уклонялись от участия в борьбе с большевиками. Из тысяч офицеров в донские партизанские отряды поступали лишь десятки, а в Добровольческую армию – единицы¹³³.

Наконец, среди «окопавшихся» в Ростове было немало офицеров-тыловиков и военных чиновников, выходцев из верхних социальных слоев, которые и в прежние-то времена не проявляли фронтового энтузиазма. Рассчитывать на вступление во «всенародное ополчение» этих категорий можно было не раньше, чем на пути к Петрограду и Москве.

В Екатеринодаре и Минеральных Водах посланный туда генерал Эрдели нашел еще более удручающую картину. Тысячи осевших там офицеров (в Минводах – преимущественно гвардейских) совершенно проигнорировали его призыв вступать в Добровольческую армию, утешая и оправдывая себя маниловскими мечта-

ниями о близком падении большевиков и скорой высадке «верных» союзников¹³⁴.

Оскудение притока добровольцев и рост потерь заставили Корнилова во второй половине января, уже не оглядываясь на агонизирующую атаманскую власть, объявить мобилизацию офицеров в Ростове. Однако откликнулись на его приказ и записались в армию немногие¹³⁵.

Таким образом, все попытки командования довести численность армии до вождеденных 10 тыс. окончились ничем.

К концу декабря в армию поступило 3 тыс. человек, к середине января — 5 тыс., к началу февраля — почти 6 тыс. Численность боевого элемента составляла 4 — 4,5 тыс., в штабах и тыловых учреждениях армии служило более 1 тыс., то есть до четверти всего личного состава. Были сформированы три полка, четыре батальона, два кавалерийских дивизиона, две батареи и несколько мелких технических частей. Все они, по сути, были офицерскими кадрами, рассчитанными на дальнейшее пополнение и развертывание в полнокровные части¹³⁶.

Перед переездом штаба в Ростов Каледин, принявший на себя защиту Новочеркасска с севера, настойчиво просил Корнилова оставить в его распоряжении часть армии для поддержки донских партизанских отрядов. Корнилов уступил и оставил 2-й Офицерский батальон с батареями.

Переезд совпал с активизацией большевистских войск, двигавшихся на Ростов и Новочеркасск по железным дорогам со стороны Донбасса, Воронежа, Царицына и Тихорецкой. Корнилов бросил все боеспособное на фронт, и работа по формированию фактически прекратилась. В период самых тяжелых боев второй половины января — начала февраля части быстро таяли, теряя ежедневно десятки убитыми, ранеными и заболевшими. Большие потери при отсутствии пополнений разрушали с таким трудом сколоченные полки, батальоны и роты¹³⁷.

Своим малолюдством части на передовой резко контрастировали с полностью укомплектованными штабами (от штабарма до батальонных). В контратаку поднимались редкие цепи. Командиры разрывались и не могли «заткнуть все дыры». Атаки большевиков обычно отбивали вдесятеро меньшим числом. Успех, которым считалось удержание позиций, приносили грамотное управление и тактическая выучка, обеспечивавшие превосходство над плохо организованным противником¹³⁸.

Участки обороны все больше напоминали решето и еле держались. Для командования безнадежность положения была очевидна: стоять на месте, не получая подкреплений, и только отбивать-

ся от большевиков, усиливающих нажим за счет каждодневного введения в бой свежих сил, грозило тем, что армия будет «совершенно окружена и истечет кровью»¹³⁹.

Ничего удивительного, что Корнилов, как деликатно выразился Деникин, «слишком доверчиво» относился ко всем, кто являлся в парамоновский особняк и клятвенно обещал сформировать офицерский отряд, требуя, естественно, на это денег и оружия. А, получив их, в лучшем случае исчезали, в худшем — отвлекали в тыл «для формирования» слабых духом офицеров из уже сколоченных частей и тем расшатывали их, в еще худшем — под видом партизанских отрядов организовывали шайки мародеров.

В начале 20-х чисел января в Ростов приехал Эрдели, которому помимо прочего поручалось на вербовать в армию горцев. Прибывший с ним князь Девлет-Гирей пообещал «поднять черкесский народ» и выставить до 10 тыс. бойцов, на что потребовал аванс в 750 тыс. руб. и 9 тыс. винтовок. Корнилов готов был рискнуть, но Алексеев категорически отказал, заявив, что в исполнимость проекта не верит и больше 200 тыс. из «пустой казны» дать не может. Обидевшись, Гирей покинул штаб и тем избавил казну от опустошения, а Корнилова от очередного разочарования. В конце концов, расчетливость и твердость Алексеева положили предел вынужденной доверчивости командующего к прожектерам и просто проходивцам¹⁴⁰.

При уходе армии на Кубань ее боевой элемент был менее 3 тыс.¹⁴¹. Потери, таким образом, составили около 1,5 тыс., из них не менее трети — убитыми.

Ежедневно в соборах и церквях Ростова и Новочеркасска отпевали погибших добровольцев, в основном — местную молодежь. В прозрачном морозном воздухе тяжело плыл погребальный звон колоколов. К кладбищам тянулись горестные процессии. Прохожие машинально крестились и спешили по своим делам, даже не любопытствуя: попривыкли за войну.

Подавляющее большинство записавшихся в армию составили обер-офицеры (до 50 %), штаб-офицеры (до 15 %), юнкера, студенты, кадеты и гимназисты (чуть более 10 %). Казаков было всего лишь около 4 %, а солдат — не более 1 %. Число представителей средних городских слоев, включая интеллигенцию, было ничтожным, а выходцев из буржуазии — единичным. Вождей добровольчества, как и его рядовых, уже в первые месяцы борьбы постигло горькое разочарование: «всенародное ополчение» не собиралось. У казаков, крестьян и тем более рабочих армия Корнилова ассоциировалась со «старым режимом» и ничего, кроме подозрительности и враждебности, не вызывала. Имушие

же социальные группы, сочувствуя в душе, на деле остались безучастны¹⁴².

Денежное довольствие чинов армии соответствовало ее тощей казне. Первые добровольцы за ноябрь получили лишь продуктовый паек. За декабрь офицеры на должностях рядовых получили по 100 руб., солдаты – по 30 руб., которых при постоянном росте цен едва хватало на пропитание. Поскольку в Донской армии оклады нижних чинов составляли 150 руб., Алексееву пришлось подтянуть с января хотя бы оклады офицеров до 150 руб., а солдат – до 50 руб., благо начали поступать деньги от донского правительства. Считая, что повышать оклады уже записавшимся в армию гораздо целесообразнее, чем раздавать деньги разного рода авантюристам на «формирование», он поднял с февраля жалование солдатам до 150 руб., офицерам на должностях рядовых до 270 руб., установив, кроме того, небольшую прибавку семейным. Жалование офицерам, служившим на командных должностях, было установлено в зависимости от должности в размере до 1 000 руб. (для командующего)¹⁴³.

Однако такие низкие оклады не могли быть фактором, серьезно тормозившим формирование армии. Для тех, кто поступил в нее, жалование не было ни главным, ни даже второстепенным мотивом (единичные исключения не в счет). Тех же, кто предпочел остаться в стороне и выждать, деньги вообще вряд ли могли соблазнить подставить голову под большевистские пули.

* * *

Казалось бы, положительной стороной удручающей малочисленности Добровольческой армии должно было стать отсутствие особых затруднений в ее снабжении. Работа возглавляемого генералом Эльснером Отдела снабжения сводилась к элементарному «найти и купить». Однако то и другое оказалось весьма проблематичным. Донские военные склады были пусты, и настойчивые обращения Алексеева и Корнилова к Каледину и генералу Богаевскому поделиться оружием и боеприпасами результата не давали.¹⁴⁶

Добровольцам ничего не оставалось, как прибегнуть к нетрадиционным способам снабжения.

Самый благопристойный состоял в покупке военного имущества у прибывавших с фронта донских частей. Запасливые казаки хозяйственники навезли немало всякого добра, включая обмундирование, обувь и полевые кухни, которое не прочь были выгодно распродать. Командиры и снабженцы добровольческих час-

тей, сами или через скупщиков, вступали с ними в переговоры, стараясь приобрести побольше и подешевле. Сделки, однако, затруднялись двумя обстоятельствами: во-первых, полковые комитеты возражали против распродажи вооружения и боеприпасов, и, во-вторых, из-за прижимистости Алексеева не хватало денег. В итоге многие уже обговоренные сделки сорвались. Среди состоявшихся самой удачной была покупка у прибывшей в Ростов казачьей батареи всех четырех орудий с запасом снарядов за 5 тыс. руб.¹⁵⁷

Свои трудности были с закупкой лошадей, упряжи для кавалерии и телег для обоза. Казаки лишь при крайней нужде расставались с самым дорогим в хозяйстве и потому заламывали «несусветные» цены. Снабженцы, хотя и считали, что изрядно переплачивают, тем не менее покупали – иного выхода не было¹⁵⁸.

Нехватку денег у снабженцев офицеры порой компенсировали авантюризмом и ловкостью рук. Несколько раз боеприпасы и оружие, включая пушки, уводились из-под носа споенных или подкупленных казачьих караулов, а то и присваивались обманом. Каледин и генерал Богаевский, как правило, помогали улаживать вспыхивавшие в таких случаях конфликты в пользу добровольцев¹⁵⁹.

Меньше авантюризма, но больше мужества требовал другой способ – изъятие оружия и боеприпасов у солдат и казаков, следовавших в эшелонах с Украины через Ростов и Новочеркасск на Северный Кавказ. Когда проезжали не части целиком, а группы нижних чинов из разных частей, риск встретить сопротивление был невелик. Растеряв военную организованность, но прихватив немало казенного добра, награбленного в богатых складах Юго-Западного фронта, «товарищи» предпочитали сберечь свою шкуру, но отдать вооруженным и решительно действовавшим добровольцам то, что те требовали. В январе, однако, проезд эшелонов с Украины на Дон был большевиками перекрыт, и этот источник снабжения иссяк¹⁶⁰.

Острая нехватка предметов военного снаряжения и денег на их покупку жестко принудила Добровольческую армию прибегнуть к самому опасному способу снабжения – захвату трофеев – и к самой дорогой плате – кровью.

В январе штаб армии несколько раз организовал небольшие экспедиции, по сути – набеги, в Ставропольскую губернию, куда прибывали с Кавказского фронта большевистски настроенные пехотные части. В таких набегах, стоивших жертв, было отбито и доставлено в Ростов некоторое количество винтовок и патронов¹⁶¹.

В боях против войск Антонова-Овсеенко, обычно при захвате станций, добровольцы не раз находили в брошенных составах вин-

товки, пулеметы, патроны, обмундирование, обувь и другое военное имущество, а также продовольствие. Трофеи сразу попадали в руки офицеров или в распоряжение хозяйственников и командиров частей, что восполняло скудное и нерегулярное централизованное снабжение. Захват трофеев быстро приобрел самодеятельное значение и порой «снабжение за счет противника» становилось главной целью боевой операции¹⁶². По выражению Трубецкого, у Добровольческой армии «не было более верного интенданта, чем большевики»¹⁶³.

Более или менее сносно, прежде всего благодаря малому числу орудий – около 10,- обстояло дело с артиллерийскими патронами. Хотя их количество постоянно колебалось возле предельного минимума, артиллеристы их не экономили и обстреливали противника беспрерывно. Частый и меткий огонь компенсировал малочисленность добровольцев и обычно решал исход боя, принося вместе с победой очередную партию трофейных снарядов. Похожая ситуация была с винтовочными и пулеметными патронами: хотя их запасы часто приближались к нулю, добровольцы патронов в бою не жалели, уверенные в скором захвате трофейных¹⁶⁴.

Значительно хуже складывалась ситуация с вещевым снабжением, особенно теплыми полушубками и валенками, отсутствие которых добровольцы остро почувствовали с наступлением в январе сильных морозов, сменявшихся краткими оттепелями при постоянном сильном ветре. Не хватало даже летних шинелей и сапог, и бессменное стояние на позициях в стужу приводило к самым печальным последствиям: заболевшими и обмороженными части теряли больше, чем ранеными и убитыми. Чтобы уберечься от стужи, добровольцы обматывались платками, бинтами и тряпками. Командиры осаждали штаб армии отчаянными рапортами, требуя присылки теплого обмундирования. Из штаба следовало обычное «выслано», однако на передовую почти ничего не попадало¹⁶⁵.

Печальные итоги вещевого снабжения, а вернее – его отсутствия, наглядно обнаружались при выходе из Ростова. Большинство было в летних шинелях, гимназических фуражках, опорках, сапогах. Пестротой одежды армия походила на «переселяющийся цыганский табор»¹⁶⁶.

Продуктовое снабжение – в виде консервов – доходило до фронта чаще. Но и в случае перебоев голодать не приходилось. Жалования вполне хватало, чтобы купить минимально потребные продукты у крестьян или заплатить за стол. Хотя в населенных пунктах, где преобладало настороженное или неприязненное отношение к «кадетам» (такое название антибольшевистских доброволь-

ческих формирований быстро распространилось среди донских крестьян), жители отказывались что-либо продавать или уступали лишь за высокую цену. Напротив, те, кто сочувствовал добровольцам, щедро угощали их, не требуя никаких денег¹⁶⁷.

Не в пример боевым частям, штабы, и прежде всего штаб армии, обеспечивались вещевым и продуктовым довольствием регулярно и с избытком. В то время как офицеры на передовой месили снег и грязь сапогами или онучами, штабные скользили по блестящему паркету парамоновского особняка в новых валенках¹⁶⁸.

Когда прибывавшие с фронта офицеры жаловались Корнилову на перебои с продовольствием и неполучение теплого обмундирования и валенок, Корнилов выходил из себя. Стремительно проходя через зал в кабинет начальника снабжения, он раздраженно набрасывался на него с упреками и требованиями. У «старика» Эльснера, сразу хватавшегося за сердце, находилось лишь одно оправдание: «все было выслано»¹⁶⁹.

Умиляться, как это делают многие мемуаристы и исследователи, суровой, но справедливой требовательности вождя вряд ли стоит. В ней было куда больше вьевшегося начальственного «вынь да положь», чем понимания реальной ситуации.

Слова Эльснера были правдой в том смысле, что «все было выслано» в хозяйственные части полков, батарей, дивизионов и отрядов, где оно благополучно осело на складах. Обычно под склад использовалась комната в казарме, где обретался тыловой штаб войсковой части. У хозяйственников всегда хватало причин, по которым полученное имущество не отправлялось на фронт, и соответствующих оправданий: нехватка денег, отсутствие транспорта, ожидание новобранцев и т.п. Намерзшихся и обносившихся фронтовиков взяла злость, когда при оставлении Ростова они увидели эти склады, забитые бекешами, шапками, френчами, галифе, бельем, валенками и сапогами¹⁷⁰. И позже, в течение почти трех лет Гражданской войны, большинству из них доводилось видеть забитые склады только в одном случае – при эвакуации, когда «интендантские крысы» уже заблаговременно «драпанули» и у них наконец-то появилась возможность самим обновить застиранное и перелатанное обмундирование, обуться и одеться по-зимнему.

На стариковскую голову Эльснера обрушилось «всеобщее озлобление»: его бранили на чем свет стоит в строю, в штабах, в кругу общественных деятелей. Опыт, трудолюбие, обстоятельность и честность первого начальника снабжения Добровольческой армии оказались ни к месту и ни ко времени, когда, как считает Деникин, нужен был «просто хороший, крепкий интендант, умеющий найти и купить». Беря задним числом Эльснера под защиту, он прихо-

дит к неутешительному выводу: «подлое время требовало, очевидно, и подлых приемов»¹⁷¹

Однако уже тогда, в начале 1918 г., жизнь опровергла заключение Деникина: в Отделе снабжения служил некий инженер, обладавший как раз всеми теми качествами, которые отсутствовали у Эльснера, — так и он не смог решить снабженческих проблем «подлыми приемами», а только приобрел репутацию бесчестного человека, заботящегося прежде всего о собственном кармане¹⁷².

Пока Корнилов в сердцах срывался на Эльснера, а тот распушивал своих подчиненных, добровольцы сами, в меру своей предприимчивости и нравственных качеств, брались за решение снабженческих проблем. Благо, обстановка кризиса и гражданской войны предоставляла для этого немалые возможности. Вместе с Добровольческой армией, день в день, рождалась практика «самоснабжения». За счет противника и, пока в единичных случаях, за счет местных жителей, когда в отсутствие хозяев забивали на обед домашний скот и птицу. В острые конфликты эти случаи не выливались, и, как утверждает Лукомский, за весь новочеркасско-ростовский период «не поступало жалоб от населения на какие-либо насилие или грабежи со стороны войсковых частей»¹⁷³.

Наиболее здоровых в нравственном отношении удерживали совесть и убежденность в том, что они — спасители России — ни в какой ситуации не могут уподобляться «грабителям-большевикам». Других удерживали пример первых и, возможно, опасения столкновений с жителями, поскольку воевать приходилось среди настороженно и враждебно настроенного, а главное — вооруженного, казачьего и крестьянского населения. Тогда же отдельные офицеры, острее других нуждавшиеся в теплой одежде и обуви, начали раздевать и разувать пленных перед расстрелом¹⁷⁴.

Так скудость казны и неналаженность снабжения неизбежно толкали части Добровольческой армии к «самоснабжению»: как за счет вполне законного на войне захвата трофеев, что быстро превратилось в систему, так и за счет местного населения, что пока еще носило единичный характер.

* * *

«Был подвиг, была и грязь» — так кратко и жестко охарактеризовал Деникин то, что он назвал «духовным обликом Добровольческой армии»¹⁷⁵.

Кошмар и безысходность трехлетней мировой бойни, революционные потрясения и захват власти большевиками, воспринятый многими как «гибель Великой России», на взгляд Деникина, «об-

нажили людей от внешних культурных покровов и довели до высокого напряжения все их сильные и все их низменные стороны»¹⁴⁴. Война отточила опыт и боевую выучку строевых офицеров, умножила их стойкость и самоотверженность, но ожесточила сердца и огрубела нравы, понизила в их глазах цену чужой жизни. А 1917 г. породил и довел до точки кипения ненависть к большевикам, «предавшим Россию и продавшим ее исконному врагу — Германии», и лютую жажду мести «распоясавшейся солдатне» и «взбунтовавшейся черни». Этот сплав и стал главным истоком высокого боевого духа и самоотверженности добровольцев-фронтовиков.

В отличие от них, учащуюся молодежь, которая не разбиралась в событиях и не предвидела их страшных последствий, бросал в бой порыв антибольшевистской романтики, основанный на оскорбленном чувстве наивного патриотизма.

Те и другие стойчески переносили тяготы боевой жизни и невзгоды, вызванные «вопиющим неустройством хозяйственной части», хотя, конечно, незакаленным и необстрелянным юношам эта стойкость давалась много трудней. Их «милые счастливые лица», с которыми они отправлялись на передовую, ярко контрастировали с мрачной решимостью и сосредоточенностью офицеров-фронтовиков¹⁴⁵.

Однако бесчеловечные реалии гражданской войны быстро обостряли ожесточение и мстительность и гасили высокие порывы и романтику борьбы за «оскорбленные святыни». В результате нравственные истоки героизма и стойкости замутнялись, в моральный облик и поведение добровольцев привносилось то, что Деникин назвал «грязью».

Главным деморализующим фактором стало горькое ощущение одиночества. Пока малочисленные добровольческие части истекали кровью в неравной борьбе, казачьи полки и батареи, едва прибыв с фронта, в большинстве своем спешили разойтись по домам, заявляя, что «не желают проливать кровь за буржуев». Они, добровольцы, потеряли все и стали беженцами в собственном Отечестве, а за их спинами десятки тысяч казаков отдыхали и отъедались в родных станицах, в домашнем уюте, окруженные заботой и любовью близких. А многие, забыв присягу и долг, становились в ряды врагов и дрались против них. Естественно, в душах добровольцев возникла и становилась все острее обида на казаков-«изменников», верх брали горькие сомнения: к чему приносить себя в жертву ради «негостеприимного края, не желающего защищать свои пределы»?¹⁴⁶

Добровольцы знали не понаслышке, а видели собственными глазами (когда им давали краткий отпуск или когда части отводи-

лись в тыловые города для несения караульной службы) праздные толпы офицеров и здоровых молодых людей из привилегированных сословий, которые, «умыв руки», даже не помышляли о вступлении в Добровольческую армию. Пока они подставляли головы под пули, мерзли и недоедали, под защитой их жидких цепей и малочисленных заслонов «бесновался и веселился богатейший Ростов»¹⁴⁷.

Каждый доброволец на передовой спиной ощущал «измену» тыла. И это саднящее, как не затянувшаяся рана, ощущение рождало безысходное чувство одиночества и отверженности, а вместе с ними — как своего рода психологическую самозащиту — иллюзию собственной исключительности, избранности и превосходства над «обывательской тиной и интеллигентским маразмом». Эта иллюзия стихийно, а отчасти и сознательно, культивировалась самовнушением и взаимовнушением. Поскольку, однако, избранность давала право лишь на холод и смерть, она, естественно, дополнялась растущими нетерпимостью и ожесточением против «недобровольцев» и «тыла» вообще. Так, сам воздух вокруг армии Алексева и Корнилова, пропитанный равнодушием буржуазии, интеллигенции и обывателей, недружелюбием казаков и враждебностью рабочих вызывал серьезную деформацию нравственного облика первых добровольцев, искажал их восприятие и без того запутанной действительности¹⁴⁸.

Основанные на ощущении одиночества и исключительности, нетерпимость и ожесточение обострялись и прорывались наружу, взламывая все более истончавшиеся «внешние культурные покровы», во время редких и коротких, дня на два — три, отпусков в город. Одни офицеры, отмывшись и отогревшись в жаркой бане, переодевшись в чистое и пару раз плотно пообедав в недорогом кафе, спешили обратно к своим товарищам на передовую. Другие, и таких становилось все больше, пускались в «разгул и своеволие». Уверенные, что им, «героям», позволено все, они держали себя по отношению к публике «бестактно и вызывающе», что, естественно, только сгущало вокруг армии атмосферу отчуждения и недружелюбия¹⁴⁹.

Трубецкой высказал мысль, которую разделяют многие, включая Деникина: «Нельзя осудить их слишком тяжело за все эти грехи — неизмеримые перед их подвигами»¹⁵⁰. Думается, однако, что важнее не судить и не соизмерять, что перевешивает, а понять, почему «грехи» и «грязь» сопутствовали подвигам и в какой степени они обесценили подвиги.

Наглядно противопоставляя себя «толпам обывателей», более того — ставя себя неизмеримо выше, добровольческие части и под-

разделения, под трехцветным российским знаменем проходя строем по улицам, на вокзалах и в других людных местах демонстрировали организованность, дисциплину, бодрость духа и веселость. На передовой картина была иная: господствовала «смертельная нравственная усталость».

Причинами ее были ежедневные, без смены, бои, подавляющее численное превосходство противника, силы которого, несмотря на неудачи, не только не таяли, а постоянно пополнялись, равнодушные и враждебные тыла, рост собственных потерь, на восполнение которых никто не прибывал. В то время как большевики «брали количеством, лезли, как саранча, со всех сторон», от вышестоящего начальства поступало лишь привычное: «принять бой» и «подкреплений не будет». И почти ежедневно в тыл отсылали в телегах и вагонах тела погибших, отправляли раненых, больных и обмороженных. Вагоны не всегда удавалось найти, и окоченевшие трупы, припорошенные снегом, оставляли лежать на платформах¹⁵¹.

Нравственное изнеможение в неравной борьбе, а порой, возможно, и смутное, притаившееся в самой глубине души, ощущение ее безнадежности, усиливали озлобленность на весь свет, а особенно на противника и всех его прямых и косвенных пособников. Большею частью эта озлобленность находила выход в бою, а отчасти выливалась на собственные штабы. В строю, как тактично выразились Трубецкой и Деникин, был «сильный ропот на штабных», говоря откровеннее — в выражениях не стеснялись. Присущее всем армиям во всех войнах критическое отношение строевиков к штабным обострялось, когда их глазам представала комфортная и далекая от опасностей фронта жизнь многолюдных штабов (и прежде всего штаба армии), варившихся в собственном соку, изрядную долю которого составляли борьба честолюбий и чисто чиновничьи интриги. Особенно раздражали сыпавшиеся сверху приказы, казавшиеся смертельно уставшим людям абсурдными, когда их снимали с обжитой позиции и перебрасывали с места на место без видимой цели и толка, заставляли принимать бой в невыгодных условиях и т.п. Чем тяжелее было положение на фронте, тем громче и злее строевики ругали штабных, искренне считая, что те устроили себе выгодные и безопасные места, где отсиживаются в тепле и сытости подальше от боев¹⁵².

Для настроения штабов, между тем, была характерна хроническая переоценка сил большевиков и создаваемых ими угроз. Разведка, собирая сведения о противнике рутинными методами мирной войны, но при этом доверяя циркулирующим паническим слухам, обычно преувеличивала его численность и наступатель-

ные возможности. По этой причине, особенно штабом армии, не раз принимались спешные оборонительные меры, которые затем оказывались излишними — они только переутомляли части ненужными перебросками, вносили в них дополнительную нервность и усиливали «ропот» смертельно уставших строевиков¹⁵³.

Росту озлобленности способствовали также практика и условия гражданской войны — войны на истребление. Пленных не брали — убивали, даже успевших вздеть руки, в пылу боя или расстреливали сразу после. Постоянные маневры при крайней малочисленности и неналаженности тыловых коммуникаций и снабжения превращали пленных в непосильную обузу — проще всего было отпустить или убить. С другой стороны, добровольцы были убеждены, что большевики казнят всех пленных, а перед казнью предадут их бесчеловечным мучениям. Это убеждение выросло не на пустом месте: нередко, отбив позиции у противника, они находили обезображенные трупы своих товарищей, чаще — слышали «леденящие душу повести свидетелей этих убийств». Вдобавок, у некоторых родные и близкие уже стали жертвами большевистского террора.

Когда исступленная жажда мщения брала верх над человечностью и просто здравым смыслом, над пленными, прежде чем расстрелять или зарубить, издевались, а то и калечили их. Под одобрение одних сослуживцев, при равнодушии других и молчаливом осуждении третьих. Порой наиболее совестливые пытались урезонить чересчур жестоких напоминанием, что офицеры не могут походить на бандитов-большевиков.

Впрочем, в уничтожении пленных находили выход не только ненависть и жажда мести, но и страх перед многократно превосходящим противником.

Деникин уверяет, что Корнилов официально не отдавал приказа «в плен не брать». Однако каждый доброволец был убежден, что такой приказ есть и иначе быть не может. Война просто не давала иного выбора. Кто-то, вероятно, еще искал в «приказе Корнилова» моральное оправдание своей жестокости, а кто-то уже и не нуждался в таком оправдании¹⁵⁴.

«Звериное время зачерствляло сердца и понижало цену жизни»¹⁵⁵, — оценка Деникина, как обычно, остра и образна. И оспаривать ее непросто. Можно лишь уточнить: цену чужой жизни — куда в большей степени, чем собственной.

Между тем уже в первые недели существования Добровольческой армии в ее рядах нашлись такие, кому собственная жизнь оказалась дороже всего. Те, кто был послабее духом, кто поддался шкурным инстинктам, всеми правдами и неправдами стремились

покинуть фронт и устроиться на безопасные тыловые должности. Происходили вещи и похуже — пока в виде единичных исключений: те, в ком брали верх разбуженные войной, разрухой и революционной анархией самые низменные инстинкты, становились на путь мародерства, грабежом населения дополняя скудное жалование. Командованию пришлось расформировать несколько добровольческих отрядов, которые в силу аморальности командиров быстро перерождались в шайки мародеров¹⁵⁶.

В условиях крайнего нервного и физического перенапряжения боевой дух добровольцев, по наблюдению Деникина, «поддерживала только вера в вождей»¹⁵⁷. Прежде всего — в Корнилова, имя которого было овеяно славой и окутано легендой. Командующий был вне критики. Все чувствовали в нем «героическое», бессознательно наделяли «героическим» каждое его слово, каждый жест, каждое действие. Всех, кому доводилось общаться с ним, а доступен он был практически для каждого, очаровывало сочетание «железной воли» и «необыкновенной простоты»: в нем не чувствовалось «ни намек на бурбонство, так часто встречаемое в армии». Добровольцы готовы были идти за своим вождем — «национальным героем», «спасителем России» — в огонь и в воду, хоть в чертовы зубы, поскольку медных труб пока не предвиделось. Все остальные, кто окружал вождя, были для добровольцев «просто генералы». Хотя, Алексеева по-человечески любили, выделяя его за непоказное внимание и чуткую заботу о повседневных нуждах строевиков¹⁵⁸.

«Вера в вождей», однако, подтачивалась недоумением и сожалением по поводу «полного разлада» между Корниловым и Алексеевым. Секретом этот разлад не был, поскольку он породил в штабах интриги между «корниловцами» и «алексеевцами», а уже через политиканствующее штабное офицерство, предававшееся до сужим противопоставлениям «демократизма» Корнилова «монархизму» Алексеева, его отзвуки докатились до частей. Строевые воспринимали ситуацию куда проще. Как малые дети не могут представить развода родителей, так и добровольцы не допускали мысли, что Алексеев и Корнилов рассорятся и кто-то покинет ряды армии. Немногие офицеры гвардии больше сочувствовали Алексееву. Основная же масса добровольцев, хотя и уважала его «прежние заслуги», душой была на стороне Корнилова: он был им ближе хотя бы потому, что являлся их командующим, посылающим их в кровавый — возможно, последний — бой¹⁵⁹.

Но никакая «вера в вождей» не могла предотвратить «зачерствления сердец» и «огрубления нравов», постепенно охватывавших армию. «Среди кровавого тумана калечились души молодых

жизнерадостных и чистых сердцем юношей», а у офицеров-фронтовиков, на взгляд Деникина, «гражданская война завершила тот психологический процесс, который только наметила война на фронте».¹⁶⁰

* * *

В «новочеркасский период», как утверждает Лукомский, Корнилов относился к формированию Добровольческой армии «без особого интереса», «всей душой и сердцем стремясь в Сибирь». Работа на Дону представлялась ему «сравнительно мелкой, местного масштаба», а работа в Поволжье и Сибири – «крупного, европейского масштаба», поскольку давала, якобы, возможность не только ликвидировать власть большевиков, но и воссоздать фронт против Германии. Похоже, однако, что веру командующего в волжско-сибирские перспективы питали не столько обоснованные расчеты на тамошние, действительно немалые, продовольственные и людские ресурсы, сколько, как это часто с ним случалось, чисто эмоциональные моменты: разочарование в донской базе и стремление избавиться от калединско-алексеевских пут. Все остальные соображения о преимуществах «волжско-сибирского фронта» просто докладывались на весы выбора. И первые же полученные им сведения об «особом обаянии» его имени в Западной Сибири толкнули его к практическим шагам по переезду: в январе в поволжские и западносибирские города были отправлены офицеры с целью организации сил¹⁶¹.

Между тем враждебное кольцо вокруг армии стало заметно сжиматься. 14 – 15 января восставшие таганрогские рабочие выбили из города слабый добровольческий гарнизон. С разгромом 20 января донского партизанского отряда полковника Чернецова – самого боеспособного и активного – «будто душа ушла от всего дела обороны Дона». Большевистские отряды и примкнувшие к ним казаки-фронтовики продвигались по железной дороге к Новочеркаску, а выставленные против них полуразложившиеся казачьи части, помитинговав, разошлись по домам. Донская столица была беззащитна. С юга полки 39-й пехотной дивизии усилили нажим на Батайск, угрожая отрезать армию от Кубани. Со стороны Донбасса появилась конница¹⁶².

Вынужденный отводить части все ближе к Ростову, Корнилов ощущал сжимавшееся вокруг его армии кольцо как удавку на собственной шее. Все чаще он приходил в штаб Богаевского на Таганрогском проспекте и подолгу говорил по прямому проводу с Калединым. Прося у атамана поддержки, он напоминал тому, что еще

совсем недавно – во время Великой войны – Дон выставлял до шестидесяти полков, упрекая, по сути, в бездействии и беспомощности. Тот, в свою очередь, просил дополнительно перебросить офицерские части под Новочеркасск.

Корнилов, читая длинную телеграфную ленту, становился мрачнее тучи. Переброска основных сил армии на новочеркасское направление казалась равносильной самоубийству: донскую столицу добровольцы вряд ли сумели бы удержать надолго, а тем временем неизбежно был бы потерян Ростов, а с ним и возможность отхода на Кубань по железной дороге, – армия под Новочеркаском оказалась бы в ловушке¹⁶³.

Два опытных боевых генерала отчетливо понимали безнадежность положения. Как и бессмысленность обращений за помощью друг к другу. Но каждый хотел выполнить свой долг до конца, сохранить, если потеряно будет все, хотя бы честь. Не исключено, у каждого хватило мужества признать горькую истину: ставка на помощь другого себя не оправдала. Для Каледина выхода уже не было: правы оказались те, кто опасался, что присутствие Добровольческой армии только помешает отстоять независимость Дона, ибо оттолкнет от атаманской власти казачество и придаст Совнаркому решительности. Корнилову было явно легче: не он, а Алексеев вкупе с московскими деятелями больше всех уповал на «Юго-Восточный союз», оказавшийся блефом, не Дон, так родная Сибирь станет надежной и богатой базой борьбы с большевиками и немцами.

Хотя с каждым днем просто взять и уехать туда становилось все труднее. Втянувшись в борьбу, Корнилов незаметно для себя стал заложником ситуации. Бросить Добровольческую армию, когда она вот-вот может оказаться в окружении, как он бросил Текинский полк, чтобы самому добраться до Новочеркасска, не допускали ни честь и чувство долга, ни куда более рациональные соображения: такой поворот событий неизбежно подорвал бы его репутацию и губительно сказался бы уже на работе в Сибири.

Алексеев – редкий случай – был согласен с Корниловым: переброска армии к Новочеркаску Дона не спасет, а саму ее погубит. Коль надежды и расчеты обрести базу на Дону пошли прахом, остается одно: пока не поздно, двигаться на Кубань, где соединиться с местными добровольческими формированиями и кубанскими казачьими частями, еще не перешедшими на сторону большевиков. И хотя получаемые из Екатеринодара сведения были неутешительны, особенно по поводу откровенной неприязни «самостийного» войскового правительства к армии, все надеялись, что Кубань «может избежать поголовной большевистской заразы»¹⁶⁴.

Ведшиеся все активнее в добровольческом штабе разговоры об уходе на Кубань как единственном шансе на спасение начатого дела быстро стали достоянием близких к армии общественных деятелей. Поднялась волна тревожных пересудов, которая быстро докатилась до атаманского дворца. Каледин, предчувствуя неизбежное, все же предпринял последнюю попытку подвигнуть добровольцев к защите своей столицы. 26 января он телеграммой попросил Корнилова и Алексеева немедленно прибыть в Новочеркасск – на «чрезвычайного значения» заседание войскового правительства. Но те от поездки уклонились, сославшись на серьезное положение под Ростовом. Смысл отказа был очевиден всем: командование Добровольческой армии больше не хотело жертвовать своими бойцами ради защиты «негостеприимного края». Вместо себя они послали Лукомского, дни которого на посту начальника штаба уже были сочтены.

Всех собравшихся вечером того же дня в атаманском дворце, куда были приглашены также Струве и Трубецкой, волновало, что скажет прибывший из Ростова Лукомский. Его манера говорить без витиеватостей, реально трактовать вопросы и веско аргументировать свое мнение пригодились как нельзя кстати. Дабы сразу расставить точки над *i*, он категорично заявил: дать что-либо из состава армии для защиты Новочеркасска возможности нет и, более того, командование просит как можно скорее вернуть выделенный ранее офицерский батальон с батареей. А на вопрос, каковы будут действия армии, если обстановка не улучшится, ответил столь же категорично, не удержавшись от затушеванного упрека донцам: армия «не может ставить своей задачей оборону во что бы то ни стало Новочеркасска и Ростова» и перед ней «может возникнуть необходимость покинуть Дон, чтобы на время уйти из области досягаемости большевиков и найти в других местах возможность пополнить свои ряды»¹⁶⁵.

После такого ответа заседание правительства, с долгими речами издерганных, разуверившихся и растерянных людей, потеряло смысл. Многие, включая некоторых социалистов, втайне склонялись к установлению диктатуры Корнилова вместо бесхребетной власти Каледина как единственному шансу на спасение. Так, Агеев приватно заявил Трубецкому: «Если Добровольческая армия может взять энергично палку в руки, то пускай это делает»¹⁶⁶.

Вообще, печальная картина полного развала казачьих штабов и войск породила у многих донских деятелей стойкие иллюзии относительно высокой степени организованности и стратегической осмысленности работы штаба Добровольческой армии, равно как и исключительной боеспособности ее частей¹⁶⁷. Корнилов, однако, был далек от подобных попользований – все время пребыва-

ния на Дону он не позволял себе хотя бы словом подрывать власть и авторитет Каледина. Как и многие вокруг него, он не мог не понимать: любая попытка каким-то образом обойтись с Калединым, как с Керенским в августе прошлого года, наконец-то действительно поднимет казаков – но только не против большевиков, а против Добровольческой армии.

Куда более разумным было высказанное некоторыми предложение: атаману, правительству и Кругу перейти в район пока еще относительно «крепких и стойких» левобережных станиц, где будет легче объявить сполох и поднять казаков, а ожидаемый на днях разлив Дона остановит большевиков¹⁶⁸.

Итог сколь затянувшейся, столь и бесполезной дискуссии подвел Каледин, выделявшийся среди донцов присутствием духа, сосредоточенностью и достоинством. Он призвал членов своего правительства «не предаваться самообольщению»: оборона Дона – это прежде всего оборона Новочеркасска, «уход из Новочеркасска – это смерть донского правительства», ибо оно «не в состоянии будет ничего организовать в другом месте». Трубецкому показалось, что слово «смерть» атаман произнес с «особым ударением». Похоже, уже 26 января, когда добровольческое командование отказало в дальнейшей помощи, Каледин решил для себя, что в случае падения его столицы ему останется единственный достойный выход – самоубийство. Лукомского же он предостерег особо: решение увести Добровольческую армию с Дона, с которым она «кровно связалась», было бы «гибельно для обеих сторон», армия «превратилась бы в бродячую кучку людей, утратила бы свой престиж и, может быть, не нашла бы нигде пристанища»¹⁶⁹.

Как это часто бывает, сильные натуры, утратив контроль над ситуацией и возможность изменить ее к лучшему, не только не теряют сердце, но и обретают способность куда трезвее оценивать и просчитывать происходящее. Каледин оказался пророком.

Возвратившись 27 января в Ростов, Лукомский доложил командующему: атаман Каледин потерял веру в возможность что-либо сделать для спасения Дона и себя¹⁷⁰. Корнилов, похоже, этого и ждал. Считая отныне себя свободным от каких-либо обязательств перед Калединым и донским казачеством, он приказал оперативному отделению разработать план занятия Тихорецкой и движения в эшелонах по Владикавказской железной дороге через Батайск и Тихорецкую на Екатеринодар. Спешно начали собирать на вокзале и готовить паровозы и вагоны, принялись грузить винтовки, боеприпасы и прочее имущество армии. Офицерскому батальону с батареей, защищавшим Новочеркасск, был отправлен приказ сняться с позиций и вернуться в Ростов.

28 января об этом была послана телеграмма Каледину. Получив ее ночью 29-го, атаман экстренно собрал правительство. Зачитав телеграмму Алексеева и Корнилова, он сообщил, что для защиты города удалось собрать лишь 147 штыков. «Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено нам враждебно. Сил у нас нет и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития...», - заявил, слагая с себя полномочия, атаман¹⁷¹.

Около 2 часов дня 29 января Каледин покинул свой кабинет, вышел в спальню, расстегнул мундир, лег на кровать и выстрелил себе прямо в сердце. Своим выстрелом, считают многие современники и исследователи, он хотел пробудить в казаках совесть и чувство долга, поднять их на защиту Дона. Если так – в не меньшей степени выстрел предназначался и для командования Добровольческой армии. Как грозное предупреждение: мы вместе пошли одной дорогой, и ее конец может быть одинаков для всех нас.

Страшная весть из Новочеркасска быстро облетела Ростов. Все, кто опасался большевиков, были крайне подавлены. Казалось, настал конец всему и сопротивление бесполезно¹⁷².

Самоубийство атамана убедило последних колеблющихся в добровольческом штабе: уход на Кубань неизбежен. Корнилов, памятуя об отказе кубанского правительства финансировать его армию и потому не желая являться в Екатеринодар, как в Новочеркасск, с пустыми карманами, приказал забрать все деньги и ценные бумаги из Ростовского отделения Госбанка. Но Алексеев, Деникин и Романовский резко высказались против, посчитав, что такой шаг «набросит тень на доброе имя Добровольческой армии». Корнилову пришлось поступиться интересами дела ради отвлеченной «легальности»: все ценности, дабы их не экспроприировали «товарищи», приказал отправить в распоряжение донского правительства (в целостности и сохранности доставленные в Новочеркасск, заметим в скобках, они были захвачены большевиками)¹⁷³.

Однако ближе к вечеру из донской столицы стали поступать по телеграфу и телефону обнадеживающие сообщения: Дон «встрепенулся», в Новочеркасск съезжаются вновь избранные от южных округов депутаты Круга, настроены они противобольшевистски и высказываются за укрепление атаманской власти и проведение мобилизации.

Поздним вечером из Новочеркасска с ворохом бодрых новостей примчались Струве и Трубецкой, а вместе с ними – член донского правительства Г.И. Янов. По их настоянию Алексеев спешно собрал в парамоновском особняке совещание, на которое, помимо генералов Корнилова, Деникина, Лукомского и Романовского,

пригласил также Милюкова, ростовского градоначальника Зееле-ра и донского генерала Богаевского. Прибывшие принялись горячо убеждать их, что появилась надежда «пробудить казаков»: самоубийство Каледина явилось «ударом грома, который на минуту прошиб даже толстокожих казаков», на Круге нового состава в отсутствие пробольшевистски настроенных депутатов северных округов, отрезанных линией фронта, «сразу определилось твердое и разумное настроение», новым войсковым атаманом прочат нынешнего походного атамана генерала А.М. Назарова, готовится мобилизация.

Штатские, которые «в каждом малейшем просвете военного положения жадно искали симптомы перелома», были воодушевлены, генералы же довольно скептически отнеслись к перспективе «пробуждения казаков». На них куда сильнее подействовало высказанное Струве и Трубецким опасение: как отзовется на самой Добровольческой армии оставление Дона и «превращение в бродячих кочевников»?¹⁷⁴

Действительно, приказать уйти было легко, выполнить этот приказ – куда труднее. В ростовских госпиталях лежали сотни раненых и больных. Транспорта вывезти сразу всех не было. Меди-каменты и перевязочные средства отсутствовали, и поход стал бы для них верной смертью. Еще худшая участь ждала бы их в покинутом городе: рассчитывать на милость большевиков не приходилось. Вместе с ними на расправу пришлось бы оставить и семьи офицеров, включая семьи начальников. Элементом населения, которые поддерживали армию, грозили месть и грабеж. А главное – армия не была готова к походу на Кубань материально, что стало прямым результатом хронического безденежья и неналаженного снабжения: в частях далеко не все получили теплую одежду, сапоги и валенки, почти не было запасов патронов и снарядов, зимнего обмундирования и продовольствия, остро не хватало лошадей и телег для обоза¹⁷⁵.

Моральная же готовность армии к походу, степень которой соответствовала степени ненависти к большевикам, страха перед ними и жажды продолжения борьбы, могла быть быстро сведена на нет как непреодолимыми материальными трудностями, так и первыми боевыми неудачами в походе.

Алексеев и Корнилов, и не хуже их другие генералы, сознавали: уход на Кубань – мера крайняя и при прочих равных условиях предпочтительнее остаться на Дону. Тем более, коль стал возможен наконец-то подъем казаков, – его стоит поддержать.

В конце концов, обсуждение дилеммы уходить или оставаться перешло в обсуждение вопроса, на каких условиях оставаться. Ре-

шено было, первым делом, через печать успокоить круги населения, взбудораженные слухами об уходе добровольцев. Во-вторых, поддержать Назарова на выборах войскового атамана. В-третьих, добиться от него передачи в подчинение командованию Добровольческой армии Ростовского округа, куда назначить генерал-губернатора. Этим «положен был бы конец безначалию и тому нелепому и унижительному положению армии, при котором она, защищая Ростов, не могла извлечь из него никаких средств для борьбы и своего существования». Зеелер поддержал это намерение генералов: ростовские финансисты не прочь дать денег, но, опасаясь репрессий большевиков, предпочли бы, чтобы добровольцы «обложили их "насильно"». Решили так и поступить, но лишь после согласования этого весьма щекотливого вопроса с новым атаманом¹⁷⁶.

Таким образом, воспользовавшись агонией донской власти, командование Добровольческой армии вознамерилось в обмен на защиту Дона от большевиков выторговать себе «суверенитет» над частью Области войска Донского, из которой можно было бы своей властью, своей силой и по своему усмотрению «извлекать средства для существования». Наиболее эффективным механизмом такого «извлечения» представлялся привычный генерал-губернаторский аппарат.

Итог совещания был очевиден. Алексеев тут же принялся набрасывать текст заявления для газет. Увидев это, Корнилов неожиданно вспыл и напал на него с упреками в том, что тот «вмешивается в его компетенцию и делает заявление от своего имени». Очевидно, Корнилову уже помнилось, что Алексеев претендует на ростовское генерал-губернаторство. Тот в долгу не остался, и между вождями началась перепалка на тему о компетенции, которая повергла всех присутствующих в самые тягостные ощущения. Первым не выдержал Деникин: решительно поднялся и, бросив в сердцах «Черт знает, что такое! В такое время заниматься подобными разговорами!», вышел из алексеевского кабинета, хлопнув дверью. Его антидисциплинарная выходка охладила пыл вождей: почувствовав себя пристыженными, оба замолчали. Уважение к прямоте Деникина помогло им понять, что они и сами оконфузились, и присутствующих поставили в крайне неловкое положение¹⁷⁷.

Последние дни января и первые дни февраля приносили в штаб армии мрачные донесения с фронта, которые, вопреки надеждам, никак не скрашивались вестями из Новочеркасска. Хотя большевистствующая фронтовая молодежь в станицах приумолкла, и на майданах властвовали воинственные призывы стариков «опаматываться», «не посрамить чести казацкой» и «выполнить завет на-

шего атамана» — «ополчиться» против «христопродавцев», хотя из ближайших станиц в город тысячами стекались вооруженные казаки, «сполоха» не получилось. Полуразвалившиеся войсковой и полковые штабы не справлялись с довольствием и размещением прибывавших. Куда расторопнее оказались местные революционно настроенные казаки, которые на митингах убеждали станичников «не проливать кровь за буржуев» и не страшиться большевиков, которые «стоят за простой народ».

Назаров, оценивавший ситуацию как безнадежную, поначалу отказывался от баллотировки в атаманы и уступил лишь настойчивым просьбам Круга, поскольку другого кандидата все равно не было. 30 января Круг избрал его войсковым атаманом, наделив неограниченной властью, а начальника Новочеркасского военного училища генерала П.Х. Попова — походным, и постановил ввести суровые кары, вплоть до расстрела, за уклонение от мобилизации. Назаров объявил всю область на военном положении, а Ростов — на осадном. Однако все эти решительные, но бумажные, меры и грозные слова не могли поддержать чисто эмоциональный, а потому хрупкий подъем казаков. Грозные слова донской власти никого не пугали: у нее попросту не было силы привести их в исполнение. Помитинговав и побуйствовав день — другой в Новочеркасске, казаки возвращались в свои станицы. Подъем надломился и быстро сошел на нет¹⁷⁸.

Корнилов сразу после избрания предложил Назарову атаманским приказом передать Ростовский округ в подчинение Добровольческой армии. Тот, опасаясь подрыва своего авторитета среди казаков, счел за благо уклониться от такого шага и предоставил инициативу командованию добровольцев. Обсуждение этого вопроса между Корниловым и Алексеевым, осложненное невыясненным после смерти Каледина и распада «триумvirата» разделением сфер компетенции, вызвал лишь очередные «трения». В итоге вопрос о «ростовском генерал-губернаторстве» заглох и отпал сам собой¹⁷⁹.

1 февраля части 39-й пехотной дивизии выбили добровольцев из Батайска, вышли к мосту через Дон, лишив армию возможности отойти на Кубань по железной дороге, и начали обстрел Ростова из тяжелых орудий. Неся потери, добровольческие части под давлением советских войск Сиверса с севера все теснее прижимались к Ростову. В городе начались выступления рабочих. Панические настроения среди сочувствующих корниловской армии групп населения быстро росли. Каждую ночь в штабе объявлялась тревога, и все штабные ставились под ружье. Стало окончательно ясно: уход из Ростова неизбежен и двигаться придется походом — единственным оставшимся путем: до станицы Аксайской, от нее,

переправившись по прочному пока еще льду на левый берег Дона, до Ольгинской и далее на Кубань. Подчиненные Эльснера спешно закупали по подскочившим сразу ценам лошадей и телеги для обоза¹⁸⁰.

2 февраля Лукомский, сдавший должность начальника штаба армии Романовскому, был направлен в Новочеркасск — «настаивать на более энергичном формировании новых частей и продолжении самой упорной борьбы с большевиками»¹⁸¹. С таким же успехом можно было настаивать перед большевистским командованием на прекращении наступления. Объявленная Кругом мобилизация провалилась. Фронт с трудом держали, пытаясь к Новочеркасску, несколько мелких казачьих партизанских отрядов. Дни стольного града Войска Донского были сочтены.

Та же судьба была уготована и Ростову.

В эти тревожные февральские дни и ночи командование Добровольческой армии ломало голову, куда и как отходить. Уже почти готовые разработки отхода на Кубань по Владикавказской железной дороге были перечеркнуты потерей Батайска. Едва набросанный план пешего похода на Екатеринодар серьезно подрывался неутешительными вестями из кубанской столицы: правительство и Рада по-прежнему враждебны Добровольческой армии. С другой стороны, Назаров и Попов, пытаясь удержать армию на Дону, при поддержке генерала Богаевского приняли активно уговаривать Корнилова отойти вместе с казачьими отрядами в Сальские степи, в район зимовников — хуторов, к которым на зиму стогались табуны лошадей и гурты скота, — севернее и западнее станицы Великокняжеской.

Корнилова этот вариант заинтересовал всерьез. Ему верилось, и многие укрепляли его в этом, что Дон поднимется, как только казаки испытают на собственной шкуре прелести большевистского хозяйничанья. Вместе с этой верой росли опасения, что Кубань может оказаться не более, а менее «гостеприимной», чем Дон. Малочисленность донских отрядов была скорее их плюсом, чем минусом: в случае соединения с ними можно было полностью подчинить их и обратить на усиление армии. Это выглядело куда предпочтительнее соединения с отрядами кубанских добровольцев, чьи боевые качества были весьма сомнительны, а амбиции и тщеславие их начальников несомненны. Более того, при подчинении донских отрядов появилась бы возможность поставить под контроль и самого Назарова, которому в смысле авторитета и опыта было очень далеко до Каледина, и тем самым обрести наконец столь вожделенную «суверенную» территорию, из которой можно было бы по своему разумению черпать продовольственные, финансовые, людские и прочие ресурсы. В общем, донская

синица все больше представлялась Корнилову лучшим выбором по сравнению с кубанским журавлем. Тем более что идти на Кубань — только удаляться от Поволжья и Сибири¹⁸².

Алексеева, напротив, потеря Батайска не поколебала в намерении увести армию на Кубань. И в личных беседах с разными людьми, и на совещаниях, на которых он только и общался с Корниловым непосредственно, он отстаивал свою прежнюю точку зрения: придя на Кубань, во-первых, можно будет соединиться с тамошними добровольческими отрядами, во-вторых, поднять на борьбу Кубанское казачье войско и, в-третьих, занять «богатый во всех отношениях район», который даст возможность пополнить армию и снабдить всем необходимым. Свои старые, еще петроградские, надежды, которые не оправдал Дон — «пробуждение казачества и создание обеспеченной базы», — он возлагал теперь на Кубань. Если же и там надежды эти пойдут прахом — дойти до Кавказских гор и, как худший случай, распустить армию, дав ее чинам шанс спастись поодиночке¹⁸³.

Алексеев в крайне запутанной и нервной обстановке проявлял куда больше выдержки и твердости в своих взглядах и аргументах, чем Корнилов. Он настойчиво убеждал окружающих в своей правоте и внушал им веру в лучший исход. Командующий же колебался, попадал под влияние чужих мнений и никак не мог остановиться на каком-то решении. В то время как Корнилова, с лица которого не сходила угрюмость, терзали сомнения и опасения потерять армию, а с ней и свой авторитет, Алексеев по-стариковски мудро относился к возможной гибели последнего дела его жизни. Наверняка, и к собственной гибели.

Утром 9 февраля, когда отряды Сиверса подошли к северным окраинам Ростова, а в Темернике, западном промышленном пригороде, восстали рабочие, части армии, стоявшие в городе, были подняты по тревоге. Одни Корнилов отправил в бой, другим было приказано ждать дальнейших распоряжений. С каждым часом артиллерийская канонада, пулеметная и ружейная стрельба приближались и усиливались. В 3 часа дня был отдан приказ уходить из города в станицу Аксайскую, на восток, где переправиться через Дон и сосредоточиться в Ольгинской.

Алексеев, считая своей нравственной обязанностью сделать все возможное для спасения больных и раненых, выдал с этой целью Лукомскому 150 тыс. руб. Одну часть денег раздали тем, кто мог двигаться, чтобы они как-то устроились в городе или окрестных станицах. Другую потратили на содержание лежащих, которых под видом солдат оставили в лазаретах или разместили по городским окраинам у надежных жителей¹⁸⁴.

Корнилов, во главе построенных в колонну хмурых и подавленных чинов штаба, покинул Парамоновский особняк около 7 часов вечера, когда уже стемнело и улицы города словно вымерли. Первые шаги вверх по Пушкинской он сделал, терзаемый мрачным предчувствием, что назад не вернется и семьи своей, оставленной без средств у чужих людей, больше не увидит. До Ольгинской он отложил окончательное решение, куда двигаться — на Кубань или в Сальские степи¹⁸⁵.

Почти всю ночь 10 февраля из города по дороге на Аксайскую тянулись пешие малолюдные колонны частей, облепленные штатскими беженцами. За ними спешили, обгоняя друг друга и застревая, телеги, повозки и сани; ломавшиеся бросали тут же. В них лежали раненные и больные, сидели женщины, везли наспех наваленные чемоданы, ящики и узлы — как с ценным имуществом, так и с никому теперь не нужным барахлом. Все переживали, удастся ли покинуть город, в который уже вступали с севера отряды Сиверса. Волнения были напрасны: победители их не преследовали и все сумели выйти из города еще затемно.

После краткого отдыха в Аксайской утром 10 февраля по уже подтаявшему и потрескавшемуся льду началась переправа на левый берег Дона, которую прикрывал выставленный арьергард. На станции разгружали вагоны; винтовки, снаряды, патроны и прочее армейское имущество, которые удалось вывезти с ростовского вокзала под обстрелом восставших на Темернике рабочих, перекладывали на подводы с полозьями. По снежному полюю от берега в сторону Ольгинской вилась темная лента. Нестройными толпами штатских, разнообразием повозок, бедностью и пестротой одежды Добровольческая армия напоминала переселяющийся цыганский табор.

Переправа заняла день и к вечеру 10 февраля части армии — пришедшие из-под Ростова, отступившие из Новочеркасска и отошедший левым берегом из-под Батайска отряд генерала Маркова — вместе с беженцами сосредоточились в Ольгинской¹⁸⁶.

Здесь командованию предстояло реорганизовать армию, подготовить ее к походу, а главное — решить вопрос, равнозначный гамлетовскому «быть или не быть?»: куда идти?

Примечания:

¹ Здесь и после 1(14) февраля 1918 г. все даты — по старому стилю (Юлианскому календарю), который действовал на территории антибольшевистских государственных образований на юге России в 1918 — 1920 гг. (в некоторых случаях события датируются двойным стилем).

² Трубецкой Г.Н. Годы смут и надежд, 1917 — 1919. Монреаль, 1981. С.20.

³ Из архива генерала М.В. Алексеева // Белое дело. Берлин, 1926. Кн. I. С. 77.

⁴ Там же. С. 77-78.

⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Париж, 1921. Т. 2. С. 156; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С. 20.

⁶ Из архива генерала М.В. Алексеева. С. 78-79; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 156; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С. 20.

⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 156; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С. 20.

⁸ Из архива генерала М.В. Алексеева. С. 78.

⁹ Там же. С. 78-79, 81.

¹⁰ Там же. С. 79.

¹¹ Там же. С. 78.

¹² Там же. С. 81.

¹³ Там же. С. 79-81.

¹⁴ Там же. С. 77-79.

¹⁵ Из архива генерала М.В. Алексеева. С. 78, 80; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С. 21.

¹⁶ Из архива генерала М.В. Алексеева. С. 78.

¹⁷ Лукомский А.С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. I. С. 275.

¹⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 156, 159.

¹⁹ Лукомский А.С. Воспоминания. Т. I. С. 275.

²⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 159.

²¹ Филимонов А.П. Кубанцы (1917 — 1918 гг.) // Белое дело. Берлин, 1927. Кн. II. С. 70, 80-81.

²² Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 159-160; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С. 26.

²³ Лукомский А.С. Воспоминания. Т. I. С. 275-276.

²⁴ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 173.

²⁵ Денежные документы генерала Алексеева // Архив русской революции. Берлин, 1922. Кн. V. С. 352.

²⁶ Денежные документы генерала Алексеева. С. 352; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С. 20-21.

²⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин, 1924. Т. 3. С. 142-143.

²⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 188.

²⁹ Богасевский А.П. 1918 год: «Ледяной поход». Н.-Й., 1963. С. 37-38; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 156-157.

³⁰ См., напр.: Богасевский А.П. Указ. соч. С. 133; Лукомский А.С. Воспоминания. Т. I. С. 279.

³¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 259.

³² Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С. 31-32.

³³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 29.

³⁴ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С. 31.

³⁵ Там же.

³⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 101, 187.

³⁷ Там же. С. 187.

³⁸ Лукомский А.С. Воспоминания. Т. I. С. 279.

³⁹ Там же. С. 280.

⁴⁰ Там же. С. 279-280.

⁴¹ Черчилль В. Мировой кризис. М.; Л., 1932. С. 49.

⁴² Денежные документы генерала Алексеева. С. 352; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С. 21; Казанович Б. Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву»: Май — июль 1918 года // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. VII. С. 185.

⁴³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 188.

⁴⁴ Там же.

- ⁴⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.188; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.280-281.
- ⁴⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.189.
- ⁴⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.189; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.281.
- ⁴⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.189.
- ⁴⁹ Богаевский А.П. Указ. соч. С.38-39; Гуль Р. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин, 1921. С.34-35.
- ⁵⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.202-203.
- ⁵¹ Богаевский А.П. Указ. соч. С.18-19.
- ⁵² Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.32; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.282-283.
- ⁵³ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.32-33.
- ⁵⁴ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.251-252; Богаевский А.П. Указ. соч. С.38,67.
- ⁵⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.195; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.281.
- ⁵⁶ Богаевский А.П. Указ. соч. С.39; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.33; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.281-282.
- ⁵⁷ Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.282.
- ⁵⁸ Богаевский А.П. Указ. соч. С.67; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.33; Гуль Р. Указ. соч. С.16-17.
- ⁵⁹ Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 году// Архив русской революции. Берлин, 1922. Т.IX. С.243,245; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.34-35,37,42.
- ⁶⁰ Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 году. С.243.
- ⁶¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.203.
- ⁶² Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.203; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.299; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.39-40.
- ⁶³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.203; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.40.
- ⁶⁴ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.40; Гуль Р. Указ. соч. С.29,47-48; Пауль С.М. С Корниловым//Белое дело. Берлин, 1927. Кн.3. С.79.
- ⁶⁵ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.40.
- ⁶⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.190.
- ⁶⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.190; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.21.
- ⁶⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.190; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.283-285; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.29.
- ⁶⁹ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.30.
- ⁷⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.198-199; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.286.
- ⁷¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.191; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.29,33.
- ⁷² Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.191,193-194; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.286-287; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.32.
- ⁷³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.191.
- ⁷⁴ Там же. С.173.
- ⁷⁵ Богаевский А.П. Указ. соч. С.47; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.28,35-36.
- ⁷⁶ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.36.
- ⁷⁷ Богаевский А.П. Указ. соч. С.39.
- ⁷⁸ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.25-26.

- ⁷⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.216; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.37.
- ⁸⁰ Особняк был построен в 1911 г. и дважды восстанавливался – после Гражданской и Великой Отечественной войн; в настоящее время в нем находится научная библиотека Ростовского государственного университета (Пушкинская ул., д.148).
- ⁸¹ Богаевский А.П. Указ. соч. С.33,35.
- ⁸² Филимонов А.П. Указ. соч. С.75.
- ⁸³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.269.
- ⁸⁴ Политическая программа генерала Л.Г. Корнилова январских дней 1918 года//Белый архив. Т.2-3. Париж, 1928. С.176; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.284.
- ⁸⁵ Политическая программа генерала Л.Г. Корнилова январских дней 1918 года. С.178-179.
- ⁸⁶ Там же. С.179,181-182.
- ⁸⁷ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.19-20.
- ⁸⁸ Денежные документы генерала Алексеева. С.352.
- ⁸⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.192.
- ⁹⁰ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.22,35,53-54; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.273,277; Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 году. С.246,248-249.
- ⁹¹ Денежные документы генерала Алексеева. С.352.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.289.
- ⁹⁴ Казанович Б. Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву»: Май – июль 1918 года. С.185.
- ⁹⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.192.
- ⁹⁶ Там же. С.216.
- ⁹⁷ Там же. С.192,205.
- ⁹⁸ Богаевский А.П. Указ. соч. С.42.
- ⁹⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.220.
- ¹⁰⁰ Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 году. С.246; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.288-289.
- ¹⁰¹ Денежные документы генерала Алексеева. С.352.
- ¹⁰² Казанович Б. Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву»: Май – июль 1918 года. С.185.
- ¹⁰³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.227.
- ¹⁰⁴ Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.290.
- ¹⁰⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.193; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.289.
- ¹⁰⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.192.
- ¹⁰⁷ Там же. С.101.
- ¹⁰⁸ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.19; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.192.
- ¹⁰⁹ Лодыженский А.А. Воспоминания. Париж, 1984. С.117.
- ¹¹⁰ Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.289.
- ¹¹¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.213-214.
- ¹¹² Денежные документы генерала Алексеева. С.352.
- ¹¹³ Казанович Б. Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву»: Май – июль 1918 года. С.185.
- ¹¹⁴ Лодыженский А.А. Указ. соч. С.143; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.34.
- ¹¹⁵ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.21.
- ¹¹⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.214.

- ¹¹⁷ Там же.
- ¹¹⁸ Там же.
- ¹¹⁹ Черчилль В. Указ. соч. С.47.
- ¹²⁰ Там же. С.50.
- ¹²¹ Там же. С.49-50.
- ¹²² Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.215.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ Там же. С.216.
- ¹²⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.193,201; Гуль Р. Указ. соч. С.16.
- ¹²⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.193-194.
- ¹²⁷ Там же. С.197.
- ¹²⁸ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.35; Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 году. С.246.
- ¹²⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.197.
- ¹³⁰ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.35; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.287-288,291; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.170.
- ¹³¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.197; Гуль Р. Указ. соч. С.17; Беляевский В.А. Голгофа. Сан-Паулу, 1965. С.61-63.
- ¹³² Беляевский В.А. Указ. соч. С.63.
- ¹³³ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.35; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.287; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.197-198,217.
- ¹³⁴ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.197,269.
- ¹³⁵ Гуль Р. Указ. соч. С.18.
- ¹³⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.200; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.35; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.290,299.
- ¹³⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.200,218; Богаевский А.П. Указ. соч. С.42.
- ¹³⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.203,217; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.35; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.299; Гуль Р. Указ. соч. С.18,29.
- ¹³⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.204; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.291.
- ¹⁴⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.200-201,204; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.291.
- ¹⁴¹ Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.298; Богаевский А.П. Указ. соч. С.56; Первые пачавпис. Н.-Й., 1958. С.44.
- ¹⁴² Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.287; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.199; Ледяной поход, 1918 – 1953. Н.-Й., 1953. С.5.
- ¹⁴³ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.35; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.299; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.201; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин, 1925. Т.4. С.89.
- ¹⁴⁴ Лукомский А.С. Воспоминания. Кн.1. С.287.
- ¹⁴⁵ Лукомский А.С. Воспоминания. Кн.1. С.282-283,287; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.201-202; Богаевский А.П. Указ. соч. С.49-50; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.32-33.
- ¹⁴⁶ Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 году. С.247; Богаевский А.П. Указ. соч. С.35.
- ¹⁴⁷ Лукомский А.С. Воспоминания. Кн.1. С.287; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.201; Богаевский А.П. Указ. соч. С.49.
- ¹⁴⁸ Лукомский А.С. Воспоминания. Кн.1. С.287; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.170.
- ¹⁴⁹ Лукомский А.С. Воспоминания. Кн.1. С.287.
- ¹⁵⁰ Пауль С.М. Указ. соч. С.69,70.
- ¹⁵¹ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.26.

- ¹⁶⁴ Богаевский А.П. Указ. соч. С.49; Гуль Р. Указ. соч. С.41-43,45.
- ¹⁶⁵ Богаевский А.П. Указ. соч. С.23; Гуль Р. Указ. соч. С.39-40; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.201.
- ¹⁶⁶ Богаевский А.П. Указ. соч. С.40; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.227.
- ¹⁶⁷ Гуль Р. Указ. соч. С.38; Пауль С.М. Указ. соч. С.69.
- ¹⁶⁸ Гуль Р. Указ. соч. С.47-48.
- ¹⁶⁹ Там же. С.47.
- ¹⁷⁰ Там же. С.49.
- ¹⁷¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.203.
- ¹⁷² Там же. С.204.
- ¹⁷³ Лукомский А.С. Воспоминания. Кн.1. С.299.
- ¹⁷⁴ Гуль Р. Указ. соч. С.34.
- ¹⁷⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.205.
- ¹⁷⁶ Там же.
- ¹⁷⁷ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.28,35,36,37; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.217; Гуль Р. Указ. соч. С.44.
- ¹⁷⁸ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.35,44; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.173-174; Пауль С.М. Указ. соч. С.70.
- ¹⁷⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.205; Гуль Р. Указ. соч. С.17; Пауль С.М. Указ. соч. С.70.
- ¹⁸⁰ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.28; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.205-206; Пауль С.М. Указ. соч. С.70.
- ¹⁸¹ Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.299; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.28.
- ¹⁸² Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.28.
- ¹⁸³ Гуль Р. Указ. соч. С.29,36,44-45,46,47; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.217; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.35,37.
- ¹⁸⁴ Гуль Р. Указ. соч. С.29,39,43-44,47-48; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.203; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.40.
- ¹⁸⁵ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.36,39.
- ¹⁸⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.206-208; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.37; Гуль Р. Указ. соч. С.34; Пауль С.М. Указ. соч. С.70.
- ¹⁸⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.206.
- ¹⁸⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.200,204; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.299.
- ¹⁸⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.174.
- ¹⁹⁰ Гуль Р. Указ. соч. С.37; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.196.
- ¹⁹¹ Гуль Р. Указ. соч. С.17,37,106; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.196.
- ¹⁹² Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.206.
- ¹⁹³ Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.282; Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 году. С.243-244.
- ¹⁹⁴ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.217-219; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.292; Богаевский А.П. Указ. соч. С.40-41,46.
- ¹⁹⁵ Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.293; Богаевский А.П. Указ. соч. С.46-47.
- ¹⁹⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.268-270; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.293.
- ¹⁹⁷ Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.294; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.38.
- ¹⁹⁸ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.39.
- ¹⁹⁹ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.40-41; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.221; Богаевский А.П. Указ. соч. С.50.
- ²⁰⁰ Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.294; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.38.

- ¹⁰⁹ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.39.
¹⁷⁰ Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.294.
¹⁷¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.220,229.
¹⁷² Богаевский А.П. Указ. соч. С.51; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.42.
¹⁷³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.221.
¹⁷⁴ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.42-43.
¹⁷⁵ Богаевский А.П. Указ. соч. С.52.
¹⁷⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.220-221.
¹⁷⁷ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.43.
¹⁷⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.221-222; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.43-45; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.295.
¹⁷⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.221.
¹⁸⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.222; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.45; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.10.
¹⁸¹ Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.295-296.
¹⁸² Богаевский А.П. Указ. соч. С.59.
¹⁸³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.259; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.10.
¹⁸⁴ Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.297; Денские документы генерала Алексеева. С.347.
¹⁸⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.222.
¹⁸⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.227; Богаевский А.П. Указ. соч. С.55; Гуль Р. Указ. соч. С.49,52-53; Пауль С.М. Указ. соч. С.72.

КУБАНСКИЕ СКИТАНИЯ

За четыре дня относительно спокойного пребывания в Ольгинской командование переформировало части: мелкие были влиты в более крупные и все сведены в три полка — 1-й Офицерский (командир — генерал С.Л. Марков), Корниловский (командир — полковник М.О. Неженцев) и Партизанский (командир — генерал А.П. Богаевский), — два батальона (Юнкерский генерала А.А. Боровского и Чехословацкий инженерный капитана Я.Ф. Немечека), артиллерийский дивизион (четыре батареи по 2 легких орудия, командир — полковник С.М. Икишев) и три конных отряда (командиры — полковники В.П. Глазенап, В.С. Гершельман и А.А. Корнилов). Примкнувшие к армии в Ольгинской малочисленные пешие партизанские отряды донцов были влиты в Партизанский полк, конные — в отряд Глазенапа.

Сведение частей породило немало обид и уязвленных самолюбий: одни были понижены с батальонных командиров до ротных и отказывались командовать ротой, еще больше было таких, кто во-

обще лишился командной должности и встал в строй рядовым. Не удалось избежать и трений между сведенными вместе частями, потерявшими прежнюю самостоятельность, а то и старых, «своих», командиров: так, юнкера были недовольны слиянием со студентами бывшего Ростовского полка, которых они считали «социалистами».

Общая численность боевого элемента армии не дотянула до 3 тыс.¹

Выступая перед построенными батальонами своего полка, Марков не удержался от горького упрека — тем, кого в этом строю не было: «Не много же вас здесь. По правде говоря, из трехсоттысячного офицерского корпуса я ожидал увидеть больше»². Упрек, вполне заслуженный и понятный, повис в потеплевшем воздухе. Как и не заданный вопрос: откуда Алексеев взял бы деньги на содержание армии, вступи в ее ряды еще хотя бы 2 — 3 тысячи?

Не менее тысячи — до четверти всей армии — насчитывал небоеспособный элемент: до 200 вывезенных из Ростова раненых и больных, чиновники Военно-гражданского управления, общественные деятели и беженцы, в большинстве — женщины и пожилые мужчины, связанные с армией самыми разнообразными, но тесными узами, а также подводчики. Все они составили обоз, в командование которым вступил генерал Эльснер.

При таком соотношении боевого и небоевого элементов собственно армия, по выражению прагматика Лукомского, являлась лишь «прикрытием к своему обозу»³.

Сколачивание обоза, чем лихорадочно занимались в Ольгинской Эльснер и его подчиненные, наглядно обнаружило плачевные результаты скудного финансирования и ненадежного снабжения. Винтовочных и ружейных патронов было совсем немного, снарядов — не более 700, то есть меньше сотни на орудие, что, по опыту Великой войны и боев под Ростовом, считалось крайне недостаточным. Медикаментов и перевязочных материалов не было. Скудные запасы теплого обмундирования и обуви бросили в Ростове, и раздать многочисленным нуждающимся было нечего. Поскольку обозные лошади, купленные в Ростове, «имели жалкий вид и еле тянули свои повозки и сани», пришлось покупать лошадей у казаков, заломивших по такому случаю «баснословную» цену⁴.

Вобрав в себя весь небоеспособный элемент и скудные запасы, обоз разросся почти до 300 повозок⁵.

Как показали дальнейшие события, обоз был слишком мал и беден, чтобы обеспечить армию в походе всем необходимым, и слишком велик (растягивался до трех верст), чтобы не сковывать ее маневров и не замедлять ее передвижение.

В Ольгинской же, когда стало очевидным, что «триумвират» не восстановить, а Политический совет распался, так как многие его штатские члены не рискнули идти в поход, пришлось в очередной раз регулировать служебные отношения (об урегулировании личных уже никто и не помышлял) и разделять сферы компетенции между Алексеевым и Корниловым. Установлено было, что управление армией в походе и постановка ей боевых задач — прерогатива Корнилова, а Алексеев «будет руководить политической частью, сношениями с внешним миром и в его руках будет казначейская часть». По смыслу договоренности, поскольку контролируемая территория свелась теперь к занимаемым позициям, снабжение армии перешло в руки командующего. Управлять, собственно, было нечем, и «гражданское управление» у Алексеева не то чтобы было изъято, а попросту превратилось в фикцию. Не осталось и возможности вести печатную пропаганду и сноситься с внешним миром (с ним — в виде окрестных населенных пунктов — реально могла теперь «сноситься» лишь войсковая разведка). Таким образом, сфера власти командующего расширилась, а Алексеева — сузилась до сугубо казначейской. Радикально разрешить «больной вопрос о взаимоотношениях между ними» так и не удавалось, ибо «один другому подчиниться не мог»⁶.

Ставя интересы дела выше честолюбия, Алексеев уступил Корнилову при перераспределении власти, но в чем он уступить не мог, так это в вопросе о направлении похода. Если командующий, колеблясь, склонялся к району зимовников и уже отдал предварительные распоряжения⁷, то Алексеев с каждым днем смотрел на Сальский округ все мрачнее. Главной причиной тому были бьющие в глаза малочисленность и плохая обеспеченность армии, громоздкость и бедность ее обоза. Тяжело переживая неудачу на Дону, он все острее ощущал на своих плечах ответственность за жизнь доверившихся ему людей. И потому все прочнее утверждался в екатеринодарском направлении уже не только по соображениям приобретения новой базы (расчеты и надежды на это, ввиду «неопределенного положения на Кубани», изрядно подтаяли вместе со снегом), но и из опасения, что движение к Великокняжеской не позволит армии вырваться из окружения, а возможно, и того хуже — заведет ее в куда более плотное вражеское кольцо. А если Кубань также не даст прочной и богатой базы — действительность принуждала его примириться с этой горькой мыслью, — то наилучшим выходом было бы распустить добровольцев и, раздав деньги, предложить им самостоятельно пробираться через Кавказские горы, «кто куда пожелает или будет в состоянии»⁸.

Утром 12 февраля от прибывшего из Новочеркасска генерала

Лукомского Алексеев получил ожидаемые, но оттого не менее трагичные вести: Назаров сложил полномочия. Тогда же из разговоров с Романовским и Эльснером он заключил, что «сумасброд» Корнилов уже принял, ни с кем не обсудив, решение двигаться в район зимовников. Поэтому днем он написал тому пространное письмо, в котором, настойчиво попросив созвать по этому вопросу совещание командного состава, ясно обозначил свою позицию: при уходе в район зимовников «невозможно не только продолжение нашей работы, но даже при надобности относительно безболезненная ликвидация нашего дела и спасение доверивших нам свою судьбу людей»⁹.

На состоявшемся во второй половине дня совещании большинство поддержало Алексеева, разделив его взгляд, что уход в Сальский округ довольно рискован по стратегическим и политическим соображениям. Армия окажется зажатой между разлившимся Доном и железной дорогой Царицын — Батайск, все узлы которой, равно как и выходы всех грунтовых дорог из района, будут заняты большевиками. Результатом станут невозможность получать извне пополнения людьми и предметами снабжения и отстранение от «общего хода событий в России». А в зимовниках, где нет ничего, кроме хлевов, немолотого зерна, сена и скота, для армии не хватит ни жилья, ни продовольствия.

Меньшинство, как и Корнилов, склонялось к соединению с донскими отрядами и уходу вместе с ними в район зимовников с целью дожидаться подъема казаков, который представлялся неминуемым после первых же опытов большевистского правления. Особенно активно отстаивал этот взгляд генерал Богаевский, горячо уверяя, что зимовники очень богаты, всем найдется место, и никто голодать не будет¹⁰.

Однако в перспективу казачьего подъема после всего, что случилось, верилось слабо. Давала о себе знать крайняя степень физической и душевной усталости. А кого-то могло посетить и злорадовство по поводу донцов: раз они, позабыв о России и нарушив присягу, предпочли пережить смуту «с краю», в сытости и теплых хатах, пускай теперь опробуют большевистскую хватку на своем горле — сами накликали беду. И, напротив, хотелось верить, что на Кубани найдется-таки «земля обетованная»: богатое снабжение, сочувствие населения, «борющаяся власть» и уже сформированные добровольческие части. Эта вера давала силы, и потому разумный скептицизм, не преувеличены ли кубанские «прелести» стоустой молвой, отодвигался в самые дальние закоулки разума.

Решающим же аргументом в пользу Кубани, похоже, стало соображение Деникина, только что назначенного Корниловым заме-

стителем командующего. По его мнению, самым привлекательным на Кубани для Добровольческой армии были не природные богатства (еще предстояло немало сделать, чтобы обратить их на удовлетворение ее нужд) и не сочувствие населения (что было под большим вопросом), а совсем иное – «уцелевший от захвата большевиками центр власти – Екатеринодар», который только и мог дать «возможность начать новую большую организационную работу».

Против такого веского аргумента устоять было трудно, и Корнилов согласился изменить свою точку зрения. Совещание приняло решение идти на Кубань, точнее – на Екатеринодар¹¹.

Сила и вес деникинского аргумента, в общем, понятны. Генералы, традиционно считавшие смыслом существования и главным предназначением гражданской власти обеспечение нужд армии вообще и в период войны – в особенности, не могли не ощущать своей беспомощности в отсутствии атрибутов и рычагов власти, средоточием и олицетворением которых был город. Как минимум губернский – с канцелярией губернатора, губернским правлением и губернскими учреждениями центральных ведомств (финансовыми, полицейскими, судебными, военными, транспортными, связи и т.д.) или областной – с казачьими войсковыми учреждениями впридачу. Военизированный вариант такой власти – генерал-губернаторство – считался жизненно необходимым и для начала вполне достаточным придатком к Добровольческой армии, способным в условиях кризиса и войны эффективно решать проблемы как ее финансирования, пополнения, снабжения и обслуживания, так и обеспечения «спокойствия» в тылу.

Считая себя далекими от гражданского управления как от чего-то чуждого и малопонятного, генералы стремились к скорейшему овладению атрибутами и рычагами власти, полагая, что именно они помогут выкачивать из занимаемой территории финансовые, материальные и людские ресурсы в масштабах, позволяющих армии не просто удерживать ее, а активно расширять. Более того, по их убеждению, аппарат управления мог и был обязан быстро «переваривать» вновь присоединенные районы – распространять на них свою деятельность и подключать их ресурсы к финансированию, снабжению и пополнению армии.

Это стремление генералов обзавестись собственной территорией и управляющим ею отлаженным аппаратом, подчиненным военному диктатору – командующему армией, надо думать, многократно усилилось печальным опытом сотрудничества с Новочеркасском, который, по их мнению, не столько помогал формировать армию и воевать, сколько мешал. И чем меньше они чувствовали себя способными, за неимением знаний и опыта, создать такой ап-

парат самим и из себя, тем активнее стремились они заполучить его в готовом виде путем занятия ближайшего губернского (областного) города или хотя бы города со своим градоначальством.

С Новочеркасском и Ростовом не вышло по вине Каледина и его правительства. Из ближайших, которые не надо было отвоевывать у большевиков и где прежний аппарат еще не был ими разрушен, остался Екатеринодар. Столица Кубанского казачьего войска – вернее, ее аппарат управления со всеми атрибутами, рычагами и моральным авторитетом у населения – по их расчетам, должен был стать стержнем базы, твердо опершись на которую, можно будет развернуть армию, обеспечить ее всем необходимым и двинуть к центрам власти большевиков. Конечно, хлеба и избы зимовников для этой роли не годились.

Днем 13 февраля до Ольгинской дошли вести о падении донской столицы: накануне Новочеркасск заняли казачьи части Голубова. Назаров, который назвал себя «атаманом только на бумаге», блюдя завет Каледина – выборный атаман не смеет покидать свой пост, – был арестован во дворце (18 февраля он будет расстрелян большевиками – примет смерть, предназначенную Каледину). И суток не прошло, как вслед за казаками, нарушив договоренность с подтелковским ВРК, в город вступили советские части Саблина.

В первой половине дня 13 февраля в Ольгинскую приехали походный атаман Попов и его начальник штаба полковник В.И. Сидорин. Перед самым вступлением в Новочеркасск частей Голубова они вывели из города собранный ими отряд – до 1,5 тыс. конных казаков при 5 орудиях и 40 пулеметах. Рассчитывая теперь соединиться с Добровольческой армией и вместе с ней уйти в Сальский округ, они и явились к Корнилову.

На командующего численность и вооружение донского отряда произвели сильное впечатление. Вдобавок он, наверняка, прикидывал, что теперь, с потерей Новочеркасска, гонору у казаков побавится, и можно просто подчинить отряд себе и влить его в армию. Тем более, что Попову, никогда не залетавшему высоко, трудно будет противостоять его авторитету. Беседа с донцами кончилась тем, что Корнилов в очередной раз колебнулся и отдал приказ конному авангарду, уже выдвинувшемуся к Кагальницкой, свернуть на восток – к Великокняжеской.

Весть об этом подняла с постели заболевшего бронхитом Деникина. Его попытки отговорить командующего кончились лишь тем, что тот согласился созвать новое совещание.

К полудню в столовой казачьего дома, к которому жили Корнилов и Романовский, собрались Алексеев, Романовский, Лукомский, Марков и несколько командиров частей.

Попов доложил о занятии голубовскими казаками Новочеркасска, аресте и расстреле (тут он поторопил события) войскового атамана Назарова. Затем Корнилов, решивший, видно, после спора с Деникиным не действовать столь прямолинейно, предложил Попову присоединить донской отряд к Добровольческой армии и идти с ней на Кубань. Попов (нельзя исключать, что такой ход был обговорен ими заранее) твердо заявил, что его отряд не может покинуть Донскую область и отойдет в район зимовников. Там, если верить его красноречию, было довольно хлеба, фуража, лошадей, скота и телег для обоза, район с севера прикрыт Доном и из него можно развивать партизанские действия в любом направлении. После чего Корнилов предложил высказываться, оговорившись, что он хотел еще раз обсудить вопрос о направлении движения с учетом заявления Попова, дабы все убедились: с уходом на Кубань будет потеряна возможность соединения с многочисленным и хорошо вооруженным донским отрядом.

Алексеев высказался первым. Заметив, что «вряд ли встречается надобность вновь дебатировать этот вопрос», он повторил свои аргументы за «единственно правильное» направление — на Екатеринодар: легче прорвать вражеское кольцо, возможность занять под базу богатый и многолюдный район, надежда присоединить местные отряды добровольцев и поднять кубанских казаков, а в случае неудачи армия «будет в силах дойти до Кавказских гор», где «можно будет ее распустить».

Неожиданно для себя Алексеев, Деникин и другие сторонники отхода на Кубань встретили серьезные возражения со стороны Лукомского. Помимо знаний и опыта в том, несомненно, говорило и самолюбие, сильно задетое снятием с должности начальника штаба и назначением вместо него, явно с подачи Деникина, «мальчишки» Романовского. Его первый контраргумент состоял в неизвестности положения на Кубани: расчет на подъем кубанских казаков может оказаться ошибочным, как уже случилось на Дону, и добровольцев они «встретят как врагов». Второй — в неготовности армии к походу: чрезмерно большой обоз со слабыми лошадьми при наступившей распутице лишит ее маневренности и в походе на Екатеринодар приведет к большим потерям и, возможно, полному разгрому. Дабы избежать худшего развития событий, он предложил отойти вместе с донцами в район зимовников, где передохнуть, переформироваться и пополниться. В этом районе армия сможет в течение как минимум двух месяцев отражать наступательные попытки большевиков, а далее принимать решение в зависимости от изменившейся обстановки.

Итогом совещания стало предложенное Корниловым компромиссное решение: пока отойти вместе с донским отрядом в зимовники — но не северные, у реки Дон, а к западу от Великокняжеской, — там привести армию в порядок и затем, «вероятно», двигаться на Екатеринодар. В качестве промежуточной цели он назвал станицу Егорлыкскую, где, по сведениям разведки, имелись артиллерийские припасы и откуда была возможность свернуть и на Великокняжескую, и на Екатеринодар. Ввиду трудностей размещения и довольствования, на Егорлыкскую Добровольческая армия и донской отряд будут двигаться не вместе, а параллельно, держа устойчивую связь. Наконец, решено было собрать более обстоятельные и точные сведения о районе зимовников¹².

Такое среднее решение, допускавшее даже теоретически, что армия может не пойти на Екатеринодар, сильно обеспокоило Алексеева. И около 7 часов вечера, дождавшись, когда Попов и Сидорин уехали к своему отряду, он настоял на созыве еще одного совещания. По сравнению с дневным, на вечернем совещании, помимо уехавших донцов, отсутствовали Деникин и Лукомский: первый совсем расхворался и не пришел, второй же странным образом (скорее всего намеренно) приглашен не был. Случай, однако, распорядился так, что Лукомский, явившись к Романовскому по своим делам, вошел в столовую, когда совещание уже началось. Выставить его было неудобно и Корнилов пригласил бывшего начальника штаба к столу. Сначала Алексеев, а затем Лукомский повторили свои противоположные друг другу аргументы, после чего Корнилов заявил, что принятого днем решения менять не станет¹³.

Колебания и споры генералов понятны: никому не дано было знать, что случится завтра. Не известно было, какое решение спасет армию, а какое погубит. С узко военной точки зрения, передышка в районе Великокняжеской была предпочтительнее (и дальнейшая — относительно благополучная — судьба донского отряда генерала Попова подтверждает это). Но над всеми законами академической стратегии и тактики, над всеми реальными и мнимыми страхами и надеждами довели два образа: Кубань как база, богатая людскими и материальными ресурсами, и Екатеринодар как «центр власти», способный обратить эти ресурсы на удовлетворение нужд армии. То и другое вместе — единственное, что давало шанс не только выжить, но и продолжить борьбу с новыми силами и еще большим размахом, расширить ее до всероссийских масштабов.

14 февраля Добровольческая армия выступила из Ольгинской в Хомутовскую. Уныло бредущих, вразнобой и не по-зимнему обмундированных добровольцев, чья колонна с многочисленным обозом посередине сильно смахивала на цыганский табор, насмешками провожали казаки, высыпавшие на улицу целыми семьями. Среди станичников, сытых и хорошо одетых, выделялись молодые здоровые фронтовики¹⁴.

К вечеру армия пришла в Хомутовскую. Утром 15 февраля, при выходе из станицы, колонна добровольцев была обстреляна несколькими эскадронами 4-й кавалерийской дивизии. Атаку без особого труда отбили; первый в походе удачный бой несколько поднял настроение. Поздно вечером 16 февраля дошли до станицы Мечетинской, где простояли, отдыхая, весь следующий день.

К этому времени разведка собрала «вполне отрицательные» сведения о зимовниках: бедны продовольствием и жильем, которое вдобавок разбросано так, что частям непросто будет поддерживать связь друг с другом. 17 февраля в Мечетинской Корнилов вызвал в здание станичного правления, которое по уже родившейся традиции стали занимать под штаб, командиров всех частей вплоть до мелких донских отрядов. Нисколько по обыкновению не заботясь о яркости своего выступления, он резко и сухо изложил мотивы окончательного решения и императивно указал направление — Екатеринодар. Командующий и его помощники опасались, что отряды казаков могут отколоться: не так просто было уйти им из родного края, бросить семьи и добро, оторваться от своего походного атамана, а их командирам — потерять прежнюю самостоятельность. Но все обошлось: донцы, поразмыслив, предпочли остаться с Корниловым, тем более что многими из них непосредственно командовал земляк — донской генерал Богаевский.

Попову было отправлено предложение присоединиться и вместе идти на Кубань. Через два дня — 19 февраля — он прислал в Егорлыкскую, куда пришла армия, нарочного с отказом, мотивировав его нежеланием своих офицеров и казаков покидать родной Дон. Добровольческие начальники расценили это решение походного атамана как «негосударственное». На их взгляд, оно было продиктовано лишь честолюбием Попова и Сидорина, которое не могло примириться с неизбежным подчинением Корнилову: в случае соединения «азбука военного дела» требовала установления единоначалия¹⁵.

В очередной раз добровольцы не нашли с казаками общего языка. «Для нас, — объясняет Деникин, — Дон был только частью рус-

ской территории, для них понятие «родины» раздваивалось на составные элементы — один более близкий и осязаемый, другой отдаленный, умозрительный»¹⁶. Он мог бы сделать из своего наблюдения более полный и объективный вывод: в отказе соединиться с Добровольческой армией и подчиниться Корнилову если в какой-то мере и дало о себе знать честолюбие Попова и Сидорина, то куда больше проявилось их опасение, что Добровольческая армия втянет донское казачество в борьбу против всей большевистской России. А это принесет Дону неисчислимые беды, потери и разорение. Казаки, по определению Трубецкого, «глубокие эгоисты и шкурники», не прочь были использовать Добровольческую армию для защиты Дона, но они вовсе не склонны были позволять «старорежимным генералам» Алексею и Корнилову использовать их самих для отвоевания России у большевиков.

Соединение не состоялось. Добровольцы и донцы пошли разными дорогами: «Ледяной» и «Степной» походы, начавшись практически в одной точке, никогда не пересеклись.

Это имело самые роковые последствия. Не для донцов — для добровольцев. Если Донской отряд Попова и без Добровольческой армии (а возможно, не в последнюю очередь благодаря именно этому) сумел выжить в Сальских степях и, сохранив силы, дожидаться всеобщего казачьего восстания против Советов на Дону, то Добровольческой армии отсутствие донской конницы обошлось очень дорого. Без крупных конных частей она была лишена необходимой маневренности, не могла энергично преследовать противника и вести глубокую рейдовую разведку. Это стало одной из главных причин больших потерь в боях против конницы противника и неудачи штурма Екатеринодара.

Такова была трагическая завязка 1-го Кубанского («Ледяного») похода: ради его цели — Екатеринодара — командование добровольцев пожертвовало соединением с полуторатысячным конным отрядом донцов, без которого эта цель стала недостижима. Доказательства тому ждали армию и ее генералов впереди.

88 верст от Ольгинской до Егорлыкской Добровольческая армия прошла за шесть дней; неспешность, вынужденная невылазной грязью и сомнениями, куда повернуть, вполне позволялась пассивностью большевиков. В пути командиры сколачивали части, а снабженцы покупали лошадей и, ввиду наступившей распутицы, телеги вместо саней. Развертывание конных отрядов наглухо уперлось в острую нехватку в армии как верховых лошадей, так и денег на их покупку¹⁷.

В Егорлыкской Область войска Донского закончилась. Дальше простиралась Ставропольская губерния, населенная больше-

вистски настроенными крестьянами и наводненная революционными частями 39-й пехотной дивизии, пылавшими ненавистью к «кадетам». На пути к заветной цели – Екатеринодару – этого «сплошного осинового гнезда» было не миновать.

Чаще всего впереди колонны главных сил, опираясь на длинную палку, в полушубке с белым овчинным воротом и высокой папахе, шел Корнилов; его изборожденное морщинами монголо-видное лицо было сумрачно и спокойно. За его спиной держался моложавый Романовский, сохраняя на своем холемом лице невозмутимость и многозначительность, которые плохо знавшими его людьми часто принимались за холодность и надменность. Рядом, с карабином через плечо, тяжело шагал Деникин – в штатском пальто, черной шапке и чужих сапогах с дырявыми подошвами (его чемодан с обмундированием потерялся); в конце концов, сильный бронхит уложил его в повозку. Каждый был занят своими невеселыми мыслями, и общий разговор обычно не клеился. Часто к ним присоединялся Богаевский; и он, любитель веселых компаний, шуток и анекдотов, сдержанно помалкивал.

Несколько поотстав от них, в окружении офицеров своего конвоя, трясясь в экипаже Алексеев, кутаясь в шинель и превозмогая приступы боли. При нем в небольшом чемодане и под мундирами его офицеров – «деньгонош» – хранилась вся добровольческая казна, насчитывавшая в начале похода около 6 млн. руб.¹⁸

До вступления в Екатеринодар существенного пополнения казны не предвиделось. Опасаясь, что расходы в походе превысят прежние траты (в среднем до 3,5 млн. руб. в месяц), Алексеев решил прибегнуть к конфискации государственных и общественных денег в занимаемых населенных пунктах. Правда, не раньше чем армия покинула пределы Донской области. Никто не возражал. Жизнь заставила-таки пренебречь опасениями «набросить тень на доброе имя Добровольческой армии».

В Ставропольской губернии и Кубанской области были реквизированы или «взяты на хранение» обнаруженные в кассах десятка станичных правлений, ссудосберегательных и кредитных товариществ, железнодорожных станций, почтовых отделений и потребительских лавок около 100 тыс. руб. банкнотами и 150 тыс. руб. акциями компаний и банков, билетами военных займов, почтовыми и гербовыми марками, банковскими расписками. Денежные ящики вскрывались вполне официально: в присутствии станичных атаманов, офицеров армии и местных должностных лиц, составлялись акты и писались расписки¹⁹.

Предусмотрительность Алексеева, с которой он оприходовал в казну не только наличные рубли, но и разного рода ценные бума-

ги, объясняется вовсе не намерением в будущем содержать армию игрой на бирже. А тем, что на юге, как и по всей России, из-за стремительной инфляции, распада денежной системы и острого дефицита денежных знаков ценные бумаги стали обращаться как средство платежа наравне с банкнотами²⁰.

Эти конфискации стали в походе практически единственным источником пополнения «алексеевского чемодана».

Стоически мирясь с пренебрежительным отношением к себе со стороны не только Корнилова, но и его окружения, Алексеев подчеркнуто не вмешивался в управление армией, ни на что не жаловался и с головой ушел в распределение скудных средств. Экономил, как мог, ибо опасность опустошить казну прежде чем удастся достичь Екатеринодара и получить какие-то деньги, казалась весьма вероятной. Не раз он со скорбной улыбкой говорил Деникину: «Не знаю, дотянем ли до конца похода...»²¹.

Составить более или менее точное представление об объеме и структуре расходов Добровольческой армии в походе невозможно. Во-первых, Алексеев заносил в свою знаменитую записную книжку не все расходы, а лишь «подлежащие учету и не секретные»²². Во-вторых, никакой бухгалтер не назвал бы его расходные записи образцовыми: выдавая деньги заведующему Финансовым отделом Н.Н. Богданову (изредка – непосредственно казначею капитану Петрову), Алексеев указывал лишь дату, сумму и в самом общем виде цель – «для текущих уплат» или «на жалование».

Согласно этим записям, за 80 дней похода Алексеев выдал из казны около 4,5 млн. руб. Из них 1 млн. 65 тыс. – на жалование (в феврале – 300 тыс., в марте – 400 тыс., в апреле 365 тыс.) и 3 млн. 435 тыс. – на текущие расходы²³.

Таким образом, в походе ежемесячные расходы сократились более чем в два с половиной раза – с 3,5 до 1,5 млн. руб., из которых четверть составляло жалование.

Уже в марте выдача жалования и приварочных окладов (на продовольственное довольствие) встретила трудности: мелкие купюры подошли к концу. Попытки разменять крупные купюры наталкивались на «непреодолимое недоверие населения»: станичники, селяне и хуторяне отродясь не держали в руках тысячных и 5-тысячных купюр, да еще выпущенных после того, как «царя скинули». Поэтому жалование стали выдавать коллективно – одну крупную купюру на несколько человек²⁴.

Казначей частей, получив деньги от казначея армии капитана Петрова, раздавали их командирам подразделений, а те – своим бойцам. Перед раздачей жалования некоторые из командиров для себя и своих «приближенных» втихую отбирали «никлаевские»,

которые население принимало куда охотнее и которые, соответственно, котировались выше «думских» и «керенских»²⁵.

Из текущих расходов основные приходились на покупку лошадей, цена которых подскочила до 500 руб., телег для обоза, одежды и обуви²⁶.

Не менее остро, чем финансовый, в этом партизанском походе стоял вопрос пополнения и снабжения: выживет Добровольческая армия или нет — зависело от того, будет ли она обескровлена и истощена в боях с превосходящими силами большевиков прежде, чем обретет Екатеринодар — «центр власти», способный пополнить ее живой силой, снабдить вооружением, боеприпасами и прочими предметами военного снаряжения.

Корнилов старался приободрить себя и других надеждой на приток в походе новых добровольцев. Не раз он говорил, что казаки донских и кубанских станиц, через которые будет проходить армия, откликнутся на его призыв и вступят в конные части, а крестьянские селения дадут пополнения для пехоты²⁷. Если ставка на казаков еще имела хоть какие-то основания, то надежды на иногородних выдают политическую наивность командующего. Донской урок не пошел впрок.

Иллюзорность этих надежд обнаружилась сразу же.

В донских станицах казаки встречали добровольцев приветливо, не отказывая в ночлеге, продавая продукты и даже приглашая за свой стол. По привычке дружно собираясь по звону церковного колокола на площади, внимательно слушали речи Алексева, Корнилова и добровольческих агитаторов. Но желающих присоединиться к армии, несмотря на понукания атаманов и стариков, не находилось. Донцы «держали нейтралитет»²⁸.

В Ставропольской губернии шансов пополнить пехоту крестьянами было еще меньше. 21 февраля добровольцам впервые пришлось вести серьезный и кровопролитный бой — за крестьянскую слободу Лежанку — с оборонявшимися ее частями Юго-Восточной революционной армии (главнокомандующий — кубанский казак хорунжий А.И. Автономов). Формируемая большевиками в Ставропольской губернии и Кубанской области из крестьянских ополчений, революционных частей 39-й пехотной дивизии, отрядов местной красной гвардии и моряков-черноморцев, эта армия пользовалась сочувствием и поддержкой крестьянского и отчасти казачьего населения, прежде всего фронтовиков и молодежи, и к концу марта ее численность приблизилась к 20 тыс.

23 февраля Добровольческая армия вступила на территорию Кубанского края, где встретила, наконец, долгожданное казачье радушие. Добровольцам подносили хлеб-соль, и станичные сборы

высказывались за борьбу против большевиков. Но и на Кубани расчеты на массовый приток пополнений не оправдались. В одних станицах группы вооруженных и конных казаков — от нескольких десятков до полутора сотен — вступали в армию. В других казаки колебались: поначалу, послушав речи Алексева и Корнилова, воодушевлялись, седлали коней и доставали оружие из сеновалов и погребов, затем, поостыв и поразмыслив, расседывали коней и снова прятали оружие. Ясно было, что идущие следом большевики не дадут спуска тем, кто приветал «кадетов», а уж семьи тех, кто ушел с ними, не ждет ничего, кроме расправы и разорения. А были и случаи — впервые это произошло 1 марта у Березанской, — когда казаки-фронтовики вместе с иногородними встречали добровольцев пулями.

В Закубанье, переправившись 6 марта через Кубань, армия оказалась в «сплошном большевистском окружении»: каждый крестьянский хутор приходилось брать с боем, в каждой станице революционно настроенная казачья молодежь и фронтовики оказывали вооруженное сопротивление «кадетам». Крестьяне поголовно уходили из своих селений вместе с отступившими частями и отрядами революционной армии. О пополнениях не приходилось и думать²⁹.

Ситуация разом изменилась к лучшему, когда 14 марта Добровольческая армия соединилась с Кубанским отрядом, правительством и Радой. Во-первых, ее численность сразу возросла на 2,5 — 3 тыс. штыков и сабель. Во-вторых, правители Кубани были более успешны в агитации станичников. И в середине 20-х чисел марта, когда армия подходила к Екатеринодару, она насчитывала до 9 тыс. человек, включая около 2,5 тыс. небоевого элемента (раненые и больные, гражданские чины и общественные деятели, беженцы и подводчики), до 4 тыс. лошадей и до 600 повозок³⁰.

27 марта, приступив к операции по овладению Екатеринодаром, Корнилов впервые издал приказ окрестным кубанским станицам немедленно выставить и прислать в армию конных и вооруженных казаков. Отчасти он был выполнен, и армия пополнилась несколькими сотнями³¹.

В два — три раза уступая войскам Автономова в численности, Добровольческая армия воевала по-суворовски — умением. Начиная с первого серьезного боя под Лежанкой, она побеждала многочисленного и хорошо вооруженного противника за счет тактической грамотности командиров и их толкового управления, за счет выучки и стойкости бойцов. Однако в каждом бою сильно сказывался недостаток конницы: не было ни хорошей разведки, ни энергичного преследования.

Слабая конница стала ахиллесовой пятой армии. Особенно на Кубани, где поход превратился в непрерывное наступление и отступление одновременно: впереди приходилось взламывать оборону противника, а с тылу отражать его атаки. База армии, в виде занимаемых окрестностей и обоза, постоянно была, таким образом, «при себе»³².

Корнилов, намереваясь как можно быстрее достичь Екатеринодара, подгонял части, в станицах не задерживался и старался по возможности избегать боев. Однако походные условия, погода и противник часто заставляли бой принимать — чтобы брать населенные пункты, обороняемые революционными войсками и отчасти жителями. Ночевать в степи, под открытым небом, когда дул пронизывающий ветер и оттепель то и дело сменялась заморозками, было равносильно самоубийству. Лишь в селениях удавалось найти, даже не для всех, тепло и пищу, оказать помощь раненым и больным, пополнить обоз, набрать возчиков, да и просто выспаться по-человечески³³.

Наконец, еще одна проблема, неразрешимая в условиях партизанского рейда, когда «база» сводилась к обозу, — снабжение оружием и боеприпасами — заставляла не просто принимать бой, а искать его. На Кубани, по мере продвижения к Екатеринодару, когда «уже роковым образом ощущался недостаток боевых припасов», Корнилов вынужден был изменить тактику и отказаться от обходных маневров с целью уклонения от боя. Военно-политическая и снабженческая ситуация заставила его наносить удары в тыл группам армии Автономова, расположившимся на Владикавказской железной дороге, чтобы захватывать станции, где была надежда найти склады или вагоны с оружием, снарядами и патронами.

Хотя разведка не была толком налажена, смутные сведения о боевых припасах часто подтверждались.

Оплаченные кровью добровольцев, трофейные снаряды и патроны позволяли поддерживать минимальный запас, необходимый для следующей операции. Перевозились они в обозе, где ими ведал Артиллерийский отдел, и в бою высылались частям. Запас обычно не превышал 100 снарядов на орудие и 150 — 200 патронов на бойца. Как правило, даже в самых тяжелых боях на ураганный огонь противника добровольческие батареи отвечали одиночными выстрелами, одним снарядом на десяток. Корнилову то и дело приходилось приказывать снабженцам высылать из обоза последние снаряды и патроны, говоря: «На станции мы найдем их много...»³⁴. Не много, но кое-что, действительно, находили.

Небольшой запас винтовок, имевшийся в обозе, пополнялся как трофейными, так и забираемыми у убитых добровольцев. В самые

критические моменты их раздавали легкораненым, чтобы обоз мог защитить себя сам³⁵.

Вещевое снабжение в походе практически отсутствовало. Обмундирование и обувь среди трофеев попадались редко и в мизерном количестве. Закупить вещи в населенных пунктах удавалось не чаще. Препятствовала этому, в первую очередь, краткость остановок: армейское интендантство и хозяйственники частей не успевали организовать закупку в селениях, которые вечером брались с бою и утром с боем же оставлялись. Другой причиной была прижимистость казаков, в условиях разрухи и товарного голода склонных продавать свое добро только за большие деньги, которых у снабженцев попросту не было (за пару полуразбитых сапог просили 100 руб.). Кроме того, казаки опасались, что идущие вслед за армией Корнилова большевики расправятся с теми, кто оказал хоть какую-то помощь «кадетам». Крестьяне же либо прятали свое добро, либо, покидая села при подходе добровольцев, все ценное увозили с собой. Тем не менее какие-то вещи закупить все же удавалось, в том числе одеяла для раненых³⁶.

Сходная ситуация была с продуктовым снабжением. Организовать закупку и распределение продуктов хозяйственники не успевали как по причине краткости остановок, так и нежелания населения расставаться со своими припасами. Вдобавок на всю армию было ничтожное число полевых кухонь и котлов. В некоторых частях, тем не менее, иногда умудрялись сварить борщ и кашу и разнести в ведрах по подразделениям³⁷.

Выручала гостеприимность, искренняя или вынужденная, населения. В тех станицах, донских и особенно кубанских, где добровольцев встречали приветливо или хотя бы с дружелюбным любопытством, вселявшихся к ним на ночь казаки звали за свой стол «вечерять», щедро и вкусно угощали, не требуя платы. Особенно сытным такое «подворное» довольствие было на Кубани, где богатство казачьих дворов немало удивляло тех, кто попал в эти края впервые: хозяева с готовностью резали и жарили поросят, забивали птицу, пекли хлеб. В Закубанье угощение было много скромнее, особенно в бедных горных аулах, хотя черкесы, враждовавшие с крестьянскими слободами и встретившие добровольцев как своих защитников, делились с ними последними припасами.

Хлебосольство казаков имело истоком как сочувствие Добровольческой армии и ее борьбе против большевиков, так и простое человеческое сострадание к бесприютным, голодным, замерзшим и оборванным молодым людям. Нередко к этому примешивалось и опасение: не дать самим — отберут силой. В крестьянских дворах это опасение преобладало. А порой, когда раболепство хозяев пе-

ред непрощеными гостями было слишком очевидно, главным стимулом бесплатного довольствования гостей был страх перед мстью за службу кого-то из мужчин у Автономова или участие в обороне поселка.

Когда добровольцы, войдя в дом, встречали настороженное и недоверчивое отношение хозяев, сразу заявлявших, что «ничего нема», они обычно предлагали деньги и платили за то, что выставлялось на стол. Холодный прием, реже казаков и чаще крестьян, иногда имели причиной враждебность к «кадетам», иногда — скупость, иногда — действительно скудость припасов по сравнению с потребностями занявшей слободу армии, а часто — боязнь мести со стороны преследующих ее большевиков³⁸.

Как отмечал Деникин, «положение кочующей армии создавало поистине трагические противоречия: со своими врагами расправлялись добровольцы, с их друзьями расправлялись потом те, кто шел по нашим следам»³⁹.

За счет населения же решалась и проблема обеспечения армии транспортом. Обозное начальство для перевозки раненых, больных и армейского имущества в каждом населенном пункте набирало возчиков с лошадьми и телегами. Достигнув следующего пункта, их отпускали и набирали новых (платили или нет — точно не известно, но, скорее всего, — нет, рассматривая это как обычную подводную повинность, расплачиваться за несение которой должна местная власть). Часто меняли обозных лошадей, забирая у жителей свежих и оставляя им своих — заморенных. В свою очередь, командиры частей, чтобы ускорить и облегчить передвижение, стремились побольше бойцов посадить на подводы. Всюду, где можно, они также брали возчиков, которых после перехода в следующую станицу или слободу отпускали домой, а там набирали других⁴⁰.

Технических средств связи у армии не было. Связь осуществлялась вестовыми, в качества которых Корнилов использовал офицеров своего конвоя, а командиры частей — помимо штабных и вестовых, иногда просто любого, кто подвернется под руку в сумятице боя⁴¹.

Самой неразрешимой и потому в прямом смысле смертельной была проблема медико-санитарного обслуживания армии.

Армейский лазарет, находившийся в ведении Санитарного отдела, был разделен на отделения; в первом из них содержались тяжелораненые. Кроме того, в каждом полку был свой околоток. Доктора имели хорошую квалификацию и большой опыт, но их было всего восемь человек.

В период обороны Ростова и Новочеркасска, когда доброволь-

цы лежали в благоустроенных донских госпиталях и лазаретах, почти полное отсутствие лекарств еще как-то возмещалось уходом и стационарными условиями. В походе же, к которому Санитарный отдел не сумел подготовиться, острая нехватка буквально всего в сочетании с постоянными перевозками с места на место в холод, снег и дождь стала причиной нечеловеческих страданий больных и раненых, высокой смертности среди них.

Операции часто запаздывали или не делались вовсе из-за занятости докторов, нехватки инструментов, отсутствия подходящих условий и помещений, а также времени. Раненые, даже тяжело, по несколько дней не перевязывались — не было перевязочных и антисептических средств, — отчего раны страшно гноились, раненые часто умирали от заражения крови и гангрены. В населенных пунктах медики покупали или забирали все, что удавалось найти — йод, бинты, вату. Но чаще приходилось рвать на бинты куски материи, стирать и перестирывать уже использованные бинты.

Хаты, куда во время ночевки переносили с телег раненых, были переполнены. Многие так и оставались лежать, обычно на полу, грязные, без присмотра и перевязки. Доктора, фельдшера и сестры буквально разрывались, но руки до всех не доходили. Часто кому-то было даже подать воды. Лежание, кто был в сознании, подолгу не могли никого дозваться. Тихие стоны впавших в забытие умирающих не слышал никто, кроме их соседей. Те, кто могли передвигаться, сами разыскивали кого-нибудь из медперсонала; кто упрасивал, кто настаивал, а кто и угрозами заставлял промыть ему рану и сделать перевязку.

Куда больше везло легкораненым, которых оставляли в полковых околотках: там доктора, фельдшера и сестры знали своих однопольчан, размещение и уход были лучше, часто навещались и как-то помогали командиры и сослуживцы.

Участь раненых и больных, на их счастье, несколько облегчалась заботой населения, особенно казачьей⁴².

Высокая смертность создала армейскому лазарету дурную славу, отсюда «шел стон и просьбы о помощи». Когда жалобы доходили до Корнилова, он врывается в занятые лазаретом помещения и грубо набрасывался на его начальника и докторов. В свою очередь, Эльснер, ведавший лазаретом, только «кричал, ругался, просил и разводил беспомощно руками». Но единственно, что реально могли сделать Корнилов и Эльснер, — это в очередной раз снять начальника лазарета и назначить другого; за время похода их сменилось восемь. Алексеев также склонен был считать главной причиной «тяжкого и кошмарного» состояния санитарного дела «полное отсутствие людей, готовых беззаветно и умело работать в этой

области». Начальники менялись, а раненым и больным легче не становилось, поскольку сохранялась главная причина всех бед и страданий: поход в сплошном кольце окружения⁴³.

В лазарете, над которым, по выражению Деникина, «виталя смерть», установился тяжелый морально-психологический климат. Больные и раненые были настроены враждебно к медперсоналу, от которого они не получали необходимого лечения и ухода. Персонал же в убийственной походной обстановке реально не мог этого обеспечить, сбился с ног и растерялся. Невозможность достать медикаменты и перевязочные материалы, ясное осознание обреченности больных и раненых порождали безразличие и бесчувствие к их страданиям; враждебность пациентов только усиливала апатию и ощущение безысходности. Немало сестер с неохотой шли на передовую подбирать и перевязывать раненых; были и такие, кто тяжкому и опасному труду в лазарете, околотках и на передовой предпочитали менее обременительные обязанности походных жен⁴⁴.

Число раненых и больных возрастало ежедневно – после каждого боя и перехода. В начале марта оно приблизилось к 500.⁴⁵ Соответственно, множились и обострялись проблемы лечения и ухода, удлинялся и тяжелел обоз.

Обоз в походе приобрел совершенно исключительное значение для «кочующей армии, не имеющей своей базы»: в нем заключались «жизнь», «страдание» и «страшные пути». Жизнь – поскольку в повозках Артиллерийского отдела везлись оплаченные кровью, а потому воистину «драгоценные» снаряды и патроны, без которых армия была обречена на гибель. Страдание – потому что в повозках армейского лазарета и полковых околотков лежали сотни раненых и больных боевых товарищей. И там же находились беженцы – друзья, родные, близкие. Опасение за их участь нервировало бойцов, привнося в каждый бой дополнительную напряженность, которой и без того хватало. «Страшные пути» – ибо из-за плохой маневренности и управляемости он сковывал каждую операцию и отвлекал силы на его защиту.

В бою над обозом, лазаретом и всем имуществом, нависала опасность быть захваченным. На этот случай раненым и больным оставляли револьверы, дабы не лишать их права «распорядиться своей жизнью в последний роковой момент». Часто, когда шум боя слишком приближался, обоз охватывало страшное волнение, некоторые раненые спрашивали, не пора ли стреляться.

Вообще, обоз создавал для командования не меньше проблем, чем противник. На часть, которой выпадала очередь идти в арьергарде, возлагалась задача не только отбиваться от наседающего

противника, но и прикрывать обоз. Это было весьма непросто из-за его размеров и обычно царившей в нем неразберихи и, как правило, вызывало лишние потери. А новые повозки с новыми ранеными делали обоз еще более громоздким и менее подвижным.

Увеличивался обоз и за счет добровольцев, которые под предлогом болезней, подлинных или мнимых, уклонялись от строя. По мере нарастания усталости таких становилось все больше. Наконец, в походе росло количество различного имущества, покупавшегося или реквизирувавшегося в населенных пунктах. Под него набирались дополнительные повозки, запряженные лошадьми или волами. Кроме переменных местных подводчиков телегами управляли легкораненые и гражданские, включая известных общественных деятелей. На походе три сотни повозок растягивались на несколько верст. Водил обоз сам генерал Эльснер – не слишком энергично, но с невозмутимым спокойствием, питавшимся, вероятно, надеждой, что в Екатеринодаре само собой как-то все устроится⁴⁶.

Корнилов пытался, как мог, бороться с «саморазмножением» обоза: когда позволяла обстановка, пропускал его в походе мимо себя, выбрасывая повозки, показавшиеся ему лишними, и выгоняя в строй всех, показавшихся ему способными участвовать в бою. Несколько раз он назначал особые комиссии для проверки обоза. Но все эти меры давали лишь временный результат: стремление обоза к «саморазмножению» было неодолимым⁴⁷.

* * *

Плохая организация и острый недостаток снабжения компенсировались не только взятием трофеев и помощью сочувствующих элементов населения, но и во все большем масштабе – «самоснабжением» за счет уже не противника, а населения.

Истоки его восходят к мировой войне, три с половиной года которой не прошли даром: постоянные реквизиции, платные и бесплатные, в боевой и часто неуправляемой обстановке, когда интендантства не справлялись со снабжением войск, неизбежно выливались в грабежи местного населения. Единичные случаи множились и становились массовыми, с занятой территории противника распространялись на свою собственную.

Кризис и революционные «экспроприации» 1917 г. в корне подрезали уважение к чужой собственности, которое и прежде не относилось к числу главных национальных добродетелей⁴⁸.

Гражданская война довершила дело: присвоение имущества врага стало неизбежным приложением к его физическому и идейному истреблению.

Случаи «самоснабжения» за счет населения, являвшиеся исключением в период обороны Новочеркасска и Ростова, в походе быстро становились правилом. Сама обстановка партизанского рейда, когда многие населенные пункты встречали добровольцев не хлебом-солью, а пулями, а потом жители, страшаясь мести, покидали свой дома и уходили вместе с отступившим противником, не могла создать никакого другого отношения к брошенному ими имуществу как к трофею, которым победитель имеет полное право распоряжаться по своему усмотрению. Честность и приверженность законности, которые еще совсем недавно культивировали первые офицеры-ударники, противопоставлявшие себя «распоясавшейся солдатне», постепенно становились уделом немногих идеалистов.

Немало казаков, особенно молодых и фронтовиков, вовлеченных пропагандой и мобилизациями местных Советов в боевые действия против «кадетов», и почти все иногородние – арендаторы и батраки, покидали станицы вместе с революционными частями, запирая дома и иногда заколачивая досками окна и двери, бросая имущество и живность. Из крестьянских слобод и хуторов, в обороне которых участвовали даже женщины, население обычно уходило поголовно, заперев хаты и забрав с собой все наиболее ценное; если успевали, лошадей и скот отгоняли далеко в степи. Особенно часто казаки и крестьяне покидали свои станицы и хутора в бедном Закубанье.

Вступая с боем в частично или полностью брошенные селения, добровольцы после холода, голода и мук многоверстных переходов перво-наперво занимали дома, устраивались на ночлег и наскоро готовили обед или ужин, а чаще – то и другое вместе. В ход шли не только съестные припасы, найденные на кухнях и в погребах, но и то, что забирали из сельских бакалейных лавок. Вдобавок азартно ловили и резали свиней и птицу.

Ясно, что хозяйственники прежде всего были озабочены прокормлением штаба, самих себя и раненых. А сон и обед, о которых так страстно мечталось под обстрелом в холодной, сырой и продуваемой всеми ветрами степи, в любой момент могли быть прерваны атакой врага и приказом идти в бой. Поэтому никто из строевых не собирался дожидаться, пока снабженцы добудут и распределят продукты, а кашевары приготовят общий обед. Сами добывали пищу и сами готовили. Благодаря такой предприимчивости в походе части питались лучше прежнего.

Попутно перебирали найденные в комодах и сундуках одежду, белье и обувь – хоть как-то утеплиться и чем-то заменить вконец разбитые сапоги. Для раненых и больных забирали подушки, одеяла и все, что могло сгодиться на перевязку.

Никому и в голову не приходило расплачиваться с неведомыми, но явно «негостеприимными» хозяевами. Хотя бывало, что те неожиданно-негаданно возвращались, получалась «некрасивая картина» и тогда наиболее совестливые отдавали деньги за «реквизированные» вещи и продукты⁴⁹.

Особенно остро добровольцы нуждались в белье: многие имели единственную запасную пару, некоторые – ни одной, а возможность постирать и заштопать выпадала крайне редко. Поэтому, бывало, забирали белье без всякой оплаты даже в домах, где оставались хозяева. Их жалобы и протесты часто вызывали заступничество других добровольцев. Вспыхивали конфликты и нервные дискуссии на тему «Вы не офицер, а бандит!» или «Чем же мы тогда отличаемся от большевиков?!». Обычно все заканчивалось приказаниями командиров возвратить отнятое⁵⁰.

Пагубное влияние на офицеров и учащуюся молодежь оказывали присоединившиеся к армии казаки и черкесы, для которых, согласно прадедовскому обычаю, имущество убитого или бежавшего врага являлось честной добычей. Они искренне недоумевали по поводу негативного отношения к этому наиболее щепетильных офицеров и строгих командиров. А то и выражали недовольство, особенно в тех случаях, когда иногородние, которых они поголовно считали «большаками», разграбили их имущество или того хуже – сожгли дом⁵¹.

Постепенно среди добровольцев распространилось отношение к имуществу, брошенному хозяевами, а также принадлежащему враждебно настроенным к армии жителям как к своего рода трофею. Особенно, если речь шла о большевиках, к каковым добровольцы причисляли всех, оказывавших им сопротивление. В тонкости мировоззрения различных групп населения и конкретных лиц при этом не очень-то вдавались: «Черт их разберет! Здесь все большевики»⁵². Потому самочинные конфискации стали практиковаться не только в крестьянских слободах и хуторах, но и в казачьих станицах. Хотя все же в богатых домах и хозяйствах казаков добровольцы вели себя куда сдержаннее и относились к имуществу много бережнее, чем во дворах иногородних.

Лишь когда речь шла о лошадях, они с одинаковой неумолимостью отбирали их у казаков и иногородних. В лошадях, на закупку необходимого количества которых в армейской казне попросту не было денег, заключалось все: боеспособность частей, спасение от смерти раненых, перевозка оплаченных кровью боеприпасов. Еще во время мировой войны «промысел» лошадей широко распространился в русской армии и стал считаться «не грехом, а лихостью». Теперь же добровольцы при любой возможности забирали лоша-

дей: выводили из конюшен и выпрягали из повозок. Чем вызывали у жителей острую обиду и озлобление. Протесты хозяев игнорировались, поскольку в подобных случаях заступников не оказывалось: каждый видел собственными глазами, как острая нехватка конницы в бою ведет к лишним потерям и как падают без сил обозные лошади, обрекая на смерть раненых. Командиры – и те смотрели на «промысел» лошадей сквозь пальцы⁵³.

Корнилов такой снисходительности позволить себе не мог, ибо хорошо знал: если в армии расцветет мародерство, она потеряет дисциплину и боеспособность. Когда однажды станичник пожаловался ему на казака, укравшего лошадь, он приказал расстрелять своего бойца – в назидание другим⁵⁴.

Так уже в 1-м Кубанском походе обстановка гражданской войны и положение «армии без тыла» быстро и прочно внедрились в добровольцев навыки самоснабжения путем бесплатных самочинных реквизиций, по сути – грабежа беззащитного населения. Циники окрестили приобретенное таким способом имущество не без остроумия: «от благодарного населения».

Моральные тормоза ослаблялись оправданием, в котором многие еще нуждались: «все большевики», а кто не большевик, но не вступает в армию по шкурным соображениям, обязан так или иначе ей помогать. Расследовать жалобы населения и искать грабителей в походных условиях возможности не было. Безнаказанность развязывала руки тем, кого Деникин называл «моральными низами армии». Примеры их «удачливости» и «добычливости» вовлекали в стихию спасительного «самоснабжения» других – «морально неуравновешенных». Добровольцы, осуждавшие грабежи, все чаще оказывались среди своих сослуживцев белыми воронами; на их долю оставались лишь «нравственные мучения» и роль бессильных свидетелей⁵⁵.

«Самоснабжение» за счет «благодарного населения», вынужденное реальной обстановкой, возмещало отсутствие нормально-го тылового снабжения, прежде всего продуктового и вещевого, и тем отчасти поднимало боеспособность и дух армии. Но, с другой стороны, оно постепенно становилось сильнейшим фактором разрушения ее морального состояния. Зародившись не намного позднее Добровольческой армии, этот худший, по сравнению с присвоением захваченных трофеев, вид «самоснабжения» стал вскоре страшным бичом Белого движения на юге России.

* * *

Стержнем боевого духа армии оставалась вера в Корнилова, сильно окрепшая после победного боя под Лежанкой. Восхищен-

ные отзывы о бесстрашии и военных талантах командующего передавались из уст в уста. Каждая новая победа множила и приукрашала их.

Сходило на нет пагубное влияние на дух армии неприязни и ссор между Корниловым и Алексеевым, хотя в походе «полный разлад» между ними стал очевиден всем. По частям гуляли слухи, что по приходе в Екатеринодар армия распадется на две – «Алексеевскую» и «Корниловскую». Но умы строевиков они будоражили все меньше. Настолько поднялся командующий в их глазах и засиял его героический ореол, настолько они уже не допускали мысли, что пойдут за кем-то другим кроме Корнилова. В Алексееве же, державшемся в одиночестве, многие стали видеть что-то вроде статиста, хотя и начальственного: как он «ездит с армией в своей коляске» или «совсем недалеко от цепей стоит». Деникин, пытавшийся в силу своей порядочности сохранить одинаковую близость к обоим вождям, оставался в тени командующего и не воспринимался строевиками как его заместитель. У Корнилова, по общему настроению, не могло быть никаких заместителей: это «святое место» мог занимать только один человек – сам Корнилов⁵⁶.

Вдобавок дни становились длиннее, теплее пригревало солнце и подсыхала грязь. Вместе с землей под ногами тверже становились и надежды на хороший конец похода.

Хорошим концом все считали вступление в Екатеринодар и обретение, наконец, базы формирования и снабжения. Кубань в сознании добровольцев выросла в своего рода «землю обетованную», а Екатеринодар, как выразился Деникин, – в «маленький Иерусалим». Попав незаметно для себя под гипноз Екатеринодара, масса участников похода психологически ощущала его как некий вожделенный рубеж: конец походных мучений, обретение прочной и богатой базы, возвращение к привычной системе тылового комплектования, снабжения и обеспечения, развертывание многотысячной армии и начало освобождения России от «немецко-большевистского ига». А там рукой подать до Москвы и Петрограда⁵⁷.

Однако куда больше факторов и обстоятельств подрывали боевой дух Добровольческой армии.

Прежде всего это – чрезвычайно суровые, выходящие за пределы человеческих сил и возможностей условия похода: постоянное пребывание в не разрывающемся кольце вражеского окружения, часто круглосуточное нахождение под обстрелом, подавляющее превосходство противника в численности и вооружении, ожесточение, с которым дрались и, будучи взяты в плен, встречали смерть красногвардейцы и матросы, и, наконец, «кошмар поход-

ного лазарета» — беспощадно реальный для тех, кто туда попал, и угрожающе вероятный для всех остальных⁵⁸.

Тяжелым ударом по морально-психологическому состоянию добровольцев (впервые это случилось 1 марта под Березанской) стал факт, что против них поднялись кубанские казаки: молодежь и фронтовики, кто сам пошел, а кого «наблизовали», вместе с иногородними обороняли станицы от «кадетов» и помогали частям революционной армии Автономова. Вдобавок многие кубанцы не понимали целей борьбы добровольцев, которые им самим казались столь благородными и патриотичными, и даже осуждали их за то, что «друг с другом воевать стали» и «много бьют народу»⁵⁹.

Не так угнетали собственные большие потери. В походе многие достигли того предела нравственного и физического напряжения, когда переживания и боль притупляются. Ежедневно хороня погибших товарищей, каждый рано или поздно начинал довольно спокойно думать о том, что завтра, быть может, отпевать будут его. Мысль о смерти, даже у многих юношей, вчерашних учащихся, стала привычной и все реже поднимала в душе естественную бурю протеста и возмущения такой несправедливостью. Здоровый эгоизм встал на защиту сердца и разума от чрезмерно сильных эмоциональных перегрузок: к гибели сослуживцев стали относиться в общем-то равнодушно, к навязчивым мыслям о возможности в любой момент погибнуть самому — со спокойным, хотя иногда и несколько напускным, фатализмом⁶⁰.

Предчувствие возможного разгрома армии, страх перед местью большевиков и моральная готовность спастись поодиночке, унесенные из Ростова и Новочеркасска, где-то в глубине души сохранялись, вероятно, у всех. Критические моменты боев, когда положение казалось безнадежным, до предела обостряли эти мрачные переживания и мысли. Справленные многими накануне выступления в поход поддельные документы в случае гибели армии давали хоть какой-то шанс на спасение. Поэтому они бережно хранились, а вымышленные имена по-прежнему были в ходу. Порой по частям ходили столь же тревожные, сколь и беспочвенные слухи, будто в захваченных бумагах некоего большевистского штаба нашли списки армии. Попутно такие слухи порождали мучительные подозрения насчет предательства в собственных рядах⁶¹.

Страх, ожесточение, ненависть и жажда мести у многих находили выход в расстрелах пленных. За счет тактической грамотности добровольцы часто отрезали и окружали группы солдат и красногвардейцев. Возможности выделять людей для их охраны и конвоирования не было, а отпускать — такого «слюнтяйства» никто себе позволить не мог, особенно офицеры. В обстановке боя — не

отвлекались: походя пристреливали и закалывали захваченных и даже сдавшихся. А если пленных брали на исходе или же после боя, находя спрятавшихся в занятых селениях «товарищей», командиры вызывали «желающих на расправу». Охотников до расстрела находилось всегда достаточно. Одни не только стреляли, но и ожесточенно докалывали штыками и добивали прикладами тех, кого пощадили пули. Другие, чьи сердца еще не зачерствели, кто еще понимал, что убить врага в бою и расстрелять безоружного — не одно и то же, участвовали в этом не без смущения, иногда оправдываясь: возможно, именно «эта сволочь» убила родных. Немало было и таких, кто уклонялся от участия в расстрелах пленных, иногда молчаливо, а иногда и вслух осуждая своих товарищей. Кто-то из них горько воспринимал расстрелы как трагедию «подлинной гражданской войны», а кто-то предвидел худшие последствия такой жестокости: «Если так будем — на нас все встанут»⁶².

Встречались среди добровольцев и настоящие садисты, которые расстреливали тех, кого командиры приказывали отпустить — обычно это были местные казаки и крестьяне, мобилизованные большевиками. При этом от души издевались: сначала отпускали или командовали «беги», а потом стреляли в спину. Или при взятии населенных пунктов, осатаев от ненависти и слепой мести, ни за что, ни про что пристреливали случайно подвернувшихся под руку в горячке боя жителей. Иногда вмешательство других добровольцев предотвращало подобные самочинные расправы, иногда — нет. Такая жестокость, фактически — убийства станичников и хуторян, производили самое гнетущее впечатление на население, вызывая озлобление родни убитых и множа число врагов Добровольческой армии⁶³.

Как правило, любители расстрелов и издевательств над пленными и беззащитными селянами, мужеством не отличались. Садистская жестокость была для них своего рода психологической компенсацией пережитого в бою страха и средством самоутверждения. Один из добровольцев высказался по адресу таких типов ярко и образно: «Самые трусы в бою — самые звери после боя»⁶⁴. Сходное наблюдение сделал и прапорщик Пауль, задавший риторический вопрос: «Разве это исполнение долга, когда в опасности дрожат за себя, а чувствуя свою силу — дают волю дикой озлобленности?»⁶⁵.

Не удовлетворяя сполна свою мстительность расстрелами, добровольцы, по приказу командиров или самочинно, иногда поджигали, уходя, населенные пункты. Обычно — крестьянские слободы и хутора иногородних, где им было оказано упорное сопротивле-

ние. Особенно усердствовали вступившие в армию черкесы, сжигавшие дотла те слободы и хутора в Закубанье, жители которых нападали на аулы⁶⁶.

Расстрелы, убийства, поджоги, грабежи и реквизиции, порождая конфликты с населением и умножая враждебность к «кадетам» среди казаков, а тем более иногородних, отнюдь не способствовали реализации планов командования обратить Кубань в базу антибольшевистского движения, а Екатеринодар – в ее центр.

Гипноз Екатеринодара действовал на командование ничуть не слабее, а возможно и сильнее, чем на рядовых добровольцев. Оно гораздо конкретнее представляло, что значит для армии этот «маленький Иерусалим». Удастся войти в город – появится шанс на «пробуждение казачества и создание обеспеченной базы»; лишь бы только атаман Филимонов и его отряды уберегли город от захвата большевиками. Нет – всех ждет «конец организации и весьма болезненный процесс переноса живой силы ее на другую почву». Куда – точно не известно: на Волгу, в Сибирь или в Закавказье. Корнилов, Алексеев и Деникин даже не обсуждали этот вариант. Пока сохранялась надежда войти в Екатеринодар – о худшем не хотелось и говорить⁶⁷.

* * *

Между тем у кубанской власти было еще меньше шансов удержать Екатеринодар, чем у Каледина – Новочеркасск.

Части Юго-Восточной революционной армии Автономова продвигались к столице Кубани по железнодорожным веткам от Тихорецкой и от Новороссийска, пытаясь охватить город кольцом. Войска Кубанской области – несколько добровольческих отрядов, формировавшихся преимущественно из офицеров казачьих и регулярных частей, юнкеров, казаков и черкесов, действовали несогласованно и потому без особого успеха. Известные и опытные кубанские военачальники, сменившиеся на должности командующего войсками края (последним был И.Е. Гулыга – старейший генерал Кубанского казачьего войска), никак не могли взять в свои руки управление этими отрядами, поскольку их командиры, пользовавшиеся среди своих добровольцев куда большим авторитетом, с ними не считались. Попытки Филимонова уговорить встать во главе войск полковника С.Г. Улагая, коренного кубанца, обретшего за годы войны немалую популярность среди казаков, окончились безрезультатно: не веря в успех, тот уклонился от тяжелой ответственности.

Тем временем дошедшие с Дона вести о самоубийстве Каледи-

на и занятии большевиками Новочеркаска и Ростова подействовали на кубанские отряды разлагающе: дух упал, казаки стали расходиться по домам.

Так на кубанском безрыбье и чужак – военный летчик штабс-капитан В.Л. Покровский – потянул на командующего. В условиях всеобщего хаоса и неуверенности на него сработали его организаторские способности, инициативность, энергия и крайнее честолюбие. Сформированный им отряд действовал активно и 24 января у станции Георгие-Афипской разбил продвигавшуюся к Екатеринодару от Новороссийска группу противника, за что атаман 26 января произвел его в полковники. Позже его отряд выбил большевиков из станицы Кореновской и станицы Выселки, задержав продвижение их основных сил от Тихорецкой. В результате Покровский стал играть ключевую роль в обороне Екатеринодара. Вдобавок подчиненные ему офицеры оказали давление на членов Рады, настаивая на том, что спасти Кубань от катастрофы может только Покровский в роли командующего. В свою очередь, представитель Добровольческой армии генерал Эрдели принялся убеждать Филимонова, что в сложившейся ситуации кроме Покровского назначить некого, рассчитывая, вероятно, что Корнилову после вступления армии в Екатеринодар будет куда проще прибрать к рукам свежее испеченного полковника, чем кого-либо из кубанских военачальников, уже вкусивших «самостийности».

В итоге 14 февраля Филимонов назначил-таки Покровского командующим войсками края вместо Гулыги. Назначение себя не оправдало: Кубань потеряла толкового и энергичного партизанского командира и приобрела не обремененного военными знаниями и опытом, зато переполненного честолюбием и неразборчивого в средствах молодого командующего. Оставив фронт, Покровский занялся раздачей заверений, что «край будет им спасен», и выбиванием из правительства «оглушительных кредитов» на новые формирования. И уже подумывал, не пора ли украсить себя генеральскими погонами и не забрать ли атаманскую булаву из слабых рук вечно колеблющегося «старика» Филимонова, которого он считал «полуштатским» и «профаном» в военном деле, а заодно разогнать «совдепы» — Раду с правительством. Партизаны же его отряда в отсутствие своего командира запили, загуляли и распустились⁶⁸.

16 февраля большевики внезапным ударом выбили разложившихся партизан Покровского из Выселок и, преследуя их, быстро двинулись к Екатеринодару.

Над столицей Кубани витал дух обреченности. 22 февраля Филимонов собрал в атаманском дворце секретное совещание ру-

ководства войскового штаба, правительства и Рады. Из докладов начальника штаба полковника В.Г. Науменко и Покровского безнадёжность положения стала очевидна всем. Как и то, что за Выселки самого командующего следовало бы отдать под суд. Но было уже не до того: все спешили, пока не упущен последний шанс, спасти кубанскую власть, «армию» и самих себя. А кроме того, многим стало открываться: нрав и повадки Покровского таковы, что покушение на его авторитет может стоить жизни. В итоге единогласно было принято решение эвакуировать Екатеринодар 28 февраля⁶⁹.

25 февраля в город прибыл офицер, посланный Корниловым и чудом пробравшийся через большевистские кордоны. По его словам, Добровольческая армия, разбив большевиков под Лежанкой, движется на Екатеринодар и через несколько дней подойдет. В штабе и правительстве сочли все это собственным вымыслом офицера, поскольку никакими другими сведениями приближение Корнилова не подтверждалось. Тщетно посланец убеждал кубанское командование повременить с эвакуацией — он вызвал еще большие подозрения и за ним установили негласный надзор⁷⁰.

Хотя многим, конечно же, хотелось в это верить. Особенно атаману Филимонову, считавшему, что удержание Екатеринодара до соединения с Корниловым означало бы «спасение Кубани»: это стало бы сигналом к подъёму казачества и его вступлению в войска края, части большевиков, еще далеко не организованные и не объединенные Автономовым в настоящую армию, были бы разбиты, его атаманская власть укрепилась бы, а Покровского можно было бы удалить на вторые роли. Однако повлиять на общее настроение и убедить подождать с эвакуацией Филимонов, человек осторожный и слабовольный, был не в состоянии⁷¹. Впрочем, и некоторые из его расчетов на выгоды от вступления в Екатеринодар Добровольческой армии следует признать весьма простодушными: Корнилов, обжегшись на сотрудничестве с Калединым, несомненно, сделал бы все, чтобы в первую очередь укрепить свою собственную власть, а не Кубанского атамана, подчинить себе кубанские отряды и призвать казаков в Добровольческую армию, а не в сомнительного свойства войска края, вдобавок ему не подчиненные.

28 февраля Филимонов со своим конвоем, правительство, члены Рады, в большинстве — от казаков и горцев, некоторые отряды и гражданские беженцы вышли из Екатеринодара на юг. 1 — 2 марта собрались в ауле Шенджий, куда стянулись все отряды; по дороге десятки офицеров откололись, не желая доверять свою жизнь Покровскому. Численность войск, состоявших преимущественно из

офицеров, а также черкесов, юнкеров и казаков, едва достигала 2 тыс. пехоты и 500 конников при 12 орудиях и 24 пулеметах. Бережливые и расчетливые кубанцы, имея достаточно времени для эвакуации, подготовились к походу куда основательнее добровольцев: одеты были по-зимнему, обоз сколотили почти в 500 повозок, на которых помимо раненых вывезли немало имущества как тыловых учреждений, так и личное, включая мебель и фарфор. На совещании командиров решили двигаться параллельно Кавказскому хребту на Майкоп и далее — в горный Баталпащинский отдел, где выждать развития событий⁷².

Слухи о занятии Екатеринодара большевиками застигли Добровольческую армию 2 марта на станции Выселки. Верить им не хотелось. Но 4 марта, во взятой после тяжелого боя Кореновской, штаб получил надежное подтверждение этих зловещих слухов из номера найденной советской газеты. Стратегическая идея похода, за реализацию которой уже были заплачены сотни жизней добровольцев, обесценилась. Выслушав доклады Маркова и Неженцева о большой убыли и крайнем утомлении, физическом и особенно моральном, личного состава, Корнилов решил свернуть армию с екатеринодарского направления на юг, переправиться за Кубань и в горных казачьих станицах и черкесских аулах передохнуть и «выждать более благоприятных обстоятельств».

Алексеев — он чувствовал себя очень худо из-за обострения болезни — был страшно расстроен поворотом в Закубанье, но настаивать на пересмотре решения командующего не стал: мотивы его были серьезны. Вдобавок их отношения становились все хуже: то и дело между ними выходили «недоразумения» по поводу «неправильно отведенной» квартиры. Алексеев все дальше отходил от штаба армии и даже с близким ему Деникиным избегал говорить о взаимоотношениях с командующим.

Деникин же, узнав в штабе, что готовится приказ о повороте на юг, расценил это как роковую ошибку. Когда до Екатеринодара оставалось всего два — три перехода и его гипнотическое воздействие на добровольцев достигло пика, любое промедление в продвижении к нему, а тем более отклонение от екатеринодарского направления, грозило нанести тяжелый удар по морально-психологическому состоянию армии. А именно высокий боевой дух наряду с организацией и выучкой являлись, на его взгляд, главными преимуществами армии над противником, которые вполне компенсировали ее малочисленность, отсутствие базы и тылового обеспечения.

Поэтому ему представлялось необходимым «во что бы то ни стало» продолжить поход к Екатеринодару. Тем более что армия

уже давно попала в стратегическое окружение, выход из которого состоял не в том или ином направлении движения, а в разгроме главных сил Автономова. Военное поражение большевиков, считал он, неминуемо повлечет их «политическое падение» на Кубани и откроет армии дорогу к заветной цели – Екатеринудару. А стоит взять Екатеринудар – и все остальное (деньги, люди и снабжение) приложатся.

Деникин переговорил с Романовским, нашел у него поддержку и вместе с ним отправился к Корнилову. Но переубедить командующего, сколько они ни спорили, не удалось. Крайне обеспокоенный потерями и переутомлением частей, тот остался при своем: «Если бы Екатеринодар держался, тогда бы не было двух решений. Но теперь рисковать нельзя»⁷³.

Кто прав – Корнилов или так и не согласившиеся с ним Деникин и Романовский – просчитать было невозможно. Последующие дни должны были показать, какое из двух решений являлось обнадеживающе верным, а какое убийственно ошибочным.

Беда была в том, что каждый из добровольческих начальников мог руководствоваться лишь собственными «теоретическими предположениями и интуитивным чувством»: в плотном окружении противника штаб совершенно не представлял себе, что происходит за пределами района, занятого частями армии. Малочисленность конницы не позволяла рисковать ею, отправляя в дальнюю рейдовую разведку. Посылавшиеся разведчики из офицеров обычно попадали в плен и гибли. В отсутствие достоверных сведений штаб был вынужден питаться лишь слухами: этого добра хватало, не было лишь возможности отделить в них правду от брехни⁷⁴.

В холодную ночь с 5 на 6 марта Добровольческая армия повернула на юг и двинулась к станице Усть-Лабинской. Днем, отбив атаки преследовавшей группы войск под командованием кубанского казака, бывшего военного фельдшера, есаула И.Л. Сорокина, она заняла станицу и железнодорожную станцию и по мосту перешла на левый берег Кубани.

Утром 8 марта, с боем переправившись через Лабу, армия двинулась в горный Майкопский отдел. Каждую версту похода через крестьянские хутора приходилось отвоевывать у упорно оборонявшихся местных формирований. Корнилов намеревался после перехода через реку Белую круто свернуть на запад – в район друженно настроенных к армии черкесских аулов, где, он считал, можно будет передохнуть и где сохранялись как вероятность соединиться с кубанцами, так и возможность наступления на Екатеринудар⁷⁵.

По злой иронии судьбы 7 марта кубанское командование, по-

лучив накануне более или менее достоверные сведения о движении Добровольческой армии к Екатеринудару и решив на экстренном совещании прекратить попытки пробиваться к Майкопу и повернуть обратно к реке Кубань, повело свои войска на соединение с Корниловым. Спасение видели только в этом, ибо первые же боевые столкновения с большевиками показали низкую боеспособность и неустойчивость кубанских отрядов. Неудачи ускорили разложение. Многие командиры открыто высказывали недоверие Покровскому, который не нашел ничего лучше, как приступить к арестам недовольных. Мелкие группы и отдельные офицеры и казаки откалывались и пытались через горы уйти в Закавказье; эти панические попытки спастись поодиночке заканчивались, как правило, гибелью⁷⁶.

Лишь четыре дня спустя, после изнурительных переходов, тяжелых боев с большими потерями, когда проблески надежды гасились волной отчаяния, ища друг друга вслепую – на звуки отдаленного боя не совсем понятно кого с кем – и порой даже не подозревая, что движутся навстречу, Добровольческая армия и войска Кубанского края нашли друг друга. Была в этом и случайность, был и закономерный результат усилий Корнилова. Он торопил армию, утопавшую в густой черноземной грязи размытых дорогами дорог, стремясь как можно скорее пробиться от села Филипповского в район черкесских аулов Шенджий – Готлукай, где, по слухам, находились кубанцы, чтобы не дать войскам Автономова разбить их.

11 марта, когда измотанные кубанские отряды, двигавшиеся к станице Калужской почти уже без всякой надежды найти армию Корнилова, нарвались недалеко от Шенджия на сильную группу большевиков и в бой пошли даже штатские из обоза, их разыскал разъезд корниловцев. Связь была установлена⁷⁷.

Кубанцы-строевики бурно радовались соединению. Каждый понимал: опоздай Корнилов на сутки – двое, у них, оказавшихся под боком у значительно превосходящих сил противника, осталось мало шансов не быть раздавленными. Вся буря эмоций уместилось в одном восклицании: «спасены!». Все верили, что объединенной армией будет командовать Корнилов и это даст верный шанс не просто спасения, а победы.

Иные настроения сразу же пробились у командования и политической верхушки кубанцев. Утром 12 марта в одном из хуторов председатель кубанского правительства Быч пригласил в маленький амбар, где он ночевал, атамана Филимонова и начальника штаба Науменко. Участники секретного «совещания в амбаре», обсудив вероятность того, что со стороны Корнилова могут после-

довать «попытки к обезличению кубанского правительства», условившись «держаться теснее и быть начеку».

12 марта в занятой станице Калужской, где все кубанские отряды и беженцы расположились на отдых, Быч занялся активной обработкой Покровского, втолковывая ему, как надлежит держать себя с Корниловым командующему войсками «суверенной Кубани». Честолюбие Покровского не уступало властолюбию Быча и они быстро нашли общий язык. Дабы Покровский чувствовал себя на равных с добровольческим командованием, Быч убедил Филимонова произвести того в генералы «за умелую эвакуацию армии из Екатеринодара, приведшую к соединению с Корниловым». Филимонов, предпочитавший на всех крутых изгибах держаться спокойной воды, с легкой рукой подписал приказ. Во-первых, радость соединения с Корниловым притушила недавнее острое недовольство Покровским. Во-вторых, он втайне надеялся, что с появлением «настоящих боевых генералов» роль Покровского «должна пасть». В-третьих, он понимал: если кубанская власть лишится своего войска, его роль атамана станет опереточной⁷⁸.

Корнилов, со своей стороны, кубанцев высоко не ставил: лидера калединского масштаба среди них не было, войска края — не более чем мешанина из разношерстных отрядов, правительство — сборище керенских провинциального калибра. К такому однозначному убеждению он пришел, наслушавшись красочных рассказов кореновских казаков про то, как «покровцы пропили Выселки», и нелестных эпитетов, которыми аттестовал всю кубанскую верхушку случайно наткнувшийся на Добровольческую армию в Ейском отделе генерал Гулыга. Но самую полную и убедительную информацию он получил от немедленно прибывшего в добровольческий штаб генерала Эрдели: о бессилии атамана, политиканстве социалистического правительства Быча, «самостийности» Рады и авантюризме Покровского, чья военная безграмотность отчасти «компенсировалась» лишь «отсутствием моральных предрассудков». А главное — о настроении кубанских войск: подавляющее большинство строевиков проклинает атамана Филимонова за назначение Покровского командующим и страстно желает подчинения Корнилову⁷⁹.

Убежденный также, что его армия «спасла кубанцев», Корнилов ни секунды не сомневался в своем праве подчинить себе кубанские отряды, влив их в Добровольческую армию и переформировав по своему усмотрению. А из атамана и правительства — выжать по максимуму: помощь деньгами, проведение мобилизации казаков и реквизиции лошадей, налаживание вещевого и продовольственного довольствия армии за счет ресурсов Кубани. Логика

понятна: платить за освобождение от большевиков, деньгами и кровью, должен в первую очередь тот, кого освобождают. Не исключено, в голове Корнилова и других генералов быстро вызрела мысль: раз кубанская власть не удержала Екатеринодар и теперь, «подобранная» Добровольческой армией, имеет один-единственный шанс вернуться в свою «столицу» — а именно в ее обозе, то она не сможет диктовать условия и вязать армию по рукам и ногам, как это делали Каледин и его правительство, а само станет лишней парой рук и ног добровольческого командования.

Первая встреча Корнилова с кубанцами состоялась 14 марта в ауле Шенджий, в занятом им доме. Романовский послал приглашение Филимонову и Покровскому, однако последний, направляясь в Шенджий со своим начальником штаба Науменко, перехватил нарочного по дороге, отправил его обратно, а письмо, не известив атамана, забрал себе. Потом он объяснил Филимонову: письмо было адресовано «полковнику Филимонову», а такую форму обращения к войсковому атаману он счел «оскорбительной для всех кубанцев». Однако «все кубанцы», как показала эта встреча и то, что за ней последовало, были ни при чем; причем был один человек — некубанец, 28-летний свежее испеченный генерал-майор Покровский.

Взорам Корнилова, Алексеева, Деникина, Романовского и Эрдели он предстал в виде подтянутого молодого человека, невысокого и широкоплечего, одетого в черную парадную черкеску с новыми генеральскими погонами. С видимым трудом справляясь с волнением и сохраняя достоинство, он кратко приветствовал собравшихся «от имени кубанской власти» и доложил, естественно, приукрашив, о составе и состоянии войск края. После чего Корнилов ребром поставил вопрос об условиях соединения: кубанские отряды полностью подчиняются ему и вливаются в состав Добровольческой армии. Покровский, по наблюдению Деникина, «скромно, но настойчиво оппонировал»: кубанские власти в соответствии с «конституцией края» хотят иметь «свою собственную армию», а что касается бойцов, то они сроднились со своими частями, привыкли к своим начальникам и «всякие перемены» чреваты «брожением». И предложил, как и наставлял его Быч, сохранить самостоятельность «кубанского отряда» с передачей его в оперативное подчинение Корнилову.

Алексеев, не выдержав, вспылil: в раздражении назвав Покровского «полковником» и язвительно извинившись за то, что «не знает, как его и величать», он бросил ему резкий упрек: «Войска тут не при чем — мы знаем хорошо, как относятся они к этому вопросу. Просто вам не хочется поступиться своим самолюбием».

Упрек был справедлив лишь отчасти. Сводись все дело исключительно к самолюбию Покровского, все решалось бы куда проще. Сложность состояла в том, что за самолюбием командующего войсками края реально стояли и питали его автономистские устремления кубанского казачества и «самостийность» его политической верхушки.

Корнилов (не исключено, он даже по достоинству оценил поддержку Алексеева) твердо подвел черту, всем своим видом показывая, что само обсуждение этого вопроса не уместно: «Одна армия и один командующий. Иного положения я не допускаю. Так и передайте своему правительству»⁸⁰.

Боевая обстановка, однако, заставила отложить вопрос о подчинении до переговоров на «правительственном» уровне и поспешить с налаживанием реального оперативного взаимодействия. Условлено было, что на следующий день добровольческий обоз перейдет в станицу Калужскую, где под небольшим прикрытием останется вместе с кубанским, а части совместным ударом возьмут занятую крупными силами противника станицу Ново-Дмитриевскую и там соединятся.

Возвратившись в Калужскую, Покровский характер и итоги переговоров «передал» атаману и правительству весьма своеобразно — изрядно переиначив на свой лад. С его слов выходило, что принят он был «довольно холодно», добровольческое командование оскорбительно титулует Филимонова «полковником», но не Кубанским войсковым атаманом, условием соединения ставит подчинение атамана Корнилову, влитие кубанских частей в Добровольческую армию, упразднение правительства и Рады⁸¹.

Коль Науменко, присутствовавший на встрече, не оспорил такую трактовку ее хода и итогов, напрашивается предположение, что она стала плодом не столько авантюризма Покровского, сколько наставлений Быча. Расчет главы кубанского правительства понятен: сохранение организационной самостоятельности кубанских сил до взятия Екатеринодара позволило бы кубанской власти, уже водворившись обратно в освобожденный от большевиков город, поставить себя выше Добровольческой армии и ее командования. И диктовать ей условия пребывания на Кубани, избежав обратной ситуации.

Конечно, Филимонов, Быч и другие кубанские политики не могли не считаться с тем, что, сколько ни повышай в чинах Покровского или кого другого, у них нет военачальника, которого даже условно можно было бы противопоставить Корнилову. Как и с настроениями войск, понимавших, что спас их именно Корнилов, и желавших воевать только под его командованием. Но в сво-

ем неистребимом стремлении сберечь «суверенитет» Кубани и свое собственное «правительственное» положение, они делали ставку на не менее очевидные обстоятельства: во-первых, войска края, которые они уже именовали между собой «Кубанской армией», по численности и вооружению не уступали Добровольческой армии, и, во-вторых, они находились на своей территории и, полагали они, никто, кроме них, не мог распоряжаться ее людскими и материальными ресурсами.

Годы спустя бывшие кубанские лидеры стали трактовать соединение Добровольческой армии и кубанских отрядов как взаимное спасение: «В спасении кубанцев было спасение добровольцев»⁸². Утверждение это в самом общем плане вполне справедливо. Это отчасти подтверждает и Деникин: альтернативой удару на Ново-Дмитриевскую был уход в горы, где армию «ждали бы голод и распыление»⁸³. Необходимо, однако, учитывать: решающими в данной ситуации факторами были не численность и вооружение, а боеспособность войск и грамотное, волевое командование. Как показали последующие события, отобрать Екатеринодар у армии Автомонова добровольцы и кубанцы не могли ни вместе, ни порознь. А спастись, даже мелкими группами, в предгорьях Кавказа или в Закавказье, у добровольцев шансов было куда больше.

Уже следующий день — 15 марта — стал тому убедительным подтверждением. Операция по взятию Ново-Дмитриевской — «Ледяной поход» — стяжала славу генералу Маркову и его Офицерскому полку, вываляла в жирной кубанской грязи честолюбие и командные претензии Покровского и перечеркнула расчеты «самостийных» кубанских политиков.

Ливший всю ночь и утро дождь превратил дороги и поля в бескрайние просторы воды и грязи, по которым стелился густой туман. А к полудню поднялся холодный ветер и повалил мокрый снег. Деревянный мост через преградившую дорогу к станице речку Шепш, мелкую и пересыхающую в летний зной, а теперь вздувшуюся и бурную, оказался взорван. Пришлось переправляться по узкому броду под убийственным огнем артиллерии. А к вечеру неожиданно грянул мороз, ожесточился ветер и началась снежная пурга. Люди и лошади покрылись ледяной коркой и промерзли до костей; оледеневшая одежда сковала движения и не позволяла согреться. Раненые и просто изнемогшие лежали в ледяной воде.

Уже стемнело, но до конца переправы было далеко. Офицерский полк, переправившийся первым и развернутый против станицы, оказался без поддержки: остальные части армии остались на другом берегу, артиллерия безнадежно увязла, посланная в обход конница не смогла перейти речку и вернулась в общей переправе,

а кубанские войска, которые должны были атаковать Ново-Дмитриевскую с юга, не подавали никаких признаков активности. Порывистый и бесстрашный Марков, вдобавок вконец разозленный погодой, заявил своим штабным: «Ждать некого. В такую ночь без крыш тут все подохнем в поле. Идем в станицу!» И поднял полк в атаку. Под убийственным пулеметным и ружейным огнем офицеры, сжимая онемевшими руками винтовки и пробиваясь сквозь густое месиво снега, грязи и льда, ворвались в станицу. Врукопашную сцепившись с обороняющимися, сбили их и гнали до противоположной окраины, попутно выбивая из теплых домов отстреливавшихся в упор красногвардейцев резервных частей. Всю ночь потом, пока переправлялись другие части армии, марковские офицеры разыскивали и достреливали тех, кто не успел убежать и пытался спрятаться в станице.

Покровский же отказался от атаки из-за метели, разлившихся рек и оледеневших дорог. Его бездействие спасло большевистские части от окружения и стоило добровольцам лишней крови⁸⁴.

Сам по себе удар по Ново-Дмитриевской, резко развернув армию на юго-запад, к железной дороге, предвещал дальнейшее развитие событий: наступление на Екатеринодар, успех которого, в силу «азбуки военного дела», мог быть достигнут лишь при едином командовании. Нарушение же Покровским достигнутой в Шенджийской договоренности о скоординированной атаке Ново-Дмитриевской не только окончательно подорвало его и без того не безупречную репутацию, но и похоронило расчеты кубанских политиков на «автономную армию» и «оперативное подчинение», красная цена которого была наглядно продемонстрирована 15 марта.

Позицию Корнилова перед переговорами усилил и переданный из кубанских отрядов «с оказией» доклад, что они подчиняются только генералу Корнилову и готовы, если Покровский и правители Кубани не согласятся на единую армию и единое командование, перейти в Добровольческую армию самовольно⁸⁵.

Встреча на «правительственном уровне» состоялась в Ново-Дмитриевской 17 марта, в доме станичного священника, который по обыкновению квартиры заняли под жилье командующего. Добровольческую армию представляли генералы Алексеев, Корнилов, Деникин, Романовский и Эрдели. По приглашению Алексеева с правом совещательного голоса присутствовал генерал Гулыга, которого, судя по всему, добровольцы решили приписать в качестве альтернативы Покровскому. Кубанское казачье войско представляли атаман Филимонов, Покровский, председатель Законодательной Рады Н.С. Рябовол, его товарищ Султан-Шахим-Гирей и глава правительства Быч.

Председательствовал Алексеев. Как уж они договорились с Корниловым — неизвестно, но действовали они слаженно, поскольку на объединение с кубанскими силами смотрели одинаково.

Дискуссия, довольно затяжная и утомительная, проходила под аккомпанемент артиллерии противника, упорно обстреливавшей станицу, и свелась к ключевому вопросу: что делать с «войсками Кубанского края»? Добровольческие генералы, упирая на «элементарные основы военной организации», настаивали на подчинении кубанских отрядов Корнилову, влитии их в Добровольческую армию и переформировании по усмотрению командующего. Явно не доверяя кубанским правителям, они были полны решимости не дать им сначала использовать армию для освобождения своей «столицы», а потом добиться своего: укрепить собственную власть, поставить себя над добровольческим командованием и, в конечном итоге, уклониться от комплектования и снабжения армии, когда она двинется освобождать от большевиков Центральную Россию. На взгляд Алексеева, Корнилова и других, лишить кубанских «самостийников» собственных вооруженных сил — значило поставить их в зависимость от армии и тем принудить выполнять все требования по ее финансированию, комплектованию и снабжению.

Заинтересованность командования именно в таком решении была как на ладони, и кубанские политики, держа в голове конечную цель Корнилова — роспуск Рады и правительства, выдвигали свои аргументы: «конституция суверенной Кубани» и необходимость правительству опираться на «автономную армию». Особенно усердствовали поднаторевшие в политических дебатах Быч и Рябовол, отгеснив несколько Покровского и тем более Филимонова, который в душе склонялся к позиции добровольцев.

Чем дольше шла дискуссия, тем тягостнее становилась ее атмосфера. Генералам, более месяца похода жившим только боем, она казалась «нудной» и «нелепой». Все происходящее живо напоминало им «бесконечные дебаты революционной демократии» лета 1917 г., которые окончательно разложили армию и открыли большевикам дорогу к власти, и бесплодные прения в донском правительстве и на Круге, которые открыли войскам Сиверса дорогу на Дон. На кубанцев же самое тяжелое впечатление произвели жесткость, прямолинейность и вспыльчивость Корнилова; каждым словом и жестом он подтверждал их худшие опасения: командующий добровольцев намерен не только прибрать к рукам кубанские части, но и подмять под себя краевую власть.

Корнилов, действительно, даже не пытался скрывать своего раздражения, когда из уст очередного кубанского переговорщика»

слышал предложение сохранить самостоятельную Кубанскую армию, подчиненную ему как «главнокомандующему» лишь в оперативном отношении. Не может быть и речи о «главном командовании», резко возражал он, когда каждая из двух «армий» не превышает по численности полка военного времени, а их соединение даст лишь одну бригаду. Самым убийственным для кубанцев стал его едкий отзыв о действиях, вернее – бездействии, Покровского, не поддержавшего, вопреки договоренности в Шенджии, Добровольческую армию в операции против Ново-Дмитриевской. «Я не хочу, чтобы командующие армиями угощали меня такими сюрпризами», — решительно заявил Корнилов.

И пригрозил, если «соединение не будет полным», увести армию в горы. Эта угроза давала, кажется, последнюю возможность сломить упорство кубанцев, поскольку в этом случае они лишались не только надежды вернуться в Екатеринодар, но и выжить. Для пущего эффекта Корнилов демонстративно обратился к Алексееву (такой ход, вероятно, был обговорен ими заранее): «Михаил Васильевич, ставьте вопрос о движении в горы!»

Покровского, попытавшегося возражать в том смысле, что он «не понимает таких требований», резко оборвал уже Алексей: «Вы поймете, молодой генерал, если хоть на минуту отрешитесь от своих личных честолюбивых интересов».

Это был ультиматум.

Гонору кубанцам было не занимать и Быч, согласившись, наконец, на соединение армий, вызываяще заявил, что правительство «устраняется от дальнейшего участия в работе и снимает с себя всякую ответственность за последствия». На что Корнилов вспылил в очередной раз: «Ну нет! Вы не смеете уклоняться. Вы обязаны работать и помогать всеми средствами командующему армией».

Кубанцам, ожидавшим, что Корнилов вот-вот потребует подчинения себе атамана и упразднения правительства и Рады, такой поворот несколько спутал карты. И они попросили дать им возможность посоветоваться в другой комнате. В перерыве добровольческие генералы живо набросали проект соглашения из трех пунктов. Согласно 1-му, кубанский правительственный отряд переходил в полное подчинение Корнилову, которому предоставлялось право реорганизовать его по своему усмотрению. Согласно 2-му, атаман, Рада и краевое правительство должны были продолжить свою деятельность и «всемерно содействовать военным мероприятиям командующего армией». Согласно 3-му, Покровский и его начальник штаба Науменко отзывались в состав краевого правительства. Проект был передан в комнату, где совещались кубанцы.

Вернувшись скоро, те заявили о согласии с проектом, но, якобы «для морального удовлетворения смещенного командующего», настояли на короткой прибавке к третьему пункту: Покровский и Науменко отзывались «для дальнейшего формирования постоянной Кубанской армии»⁸⁶.

На том и согласились. Алексей поручил Романовскому окончательно отредактировать текст, после чего добровольческие генералы разошлись по своим квартирам, а Корнилов оставил кубанцев у себя обедать. Он заметно повеселел, и атмосфера разрядилась. Среди прочего, расчувствовавшись сверх меры, он сказал гостям, что «пойдет на Екатеринодар, возьмет его, освободит Кубань, а там делайте, что хотите»⁸⁷. Отходчивость Корнилова не уступала его вспыльчивости и обе явно не делали из него политика.

После по-кубански хлебосольного обеда соглашение было подписано.

Итак, вынужденные реальной угрозой гибели поодиночке найти общий язык, добровольцы и кубанцы пошли на компромисс. И каждая из сторон могла утешать себя успехом на «дипломатическом» поприще.

Добровольцы решили ближайшие задачи: Корнилов одним махом получил в свое подчинение около 2,5 тыс. бойцов, от выскочки Покровского избавились, кубанская власть обязалась содействовать пополнению и снабжению армии. И предрешили будущее: поскольку никаких временных ограничений или условий прекращения действия соглашения установлено не было, кубанская власть и после очищения края от большевиков не сможет уклониться от финансирования, комплектования и тылового обеспечения армии, которой она, собственно говоря, и будет обязана возвращением в свою «столицу».

Кубанцы же, пережив мнимые страхи за органы власти казачьего войска, сохранили свободу рук в сфере гражданского управления (вернее, в той трудно уловимой ее части, которая в гражданской войне может не быть связана с «военными мероприятиями командующего»), перспективу избежать «поглощения Кубани Россией» и даже сформировать отдельную Кубанскую армию.

Вдобавок, каждой из сторон соглашение предоставляло немалые возможности потянуть одеяло на себя.

Пройдет несколько месяцев и подписанный 17 марта в Ново-Дмитриевской документ из «союзного договора» превратится в источник осложнений и конфликтов между добровольческим командованием и Кубанью. Куда больше времени потребуется, чтобы добровольческие генералы, и то не все, осознали, что механическое применение традиционных мерок «элементарных основ

военной организации» (пусть даже в целях самых патриотических) к расколовшемуся экономическому, социальному и политическому пространству бывшей империи не решает проблем и не снимает противоречий, а загоняет их внутрь, где они тлеют, но не гаснут. И когда они вырвались наружу и вспыхнул пожар, заливать его генералам было нечем — только кровью.

* * *

В Ново-Дмитриевской Добровольческая армия простояла до 22 марта — отбивала настойчивые атаки революционных войск со стороны Григорьевской, отдыхала и переформировывалась. Прибывавшие в станицу кубанские части вливались в добровольческие и все они были сведены в три бригады: две стрелковых (Маркова и Богаевского) и одну конную (Эрдели). Общая численность армии приблизилась к 6 тыс. бойцов и 4 тыс. лошадей. Обоз, приведенный в относительный порядок, составил 600 повозок. Гражданских беженцев набралось до 3 тыс.⁸⁸

Штаб армии лихорадочно разрабатывал операцию по взятию Екатеринодара. Занятые каждый своим делом, генералы о кубанских правителях забыли, словно их и не было. Лишь однажды Корнилов неожиданно-негаданно посетил отдельно Филимонова, а затем Быча и Рябовола. Визит к последним не нес в себе ничего делового — одну вежливость, и главу краевого правительства с председателем Рады он вряд ли примирил с унижительной ситуацией. Однако на рядовых кубанцев, казаков и офицеров, поступок командующего произвел сильное впечатление. И меж собой они потом толковали: «Корнилов — казак и казаков не даст в обиду». Их воодушевление по поводу того, что судьба армии, Екатеринодара и Кубани оказалась в руках Корнилова, росло с каждым днем. Нечто сходное испытывал и Филимонов, который почувствовал себя довольно уютно в этих маленьких узловатых руках бывшего главковерха.

Корнилов платил Кубанскому атаману симпатией и только с ним из всех правителей края общался охотно и запросто. Будучи в гостях у Филимонова в Ново-Дмитриевской, он откровенно пожаловался, что поход и постоянные опасности утомили его, он соскучился по семье и, как только возьмет Екатеринодар, — передаст его казакам, а сам будет отдыхать в кругу родных. Но тут же, воодушевившись, добавил: «Если бы у меня теперь было десять тысяч бойцов, я бы пошел на Москву». На что отзывчивый, завороченный безыскусностью слов и озарившимся вмиг лицом Корнилова, Филимонов тут же горячо заверил гостя, что после взятия Екатеринодара у него будет «трижды десять тысяч»⁸⁹.

Увы, антибольшевистские грезы еще не выветрились из голов не только рядовых добровольцев, но и их командующего. Прагматизм и трезвость оценки ситуации и прежде не числились среди главных достоинств Корнилова. Впрочем, когда вера в победный конец похода могла поддерживаться лишь силой духа, без иллюзий, вероятно, было не обойтись.

Вечером 22 марта Добровольческая армия начала операции по уничтожению сил противника, действовавших южнее Екатеринодара, и захвату складов с боеприпасами, без которых нечего было и думать об атаке города. 24-го, с боем заняв станцию Георгие-Афипскую, «снабдилась» вожденными снарядами, числом около 700. 25-го Конная бригада Эрдели захватила паромную переправу у станицы Елизаветинской. На следующий день при помощи двух небольших паромов и десятка рыбачьих лодок части начали переправляться на правый берег Кубани и сходу заняли без боя станицу Елизаветинскую, жители которой встретили их скорее с любопытством, чем с радостью.

Переправа, которой руководил Эльснер, шла медленно и заняла трое суток. Вслед за бригадой Эрдели переправилась 2-я бригада, Богаевского, за ней обоз — раненых спешили разместить под крышами в Елизаветинской. 1-ю бригаду, Маркова — была ее очередь идти в арьергарде, — Корнилов оставил на левом берегу прикрывать обоз от возможного удара в тыл; ее офицеры нервничали и поругивались, переживая, что город возьмут без них и они попадут «к шапочному разбору»⁹⁰.

До «маленького Иерусалима» оставалось 17 верст.

27 марта в Елизаветинской, в штабе армии, только что водворившемся по обыкновению в дом станичного правления, Корнилов и Деникин, одолевший наконец-то затянувшийся бронхит, обсуждали, что и как делать в занятом Екатеринодаре. Следовало очистить его от укрывшихся большевиков, на корню задавить вероятные волнения рабочих, разместить войска, наладить их продовольственное и прочее снабжение, обеспечить бесперебойную работу городских средств жизнеобеспечения (водо-электрической станции, пекарен, телефона и т.п.). В скорейшем взятии города не сомневались, заботило другое — как «не повторить ростовской ошибки»: не допустить связывающей по рукам и ногам зависимости армии от областной казачьей власти. Решение на этот счет приняли радикальное: «до упрочения военного положения» кубанские правительственные органы не восстанавливать, а ввести должность генерал-губернатора, каковую Корнилов тут же и возложил на Деникина.

Предусматривалось, таким образом, на скорую руку смонтиро-

вать в Екатеринодаре привычный механизм генерал-губернаторской власти и непосредственно ему подчинить части гарнизона, несущие «внутреннюю охрану», полицию и все прочие городские учреждения, включая финансовые, торгово-промышленные, продовольственные и снабженческие. При этом Деникин, в соответствии с традиционными для армейской верхушки взглядами, намеревался привлечь к себе «в помощь» местных общественных деятелей с опытом работы, которые исполняли бы генеральские приказы по уму и знаниям, а не по бездумному усердию и принципу «рад стараться».

Одновременно Корнилов впервые на этой войне отдал приказ, чтобы окрестные станицы выставили и немедленно прислали в состав Добровольческой армии вооруженных казаков, полагая, что с него вполне достаточно такого приказа, а уж обеспечить его выполнение — дело кубанских властей.⁹¹

Со своей стороны, члены краевого правительства и Рады, предвкушая скорое возвращение в Екатеринодар, как только убедились, что Корнилов со штабом переехал в Елизаветинскую, а раз так — положение там прочное, устремились туда же. Им не терпелось поднять елизаветинцев и казаков соседних станиц, дабы, во-первых, напомнить о себе населению и, во-вторых, сделать хоть что-то, что можно было бы поставить себе в заслугу уже в освобожденном Екатеринодаре. Но не тут-то было: к их полной неожиданности, Эльснер, сославшись на распоряжение Корнилова, отказался переправлять не только правительство и членов Рады, но даже Филимонова с Покровским.

Лишь к вечеру 27-го Филимонов исхитрился переправиться и разыскал Корнилова, намереваясь объяснить по поводу «странного распоряжения». В штабе армии царило приподнятое настроение: бригада Богаевского только что отбросила большевиков, пытавшихся атаковать Елизаветинскую, погнала их к Екатеринодару и без труда вступила в его западные предместья, а из самого города поступили сведения о панике и якобы начавшейся эвакуации. Корнилов горел боевым нетерпением, требовал ускорить переправу бригады Маркова и готовил приказ Богаевскому и Эрдели атаковать Екатеринодар на следующий день, 28 марта. Филимонов с его претензиями, хотя и весьма тактичными, оказался совсем некстати. Корнилов сразу же прервал атамана: «Генералу Эльснеру оставалось либо задержать Раду на той стороне, либо самому быть повешенным на этой стороне. Я не люблю, когда мои приказания выполняются не точно. Паром мал, а успех дела зависит от скорейшей переправы строевых частей». И затем сухо сообщил о назначении Деникина генерал-губернатором. Филимонова

хватило лишь на то, чтобы изобразить на лице «недоумение». Этого, впрочем, оказалось достаточно, чтобы Корнилов, смягчившись, поспешил заверить его: «Это я делаю на первые дни, пока все не успокоится». А твердое предположение командующего, что Екатеринодар будет взят «через два дня», окончательно сняло камень с души атамана.⁹²

Члены кубанского правительства и «радяне» восприняли решение Корнилова острее — как унижение и своего достоинства, и «суверенности» Кубани. И отреагировали на него с «молчаливым осуждением»: недовольство и обиду высказывали лишь в своем узком кругу. Было очевидно, что «пока все не успокоится» вряд ли уложится в «первые дни», а займет недели, а то и месяцы, и на все это время кубанские власти обречены быть на побегушках у добровольческого генерал-губернатора. Это «молчаливое осуждение» Деникин почувствовал сразу же, как только обратился к кубанцам с просьбой дать ему в помощь опытных общественных деятелей: ему фактически отказали, предложив только отставного полицмейстера и едва сформированную контрразведку.⁹³

Вместе с обнадеживающими сведениями о деморализации и неустойчивости войск Сорокина разведка сообщила и весьма тревожные — о начавшемся стягивании в город подкреплений. Поэтому Корнилов, решив не дожидаться сосредоточения на правом берегу всей армии и тратить время на планомерное выдвижение частей на исходные позиции, поспешил отдать Эрдели и Богаевскому приказ атаковать Екатеринодар уже 28 марта. Следствием этой тактической несообразности стала другая: бригада Маркова — треть всей армии — вводилась в бой по частям, по мере переправы, с полудня 28-го до вечера 29-го.

В таком пренебрежении основными принципами тактики, довольно рискованном, а по большому счету — безрассудном, многие современники и историки, склонны были потом видеть главную причину рокового исхода операции.⁹⁴ Вопрос, как представляется, заключается не столько в обоснованности риска и степени безрассудства именно такой — поспешной и не обдуманной во всех деталях — атаки Екатеринодара, сколько в возможности удержать город, будь он занят.

С утра 28 марта Добровольческая армия начала штурм Екатеринодара, охватывая его с юга, запада и севера с целью перекрыть противнику пути в город по Владикавказской и Черноморской железным дорогам и поднять казаков ближайшей Пашковской станицы. Как только части стали расходиться, растягиваясь по фронту, стыки между ними начали разрываться. Вдобавок в ходе атаки они перемешались и потому вестовые опаздывали с доставкой при-

казов и донесений. Управление армией дало сбой. Что еще хуже, острая нехватка снарядов, которая прежде компенсировалась маневром и отвагой, стала просто губительной: выезжавшие на позиции батареи выпускали не более десятка снарядов по целям, на уничтожение которых требовались сотни, а то и вовсе молчали, не имея возможности поддержать пехоту, когда шквальный огонь вражеской артиллерии прижимал цепи наступающих к земле, густо обсыпая шрапнелью на равнинной местности и выводя из строя немало бойцов. Наконец, большевистское командование умело использовало численное превосходство, своевременноводя в бой на решающих участках крупные резервы и отбрасывая добровольцев.⁹⁵ Корнилов со штабом расположился на ферме Екатеринодарского сельскохозяйственного общества, стоявшей в окружении готовых вот-вот распуститься тополей у пересечения дорог на правом, отвесном берегу Кубани. Екатеринодар отсюда был как на ладони: отчетливо просматривались предместья, Черноморский вокзал, кривые линии окопов противника. Но и ферма, четко выделявшаяся на горизонте, была хорошей мишенью для артиллеристов противника.

К вечеру добровольцы заняли южные предместья, и в штабе армии уже не осталось сомневающихся, что город будет взят не сегодня – завтра: как показал опыт «станичных» боев, потеряв окраину, большевики покидали населенный пункт.⁹⁶

С раннего утра 29 марта большевики, сообразив, что на ферме расположился штаб, начали обстреливать его из орудий прямой наводкой. Романовский тактично указал Корнилову на опасность и предложил перебраться в другое место, но тот отмахнулся: он не желал покидать столь удобного пункта, уверенный, что и так скоро перейдет со штабом в предместья.

За день удалось разобрать перемешавшиеся накануне части, восполнить потери и вывести в переднюю линию бригаду Маркова. Вечером атака была повторена всем фронтом. Артподготовка из-за быстро истощавшегося запаса снарядов получилась чисто символической: укрепления обороняющихся почти не пострадали. Поднимавшиеся в атаку добровольческие цепи встречались густым пулеметным и ружейным огнем, шрапнель разрывалась над самыми головами. Полки таяли от потерь, особенно тяжелых в командном составе. Был убит командир Корниловского ударного полка, любимец командующего подполковник Неженцев. Гибель авторитетных и любимых командиров гасила наступательный порыв. Части опять перемешались, и штаб с некоторыми из них потерял связь; взаимодействие между частями и управление ими опять разладились.

В результате не был использован счастливый случай, какие редко бывают на войне и никогда не повторяются. В густеющих сумерках Партизанский полк генерала Казановича, в котором осталось не более 150 человек, и присоединившиеся к нему около 100 елизаветинских казаков, преследуя группу противника, бросившую свой оборонительный участок, дошел почти до центра города. Но соседи справа и слева не поддержали его: полковник А.П. Кутепов, только что принявший после гибели Неженцева командование Корниловским полком, не смог ни поднять в атаку совершенно расстроенный и перемешанный с другими частями полк, ни передать командиру бригады Маркову донесение об атаке Казановича. В результате тому ничего не оставалось, как к рассвету возвратиться обратно, отчасти хитростью, отчасти с боем прорвавшись через «товарищей», уже успевших занять свои покинутые окопы и даже не заподозривших, что к ним в тыл прошли «кадеты». Самым важным итогом этого ночного рейда был захват повозки с 52 снарядами, что стало целым событием.⁹⁷

Деникин этот «удивительный эпизод, похожий на сказку», трактует так: «...Успех боя был уже почти обеспечен, и только ряд роковых случайностей вырвал его из наших рук».⁹⁸ Но если смотреть на дело без эмоциональных переხлестов, то случайностью следует признать скорее завязку этого «удивительного эпизода», чем его развязку.

На третий день штурма – 30 марта – Добровольческая армия была еще дальше от своей цели, чем в первые два. С каждым часом она выдыхалась все сильнее, наладить управление никак не удавалось, темп атаки слабел.

Оборонявшие Екатеринодар войска Сорокина на всех боевых участках обладали подавляющим численным превосходством и по трем железнодорожным линиям, которые добровольцы так и не сумели перерезать, постоянно получали свежие пополнения из Тихорецкой, Кавказской и Новороссийска. Численность бойцов противника в боевой линии разведка определяла почти в 18 тыс., а в самом Екатеринодаре – еще около 10 тыс.

Располагая немалыми запасами ружейных, пулеметных и орудийных патронов, большевики расходовали их не скупясь. Особенно усердствовала тяжелая и легкая артиллерия: на позициях штурмующих беспрерывно рвались гранаты, вздымая столбы земли, шрапнель густо засыпала скопления живой силы. Батареи же добровольцев сидели на голодном пайке, и потому атакам укрепленных пунктов предшествовала лишь чисто символическая артподготовка. Бойцы, экономя каждый патрон, не всегда отвечали на огонь. Боеприпасы были на исходе, и из обоза их с каждым разом доставлялось все меньше.

Части стремительно таяли: в полках из 600 – 800 бойцов осталось по 200 – 300, большинство командиров полков, батальонов и рот было ранено или убито. По дороге на Елизаветинскую одна за другой тянулись телеги с тяжелоранеными, кто мог передвигаться — шли в лазарет сами, в одиночку или группами. Число раненых в лазарете и околотаках удвоилось и достигло полутора тысяч.

Первых добровольцев оставалось в строю все меньше и меньше. Вливавшиеся в части мобилизованные кубанские казаки, в большинстве — необученная молодежь, дрались неохотно и страшного напряжения боя не выносили; наименее стойкие уже стали расходиться по домам.

Казачьи конные отряды, донцы и кубанцы, действовали с оглядкой и в пригородных условиях, да еще при столь плотном огне обороняющихся, не могли внести перелом в ход операции.

Постоянный ввод противником свежих подкреплений при отсутствии своих резервов, шквал огня его артиллерии при молчании собственной, вялые действия мобилизованных казаков при остервенелом сопротивлении кубанских пластунов, воевавших за большевиков, — все это подействовало на добровольцев деморализующе. Самоуверенности, рожденной предыдущими победами над неорганизованными толпами местных красногвардейцев, побавилось. Началась — чего раньше не отмечалось — «утечка» под разными предлогами из боевой линии в тыл.

Тем не менее убежденность, что город будет не сегодня-завтра взят, еще владела почти всеми и помогала подниматься в атаку. Среди бойцов каждой части преобладало мнение, что только они встретили ожесточенное сопротивление и несут большие потери, а на других участках дела обстоят гораздо лучше. Стержнем такой убежденности была вера в Корнилова, которая приобретала все более фанатичный характер. Дополняли ее, помогая сохранять боевой дух, ожесточение, ненависть к большевикам и зримая близость столь вожаемой цели похода — Екатеринода.⁹⁹

Вечером 30 марта Корнилов собрал в своей комнате военный совет. Помимо Алексеева, приехавшего из Елизаветинской, где он жил, Деникина, Романовского, Маркова и Богаевского, были приглашены Филимонов и Быч. Если присутствие на совете кубанского атамана еще можно было счесть вполне естественным, то приглашение главы краевого правительства выглядело странным: слишком хорошо известны были как его неприятие «реставраторских намерений» Добровольческой армии, так и антипатия к нему командующего. У Корнилова, однако, был свой нехитрый расчет: чувствуя, что у некоторых его ближайших подчиненных возникла и крепнет мысль снять осаду Екатеринодара ради сохранения ар-

мии, он хотел заручиться поддержкой кубанцев, исполненных решимости брать город «любой ценой».

Каждый доложил о положении на его участке. Настроение было тяжелое, никто ничего не приукрашивал, и общая картина вышла мрачной: у противника подавляющее превосходство в людях, вооружении и боеприпасах, кубанские казаки не поднялись и не пришли на помощь Добровольческой армии, в самом Екатеринодаре — ни малейших признаков хоть каких-то действий против большевиков, которые могли бы помочь взять город, потери тяжелые и ничем восполнены быть не могут, части утомлены до крайности, артиллерийских и винтовочных патронов нет. Корнилов слушал, не возражая. С его посуровевшего лица не сходило страдальческое выражение; присутствовавшие отнесли это к гибели Неженцева. Как никогда прежде, при тусклом свете коптящих свечей он казался постаревшим и одиноким.

Выслушав всех, Корнилов произнес со своей обычной резкостью и непреклонностью: «Положение действительно тяжелое, и я не вижу другого выхода, как взятие Екатеринодара. Поэтому я решил завтра на рассвете атаковать по всему фронту». И предложил высказываться. Вопрос был предельно ясен: продолжать штурм или отступить? Как ясно стало и то, что Корнилов уже все решил сам и бесповоротно. И совет этот нужен ему лишь для одного: внушить начальникам, а через них — всей армии, свою непреклонность и уверенность в успехе.

Мнения разделились.

Алексеев согласился с командующим. Филимонов и Быч — тоже, заявив, что отход означает «общую неминуемую гибель».

Деникин, Романовский, Марков и Богаевский ответили отрицательно. Острее других они чувствовали, что армия «об Екатеринодар разобьется» и, даже если она возьмет его, понесенные при этом потери не позволят ей удержать кубанскую столицу: еще сильная в поле, в большом городе она вынуждена будет распылить обескровленные части для его охраны и выстроить прочную оборону не удастся.

Установилась тягостная пауза. Прервал ее заколебавшийся Алексеев: он предложил перенести решающую атаку на послезавтра — 1 апреля, сутки использовать для перегруппировки и отдыха, а там, «быть может, станичники подойдут еще на пополнение». Трезвый взгляд на вещи, видимо, изменил Алексею, когда на карту оказались поставлены цель и смысл похода, который уже стоил немалых жертв. На взгляд Деникина, такое половинчатое решение лишь «отдаляло решительный час» и «сглаживало психологическую остроту момента», обрекая армию на томительное выжи-

дание вместо отдыха и трату последних патронов в случае контратаки большевиков.

Среднее решение – всегда не лучшее, но Корнилов поспешил согласиться с Алексеевым. И неожиданная эта поспешность выдала его смятение и трагическое ощущение безысходности, упрямые за непреклонность. «Итак, будем штурмовать Екатеринодар на рассвете 1 апреля. Отход от Екатеринодара будет медленной агонией армии. Лучше с честью умереть, чем влачить жалкое существование затравленных зверей», — подвел черту командующий.¹⁰⁰

Генералы покинули Корнилова, полные тяжелого предчувствия самоубийственности его решения – для каждого из них, и для всей армии. Марков, вернувшись в штаб своей бригады, мрачно изрек: «Наденьте чистое белье, у кого есть. Будем штурмовать Екатеринодар. Екатеринодара не возьмем, а если и возьмем, то погибнем».¹⁰¹

И после совета Корнилов продолжал убеждать подчиненных, что иного пути, кроме штурма, нет. С таким упорством, словно убеждал самого себя.

Когда Деникин, оставшись с командующим один на один, спросил, почему тот так непреклонен, Корнилов ответил: «Нет другого выхода, Антон Иванович. Если не возьмем Екатеринодар, то мне останется пустить себе пулю в лоб». Тогда, возразил Деникин, тысячи жизней окажутся почти без шансов на отступление и выживание, так не лучше ли «оторваться от Екатеринодара, чтобы действительно отдохнуть, устроиться и скомбинировать новую операцию». Корнилов на это здравое замечание своего заместителя отреагировал кратко, будто отмахнулся: «Вы выведете...» Взволнованный таким оборотом дела Деникин лишь воскликнул: «Если генерал Корнилов покончит с собой, то никто не выведет армии – она вся погибнет!».¹⁰²

Позже, в разговоре с Казановичем, чей полк был отозван к ферме в резерв, Корнилов сказал: «Конечно, все мы можем при этом погибнуть. Но, по-моему, лучше погибнуть с честью. Отступление теперь тоже равносильно гибели: без снарядов и патронов это будет медленная агония».¹⁰³

Откуда взялась у Корнилова эта непреклонность, больше похожая на слепую одержимость? Почему он не внял трезвым голосам генералов, чей боевой опыт не уступал его собственному (а то и превосходил, если говорить о Деникине)? Чем питались многократно повторяемые как заклинание «другого выхода нет» и «лучше погибнуть с честью»? Ведь ясно же было любому здравомыслящему человеку, что от гибели Корнилова, хоть с честью, хоть без нее, выиграли бы только большевики.

Прежде всего, независимо от личных представлений Корнилова о чести и бесчестии, жестокая необходимость продолжения штурма диктовалась объективным положением Добровольческой армии, в котором она оказалась, приблизившись в конце марта к цели своего похода. Не имевшая базы и снабжения, «кочующая армия» из-за почти полного отсутствия боеприпасов понесла за три дня Екатеринодарской операции потери, которые превысили 50 % ее состава и восполнены быть не могли. И только взятие Екатеринодара давало шанс снабдиться боеприпасами за счет трофеев и овладеть рычагами власти, которые позволили бы, при условии удержания города, наладить финансирование, комплектование и снабжение армии. Корнилов эту ситуацию воспринимал просто: как выбор между гибелью за боеприпасы и город как центр власти и гибелью без боеприпасов и без власти. Отсюда и прямолинейное заключение: продолжение штурма – единственный выход.

Однако такое восприятие ситуации вполне позволяло, поразмыслив здраво и поставив в качестве самой важной задачу спасения личного состава, прислушаться к аргументам Деникина и «оторваться от Екатеринодара» – пусть побитой собакой, но сохранившей хоть какую-то возможность где-то затаиться, зализать раны и выжить. Но Корнилов прислушался лишь к своим собственным, ведомым одному ему аргументам и субъективным ощущениям.

Каким?

Одним из них, вероятно, было острое разочарование. Причины его очевидны: вопиющая малочисленность вставших под его знамя, равнодушные донского и кубанского казачества, на подъем которого делалась главная ставка, и те массовость и ожесточение, с какими воевали против его армии местные иногородние крестьяне, пришедшие солдаты и матросы, а также часть казаков. Тем не менее, он был далек от мысли, что дело антибольшевистской борьбы погибнет вместе с ним. Не мог он не верить в то же, во что верил генерал Марков, заявивший на совете: «У нас еще будут победы». В это еще верила вся армия. Иначе и быть не могло: люди с иными настроениями и иным психологическим состоянием остались в Новочеркасске и Ростове. В напутствии Деникину – «Вы выведете...» – и сказалась отчасти эта уверенность.

Значит, его внутреннее ощущение обреченности на самоубийственное продолжение штурма зиждилось на чем-то ином, очень личном. Похоже, он с беспощадной ясностью осознал, что его судьба как вождя, как он этому ни противился, намертво переплелась с судьбой Екатеринодара. Лишь взяв город, удержав его и водворив в нем свою власть, он становился безоговорочным лидером антибольшевистского движения и – в случае ликвидации большевиз-

ма – правителем всей России. Нет – останется, бросив агонизирующую армию, бежать в родную Сибирь, куда он так рвался всей душой. Это никак не совмещалось с его представлениями о чести. Более того: вряд ли его бы встретили там как героя, как встретили в России после бегства из австрийского плена или в Новочеркасске после бегства из быховской тюрьмы. Возможность второго, после августа 1917 г., поражения болезненно ощущалась им как крушение своей славы национального героя и поправление своей чести. Лишь воспринимаемая именно так ситуация, отнюдь не безвыходная с чисто военной точки зрения, могла свестись в его сознании к предельно жесткой дилемме: честь и слава взятия Екатеринодара или бесславная смерть с честью.

Действительно, какая слава полководца и вождя выдержит два поражения подряд? Тем более, когда речь идет не об исходе кампании, а о судьбе страны. И невольно напрашивается вывод: Корнилов не видел рационального выхода, поскольку здравый рационализм шел поперек его гипертрофированных (вполне традиционных для русской военной среды) представлений о чести, и ради сохранения свой чести и ореола национального героя, поставив свою гордыню превыше всего, он готов был пожертвовать армией и жизнями доверившихся ему людей.

Насколько справедлив такой вывод?

Кто знает... Уже никому не суждено проникнуть в тяжкие мысли и болезненные переживания, которые владели Корниловым в ночь с 30 на 31 марта, прочувствовать всю глубину его личной трагедии.

Тем более никому не дано его судить...

Реальная военно-политическая ситуация начала 1918 г. на Дону и Кубани завела Добровольческую армию в гибельный тупик. Корнилов видел только два выхода: Екатеринодар или прекращение борьбы (лично для него в этом случае – самоубийство).

Война нашла третий.

Утром 31 марта очередной снаряд, выпущенный по ферме батареей обороняющихся, пробил стену комнаты Корнилова и разорвался внутри, когда тот сидел за столом. Адъютанты, вбежавшие в комнату, в которой все было перевернуто вверх дном и клубилась белая известковая пыль, увидели командующего лежащим на полу с закрытыми глазами. Пробитое правое бедро было окровавлено, а из маленькой ранки на левом виске тонкой струйкой сочилась кровь. Он тихо стонал. Его медленно покрывала белым, словно саваном, оседавшая пыль. Стрелки разбитых часов замерли на половине восьмого.

Пока командующего аккуратно укладывали на носилки и вы-

носили из дома, один из штабных офицеров, потеряв голову, истерично кричал в телефонную трубку генералу Маркову: «Все пропало! Корнилов убит!».

Перенесенный на террасу, Корнилов, не приходя в сознание, через несколько минут умер. Склонившись к нему и припав к его холодеющей руке, едва сдерживал рыдания Деникин.¹⁰⁴

В Гражданской войне города стали гиблыми местами как для красных, так и для белых. Их удержание или занятие рассматривалось как единственное очевидное свидетельство боевого успеха, боеспособности армии и жизнеспособности власти, ощущалось как фактор огромного экономического, политического и морального значения. Ради занятия или удержания городов предавались забвению и нарушались самые грамотные и рациональные тактические соображения и расчеты, командующие ради городов губили армию и гибли сами.

Два месяца назад, 29 января, Донской атаман Каледин, чтобы не оставлять с позором своей столицы – Новочеркасска, выстрелил себе в сердце (Трубецкой назвал его «невольником чести», можно назвать и «невольником Новочеркасска»). Теперь, 31 марта, командующий Добровольческой армией генерал Корнилов, чтобы овладеть Екатеринодаром, трехдневным штурмом обескровил Добровольческую армию, атакой, назначенной на 1 апреля, обрек ее на уничтожение и нашел собственную смерть.

* * *

Снаряд, убивший Корнилова, дал Добровольческой армии шанс выжить.

Алексееву в Елизаветинскую была отправлена записка о гибели командующего с приглашением прибыть в штаб. Деникин, подписывая, придал ей форму рапорта, тем самым признавая безусловное право Алексеева на руководство всей организацией и, соответственно, на назначение нового командующего. Сразу выехав, Алексеев встретил на полпути медленно двигавшуюся в Елизаветинскую в сопровождении конвоя текинцев повозку с еще не остывшим телом Корнилова, прикрытым буркой. Он сошел с коляски, низко поклонился покойному, поцеловал в лоб и долго смотрел в его бесстрастное, уже обмытое, лицо.

Деникин, сам этой сцены не видевший, глубоко и точно передал ее сокровенный смысл: «Последнее прощание двух вождей, которых связала общность идеи, разъединяло непонятное чувство взаимного личного разлада и соединит через полгода смерть...».¹⁰⁵

Приехав в штаб, уже переведенный с фермы на перекресток

дорог, который обстреливался меньше, Алексеев обратился к ожидавшему его Деникину со словами: «Ну, Антон Иванович, принимайте тяжелое наследство...» Вместе с Романовским он быстро набросал приказ из двух параграфов. 1-й содержал пространную эпитафию погибшему. 2-й был предельно лаконичен: «В командование армией вступить генералу Деникину». Заминка вышла с подписью: по «неписаной конституции Добровольческой власти» выше командующего армией никого не было. С подсказки Романовского — мол, «армия знает, кто такой генерал Алексеев», — подписал просто: «генерал-от-инфантерии». ¹⁰⁶ Так Алексеев сразу показал, что не стремится, воспользовавшись гибелью Корнилова, официально закрепить свое положение над командующим.

И в дальнейшем Алексеев не вмешивался в вопросы организации и управления армией, подчеркнуто блюдя эту «неписаную конституцию».

Гибель Корнилова как рукой сняла существовавшую в армейской верхушке напряженность, питавшуюся «взаимным личным разладом» между ним и Алексеевым. Деникину этот «разлад» потому и казался «непонятным», что для себя самого он по многим причинам не мог ни допустить, ни даже представить подобных отношений с Алексеевым.

Прежде всего, он безмерно уважал Алексеева и по-человечески любил. Далее, печальный пример «разлада» между Корниловым и Алексеевым научил его, сколь пагубны для добровольческой армии в условиях гражданской войны конфликты и даже незначительные трения между руководителями: они раскалывают штабное офицерство и командный состав, порождают интриги и вздорные слухи, подрывают боевой дух строевиков и, наконец, просто мешают воевать, формировать армию, налаживать ее финансирование и снабжение. Потом, в силу армейской иерархии ему не позволено было то, что мог позволить себе Корнилов по отношению к основателю «Алексеевской организации»: если Корнилов, как и Алексеев, был в чине генерала-от-инфантерии и дослужился в мировую войну до верховного главнокомандующего русской армией, то Деникин не поднялся выше генерал-лейтенанта и главнокомандующего армиями фронта. Более того, Деникин был много ниже Корнилова и по авторитету среди рядовых добровольцев, для которых он был лишь одним из «просто генералов».

Наконец, одних личных качеств Деникина с лихвой хватило бы и без всего вышеназванного: человек истинно православный, глубоко порядочный, деликатный и чуждый интриганству, он чувствовал себя неуютно в конфликтных ситуациях, никогда не позволяя взять над собой верх честолюбию и гордыне, напроць был лишен

властолюбия. Ни в мыслях, ни в делах он не мог поставить себя выше Алексеева. Он вообще ни внутренне не ощущал себя «вождем», ни внешне не пытался изображать из себя такового. Кстати, именно поэтому его так взволновали и привели в замешательство слова Корнилова о намерении покончить с собой в случае отступления армии от Екатеринодара: ему просто непонятна была такая логика «вождизма», ставящая честь вождя выше интересов дела и жизнью подчиненных.

И теперь, вступив в командование Добровольческой армией, Деникин думал не о ее «выводе с честью» из создавшегося положения, а о спасении людей и сохранении шанса на продолжение борьбы.

Выбирать не приходилось. Ситуация жестко диктовала единственное решение: прекратить операцию по овладению городом и быстрым маршем оторваться от екатеринодарской группы армии Автономова.

Около полудня Деникин, Алексеев и Романовский, а также приглашенные на совещание Филимонов и Быч уселись на бурках вокруг расстеленной карты на откосе заросшей канавы. Председательствовал Алексеев. На сообщение нового командующего о решении сегодня же после заката снять осаду кубанской столицы возражений не последовало. Обсудив маршрут отхода, остановились на том, который казался наименее опасным: на север, к станции Медведовской, а затем на Дядьковскую. ¹⁰⁷

Самым уязвимым местом армии были даже не пустые повозки Артиллерийского отдела, а ее морально-психологическое состояние. Потерю Корнилова многие из его окружения восприняли как «конец всему». Первым желанием штаба было скрыть гибель командующего от войск хотя бы до вечера: чисто инстинктивно опасались, что весть эта разом деморализует и развалит армию, лишит ее способности выполнять приказы нового командующего, настолько в личности Корнилова сплелись воедино «идея борьбы, вера в победу, надежда на спасение».хлопоты были напрасны: страшная весть быстро разнеслась по «солдатскому телеграфу» и «вырвала из души последнюю надежду». Горечь потери смешалась с мертвящим ощущением безнадежности борьбы без Корнилова. У наименее стойких все заглушил страх за собственную жизнь, настолько реальной воспринималась неизбежность плена, жестокой мести большевиков и мучительной гибели от их рук. Части облетел панический слух об окружении армии подошедшими многочисленными войсками врага. Некоторые уже сговаривались, где и как лучше «распылиться», переодевшись и воспользовавшись припасенными еще в Ростове подложными документами ¹⁰⁸.

В этот критический момент, когда добровольцы никого из «просто генералов» не воспринимали как преемника Корнилова, решающее значение имели первые шаги нового командующего. Хотя среди рядовых бойцов Деникин не был популярен, его авторитет в штабе и среди командиров частей был высоким, а Романовский, начальник штаба, и Марков были его самыми близкими друзьями. Это, а также крепкая дисциплина добровольцев и их инстинкт самосохранения помогли ему быстро взять в руки управление армией и подготовить ее к отходу.

Темной ночью, с 31 марта на 1 апреля, армия сняла осаду Екатеринодара и двинулась к станице Медведовской. При уходе лазарета из Елизаветинской, когда большевики уже окружали станицу, обозное начальство не нашло иного выхода, как оставить, в отчаянной надежде на милосердие противника, 64 тяжелораненых, для которых перевозка стала бы верной смертью; с ними были оставлены врач, медсестры и деньги.¹⁰⁹

В колонне добровольцев царил траур: и по Корнилову, и по тому делу, ради которого они встали под его знамя, и по самим себе. Обстреливаемая противником, пытавшимся преградить ей путь и окружить, колонна двигалась на пределе сил, то и дело меняя направление. Деникин вел армию буквально по лезвию ножа, спасая ее как от большевистского окружения, так и от вспышки самоубийственной паники. Когда 1 апреля на одном из кратких привалов Филимонов спросил Деникина, как он расценивает положение, тот ответил просто: «Если доберемся до станицы Дядьковской, то за три дня я ручаюсь, дня три еще поживем...».¹¹⁰

Отход от Екатеринодара несколько поднял настроение добровольцев: удалось наконец-то избавиться от ежеминутного ожидания смерти в окопах и при атаках. Но по-прежнему почти каждый, как могильной плитой, был придавлен ощущением, что «впереди — никакой надежды» и «большевики всех перережут». Боевые части потеряли почти 3 тыс. из 6-ти — убитыми и ранеными, а также разбежавшимися кубанцами; полки уменьшились до рот. Повозки Артиллерийского отдела были пусты; лишь в батареях осталось от 30 до 50 снарядов, да у бойцов немного патронов в подсумках. Поэтому каждый новый обстрел или нажим противника поднимал волну панических настроений и шкурных инстинктов.

Быстро распространилось недоверие к сослуживцам, к начальству и к другим частям. Самые малодушные панически искали собственные пути спасения. Пример подали кубанские казаки, начавшие разбегаться по своим станицам. За ними, украв у местных жителей крестьянскую одежду и выбросив оружие, «распылились» некоторые из добровольцев, пытаясь укрыться в населенных пунк-

тах; эти исчезли бесследно. В обозе, где панические настроения были особенно сильны, раненые срывали с себя кокарды и погоны. По армии волнами катились слухи один страшнее и неленее другого: о планах штаба договориться с большевиками о «пропуске» армии, о готовности целых частей сдаться в плен или отделиться от армии и прорываться самостоятельно, о намерении некоторых командиров спасти жизни подчиненных ценой выдачи большевикам старших начальников и имевшихся у армии «больших денег» и «золотого запаса» (никто, как видно, не представлял себе, сколь скудна армейская казна).¹¹¹

Ночью 1 апреля армия вошла в немецкую колонию Гначбау, где простояла весь следующий день, приводя себя в порядок и дожидаясь темноты. Деникин приказал оставить лишь четыре орудия (больше и не требовалось на мизерное количество сбереженных снарядов) и сократить обоз. Остальные орудия — более десяти, — в свое время добытые с таким трудом, а теперь ставшие бесполезной и смертельно опасной обузой, сняв затворы и испортив лафеты, утопили в речке. Много повозок порубили, часть имущества просто выбросили.¹¹²

2 апреля, перед уходом, в Гначбау были тайно похоронены Корнилов и Неженцев.

К рассвету 3 апреля колонна армии вышла к линии Черноморской железной дороги в одной версте от станции Медведовская, где ее уже поджидали большевики — два бронепоезда и два эшелона с пехотой (штаб Автономова намеревался запереть и уничтожить остатки «корниловских банд» в тесном кольце железных дорог). Когда один из бронепоездов неожиданно приблизился, его находчиво и бесстрашно остановил Марков, скомандовав машинисту «стой» и бросив гранату в паровозную машину. Дело довершил подполковник Д.Т. Миончинский, командир батареи: выдвинул орудие и последними снарядами в упор расстрелял паровоз и блиндированные вагоны. Одни добровольцы еще добивали отчаянно отстреливавшуюся команду бронепоезда, а другие, которым кинулись помогать раненые, уже расцепляли и тушили горящие вагоны, вытаскивая из них и перегружая на телеги самое ценное — ящики со снарядами и патронами. В них было спасение жизни каждого и всей армии. Пока Офицерский и Кубанский полки брали станцию, группы бойцов других частей и обозные телеги под обстрелом второго бронепоезда буквально перелетали через железнодорожные пути, едва успевая подхватывать раненых и не обращая внимания на убитых.

Бой под Медведовской стал переломным. Добровольческая армия вырвалась из смертельной петли железных дорог, открыла себе

спасительный путь на север и захватила более 400 снарядов и 100 тыс. патронов. Все это отчасти вернуло в ряды добровольцев боевой дух, дисциплину и веру в начальников. Поднялся авторитет нового командующего, сумевшего быстро и организованно увести армию от гиблого места.¹¹³

4 апреля в станице Дядьковская, где армия, оторвавшись от преследователей, получила, наконец, возможность спокойной и сытной дневки, Деникин созвал военный совет. В отличие от Корнилова, он пригласил на него не только старших начальников, но и общественных деятелей, столичных и кубанских.

На обсуждение командующий поставил несколько вопросов. Главный — о направлении движения.

Прозвучало предложение возвращаться в донские степи, вызванное острым разочарованием в кубанском казачестве и концом надежд на его активную поддержку. Но обстановка на Дону и участь отряда Попова были совершенно не известны.

Некоторые высказались за уход в горы: в Баталпашинский отдел Кубани и далее в Терскую область. Это предложение, по сути, означало прекращение борьбы, поэтому и оно было отвергнуто.

Большинство поддержало предложение Филимонова: двигаться в Лабинский отдел, в станицу Прочноокопская. По сведениям, которые Кубанский атаман считал вполне надежными, ее казаки упорно боролись с большевиками и с нетерпением ждали Добровольческую армию. Станица эта, расположенная на высоком правом берегу Кубани, еще со времен Кавказской войны пользовалась славой неприступного оплота всей казачьей Линии. Особенно привлекало ее расположение: на высоте, господствовавшей над Армави-ром, где находились богатые артиллерийские и интендантские склады, что позволяло рассчитывать на снабжение за счет трофеев.¹¹⁴

Филимонов, скорее всего, несколько приукрасил преимущества движения в Прочноокопскую. Он, да и другие кубанские правители независимо от их отношения к «реставраторским намерениям» Добровольческой армии, не хотели, чтобы она покидала Кубань. Ибо в этом случае им пришлось бы или уйти вместе с ней, оторвавшись от своего населения, или укрываться где-то, оторвавшись от кубанских частей, которые, несомненно, ушли бы с армией (последнее означало лично для них только одно: скорую и мучительную смерть). Вдобавок, у них затеплилась надежда, что с Деникиным, человеком куда более терпимым и гибким по сравнению с Корниловым, им удастся найти достойный компромисс: отстоять «суверенитет» края и «автономную» армию в обмен на финансирование и снабжение войск за счет хозяйственных ресурсов Кубани.

Деникин, приняв мнение большинства, не считал, однако, себя связанным им окончательно. Главным для него было как можно скорее вести армию, избегая окружения, не подставляя под удары противника и уберегая от потерь, дать ей морально окрепнуть, а также максимально использовать кубанские власти, в соответствии с соглашением в Ново-Дмитриевской, для ее комплектования и снабжения. Но он совершенно не исключал возможность в любой момент, в зависимости от меняющейся обстановки, повернуть армию с восточного направления на северное — на Дон.

Чтобы увеличить суточные переходы, Деникин приказал, по примеру большевиков, посадить всю пехоту на подводы. На членов кубанского правительства и Рады возлагалось содействие реквизициям в станицах лошадей и подвод.¹¹⁵

Вынужденное решение ускорить продвижение с предельной остротой поставило вопрос об обозе с полутора тысячами раненых. Перевязочные материалы и медикаменты совершенно закончились, и многочасовая тряска по ухабам грозила резким ростом смертности, которая и так достигла «ужасных размеров». Одно зло не уступало другому: либо раненые не позволяют армии двигаться быстро и тем обрекают ее на окружение и гибель, либо армия быстрыми и долгими переходами обрекает раненых на смерть. Не меньшим злом казалось и третье решение: оставлять в станицах хотя бы тяжелораненых, что грозило им почти неизбежной смертью от рук большевиков.

Правда, в Дядьковской армию догнало ободряющее известие: елизаветинским казакам удалось уберечь от расправы оставленных на их попечение раненых (впоследствии оно оказалось ложным: многие были убиты вошедшими в станицу большевиками). Так или иначе, душевные терзания не позволили Деникину взять решение этого вопроса лишь на свою совесть, и он вынес его на совещание. Алексеев, Романовский и почти все командиры частей, хотя и отдавали себе отчет, какое гнетущее впечатление это произведет на строевых, высказались за оставление. При условии, что будет сделано все возможное для увеличения шансов на их выживание.

Врачи отобрали 200 самых тяжелых. С ними остались несколько медсестер и один из врачей. На содержание, как записал Алексеев в своей книжке, «оставленного в ст. Дядьковской лазарета из 500 раненых» он выделил 250 тыс. руб. — по 500 руб. на каждого. Здесь либо имела место какая-то несогласованность между ним и лазаретным начальством, либо последнее намеренно ввело в заблуждение основателя и главного финансиста армии, чтобы получить в свое распоряжение как можно больше средств.¹¹⁶

Станичный сбор постановил взять раненых на свое попечение. В качестве примиряющего жеста командование отпустило несколько заложников, екатеринодарских большевиков, захваченных кубанскими казаками при штурме (в отличие от добровольцев, пленных кубанцев они не убивали); те пообещали «оберечь раненых». С другой стороны, из арестованных в станице сочувствующих большевикам, каких прежде расстреливали, около двух десятков решили увести как заложников.

Когда тяжелораненые, кто был в сознании, поняли, что их не увозят вместе со всем лазаретом, их возмущению и озлоблению на медперсонал, командиров и товарищей не было предела. Многие рвались тут же стреляться. Кончилось все тем, что было пристроено по домам казаков почти в два раза меньше — 119 добровольцев: остальных, в нарушение приказа, однополчане увезли с собой.

Из оставленных были убиты большевиками только двое. Из увезенных умерли в дороге почти все.¹¹⁷

9 апреля, пройдя за девять дней 220 верст и свернув с северного направления на восточное, Добровольческая армия остановилась на отдых в станице Ильинская. С принятым от Корнилова «тяжелым наследством» Деникин управился — спас армию: удалось с минимальными потерями вырваться из густой сети железных дорог, все станции которых были прочно заняты бронепоездами и эшелонами войск Автономова. Изнуренная физически, но окрепшая морально, армия сохранила свои основные преимущества над многочисленным и хорошо вооруженным и снабженным противником: выучку, дисциплину и маневренность.

Однако от своей цели, для достижения которой задумывался Кубанский поход и так «много набили народу», — получения обеспеченной и надежной базы — Добровольческая армия оказалась еще дальше, чем два месяца назад, когда она выходила из Ростова.

Предполагаемый разворот на юг, к Прочноокопской, так или иначе, повторял прежнюю алексеевскую ставку на Кубань. Выживание подъема казачества против Советской власти обрекало добровольческое командование и кубанские власти на взаимотерпимость и сотрудничество. На взгляд Деникина, отношения между ними установились «сухие, но вполне корректные». Хотя в строевых частях, особенно добровольческих, отношение к кубанским правителям как «социалистам» и «самостийникам» колебалось от иронического до враждебного, Деникин по общим вопросам советовался с атаманом, главами правительства и Рады. Те платили полным невмешательством в вопросы командования.

Особенно активно кубанские власти взялись за пополнение армии казаками: во всех попутных станицах они созывали сборы и

объявляли мобилизацию.¹¹⁸ Делалось это не без дальнего расчета: добиться, чтобы число казаков в армии выросло как можно больше, а затем и превзошло число офицеров и юнкеров, что, во-первых, усилит их влияние на командование, а, во-вторых, и это главное, позволит вновь вернуться к вопросу об образовании отдельной Кубанской армии.

Между тем в апреле появились первые признаки так давно ожидаемого поворота в настроениях кубанского казачества. В ряде станиц хозяйничанье и репрессивные меры органов Советской власти, прежде всего пришедших большевиков, вызвали восстания. Их жестокое подавление только ускорило этот поворот. В результате казаки в каждой станице стали присоединяться к армии сотнями.

Правда, среди них были такие, кто, хлебнув походовых тягот и опасностей, скоро возвращался домой. Другие же, не взяв с собой, возможно, намеренно, оружие, следовали при обозе. Тем не менее к концу апреля мобилизованные и добровольно вступившие подняли число кубанцев в Добровольческой армии более чем до 2 тыс., несколько восполнив потери, понесенные ею в походе и доведя ее численность почти до 5 тыс.¹¹⁹

Тогда же армия впервые стала комплектоваться пленными. Конечно, не из матросов и рабочих — этих добровольцы продолжали безжалостно расстреливать. А из кубанских казаков и даже иногородних, кто успевал поднять руки и кому повезло сдаться своим же кубанцам. Поначалу их было немного, и обычно они использовались в обозе. Но потом некоторые командиры частей на свой страх и риск стали ставить пленных в строй — прежде всего казаков, выразивших готовность драться с большевиками. Деникин в таком «неожиданном» методе комплектования склонен усматривать «положительный сдвиг в добровольческой психологии». Если и так, то вызван этот сдвиг был не столько каким-то смягчением отношения к противнику, сколько очевидным для каждого добровольца обстоятельством: надежды на массовое присоединение к армии казаков и иногородних не оправдались и вопрос пополнений стал вопросом существования армии.¹²⁰

Боеприпасами снабжались по-прежнему: «обменивая» их на жизни бойцов. Намечая маршрут и планируя операции, Деникин и его штаб всегда исходили из обязательности захвата складов или вагонов со снарядами и патронами, сведения о которых доносила молва или собирала разведка, по-прежнему очень ограниченная в своих возможностях. Иногда операции, проводившиеся исключительно с целью снабжения трофейными боеприпасами, заканчивались безрезультатно, только вызывая лишние потери.

Из-за того, что при сокращении обоза, немало винтовок было

выброшено, армия теперь испытывала их острый недостаток. Поэтому многие из присоединившихся безоружных кубанцев ехали в обозе.¹²¹

Лошадей, повозки, вещи и продукты добывали преимущественно путем реквизиций. Проводить их Отделу снабжения помогали члены кубанского правительства и «радяне». Но главное — краевые власти стали принимать выдававшиеся населению армейскими снабженцами реквизиционные квитанции, тем самым беря на себя обязательство впоследствии расплатиться с хозяевами.¹²²

С продуктовым снабжением дело обстояло хорошо. Казаки встречали армию радушно и хлебосольно, кормили, не требуя денег, а чья-то прижимистость не особенно портила общей картины. Гостеприимство иногородних стимулировалось страхом: многие боялись, что «кадеты» будут им мстить за поражение. В крестьянских слободах, запомнившихся оказанным месяц — два назад упорным вооруженным сопротивлением, многие добровольцы просто отбирали у жителей продукты, уже не испытывая по этому поводу никаких моральных затруднений.¹²³

Кубанское правительство помогло Алексееву несколько поправить финансовые дела. Во-первых, передачей ему 1 млн. руб. ассигнациями (реквизированные в Екатеринодарском отделении Госбанка серебряные монеты, которые возили в нескольких двуколках, оно приберегло для собственных нужд). И, во-вторых, принятием на себя реквизиционных квитанций, что позволило значительно сократить расход наличных денег из изрядно растаявшей казны. Согласно записям Алексеева, в апреле он выдал 1 млн. 935 тыс. руб.; из них 250 тыс. — на оставленных в Дядьковской раненых, 365 тыс. на жалование и 1 млн. 320 тыс. на текущие расходы.¹²⁴ Получается, что в апреле кубанское правительство Быча оплатило половину расходов Добровольческой армии наличными, а с учетом принятых на себя реквизиционных квитанций, общую стоимость которых подсчитать невозможно, — доля ее финансирования армии в последний месяц Кубанского похода стала еще большей.

Три дня — 9, 10 и 11 апреля — Добровольческая армия простояла в Ильинской. И хотя станица подверглась обстрелу большевиков и пришлось отбивать их плохо организованные атаки, отдыха это не испортило. Бойцам удалось наконец-то вволю выспаться, вымыться и наесться, отремонтировать и вычистить обмундирование. Медперсонал сумел хотя бы отчасти облегчить страдания больных и раненых, переполнивших полковые околотки. Армейский лазарет уменьшился: попасть в него считалось верной смертью, почему добровольцы и не хотели отправлять туда своих раненых товарищей.

Кстати пришла и весна: свежая зелень и бело-розовое цветенье садов, в которых утонули станицы, оживили пейзаж и вселили новые надежды.

Все это, а тем более радушие станичников и начавшийся приток в армию кубанцев, подняли настроение добровольцев уже через какой-нибудь десяток дней после кровавого и самоубийственного штурма Екатеринодара.

Соответственно, отношение добровольцев к местному населению, прежде всего казачьему, стало мягче и дружелюбнее. Ожесточенность отпустила многие молодые сердца. Конфликты с жителями почти прекратились. Расстреливали теперь куда реже и лишь в случаях очевидного пособничества большевикам.¹²⁵

Вместе с боевым духом добровольцев вырос и авторитет Деникина. Его тяжеловатая фигура на массивном гнедом коне, окруженная штабными офицерами и текинцами, его седая борода-эспаньолка, пенсне и мягкая речь, которые делали его похожим, если не брать во внимание генеральскую форму, на великорусского помещика средней руки, воспринимались теперь на месте Корнилова вполне естественно. После спасения армии и вместе с ней дела освобождения России от «немецко-большевистского ига» новый командующий был признан заслуженным преемником погибшего. И потому авторитет его тесно переплелся с культом Корнилова — «болярина Лавра», — неизбежно установившимся в армии.¹²⁶

В Ильинской армию разыскали несколько казаков из Прочно-окопской. По их словам, хотя вспыхнувшее в начале апреля восстание в Лабинском отделе были подавлены, тайная организация продолжает действовать, оружие сохранено и спрятано, ведется подготовка к новому восстанию и захвату Армавира, где на складах в изобилии хранятся вооружение и боеприпасы. На встрече в штабе они просили армию идти к ним, в Лабинский отдел, суля приток в армию больших сил и победы.

Хотя, казалось, появились твердые аргументы за осуществление решения, принятого в Дядьковской, Деникин медлил. И он имел на то серьезные основания. Во-первых, уход армии в кавказские предгорья, даже спасая ее и обеспечивая на какой-то срок возможностью пополняться казаками-повстанцами и снабжаться трофеями, отрывал ее от событий в Центральной России, отодвигал на периферию, обрекал на одиночество, в лучшем случае — на сожительство с кубанской властью даже не по расчету, а по нужде. А, во-вторых, с Дона накатилась волна слухов о поголовном восстании донского казачества и даже взятии восставшими Новочеркасска. Однако цену слухам в добровольческом штабе уже хорошо знали; действительная же обстановка на Дону, а тем более во всей России, была совершенно не известна.

Принимать решение, куда двигаться дальше, ориентируясь только на посулы или слухи, Деникин не хотел. Он был убежден: от этого решения зависит судьба не одной только армии, но и всего антибольшевистского движения. Поэтому на Дон, в станицу Егорлыкскую, с целью разведки был послан разъезд полковника В.П. Барцевича. Одновременно, в качестве первого шага к повороту в Лабинский отдел, он откликнулся на настойчивые просьбы Покровского, поддержанные кубанским правительством, и предложил в его распоряжение конный отряд в четыре сотни кубанцев и черкесов. Отряду надлежало подготовиться к рейду в район Прочноокопской, где он должен был составить ядро повстанческих сил. Помимо чисто оперативных соображений и стремления хоть как-то использовать Покровского по его способностям и наклонностям, Деникин, возможно, таким способом хотел еще и убрать «командующего войсками Кубанского края» подальше от вступающих в армию кубанских казаков.¹²⁷

12 апреля Деникин перевел армию в станицу Успенскую, сохраняя направление на восток, а с ним и возможность повернуть как на юг, в Лабинский отдел, так и на север, на Дон. 14 апреля, совершив за четыре дня стремительный пробег в 200 верст, возвратился, уже в Успенскую, разъезд Барцевича; с ним прибыли 17 донских казаков — «депутация» от южных станиц. Рассказанное ими превзошло самые смелые ожидания: Дон восстал против большевиков, южные станицы «ополчились» поголовно, из Сальских степей вернулся со своим отрядом походный атаман Попов и формирует группы ополчений, которые отчаянно дерутся с большевиками.

Уже первые вести о восстаниях в горных отделах Кубани — Майкопском, Лабинском и Баталпашинском — заметно приободрили добровольцев. Теперь же, когда к ним добавились восторженные рассказы разведчиков Барцевича о «сполохе» на Дону, армия воспрянула духом окончательно. Волна бурной радости и новых надежд смыла горечь неудачи под Екатеринодаром: поднялась наконец несметная казачья сила и армия пойдет на соединение с ней!¹²⁸

Немедленно созвав военный совет с участием кубанцев, Деникин предварительно обсудил ситуацию с Алексеевым. Для командующего было очевидно: полученные с Дона сведения дают вполне достаточные основания для окончательного выбора, который сам он определил как выбор между «окошком» и «окном». По сравнению с кубанским «окошком» за донским «окном» открывались богатая экономическая и надежная социальная база, выход в Центральную Россию и связь с союзниками по Антанте. Кроме того,

если при уходе в горные отделы Кубани терялась связь с Доном, то при прочном занятии Дона Кубань становилась глубоким тылом Добровольческой армии, что само по себе, считал Деникин, предreshало как ликвидацию в этой казачьей области местной большевистской власти, так и обращение ее людских и хозяйственных ресурсов на нужды борьбы против власти Совнаркома в центре России. Таким образом, в представлении Деникина, движение армии на юг или на север являлось выбором не между Кубанью и Доном как базами — стратегически это был выбор между Кубанью и всей Россией.

Алексеев с намерением командующего идти на Дон согласился полностью. По-иному и быть не могло: ведь, по сути, оно открывало путь к реализации стратегического плана самого Алексеева, выношенного им в октябре — ноябре 1917 г., — превратить казачий Юго-восток в базу освобождения России. Шансы на его реализацию в сложившихся условиях повышал кровавый опыт пятимесячной борьбы — опыт приобретений и утрат. Самым ценным приобретением была армия: сформированная и проведенная сквозь огонь и лед, она отличалась высокой боеспособностью, была крепка духом и могла стать ядром будущих вооруженных сил. Не менее ценным был прецедент договорного оформления отношений с Кубанским казачьим войском: включение всех казачьих сил в единую армию и принятие войсковыми властями обязательства пополнять и снабжать ее за счет ресурсов казачьей области. Что же касается утрат, то одна из них стала большим плюсом: утрачены были иллюзии относительно готовности казачества бороться больше, чем за освобождение своих станиц, и по своей воле брать на себя расходы — деньгами, добром и казачьими жизнями — на избавление России от «немецко-большевистского ига».

Поэтому главную трудность предстоящего совета Алексеев и Деникин видели в том, чтобы сохранить соглашение в Ново-Дмитриевской — не дать кубанским правителям отколоться от армии (точнее — от ее обоза). За кубанских офицеров, рядовых казаков и черкесов были спокойнее: с коренными добровольцами за время совместного похода большинство из них сроднилось крепко, да и возвращаться под командование Покровского желанием никто не горел.

На совете, состоявшемся в станичной школе, председательствовал Алексеев.

Деникин изложил свое видение обстановки и сообщил о своем решении: во изменение плана, принятого в Дядьковской, двигаться не на юг, а на север, в район донской станицы Егорлыкской, откуда действовать дальше сообразно обстоятельствам. Аргументы

командующего горячей речью подкрепил старший «депутации»: донцы, мол, «бьют челом Добровольческой армии, просят забыть старое и поскорее придти на помощь». Филимонов, Быч, Рябовол и другие приглашенные кубанцы, уже предчувствовавшие, конечно, такой оборот дела после того, как возвратившийся разъезд Барцевича взбудоражил всю армию, не сочли нужным скрывать своего разочарования. Однако возражать, а тем более протестовать не стали — контраргументов не нашлось. Лишь высказали опасение, что кубанцы и черкесы не пойдут за Добровольческой армией на Дон. Подтекст был очевиден: коль добровольцы покидают Кубань, соглашение в Ново-Дмитриевской теряет силу и кубанским властям ничего не остается, как вернуться к вопросу о формировании собственной Кубанской армии.

Не Деникин, а сами кубанцы и черкесы опровергли собственных правителей: на следующий день даже те четыре сотни, которые вызвались идти с Покровским в Лабинский отдел, узнав о повороте армии на север, пожелали остаться в ее рядах.

Деникин же, закрывая военный совет, заверил кубанские власти, что «Кубани не бросит»: армия будет сосредоточена вблизи Кубанской области и, «выполняя общероссийскую задачу», при первой возможности окажет кубанским казакам помощь в ее освобождении.¹²⁹

Замысел Деникина, одобренный Алексеевым, был очевиден: занять район на стыке Донской и Кубанской областей, из которого можно будет развивать операции как на донском, так и кубанском театрах с целью придти на помощь казакам, поднявшимся против большевиков. Придти не слишком рано, чтобы не жертвовать чрезмерно Добровольческой армией, которая и так уже принесла много жертв, защищая казачьи области от большевиков без поддержки самих казаков, а лишь ожидая, когда те протрезвеют от большевистского удара. Но и не слишком поздно, чтобы получить моральное право и военно-политические рычаги для объединения Дона и Кубани под своей властью и превращения их в надежную базу. И ни в коем случае «не повторить ростовской ошибки»: не дать казачьим властям использовать Добровольческую армию в своих местных интересах и в то же время уклониться от ее финансирования, снабжения и пополнения в масштабах, необходимых для решения ею «общероссийской задачи».

Но столь же очевидно и другое: Деникин самоуверенно и близоруюко исходил из того, что Кубанский поход «связал навсегда» Добровольческую армию с Кубанью, и связь эту он видел не как военно-политический союз равных, а как подчиненность области и ее казачьих властей командованию и будущему правительству

Добровольческой армии, «носителнице общероссийского начала». Просто в силу пресловутой «азбуки военного дела» и приоритета общероссийских интересов и задач, за которые боролась армия, над местными, которыми были озабочены войсковые атаманы и правительства.

15 апреля Добровольческая армия вышла из Успенской и двинулась в Задонье. Там, однако, ее ждали не хлеб-соль от казаков и вожденный отдых: революционные части Донской советской республики уже заняли восставшие станицы, выдавив Задонскую группу повстанцев к Егорлыкской. И армии пришлось сходу начинать операцию по освобождению Задонья. 19 – 21 апреля добровольческие бригады разметали многочисленные, но плохо организованные и управляемые советские части и прочно овладели Задоньем.

Страстная суббота 21 апреля едва не стала роковой для Деникина: в каменный дом, занятый в Лежанке под штаб армии, как раз в то время, когда туда пришел командующий, попало несколько снарядов. Ему и штабным повезло: их «осыпало известкой, но не тронуло».¹³⁰

Поздней ночью 21 апреля, спеша к пасхальной заутрене, Деникин со штабом въехал в Егорлыкскую.

Только теперь, когда разведка стала получать сведения от частей, размещенных в нескольких задонских станицах, и восстановилась связь с внешним миром, на штаб с разных сторон обрушились новости одна ошеломительнее другой.

Немцы, по договору с украинской Центральной радой и большевистским правительством, заняли Украину и продвигаются к Ростову и Новочеркасску. Эшелоны большевистских войск, беспорядочно отходя под их напором по железной дороге от Ростова через Батайск и Тихорецкую на Царицын, закупили все узловые станции. Огромное количество боеприпасов и военных материалов ускользало из-под носа Добровольческой армии, а планировать на будущее бои с немцами с целью захвата трофеев было равносильно самоубийству.

23 апреля Южная группа донских ополчений под командованием полковника С.В. Денисова взяла Новочеркасск. Деникин спешно послал туда представительство во главе с генералом В.П. Кисляковым – договориться о подчинении донских ополчений командующему Добровольческой армией. В случае положительного ответа армии предстояло немедленно идти к Новочеркасску.

В очередной раз опустевшие повозки Артиллерийского отдела грозили большой бедой: обстановка уже в ближайшие дни могла повернуться так, что армия окажется зажатой между немецкими

частями, большевистскими войсками, отступающими с Украины, донскими советскими отрядами и войсками Кубанской советской республики (бывшей Юго-Восточной революционной армией).

Ничего не оставалось, как срочно пополняться трофеями за счет большевиков. 25 – 28 апреля армия, без особого, правда, настроения, совершила многоверстный рейд на Кубань и захватила узловую станцию Сосыка, а также соседние с ней станции Крыловская и Ново-Леушковская, находившиеся в тылу группы советских войск, сосредоточенной против немцев у Батайска. Операция стоила немалых потерь, ценой которых было захвачено и увезено имущество нескольких эшелонов – пулеметы, винтовки, патроны, обмундирование. Со снарядами не повезло: захватили их не больше, чем растратили. Можно было добыть еще трофеи, заняв следующие к Ростову станции, но противник оказал упорное сопротивление. Во избежание новых потерь утомленные бригады, попутно пополнившись несколькими сотнями мобилизованных кубанских казаков, отошли обратно в Задонье.¹³¹

Тем временем обстановка на Дону запуталась еще сильнее.

25 апреля в Ростов вступила передовая германская дивизия.

25-го же части войск Донской советской республики попытались отбить у повстанцев Денисова Новочеркасск, атаковав его с севера. Они заняли предместья, и повстанцы, дрогнув, начали пятиться. В самый критический момент во фланг наступающих с ходу нанесла удар подошедшая Бригада русских добровольцев, численностью до 1 тыс. бойцов, под командованием полковника М.Г. Дроздовского (сформированная на Румынском фронте, она два месяца шла походом на Дон на соединение с армией Корнилова). Решив участь боя в пользу казаков Денисова, бригада вошла в Новочеркасск. Дроздовский не медля отправил Деникину рапорт о подчинении бригады командующему Добровольческой армии и ее готовности, несмотря на утомление непрерывным походом, хоть сейчас идти в бой.¹³²

30 апреля Добровольческая армия встала наконец на отдых в Мечетинской и Егорлыкской. В тот же день в Мечетинской, где расположился штаб, Деникин созвал очередной военный совет.

Командующему и его штабу было, над чем поломать голову.

Вместе с рапортом Дроздовского, вызвавшим бурную радость, из Новочеркасска пришло донесение Кислякова, напротив, изрядно омрачившее настроение. Хотя восстания разрастаются и общее число повстанцев, сведенных в три группы, перевалило за 10 тыс., отряды порой проявляют неустойчивость и плохо управляются, атаман Попов действует вяло и авторитетом не пользуется, временное войсковое правительство во главе с ссаулом Яновым ре-

шение всех вопросов откладывает до созыва «Круга спасения Дона». Заверив, что приход Добровольческой армии на Дон «крайне желателен и что совместные действия с казаками послужат к укреплению боевого духа последних», Попов и Янов в то же время заявили, что не считают возможным подчинение формируемой Донской армии командующему Добровольческой. По причине, по их словам, «крайнего опасения, что такое подчинение не своему (казачьему) генералу может послужить поводом к агитации, которая найдет благоприятную почву среди казаков». Их позицию Кисляков резюмировал так: «Словом, от подчинения отказываются, «унию» весьма хотят».¹³³

Для Деникина такая «уния», живо напомнившая «печальную историю» декабря 1917 – февраля 1918 гг., была совершенно неприемлема, ибо вела прямиком к повторению «ростовской ошибки».

А повторять ее никак было нельзя: армия не могла больше кочевать в поисках базы. Бои в Задонье и особенно набег на Сосыку, несколько неожиданно для командования, показали: вырвавшаяся из трехмесячных объятий смерти и оказавшись вблизи Новочеркасска и Ростова, армия отчасти утратила прежнюю стойкость и боеспособность, поскольку добровольцы жаждут не боев, пусть даже победных, а лишь длительного отдыха в комфортных городских условиях. И без необходимого финансирования, снабжения и обслуживания нечего было и думать о ее развертывании и дальнейшей борьбе.

Для Деникина стало очевидным: окончательно освободить Дон от большевиков могут либо сами казаки, либо немцы. Но никак не Добровольческая армия. Даже с учетом бригады Дроздовского она не располагает в данный момент необходимыми для этого живой силой, вооружением и боеприпасами. Морально-психологическое состояние частей и отсутствие собственной базы в корне подрезали все наступательные расчеты и планы. В крайнем случае, можно попытаться взять Новочеркасск, если большевики отобьют донскую столицу, — лишь тогда появится шанс прибрать к рукам тысячи восставших донских казаков, вооружить и снабдить армию за счет донских складов и казны. Но устроить из Новочеркасска «второй Екатеринодар», не имея с атаманом Поповым даже «унии», подобной соглашению в Ново-Дмитриевской, да еще под боком у немцев, — на такой самоубийственный шаг Деникин пойти не мог.

Поэтому на военном совете, не вдаваясь в свои сомнения, он сообщил о решении не идти на Новочеркасск, остаться на юге Донской области, отдыхать и выжидать развития событий на Дону и Кубани, пользуясь тем, что силы большевиков отвлечены казачьими восстаниями и продвижением немцев.¹³⁴

80-дневный Кубанский поход Добровольческой армии был завершен.

Итоги его могли утешить лишь самых бездумных оптимистов. Армия осталась жива, но не более того.

Базы она не получила.

Надежных союзников, ни внутри России, ни вне ее, не обрела.

Был и еще один итог — зримое отсутствие Корнилова во главе армии и его незримое присутствие во всей ее жизни.

***

Эпитафия погибшему командующему в приказе от 31 марта выглядит в авторстве Алексеева и Романовского сколь возвышенно, столь же и двусмысленно. Такое впечатление производит перечисление «всех дел покойного»: «бегство из неприятельского плена, августовское выступление, Быхов и выход из него, вступление в ряды Добровольческой армии и славное командование ею».¹³⁵

«Бегство из неприятельского плена» можно считать геройством, лишь забыв об окружении его 48-й дивизии в Карпатах в апреле 1915 г. и тысячах ее чинов, обреченных на смерть и плен. «Августовское выступление» против Керенского, непродуманное и неподготовленное, закончилось провалом, причем немало было таких, кто, подобно генералу Крымову, именно Корнилова считали главным виновником этого провала. «Выход» из Быхова стал началом крайне неудачного похода на Дон во главе с Текинским полком, закончившимся его разгромом. «Вступление в ряды» напомнило, что не Корнилов стоял у истоков формирования Добровольческой армии. «Славное командование» ставилось под сомнение ходом и результатами Екатеринодарской операции...

Возможно, такое впечатление, навеянное текстом приказа Алексева от 31 марта, слишком критично и даже предвзято.

Конечно, в апреле 1918 г., а тем более позже, когда «Ледяной поход» стал восприниматься как «Анабазис» Белого движения на юге, вершина мужества и предел испытаний добровольцев-«первопоходников» — «не то был, не то сказка», как выразился Деникин, — культ Корнилова в Добровольческой армии, его ореол вождя и национального героя никем сомнению не подвергался. Да он и не мог быть поколеблен никакими сомнениями. Без веры, зачастую совершенно иррациональной, в командующего не может воевать ни одна армия, как без веры в командира — ни одно подразделение и ни одна часть. Погибший вождь стал святыней Добровольчества.

Вероятно все же, что в глубине души Алексеев, Деникин, Романовский и, возможно, кто-то еще не могли не признать ошибочность некоторых решений и действий первого командующего армией. Но причину именно таких итогов Кубанского похода им проще было видеть не в его ошибках, а в роковом ходе событий, «управляемых великими и неведомыми законами бытия».¹³⁶ Это о мертвых — или хорошо, или ничего. О святынях — только коленопреклоненно.

Деникин даже три-четыре года спустя, когда писал о Корнилове, ушел от оценок некоторых его действий и Екатеринодарской операции в целом. Для него посягнуть на такую святыню Белого дела, как Корнилов, — значило уподобиться большевикам, которые 3 апреля, обнаружив в Гначбау могилу командующего Добровольческой армии, вырыли тело и, привезя в Екатеринодар, глумились над ним в «победном» экстазе, дав выход страху, мести и озверению.

Примечания:

¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.228; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.298; Богаевский А.П. Указ. соч. С.56; Пауль С.М. Указ. соч. С.72.

² Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.229.

³ Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.7-8.

⁴ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.227,229; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.10; Пауль С.М. Указ. соч. С.72.

⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.280,282.

⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.221,233; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.8.

⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.229; Богаевский А.П. Указ. соч. С.58.

⁸ Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.8.

⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.229-230.

¹⁰ Богаевский А.П. Указ. соч. С.59.

¹¹ Богаевский А.П. Указ. соч. С.59; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.230-232.

¹² Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.231; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.9-12; Богаевский А.П. Указ. соч. С.61.

¹³ Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.12-13.

¹⁴ Богаевский А.П. Указ. соч. С.62.

¹⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.233; Богаевский А.П. Указ. соч. С.64-65.

¹⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.233-234.

¹⁷ Там же. С.232.

¹⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.227,229,259; Богаевский А.П. Указ. соч. С.67.

¹⁹ Денежные документы генерала Алексева. С.348-349,353-354.

²⁰ Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. С.33.

²¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.227.

²² Денежные документы генерала Алексева. С.347.

²³ Там же. С.353-354.

- ²⁴ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.227.
- ²⁵ Пауль С.М. Указ. соч. С.77.
- ²⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.261-262.
- ²⁷ Лукомский А.С. Воспоминания. Т.П. С.8.
- ²⁸ Богаевский А.П. Указ. соч. С.57-58,61,66; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.232,234.
- ²⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.240,241,258,266; Гуль Р. Указ. соч. С.75.
- ³⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.270,282.
- ³¹ Там же. С.282.
- ³² Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.247; Богаевский А.П. Указ. соч. С.72.
- ³³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.276-277.
- ³⁴ Там же. С.242,245,246,249,265,281,345; Богаевский А.П. Указ. соч. С.82-83.
- ³⁵ Там же. С.265.
- ³⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.234,261-262; Гуль Р. Указ. соч. С.61,97; Богаевский А.П. Указ. соч. С.106.
- ³⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.261; Пауль С.М. Указ. соч. С.83.
- ³⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.234,240,250,261,266; Гуль Р. Указ. соч. С.74,77,109,140; Пауль С.М. Указ. соч. С.75,77.
- ³⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.234.
- ⁴⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.235,250; Гуль Р. Указ. соч. С.109.
- ⁴¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.245,250; Пауль С.М. Указ. соч. С.78,83.
- ⁴² Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.250; Гуль Р. Указ. соч. С.95-96,135-136; Пауль С.М. Указ. соч. С.87,89.
- ⁴³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.251; Гуль Р. Указ. соч. С.97.
- ⁴⁴ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.250-251; Гуль Р. Указ. соч. С.95-96.
- ⁴⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.203,249.
- ⁴⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.249-251,265; Пауль С.М. Указ. соч. С.87-88; Гуль Р. Указ. соч. С.102.
- ⁴⁷ Богаевский А.П. Указ. соч. С.113.
- ⁴⁸ Врангель П.Н. Записки (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). Ч.1//Белое дело. Кн. V. Берлин, 1928. С.10; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.205-206,262.
- ⁴⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.258,261,262,266; Гуль Р. Указ. соч. С.68,71,80,105; Богаевский А.П. Указ. соч. С.73,84,92,106; Пауль С.М. Указ. соч. С.78,80.
- ⁵⁰ Гуль Р. Указ. соч. С.68,86; Пауль С.М. Указ. соч. С.75,82.
- ⁵¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.262.
- ⁵² Гуль Р. Указ. соч. С.80.
- ⁵³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.262; Гуль Р. Указ. соч. С.79-80.
- ⁵⁴ Пауль С.М. Указ. соч. С.77.
- ⁵⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.262,299; Гуль Р. Указ. соч. С.80.
- ⁵⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.259; Гуль Р. Указ. соч. С.106-107; Пауль С.М. Указ. соч. С.74; Львов Н. Алексеев в Кубанском походе//В память 1-го Кубанского похода. Белград, 1926. С.13.
- ⁵⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.247,283-284; Богаевский А.П. Указ. соч. С.73.
- ⁵⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.247.
- ⁵⁹ Богаевский А.П. Указ. соч. С.76; Гуль Р. Указ. соч. С.73-74,81.
- ⁶⁰ Богаевский А.П. Указ. соч. С.91,106; Гуль Р. Указ. соч. С.78-79,86,89,90,103.
- ⁶¹ Богаевский А.П. Указ. соч. С.91; Пауль С.М. Указ. соч. С.79.

- ⁶² Пауль С.М. Указ. соч. С.74,78; Гуль Р. Указ. соч. С.64-65,102; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.208.
- ⁶³ Гуль Р. Указ. соч. С.66-67,69,70-71,80-81,84-85,102; Пауль С.М. Указ. соч. С.76,82.
- ⁶⁴ Гуль Р. Указ. соч. С.85.
- ⁶⁵ Пауль С.М. Указ. соч. С.78.
- ⁶⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.258; Богаевский А.П. Указ. соч. С.92; Пауль С.М. Указ. соч. С.78; Гуль Р. Указ. соч. С.105.
- ⁶⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.247,259,283.
- ⁶⁸ Филимонов А.П. Указ. соч. С.88-89; Николаев К.Н. Смутные дни на Кубани//В память 1-го Кубанского похода. Белград, 1926. С.90-91.
- ⁶⁹ Филимонов А.П. Указ. соч. С.90-91.
- ⁷⁰ Филимонов А.П. Указ. соч. С.90; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.270.
- ⁷¹ Филимонов А.П. Указ. соч. С.90.
- ⁷² Филимонов А.П. Указ. соч. С.91,93-95; Николаев К.Н. Указ. соч. С.92.
- ⁷³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.247.
- ⁷⁴ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.247,259; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.П. С.22.
- ⁷⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.255,258-259.
- ⁷⁶ Филимонов А.П. Указ. соч. С.91-93; Николаев К.Н. Указ. соч. С.93.
- ⁷⁷ Филимонов А.П. Указ. соч. С.94-95.
- ⁷⁸ Там же. С.97.
- ⁷⁹ Филимонов А.П. Указ. соч. С.90,94,98; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.268-269.
- ⁸⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.272-273.
- ⁸¹ Филимонов А.П. Указ. соч. С.97-98; Николаев К.Н. Указ. соч. С.94.
- ⁸² Филимонов А.П. Указ. соч. С.96.
- ⁸³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.273.
- ⁸⁴ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.275-277; Филимонов А.П. Указ. соч. С.98.
- ⁸⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.277-278.
- ⁸⁶ Филимонов А.П. Указ. соч. С.98-99; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.278-279.
- ⁸⁷ Филимонов А.П. Указ. соч. С.99.
- ⁸⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.279-280,282.
- ⁸⁹ Филимонов А.П. Указ. соч. С.100-101.
- ⁹⁰ Богаевский А.П. Указ. соч. С.113; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.280-282.
- ⁹¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.283.
- ⁹² Филимонов А.П. Указ. соч. С.101-102.
- ⁹³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.283.
- ⁹⁴ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.287; Казанович Б. Атака Екатеринодара и смерть Корнилова//В память 1-го Кубанского похода. Белград, 1926. С.48-49.
- ⁹⁵ Казанович Б. Атака Екатеринодара и смерть Корнилова. С.50-51.
- ⁹⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.288.
- ⁹⁷ Казанович Б. Атака Екатеринодара и смерть Корнилова. С.54-57.
- ⁹⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.292.
- ⁹⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.293-294; Богаевский А.П. Указ. соч. С.121; Казанович Б. Атака Екатеринодара и смерть Корнилова. С.54-57; Гуль Р. Указ. соч. С.119.

- ¹⁰⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.294-295; Филимонов А.П. Указ. соч. С.103.
- ¹⁰¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.295.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Казанович Б. Атака Екатеринодара и смерть Корнилова. С.59.
- ¹⁰⁴ Богаевский А.П. Указ. соч. С.131-132; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.298-299.
- ¹⁰⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.300.
- ¹⁰⁶ Там же. С.303-304.
- ¹⁰⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.304; Филимонов А.П. Указ. соч. С.104.
- ¹⁰⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.299; Гуль Р. Указ. соч. С.120-121; Богаевский А.П. Указ. соч. С.134.
- ¹⁰⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.305.
- ¹¹⁰ Филимонов А.П. Указ. соч. С.105.
- ¹¹¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.306-307,316; Филимонов А.П. Указ. соч. С.105; Гуль Р. Указ. соч. С.127-129; Богаевский А.П. Указ. соч. С.135-136.
- ¹¹² Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.306; Гуль Р. Указ. соч. С.128.
- ¹¹³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.308-309; Гуль Р. Указ. соч. С.132-134; Филимонов А.П. Указ. соч. С.105.
- ¹¹⁴ Филимонов А.П. Указ. соч. С.105.
- ¹¹⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.310.
- ¹¹⁶ Денежные документы генерала Алексеева. С.354.
- ¹¹⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.305,310-311; Гуль Р. Указ. соч. С.135-136; Богаевский А.П. Указ. соч. С.143; Пауль С.М. Указ. соч. С.87.
- ¹¹⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.315; Гуль Р. Указ. соч. С.138.
- ¹¹⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.313,315,344-345; Богаевский А.П. Указ. соч. С.143.
- ¹²⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.315.
- ¹²¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.313,315; Гуль Р. Указ. соч. С.138.
- ¹²² Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.315.
- ¹²³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.313; Гуль Р. Указ. соч. С.133,137-138.
- ¹²⁴ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.315; Денежные документы генерала Алексеева. С.354; Николаев К.Н. Указ. соч. С.92-93.
- ¹²⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.313,315; Гуль Р. Указ. соч. С.133,139-140; Пауль С.М. Указ. соч. С.87.
- ¹²⁶ Гуль Р. Указ. соч. С.133,138-139.
- ¹²⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.317.
- ¹²⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.317; Гуль Р. Указ. соч. С.138.
- ¹²⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.317,320; Филимонов А.П. Указ. соч. С.106; Богаевский А.П. Указ. соч. С.145.
- ¹³⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.323.
- ¹³¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.326,338,344; Филимонов А.П. Указ. соч. С.106-107.
- ¹³² Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.336-337.
- ¹³³ Там же. С.338.
- ¹³⁴ Богаевский А.П. Указ. соч. С.111-112.
- ¹³⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.304.
- ¹³⁶ Там же. С.194.

ПОХОД НА МОСКВУ В 1919 г.: МОБИЛИЗАЦИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА А.И. ДЕНИКИНА

Войны в XX в. — не только продолжение политики другими средствами, но и продолжение экономики другим путем развития, за счет других факторов и с другой, многократно более высокой, степенью риска утратить устойчивость и вступить в стадию кризиса. Такое развитие, представляющее собой мобилизацию экономики воюющей страны, а также качественные и количественные параметры этой мобилизации играют решающую роль в создании военно-экономического потенциала и, в конечном счете, во многом определяют исход войны. В Гражданской войне в России, в ходе которой стороны стремились не просто к военной победе, а к уничтожению самой экономической основы существования своего противника и его политического господства, еще большую роль, чем в войнах между государствами и коалициями государств, сыграла экономика занимаемой каждой из них части России как базовая составляющая их «тыла страны» и тыл действующей армии как система ее снабжения и обслуживания. Именно экономика «тыла страны» и тыл армии, во взаимодействии друг с другом и государственным аппаратом, регулировавшим первую и управлявшим последним, явились факторами, решающим образом влиявшими на ход войны на каждом ее театре и на ее исход в России в целом.

С этой точки зрения изучение применявшихся антибольшевистскими военными диктатурами рыночных и командных методов мобилизации экономики на решение военных задач и ее регулирования в условиях кризиса, унаследованного от мировой войны и революции, дает возможность, во-первых, оценить опыт военных диктатур по мобилизации и регулированию рыночной экономики, позволяет раскрыть соотношение между субъективными представлениями командования и политического руководства белых об экономике и ее реальным состоянием, между субъективными целями и намерениями регулирования и его объективными результатами.

Во-вторых, позволяет более точно, полно и конкретно представить воздействие на экономику и ее устойчивость многообразных факторов социального, политического, идейного и нравственного порядка, а с другой стороны — вскрыть экономическую подоплеку всех политических и социальных процессов и конфликтов, тенденций и изменений в массовом, групповом и индивидуальном сознании и поведении, выяснить механизм влияния социально-политических и идейно-нравственных факторов на ход и результаты го-

сударственного регулирования рыночной экономики в условиях гражданской войны и кризиса.

Наконец, в-третьих, помогает выяснить, в какой степени «военный капитализм» — совокупность применявшихся военными диктатурами рыночных и командных мер по мобилизации и регулированию экономики — был альтернативой военному коммунизму, а в какой — был сходен с ним, понять, в силу каких условий и за счет каких факторов сложились их сходство и различие, и решить вопрос, какой из двух типов военно-мобилизационной экономики был более эффективен в рациональности использования ресурсов, удовлетворении нужд фронта и тыла, обеспечения экономической и социальной стабилизации.

Ключевыми элементами экономики, определяющими уровень ее мобилизации и степень стабильности в условиях войны, являются финансовая система, внутренняя и внешняя торговля, снабжение действующей армии. Восстанавливая на занимаемой территории свободу торговли как универсальный принцип рыночной, частнокапиталистической экономики, именно на этих ее сферах сосредотачивали усилия по мобилизации и регулированию, как и другие белые правительства, главком ВСЮР генерал А.И. Деникин и состоявшее при нем Особое совещание.

* * *

С весны 1919 г., по мере продвижения ВСЮР на север, занимаемая ими территория все более расширялась. Расширение занимаемой территории включало в обращение все новые выпуски бумажных денежных знаков разных времен и правительств, а также, ввиду хронического дефицита наличных денег, все суррогаты, способные играть роль средства платежа.

На советской территории, наводненной обесценившимися дензнаками разных выпусков, виду запрета (или ограничения) свободной торговли большая часть бумажной денежной массы использовалась лишь как средство накопления (рабочими и совслужащими, получающими зарплату) или ходила в ограниченном пространстве черного рынка. А с приходом белых, объявлением свободной торговли и появлением товаров в продаже вся накопленная денежная масса выбрасывалась изголодавшимся и обнищавшим населением на рынок. Кроме того, большое количество денег, которые хранились в частях и учреждениях Красной армии, захватывалось в качестве трофеев и, вместо передачи в казначейство, также выбрасывалось на рынок. Таким образом, расширение территории в денежном отношении вело к постоянному и значительному уве-

личению объема и росту разнообразия денежной массы, став своеобразным — «фронтовым» — видом эмиссии.

В итоге денежный оборот на территории ВСЮР оказался крайне пестрым и засоренным суррогатами. Кроме донских бумажных рублей, выпущенных находившейся в ведении донского войскового правительства, Ростовской экспедицией заготовления государственных бумаг, на территории ВСЮР ходили рубли, выпущенные императорским («романовские» или «николаевские») и Временным («думские» и «керенские») правительствами, карбованцы и гривны, выпущенные украинскими властями, крымские рубли, а кроме них — различные суррогаты: разменные денежные знаки, выпущенные органами городского самоуправления, облигации и купоны различных займов, краткосрочные обязательства государственного казначейства, гарантированные чеки отделений Государственного банка и прочие банковские обязательства. Существенную долю оборота составляли рубли, выпущенные органами Советской власти: во-первых, «романовские», «думские» и «керенские», которые Наркомат финансов печатал по старым клише, во-вторых, советские рубли 1918 и 1919 гг. выпуска («пятаковские») и, в-третьих, дензнаки, выпущенные правительствами советских республик, существовавших на Северном Кавказе. Наконец, в свободном обращении находилась завезенная немцами, французами, англичанами и американцами иностранная валюта.¹

Причем дензнаки, выпущенные после 1917 г., ходили преимущественно в своих «родных» краях. В Новороссии ходили рубли, напечатанные Одесской экспедицией в конце 1918 — начале 1919 гг., на Украине — карбованцы и гривны, в Крыму — те же украинские, а также немецкие марки, выпущенные немцами при занятии Крыма, поскольку они не считали его частью Украины, и рубли, выпущенные крымским правительством, на Кубани — донские рубли, выпущенные Ростовской экспедицией, и суррогаты, выпущенные кубанским правительством в Екатеринодаре и Армавире, на Дону — донские рубли, в Закавказье — боны, выпущенные закавказскими правительствами.²

В итоге владелец одесских рублей, попав на Дон и Кубань, оказывался совершенно неплатежеспособным, поскольку их никто не хотел принимать. Напротив, в Новороссии, особенно в Одессе и прилегающих к ней районах, донские и кубанские рубли не принимали, они ничего не стоили, и их владелец мог только голодать. Некоторые деньги ходили с лажем, особенно выпущенные советскими правительствами Северного Кавказа и «пятаковские», что открывало перед спекулянтами широкие возможности для наживы и, естественно, вызвало бешеный рост спекуляции и махина-

ций на разнице курсов рублей различных выпусков, которые складывались в различных торговых городах. Выше других котиrowались «николаевские» и «керенские» рубли.

Особенно большую прибыль давали махинации с почтовыми переводами. Например, спекулянты из Ростова или Екатеринодара ездили на Терек, где скупали по дешевке местные советские деньги на рубли ВСЮР или на более дорогие донские, после чего переводили их почтой в Ростов или Екатеринодар на свое имя. В итоге они получали ту же сумму, но в более «дорогих» донских рублях.³

По подсчетам известного экономиста профессора П.П. Гензеля, на территории ВСЮР в сентябре 1919 г. обращалась денежная масса, объем которой в 75 раз превышал объем денежной массы, обращавшейся во всей стране до начала мировой войны.⁴

Безмерный количественный рост, качественная пестрота и разная оценка населением надежности и покупательной способности денег создавали хаос в денежном обращении, подстегивали инфляцию и спекуляцию, обесценивали наличность казны ВСЮР, разрушали нормальную торговлю, усугубляли разруху в промышленности и на транспорте, способствовали разрыву традиционных хозяйственных связей, толкали регионы к экономической, а за ней и государственной, обособленности. Поэтому печать, различные финансовые совещания, съезды торговцев и промышленников и отдельные представители предпринимательских кругов, обсуждая экономическую ситуацию в тылу, постоянно требовали от Особого совещания при главкоме ВСЮР принятия мер по упорядочению денежного обращения. Прежде всего — объединения денежной системы на всей территории, унификации денежных знаков, воссоздания единого Государственного банка как эмиссионного центра и кредитного учреждения.

Деникин, его окружение и, тем более, руководство хозяйственных ведомств понимали, что установить на занятой территории единую денежную систему — дело исключительной важности. Во-первых, это дало бы возможность если не остановить, то хотя бы притормозить падение курса рубля. Во-вторых, это явилось бы ключом к решению всех прочих хозяйственных и снабженческих проблем. И, в-третьих, это позволило бы «собирать» Россию не только с помощью штыков и сабель, но и с помощью рубля, посредством восстановления нормального товарно-денежного обращения и хозяйственных связей между обособившимися областями страны.⁵

Профессор М.В. Бернацкий, известный теоретик и практик финансового дела, и специалисты Управления финансов справед-

ливо считали объем, пестроту и хаос денежного обращения одной из решающих причин инфляции и дальнейшего разрушения промышленного производства, что приводило к еще большему оскудению товарного рынка и еще сильнее подстегивало инфляцию.

Исходя из принципа, что главное в действиях его управления — не сделать хуже, Бернацкий считал важнейшей задачей хотя бы притормозить инфляцию путем сокращения объема денежной массы, ликвидации ее столь пагубной пестроты и относительного упорядочения денежного обращения. При этом он понимал, что диапазон возможных мер из-за полного отсутствия внешней финансовой помощи был весьма узок и сводился к затратам собственных, крайне ограниченных, финансовых ресурсов и административному регулированию. Наконец, он был человеком крайне осторожным и прекрасно знал, что все меры по сокращению объема денежной массы (поскольку в ходе их осуществления держатели дензнаков теряют часть своих накоплений) вызывают у населения, включая имущие социальные группы, острое недовольство. Поэтому Управление финансов под его началом действовало неспешно и весьма осмотрительно.⁶

Первоочередной и отчасти пробной мерой по упорядочению денежного обращения и сокращения объема денежной массы была замена местных денежных знаков. Сроки и нормы обмена были установлены управлением с таким расчетом, чтобы казна потеряла много меньше частных держателей денежных знаков. Обмен был неэквивалентным (при соотношении в пользу рублей донского правительства) и ограниченным по времени, после чего не обмененные местные деньги аннулировались.⁷

Крайне сложно и опасно для бюджета ВСЮР складывалась ситуация с деньгами, выпускавшимися центральным большевистским правительством. «Романовские», «думские» и «керенские» рубли, напечатанные Наркоматом финансов по старым клише и на старой хорошей бумаге, в больших количествах переправлялись за линию фронта в подпольные большевистские организации для оплаты их расходов. Эти деньги, которые военные и гражданские власти ВСЮР считали «фальшивыми», быстро вливались в обращение и никакой возможности установить их происхождение, отличить от выпущенных до конца 1917 г. и изъять из обращения не было.

Зато такая возможность существовала в отношении «пятаковских» рублей. Деникин, члены Особого совещания, специалисты Управления финансов, предприниматели и экономисты считали, что Совнарком действует, как германские оккупанты, наводняя территорию обесценивающимися денежными знаками с целью

выкачать все ценности: сырье, продовольствие и промтовары.⁸ И с каждым занятым населенным пунктом в оборот вливались огромные суммы «пятаковских» рублей, которые были на руках у населения, а также в кассах предприятий и советских организаций.

В мае — начале июня Особое совещание подробно обсуждало вопрос о «пятаковских» дензнаках. Было очевидно, что при временном их признании, т.е. назначении срока для обмена их на денежные знаки, выпускавшиеся на территории ВСЮР, у Управления финансов просто не хватило бы денег для такой обменной операции. А с учетом того, что при дальнейшем продвижении к Москве ВСЮР вместе с присоединением новых территорий вовлечут в оборот миллиарды «пятаковских» рублей, печатным станкам Ростовской экспедиции грозила участь работать только на обмен, а не на пополнение казны ВСЮР. Получалось, что свободное допущение оборота советских дензнаков, постоянное или временное, дает в руки Совнаркому слишком сильное оружие для борьбы с ВСЮР, ибо способно совершенно обесценить рубль и вызвать полное банкротство ВСЮР. В итоге Особое совещание сочло недопустимым признавать «пятаковские» рубли даже временно. Исключение в смысле временного признания было допущено только для дензнаков, выпущенных советскими республиками, существовавшими на Северном Кавказе, из опасений вызвать недовольство владеющих ими казаков и иногородних в тылу и армии. Для этих выпусков советских денег Управление финансов установило неэквивалентные нормы и короткий срок обмена.⁹

Сам Бернацкий возражал против аннулирования, ссылаясь на то, что в этом случае городское население окажется в очень тяжелом положении, а служащие и рабочие, единственным источником дохода которых при Советской власти была зарплата в «пятаковских» рублях, останутся вовсе без средств существования. Вместо этого он предложил провести их незначительный и кратковременный обмен, рассчитывая, вероятно, что уже сама по себе такая мера вызовет фактическое обесценение «пятаковских» рублей и их естественный уход из оборота. Только что был взят Харьков, и предстояло занятие других крупных городов и промышленных центров, где опасно было вызвать массовое недовольство рабочих, и поэтому Особое совещание прислушалось к его мнению и пошло на эту уступку.

В середине июня (начале июля) было издано распоряжение Управления финансов о непризнании «пятаковских» рублей. Населению объявлялось, что пока судьба их не решается, и предлагалось сдавать их на текущий счет. Оттуда каждый мог получить не более 500 руб. дензнаками, признаваемыми на территории ВСЮР,

независимо от сданной суммы (т.е. обмен свыше 500 руб. был неэквивалентным и чем больше была сданная сумма, тем больше при обмене терял ее владелец). Проведение обмена было ограничено по времени и удостоверялось отметкой в виде на жительство.¹⁰

С точки зрения технической это распоряжение Управления финансов был мерой грамотной, но оно имело как ожидавшиеся, так и совершенно непредвиденные отрицательные последствия.

Во-первых, оно все же вызвало сильное недовольство неимущих слоев населения, основных держателей «пятаковских» рублей, которыми они получали зарплату при большевиках.

Во-вторых, оно вызвало недовольство в войсках. Командующий Добровольческой армией генерал В.З. Май-Маевский действие распоряжения приостановил, сославшись как на недовольство населения, так и на то, что сочувствующие слои населения жертвуют на армию больше всего именно советских денег.

Деникин, узнав об этом при объезде фронта, телеграммой от 23 июня (6 июля) запросил по этому поводу объяснений генерала А.С. Лукомского, заместителя председателя Особого совещания. Лукомский в ответной телеграмме изложил решение Особого совещания и его мотивы, объяснив установленный порядок обмена. При этом он сослался на то, что население, имеющее «романовские», «керенки» и украинские деньги, придерживает их, а на рынок выбрасывает именно «пятаковские», что, на его взгляд, указывало прежде всего на то, что население само сознает непрочность этих денег. В итоге Лукомский счел возможным лишь несколько увеличить выдачу, но высказался в том смысле, что вряд ли возможно признавать «пятаковские». Деникин вполне удовлетворился этими объяснениями и приказал Май-Маевскому не препятствовать выполнению распоряжения Управления финансов.¹¹

В-третьих, распоряжение породило невиданные злоупотребления чиновников и махинации спекулянтов. Используя опасения населения, что советские дензнаки скоро будут аннулированы, они по дешевке скупали их в большом количестве, а потом из ранее занятых районов, где обмена не было или он уже закончился, возили целыми возами за наступающей армией и обменивали в только что освобожденных населенных пунктах.

В итоге Управление финансов вынуждено было прекратить обменную операцию.¹²

Из неудачного опыта обмена Особое совещание и Управление финансов сделали вывод, что только аннулирование «пятаковских» рублей является наиболее простым, не требующим расходов и эффективным средством сократить объем денежной массы. Помимо соображений чисто экономических здесь присутствовали и

политические: аннулирование рублей Совнаркома должно было подорвать на занимаемых территориях одну из экономических основ Советской власти и лишить большевиков возможности использовать свои финансовые ресурсы для организации рабочих забастовок, финансирования подпольных групп и повстанческих отрядов.¹³ В августе 1919 г. приказом Деникина все рубли центрального и местного советских правительств были объявлены недействительными на территории ВСЮР.¹⁴

Однако реализация этого приказа на практике вызвала непреодолимые трудности и сопровождалась обострением экономических и социальных проблем.

Основными держателями советских денег были рабочие и служащих городов, которые получали заработную плату советскими рублями, а также крестьяне, которые получали их в оплату за продовольствие, продававшееся мешочникам на месте или на городских рынках, легальных и черных, рабочим и средним слоям городского населения. Аннулирование больно ударило именно по этим группам населения, фактически явившись радикальным средством экспроприации неимущих и малоимущих. Поэтому недовольство среди этих групп, особенно среди рабочих, было массовым, причем даже независимо от того, как различные социальные группы или даже отдельные люди относились к большевикам и с какими чувствами ждали их возвращения. Пользуясь фактической свободой местного товарно-денежного обращения, население, особенно крестьяне, не спешило избавляться от советских денег, несмотря на падение их курса, а надежно припрятывало их или продолжало использовать как средство платежа; тем более, что торговцы принимали их, хотя и по более низкому курсу по сравнению с бумажными рублями других выпусков. А как только в ноябре началось отступление ВСЮР, снова стало широко использовать их, спешно сбывая при этом донские и добровольческие рубли.¹⁵

Аннулирование советских дензнаков подорвало кооперативные организации, поскольку они в качестве центров денежного накопления использовали те рубли, которые были у средних слоев сельского и городского населения, т.е. те же «пятаковские». А кроме того, они в свое время получили от большевистских властей деньги для разного рода закупок. Понесенные кооперативными организациями Украины и юга России потери были «несоразмерными» по сравнению как с их основными капиталами, так и оборотными средствами. В итоге они оказались на грани разорения. Более того, добровольческие власти в Харькове, Киеве, Симферополе, Одессе и других городах конфисковали имущество и капиталы кооперативов на том основании, что они получали деньги от боль-

шеви́ков. Такой финансовый удар по кооперативам привел к свертыванию их деятельности и, соответственно, обострению проблем наполнения рынка продовольствием и промышленными товарами первой необходимости.¹⁶

Аннулирование подорвало финансовую обеспеченность армии и вызвало недовольство в войсках, поскольку кассы частей, прежде всего — полковые «денежные ящики» — и карманы военнослужащих были полны именно «пятаковскими». Армейские финансовые органы, интендантства и военнослужащие при захвате советских учреждений, штабов Красной армии и пленных, забирали себе все деньги. Кроме того, состоятельной частью населения жертвовались на армию прежде всего советские дензнаки. Такими путями войсковые части и военнослужащие накапливали советские дензнаки и, мирясь с их ненавистной символикой, широко использовали в расчетах с населением за реквизируемые продукты, фураж, имущество, лошадей, повозки и т.д. С одной стороны, к этому их вынуждали хронические перебои с финансированием и выплатой денежного довольствия, а с другой — они предпочитали придерживать более дорогостоящие дензнаки, раз крестьяне охотно принимают «пятаковские» рубли.¹⁷

Финансирование армии настолько отставало от ее потребностей, что даже главное командование иногда вынуждено было, в нарушение приказа Деникина, санкционировать использование старшими начальниками трофейных советских рублей для удовлетворения нужды в деньгах. Так, в сентябре сам Лукомский, уже ставший председателем Особого совещания, разрешил командующему Кавказской армией генералу П.Н. Врангелю использовать «казенные большевистские суммы» (без уточнения, что речь идет о «пятаковских» рублях) на прием в штабе армии главнокомандируемых им лиц и представителей союзников.¹⁸

Аннулирование советских денег затронуло и интересы промышленников, вступавших в права собственности на свои бывшие предприятия по мере продвижения ВСЮР к Москве. В кассах бывших национализированных предприятиях хранились значительные суммы в «пятаковских» рублях, полученных по различным платежам от советских органов управления народным хозяйством. И хотя Управление финансов пыталось компенсировать эти потери промышленников выдачей им ссуд и дотаций, хозяева денационализированных предприятий вкладывали их в торговые спекуляции, а не в восстановление производства.¹⁹ Притом, что оборотных средств в связи с постоянным ростом цен хронически не хватало, большое количество полученных в виде столь своеобразного «наследства» советских рублей, которые нельзя было использовать для

спекулятивных махинаций, естественно, вызывало раздражение промышленников. Ибо они стремились использовать все возможности для компенсации понесенных потерь и, вероятно, считали советские деньги такой весьма своеобразной, хотя и далеко не достаточной, компенсацией.

Торговцы, в свою очередь, особенно на Украине, хотя и скупали «романовские», считая их самыми надежными, возмущались аннулированием «пятаковских», поскольку крестьянам и малоимущим жителям городов оказалось нечем платить за товары. При этом многие не спешили расстаться с «пятаковскими», хранили их и, в конце концов, при отступлении ВСЮР и приближении Красной армии, радуясь своей предусмотрительности, пускали их в оборот.²⁰

Были немалые районы в тылу ВСЮР, где распоряжение Управления финансов даже некому было претворять в жизнь, — районы, контролировавшиеся повстанческими формированиями. Так, Н.И. Махно, выражая интересы крестьян, когда объявлял в занятых городах и селах свободу торговли и приказывал крестьянам, «чтоб хлеб и продукты в городе были», объявлял и о том, что все денежные знаки — и царские, и советские, и денки́нские — имеют хождение.²¹ Тем самым Махно и действовавшие подобным же образом другие повстанческие атаманы вносили свою лепту в дезорганизацию денежного обращения на территории ВСЮР.

Однако самым негативным последствием аннулирования советских денег был подрыв доверия населения к бумажным денежным знакам (кредитным билетам) вообще. Профессор Гензель неоднократно обращался в Управление финансов, предлагая отказаться от этой меры ввиду того, что падение доверия к бумажным деньгам, которые в любой момент могут быть «отменены» властью, приведет к еще большему хаосу в денежном обороте и ускорению падения курса рубля. По его наблюдениям, в широких массах населения возникли опасения такого рода: «Сегодня аннулировали советские деньги и не дали никакого вознаграждения, завтра аннулируют «керенки», потом карбованцы и т.д.»²²

Таким образом, аннулирование советских денег не оказало того оздоровляющего влияния на денежное обращение и даже не притормозило инфляцию, более того — привело к результатам, совершенно противоположным тем, на которые рассчитывали главное командование, Особое совещание и Управление финансов. Фактически аннулирование советских денег было сорвано населением, включая буржуазию, и реально в жизнь проведено не было. А отсутствие положительных результатов было усугублено появлением отрицательных.

Гензель предлагал Управлению финансов другой порядок ан-

нулирования советских денег: обменять по 500 руб. на деньги главного командования ВСЮР каждому владельцу паспорта, разрешить хождение самых мелких советских купюр достоинством до 10 руб., предварительно их проштемпелевав и ограничив район хождения определенной губернией. По его мнению, это избавило бы Управление финансов от необходимости печатать мелкие деньги, а накопление их в больших количествах потеряло бы для спекулянтов всякий смысл, как и подделка — для фальшивомонетчиков. Однако это разумное предложение было отвергнуто по чисто политическим и идеологическим соображениям: все атрибуты и символика «Совдепии» подлежали полному уничтожению.²³

В августе к этим соображением добавились и весьма серьезные экономические: главное командование ВСЮР выпустило в обращение свои собственные бумажные рубли, сразу прозванные «колокольчиками» (на билетах достоинством в 100 руб. был изображен Царь-колокол). Ради поддержания их курса Особое совещание и Управление финансов не только не могли отменить, хотя бы даже частично, аннулирование «пятаковских», но и стали готовить аннулирование всех «нерусских» денег.

Население, хорошо зная о враждебном отношении денкинской власти не только к большевикам, но и Временному правительству, украинским и кубанским «самостийникам» и т.д., за аннулированием «пятаковских» ожидало аннулирования всех остальных «недобровольческих» денег. А выпуск в обращение «колокольчиков» в сочетании с успешным наступлением ВСЮР к Москве были восприняты как предвестие того, что случится это очень скоро. В результате крестьяне понесли миллионы «керенок» в города, где скупали на рынках все, что можно, по совершенно взвинченным ценам, ибо опасались их скорой отмены без всякого вознаграждения. И «керенки», которые до сих пор считались надежными деньгами и служили средством накопления, стали быстро терять в цене. Высоким сохранился курс только «романовских» рублей, поскольку никто не допускал мысли об их аннулировании правительством Деникина.²⁴

В сентябре — октябре 1919 г. денежный оборот на территории ВСЮР оказался забит карбованцами, гривнами, грузинскими бонами, разными суррогатами и «паническими» (как прозвал их Гензель) керенками. Население спешило избавиться от всех накопленных денежных знаков, исключая «романовские», донские и рубли главного командования ВСЮР. В результате значительно подскочили цены на товары, хотя на рынок поступил хлеб урожая 1919 г. и другие сельхозпродукты, а территория ВСЮР расширилась до

линии Киев — Орел — Воронеж — Камышин. В итоге паника на финансовом рынке и вспышка спекулятивного роста цен заставили Управление финансов отказаться от планов аннулирования других «нерусских» денег. Бернацкому пришлось в нескольких заявлениях для печати дать официальные гарантии, что ни «керенки», ни другие денежные знаки аннулировать не будут.²⁵

Помимо непомерного роста денежной массы при сокращении объемов промышленного и сельскохозяйственного производства инфляцию подстегивали и другие причины.

Одной из причин неуклонного падения курса рубля была спекулятивная игра на его понижение, которая велась на крупнейших биржах, прежде всего Лондонской. Официально котировки русского рубля с 1917 г. были отменены, но неофициально, на уровне черного рынка, они продолжались. Западные финансисты, торговцы и промышленники, прежде всего британские, стремились таким способом максимально облегчить себе установление контроля над торговыми операциями с Россией и над ее добывающей промышленностью, а в качестве первого шага — сделать максимально прибыльным вывоз из России сырья и продовольствия. В этой нелегальной спекулятивной биржевой игре на понижение фактически соучаствовали российские предприниматели, вывозившие свои капиталы в виде наличных российских рублей за границу с территорий, занятых белыми армиями, и спешившие продать их за валюту. С другой стороны, они также были напрямую заинтересованы в падении курса рубля, поскольку также стремились приумножить свои капиталы путем вывоза из этих территорий сырья.²⁶

Подстегивала инфляцию и деятельность частных банков. Поскольку кредитование производства под традиционные проценты в связи с инфляцией стало невыгодным, а бесконечное повышение ставки рефинансирования также особых прибылей не сулило из-за усиления разрухи в промышленности и на транспорте, они отказались от финансирования производства, чем нанесли по нему тяжелый удар. Свои средства они устремили туда, где можно было получить сверхприбыли: во-первых, в биржевую игру на колебаниях курсов между рублями различных выпусков, во-вторых, в обмен падающих рублей всех выпусков на твердую иностранную валюту и наоборот, в-третьих, в финансирование торговли, прежде всего внешней.

В городах банками и частными лицами было открыто множество меняльных контор, которые, благодаря пестроте денежного обращения, получали огромные прибыли, спекулируя на постоянно менявшемся соотношении их курсов.

Еще большие прибыли приносила банкам и меняльным конто-

рам спекуляция на падении курса рублей всех выпусков по отношению к иностранным валютам, проникшим в денежный оборот юга России благодаря интервенции Четверного союза и Антанты, а также внешнеторговым операциям. Курс фунта стерлингов, франка, марки, доллара, турецкой и итальянской лир держался относительно твердо, поэтому они сделались средством накопления. Валюту постоянно покупали и продавали торговцы для экспортно-импортных операций, а также скупали имущие социальные группы, надеясь сохранить этим свои капиталы, а отчасти и готовясь, в случае поражения ВСЮР, уехать в Европу. Естественно, что с ростом инфляции, а тем более в период отступления ВСЮР, курс иностранной валюты все время рос относительно русских рублей.

Что же касается заинтересованности банков получать прибыли от торговли, прежде всего внешней, то она завела их весьма далеко — до непосредственного проведения экспортно-импортных операций. Более того, возродившийся в конце лета в Ростове «Комитет коммерческих банков» через печать заявил о своей претензии на осуществление государственной монополии внешней торговли. Суть предложения состояла в том, что правительство Деникина должно временно монополизировать экспорт и поручить его «Комитету коммерческих банков» — «крупному учреждению, сильному своим коммерческим опытом и связями». ²⁷ Предложение это, однако, принято не было.

* * *

Высокие темпы инфляции и нарастание хаоса в денежном обращении заставляли Управление финансов, специалистов финансового дела, профессоров-экономистов и журналистов постоянно ставить вопрос о проведении денежной реформы с целью стабилизации курса рубля и упорядочения денежного обращения. В печати, в литературе, на съездах и совещаниях шли горячие споры по поводу необходимости денежной реформы и ее характера.

Сложились три главных точки зрения на этот вопрос.

Первая состояла в том, чтобы восстановить сделки на золотую валюту с сохранением в обращении обесцененного бумажного рубля, иными словами ввести параллельное обращение безналичного золотого рубля.

Вторая — в проведении девальвации.

Третья — в том, чтобы хотя бы притормозить падение курса и покупательной силы рубля за счет изъятия у населения «излишних» денег прежде всего путем повышения ставок налогообложения.

Бернацкий, хотя и видел ясно, что необходимо, как он сам выразился, «спасать от краха наше денежное обращение», был убежден в том, что «коренная» денежная реформа в сложившихся условиях невозможна. С его точки зрения, для успеха реформы необходимо, чтобы ее проводила, после взятия Москвы, новая власть, которая, с одной стороны, сумеет в одно политико-экономическое пространство соединить все области и края, с другой — будет пользоваться доверием населения ввиду ее прочности. ²⁸ Поэтому он придерживался третьей точки зрения.

Его поддерживали многие ученые-экономисты, среди которых были академик П.Б. Струве, профессор Мануйлов, Ельяшевич и другие, расходясь только в вопросах о масштабах эмиссии. Струве высказывал не раз мысль, что денежная реформа сама по себе не приведет к оздоровлению финансов, что «лучшая денежная политика — это политика экономическая — восстановление нашей промышленности». ²⁹

На ту же точку зрения стали два финансовых совещания и совещание торгово-промышленников, созванное в октябре 1919 г. Последнее, признав «в будущем неизбежность общей денежной реформы», высказалось против «всяких преждевременных и частичных опытов в этом направлении». ³⁰

Бернацкий, Гензель и другие финансисты, полагая, что реформа реально может быть проведена и даст ожидаемый эффект только после вступления ВСЮР в Москву, когда большевики будут ликвидированы и в России утвердятся «порядок, правовой строй и твердая власть», исходили из совершенно верной посылки, что только деньги, выпущенные новой центральной всероссийской властью, вызовут доверие населения. Уверенные в скором вступлении ВСЮР в Москву, они уже летом приступили к разработке планов будущей денежной реформы. Ее ключевое направление должно было состоять в девальвации рубля и обмене старых денег на новые тогда, когда установившиеся правовой порядок и доверие населения станут поддерживать покупательную силу новых дензнаков. Кроме того, Бернацкий предполагал поддерживать их покупательную силу путем сокращения денежной массы за счет уплаты земельного выкупа при проведении аграрной реформы и принудительного долгосрочного государственного займа. ³¹

Планируя начать выпуск собственных денег, командование ВСЮР и Особое совещание с начала 1919 г. обдумывало вариант заказа за границей бумажных рублей ВСЮР. В расчете на скорую победу Особое совещание в октябре 1919 г. одобрило предложение Управления финансов заказать в Англии новые банкноты на хорошей бумаге на сумму 22 млрд. руб. Были заказаны денежные

знаки разных достоинств по особому образцу, и заказ стал выполняться в декабре 1919 г. Первые партии денег прибыли в Новороссийск в январе 1920 г., когда не было никакого смысла пускать их в обращение, ибо они моментально обесценились бы. И до эвакуации в Крым ими не воспользовались.³²

Тем не менее, у Управления финансов и Особого совещания была возможность предпринять шаги, которые «до Москвы» могли хотя бы притормозить падение курса и покупательной силы бумажных рублей.

Среди предложений, менее радикальных, чем немедленная реформа, было одно, которое заключалось в образовании особого стабилизационного фонда из драгоценностей, золота и изделий из него путем скупки у частных лиц и в магазинах. Как ни реквизировали большевики и ни грабили бандиты, но многие состоятельные беженцы умудрялись привезти с собой немало золота и драгоценностей. В городах юга России открылось множество ювелирных и комиссионных магазинов, куда они, нуждаясь в деньгах, продали или отдали на комиссию часть своих богатств. Авторы этой идеи несколько раз обращали внимание Управления финансов на такую возможность, предлагая скупать все это через нескольких фирм-агентов по ценам выше рыночных. Но такая скупка налажена не была по причине отсутствия в казне средств для нее.³³

Не удалось упорядочить денежное обращение и путем создания единого эмиссионного центра, который находился бы в распоряжении Особого совещания. Препятствием к тому стала суверенность казачьих областей.³⁴

В итоге Управлению финансов не удалось ни упорядочить и унифицировать денежное обращение, ни хотя бы притормозить падение курса и покупательной силы рубля.

Ярким показателем инфляции являлся рост цен на продовольствие на Кубани, который населением именовался «кошмарным», но по сравнению с другими территориями ВСЮР был замедленным, поскольку, во-первых, край обладал богатыми продовольственными ресурсами, во-вторых, в 1919 г. был собран хороший урожай, и, в-третьих, его сдерживало искусственное накопление товарных запасов из-за регулирования вывоза.

По данным статистико-экономического отдела кубанского ведомства торговли и промышленности, дополненным экономистом А.А. Соколовым, в Екатеринодаре суточный пищевой паек на одного человека составлял: на 1 марта 1918 г. – 2,17 руб., 1 августа 1918 г. – 3,02 руб., 1 марта 1919 г. – 9,96 руб., 1 мая 1919 г. – 12,25 руб., 1 ноября 1919 г. – 26,16 руб., на 1 февраля 1920 г. – 110,08 руб., на 1 марта 1920 г. – 208,15 руб.³⁵

Таким образом, за период с марта по июль 1918 г., при Советской власти, инфляция составила 39,2 % (среднемесячная – 7,8 %). С августа 1918 – по февраль 1919 гг., когда Добровольческая армия, заняв Екатеринодар, вела операции за полное овладение Кубанью и всем Северным Кавказом, инфляция составила 230 % (среднемесячная – 33 %). С марта по апрель 1919 г., когда военные действия на Кубани прекратились, основные силы ВСЮР были переброшены на север и северо-запад, где вели тяжелые бои в Таврической и Екатеринославской губерниях, за Донецкий бассейн и север Донской области, инфляция составила 23 % (среднемесячная – 11,5 %). С мая по октябрь 1919 г., когда ВСЮР наступали на Москву, инфляция составила 114 % (среднемесячная – 19 %). С ноября 1919 г. по январь 1920 г., когда ВСЮР отступали из-под Орла к границам Кубани, инфляция составила 321 % (среднемесячная – 107 %). Наконец, за февраль, когда части Красной армии наступали на Екатеринодар, инфляция составила 89 %. То есть покупательная сила рубля за период с августа 1918 г. по февраль 1920 г. упала в 69 раз и рубль стал равняться 0,12 копейки довоенного 1913 г.³⁶

На взгляд Деникина, инфляция на территории ВСЮР была не наилучшей по сравнению с европейскими странами, пораженными мировой войной. В том, что даже после отступления армий за Дон в январе 1920 г. Новороссийская биржа определяла курс франка в 100 – 150 руб., а на внутреннем рынке фунт хлеба стоил 20 руб., он видит свидетельство того, что инфляция «еще не достигла своих конечных пределов».³⁷

Если под «конечными пределами» разумеет полную потерю стоимости бумажных рублей донского правительства и главного командования ВСЮР, то это могло быть достигнуто только с ликвидацией ВСЮР. Но инфляция, чего Деникин явно недопонимал, растущая в среднем почти на 20 % в месяц в самой богатой области юга России в условиях успешного продвижения ВСЮР к Москве и поступления на рынок нового, довольно хорошего, урожая, свидетельствовала о том, что в процессе углубления кризиса уже пройдена та точка, за которой стали невозможны восстановление производства и обуздание спекуляции валютой и товарами.

* * *

Первоочередной жертвой инфляции стал бюджет ВСЮР.

Весь 1918 г. главную ставку в радикальном решении проблемы финансирования командование Добровольческой армии делало на союзников по Антанте. В конце 1918 г. с появлением союзных войск,

штабов и представительств на юге России, с установлением устойчивой связи с Европой ВСЮР могли рассчитывать, по крайней мере, на пять источников пополнения бюджета из-за границы: займы от правительств Антанты, займы от западных банков, кредиты от российских финансово-промышленных групп, обосновавшихся в эмиграции, помощь со стороны заграничных представительств России, которые располагали большими валютными средствами и, наконец, помощь со стороны других белых правительств, прежде всего Временного всероссийского (Омского) правительства адмирала А.В. Колчака, в распоряжении которого оказалась часть золотого запаса страны.

С конца 1918 г. и весь 1919 г. главное командование Добровольческой армии и ВСЮР, его военные и дипломатические представители за границей пытались добиться от правительств стран-союзниц займа в иностранной валюте, но все эти попытки оказались безуспешными. От союзников, констатировал Деникин, «вопреки установившемуся мнению», Добровольческая армия и ВСЮР не получили «ни копейки». Отказ представителями союзников официально объяснялся тем, что они «связаны» своей, домашней, «социалистической демократией» и поэтому не могут предоставить финансовую помощь. В частных же разговорах они давали понять, что их правительства могли бы рискнуть предоставить крупный займ, но лишь ценою «тяжслых концессий». Настолько «тяжелых», что, на взгляд Деникина, они сводились к «распродаже России». В отличие от М.В. Алексева, считавшего, что получение крупного займа в иностранной валюте имеет столь решающее значение, что вполне можно пойти на его обеспечение сырьевыми ресурсами занимаемой территории, Деникин считал подобное обеспечение и предоставление концессий недопустимым.³⁸

Крупный займ могли бы предоставить частные банки стран Антанты, поскольку от давления политических партий не зависели. Но они не торопились делать этого как минимум по двум причинам. Первая состояла в том, что они, исходя из оценок чиновников военного и дипломатического ведомств, не верили в прочность положения ВСЮР и склонны были дожидаться их более внушительных военных успехов, во всяком случае — взятия Москвы. Вторая состояла в том, что для них очень убедительным предостережением против такого шага были как раздоры среди российских политических организаций и групп, обосновавшихся в европейских столицах, так и своекорыстные действия российских предпринимательских организаций, которые активно вкладывали свои немалые средства в западную экономику, но при этом даже не пытались создать крупные объединения для финансирования белых правительств. В этой ситуации западные банки предпочитали воз-

держаться от помощи, поскольку не были уверены, будет ли она оказана «кому следует и как следует».³⁹

Третьим внешним источником кредитования могли бы стать российские финансовые, промышленные и торговые организации, обосновавшиеся в течение 1918 г. за границей. Но они, заботясь прежде всего о защите своих юридических и имущественных прав в иностранных государствах и выгодном вложении капиталов в западную экономику, не имели ни малейшего желания «принести минимальную жертву» для поддержки борьбы против большевиков. Вдобавок они были разрознены и конкурировали между собой и, соответственно, не предпринимали усилий к разработке общего плана действий в этом направлении.⁴⁰

Четвертым возможным внешним источником — уже безвозмездного финансирования, а не возвратного кредитования — могли стать заграничные представительства государственных учреждений России, прежде всего — Министерства иностранных дел, которые хранили на счетах западных банков большие казенные средства в иностранной валюте. Однако руководители этих представительств предпочитали тратить эти средства на свою собственную деятельность.

Наконец, пятым возможным внешним источником — также финансирования, а не возвратного кредитования — являлись другие белые правительства, прежде всего — Омское правительство адмирала Колчака, которому досталась часть золотого запаса России и в распоряжение которого была передана часть государственных валютных средств за границей.

Исходя из этого, главное командование и Управление финансов попытались получить от верховного правителя часть этих средств. 30 января (12 февраля) Бернацкий, тогда еще — управляющий Отделом финансов, по телеграфу (через С.Д. Сазонова, находящегося в Париже) обратился к Колчаку с просьбой предоставить в распоряжение Особого совещания до 30 млн. руб. золотом «для расчета за приобретенные за границей предметы снаряжения» и оплаты других «полезных для нашего общего дела расходов».⁴¹ Позже сам Деникин обратился к Колчаку с просьбой о передаче в его распоряжение части золотого запаса.⁴²

Усилия, предпринимавшиеся в этом направлении, увенчались довольно скромным успехом: летом в один из константинопольских банков от Омского правительства поступили 2 млн. ф. ст., из которых 750 тыс. были переведены на счета Управления финансов в банках Константинополя.⁴³ Для ВСЮР, с учетом их расходов, это был «небольшой кредит», которого было совершенно недостаточно.⁴⁴

В феврале 1920 г., в связи с поражением армий верховного правителя, начальник Управления внешних сношений А.А. Нератов обратился к Сазонову с предложением принять меры к вывозу из Сибири части золотого запаса, бывшей в распоряжении Омского правительства, за границу. Там приблизительно в равных долях поместить в банки в Англии, США и Японии при посредничестве и под гарантии тех же банков, которые были корреспондентами бывшего российского казначейства, а главное — к передаче золота в распоряжение правительства Деникина, которое смогло бы под его обеспечение получать в западных странах кредиты в иностранной валюте.⁴⁵ Однако это предложение осталось нереализованным по причине поражения самих ВСЮР.

При полном отсутствии внешней финансовой помощи пополнять бюджет ВСЮР можно было только за счет внутренних источников.⁴⁶

В начале 1919 г., когда Деникин подчинил себе Донскую армию, а ушедшего с поста Донского атамана генерала П.Н. Краснова, его соперника в борьбе за верховную власть на юге России, заменил поддающийся воздействию и контролю генерал А.П. Богаевский, в сфере пополнения бюджета донская власть находилась в значительно более выгодном положении, чем главное командование ВСЮР и Особое совещание. Это определялось тем обстоятельством, что единственная из находившихся на территории ВСЮР и доступных в плане транспорта и связи (в отличие от Одесской экспедиции) бывших экспедиций по заготовлению государственных бумаг находилась в Ростове в ведении отдела финансов Всеволодского войска Донского. Пользуясь этим, донское правительство пополняло бюджет почти исключительно увеличением выпуска собственных бумажных рублей («ермаков»)⁴⁷.

По соглашению, достигнутому Деникиным и Красновым, которое, естественно, было подтверждено Богаевским, часть свежотпечатанных рублей передавалась в казну главного командования ВСЮР. В течение первой половины 1919 г., по мере экономического сближения Особого совещания и донского правительства (объединения управления железными дорогами, санитарной частью и других отраслей, имевших особое значение для армии), ими неоднократно обсуждался вопрос объединения денежных систем. Главное командование и Особое совещание под «объединением» понимали передачу им исключительного права эмиссии, переход Ростовской экспедиции на выпуск дензнаков ВСЮР с последующим постепенным обменом на них донских рублей вплоть до полного аннулирования последних. Атаман Богаевский и донское правительство на словах соглашались с необходимостью и целесооб-

разностью создания единого эмиссионного центра; в мае 1919 г. Донской войсковой круг дал согласие на учреждение единого Центрального банка ВСЮР.

Но на деле донские власти всячески тормозили проведение этой меры в жизнь, и ни одно из принятых в этой области решений не было доведено до конца, включая создание единого Центрального банка. Резонов для такой позиции у донских властей было немало. Во-первых, собственная денежная система закрепляла относительную государственную самостоятельность Донской области, и в частности столь же относительную независимость от главного командования и Особого совещания. Во-вторых, она повышала авторитет власти в глазах казаков. В-третьих, давала хоть какую-то гарантию возможности распоряжаться сырьевыми и хозяйственными ресурсами области. В-четвертых, обмен и аннулирование могли вызвать острое недовольство казачества, накопившего уже огромное количество «ермаков». В-пятых, монополия на эмиссию стала крайне выгодным коммерческим предприятием, приносящим дополнительные прибыли в ходе казенных обменных операций с другими казачьими областями и «добровольческой» территорией. В-шестых, это позволяло оказывать определенное политическое воздействие на Кубань и Терек, укрепляя позиции «старшего брата».⁴⁸

В итоге до конца 1919 г. размеры эмиссии и распределение свежотпечатанных дензнаков устанавливались специальными соглашениями между донским правительством и Особым совещанием.⁴⁹

С 1 января 1918 г. по 15 октября 1919 г. Ростовская экспедиция напечатала 9 млрд. 202 млн. донских рублей. Из них 4 млрд. 493 млн. пошло на пополнение казны Донского войска, 3 млрд. 982 млн. получило главное командование ВСЮР (практически вся эта сумма приходится на 1919 г.), остальные — правительства Кубани, Терек и Крыма.⁵⁰

Другим внутренним источником пополнения казны были пожертвования отечественной буржуазии.

Если в первой половине 1918 г. она не склонна была жертвовать деньги на Добровольческую армию, то с весны 1919 г., с началом широкого наступления на север, ситуация несколько изменилась. В городах, занимаемых частями ВСЮР, местные предприниматели жертвовали армии большие суммы, правда, в основном в советских дензнаках, полагая, вероятно, что они им больше не понадобятся и ожидая их скорого полного обесценивания. Однако эти жертвования, как и трофейные суммы, в местные казначейства не передавались, а сразу, это в лучшем случае, распределялись по органам снабжения и обслуживания войск для оплаты их расходов, в худшем — «расходились по рукам».⁵¹

С другой стороны, главноначальствующие, губернаторы и командиры частей порой принуждали предпринимателей делать пожертвования. Подобным же образом иногда действовали казачьи правительства Дона и Кубани. Так, летом донское правительство объявило добровольный сбор с ростовских коммерсантов в сумме 25 млн. руб. на нужды Донской армии и борьбу с эпидемиями. Однако приносить деньги никто не спешил. Специальная комиссия по сбору денег неоднократно переносила дату последних взносов, атаман Богаевский несколько раз обращался к жертвователям с призывами, курс рубля падал с каждым днем, а «патриотический порыв толстокожих господ коммерсантов», как без лишней деликатности выразился в одном из своих приказов атаман, так и не состоялся. Деньги удалось собрать только в декабре 1919 г., когда рубль совершенно обесценился, а части Красной армии быстро приближались к Ростову.⁵²

Следующим источником стали контрибуции. Контрибуции как чрезвычайные разовые прямые налоги командование Добровольческой армии начало практиковать во 2-м Кубанском походе летом 1918 г. В дальнейшем главноначальствующие областей и даже командиры отдельных частей иногда своей властью устанавливали и взимали на «своей» территории разовые налоги контрибуционного характера. Основанием для этого служили какие-то чрезвычайные траты и перебои с финансированием, а объектом налогообложения являлись, как правило, предприниматели. Подобным же образом иногда действовали казачьи правительства Дона и Кубани. Бернацкий, защищая интересы предпринимателей и вообще имущих слоев, отказывался от проведения и санкционирования подобных мероприятий. Но местные гражданские и военные власти нисколько этим не смущались, считали контрибуции вынужденной, но вполне допустимой мерой, и периодически объявляли подобные чрезвычайные сборы.

Так, 27 октября (9 ноября) главноначальствующий Киевской области генерал А.М. Драгомиров телеграфировал Деникину, что «в Государственном банке ни копейки», «задолженность войск громадная», присланных 150 млн. «едва хватит на расплату со старой задолженностью», и, если «не будет выслана новая порция в 100 – 150 милл.», он будет вынужден объявить контрибуцию, что «будет лучше, чем тот ужас, который мы переживаем от безденежья».⁵³

Однако контрибуции далеко не всегда давали необходимое количество денег, ибо предприниматели всячески уклонялись от их уплаты.⁵⁴

Бернацкий и специалисты Управления финансов, работая над

решением проблемы выпуска денег ВСЮР, хорошо знали простую экономическую истину: если оплачивать все расходы исключительно за счет эмиссии, власть быстро станет банкротом. С другой стороны, они считали выкачивание средств из населения оптимальным средством уменьшения денежной массы и торможения инфляции. Поэтому Управление финансов разрабатывало и пыталось претворить в жизнь различные способы неэмиссионного наполнения бюджета, прежде всего максимально закрутить налоговый пресс.

Со своей стороны, созданная для разработки проектов налоговых законов комиссия во главе с Н.И. Астровым готовила проекты, основанные на относительно демократических принципах: облагались прямыми налогами прежде всего имущие слои населения, прирост прибыли и предприятий, разница между старой и новой ценами на недвижимость и т.д. При обсуждении в Особом совещании эти законопроекты, вызывая острые и затяжные споры между либералами и правыми, принимались с трудом.

Но они давали мало дохода казне, во-первых, из-за кризиса и инфляции, во-вторых, из-за падения законопослушности населения – массового стремления всеми правдами и неправдами уйти от уплаты налогов власти, в прочность которой не верили, и, в-третьих, из-за расстройства налогового аппарата.⁵⁵

В итоге ставки прямых налогов повышались очень медленно и значительно отставали от инфляции. К тому же взимались они неаккуратно и беспорядочно из-за расстройства налогового аппарата и мздоимства чиновников. Уклонение предпринимателей и владельцев недвижимости от уплаты налогов стало массовым; они предпочитали давать взятки конкретным чиновникам, а не платить положенные налоги в казну. Поэтому уклонение не вызывало никаких решительных мер со стороны казенных палат. Так, например, до 1(14) августа по четырем казенным палатам – Ставропольской, Екатеринодарской, Харьковской и Одесской – налогов поступило на сумму всего 212 млн. руб.⁵⁶

Некоторые экономисты, в том числе и профессор Гензель, предлагали установить налог на прирост недвижимости и прибыли с оборота, которые могли бы дать большой доход ввиду активно развившихся торговых операций с недвижимостью и товарами. Но Бернацкий не поддерживал подобные предложения, считая «несвоевременным» прибегать к поимущественному налогу и вообще обязательным налогам контрибуционного характера. Причина заключалась в том, что они в первую очередь били по имущим слоям населения, владельцам крупного движимого и недвижимого имущества, а Управление финансов, напротив, считало необходимым

заботиться об увеличении оборотного капитала торговцев и промышленников, выдавая им крупные субсидии.⁵⁷

Значительно большие средства Управление финансов рассчитывало получить от прямого обложения средних слоев населения и малоимущих. Были установлены подомный и подворный 100-рублевый сбор, который должен был дать большие суммы с сельского населения. Кроме того, вместе с местными властями оно энергично приступило к взиманию недоимок по налогам за 1917 — 1918 гг. Но эти меры во многом остались на бумаге, поскольку население всячески уклонялось от уплаты налогов, которые считало несправедливыми.⁵⁸

А на территориях, охваченных повстанческим движением, в частности в Екатеринославской и северных уездах Таврической губерний, где оперировали отряды Повстанческой армии Махно, налоговый аппарат был парализован или разгромлен, поэтому налоги и сборы вообще не взимались.⁵⁹

Параллельно Бернацкий, не веривший, исходя из опыта 1916 — 1918 гг., в эффективность прямого налогообложения в условиях кризиса, войны и ослабления государства, постоянно проектировал и вводил косвенные налоги, непопулярные среди населения, но реально приносившие казне большие доходы. Широкое распространение получили косвенные налоги в виде различных акцизных сборов на товары первой необходимости. Более того, была установлена государственная монополия на продажу сахара и спиртных напитков.⁶⁰

Что касается такой важной статьи доходов как таможенные сборы, то в интересах торговых фирм и для стимулирования ввоза на территорию ВСЮР товаров первой необходимости была установлена единообразная 10-процентная пошлина со стоимости ввозимых товаров, что было ниже средней довоенной пошлины. А на наиболее дефицитные товары, которые не производились на юге России в этот период, таможенные пошлины вообще были отменены.⁶¹ Таким образом, из-за стремления стимулировать «полезный импорт» Особое совещание вполне осознанно лишило себя большой статьи дохода в бюджет.

Но главная проблема пополнения бюджета ВСЮР за счет налогов состояла в том, что, во-первых, налоговая политика Особого совещания и Управления финансов не распространялась на казачьи области, и, во-вторых, не было проведено разделения по доходам бюджета ВСЮР и бюджетов казачьих областей. Понимая, что «до Москвы» покончить с сепаратизмом казачьих правительств невозможно, Бернацкий все же попытался наметить пути согласования налоговой политики и установления долей ВСЮР и каза-

чьих областей в доходах и расходах. С этой целью с 6(19) по 9(22) июля в Екатеринодаре он провел совещание с представителями финансовых ведомств Дона, Кубани и Терека.

Все участники совещания в принципе согласились с Бернацким, что «разрозненность финансовых мероприятий и несогласованность действий приносят много вреда». Однако при обсуждении конкретных вопросов казачьи представители, как правило, высказывали особую точку зрения, защищая свои «суверенные» права. Так все в принципе решили, что таможенное обложение должно быть общим и проводиться центральной властью, как в отношении размера пошлин, так и в отношении порядка взимания, а все поступления должны идти в центральный бюджет. Соответственно, было решено, что «таможенное объединение» означает подчинение центральной власти всего ввоза и вывоза товаров, а также передачу в ее бюджет всех портовых сборов.⁶²

Всеми участниками совещания было признано право центральной власти устанавливать монополии на всей территории, включая «краевые образования». Однако тут же представители Кубани стали отстаивать как «временную меру» сохранение введенной краевым правительством монополии на табак. На Дону существовала угольная монополия, а на Тереке — нефтяная, введенные войсковыми правительствами в целях торможения роста цен, снабжения населения и поддержки соответствующих отраслей промышленности, поэтому представители Дона и Терека молчаливо поддержали представителя Кубани.⁶³

Была на совещании разработана принципиальная схема распределения между центральным и областными бюджетами доходов от прямого налогообложения. Однако, соглашаясь на схему, по которой львиная их доля уходила в центральный бюджет, представители Дона и Кубани стояли на той позиции, что «до Москвы» ситуация должна остаться прежней: доходы от прямых налогов, собираемых с населения казачьих областей, должны поступать в бюджеты войсковых правительств. Лишь правительство Терской области передавало целиком в бюджет ВСЮР сборы от прямых налогов, взимаемых с населения на ее территории.⁶⁴

Совещание приняло решение, что необходимо «уже сейчас», не дожидаясь реформ в финансовой сфере, согласовывать свою налоговую политику и придерживаться начал централизации бюджета.⁶⁵

Однако никаких практических последствий это совещание не имело и ни к какому увеличению налогооблагаемой базы за счет казачьих областей не привело.

В 1919 г. ВСЮР, судя по всему, жили без рассчитанного бюд-

жета. Данные о величине доходов в бюджет по основным статьям отсутствуют. Но о соотношении приходных статей можно судить по проекту бюджета на 1920 г., который был подготовлен Управлением финансов летом – осенью 1919 г. на основании бюджета текущего года. В бюджете на 1920 г. планировалось получение доходов от прямых налогов – 1 млрд., от пошлин – 1 млрд., от косвенных налогов – 18 млрд. руб.⁶⁶

Среди приходных статей бюджета была одна, которая не существовала на бумаге, но зато существовала в жизни. И, вероятно, была намного доходней прочих. Речь идет о «самоснабжении» войск за счет захвата трофеев, грабежа жителей и т.д. На полученные путем «самоснабжения» обмундирование и обувь, хлеб и фураж, лошадей и повозки, продукты питания и т.д. из бюджета не тратилось ни копейки. Таким образом, происходила своеобразная натурализация бюджетных доходов, объемы которой подсчитать практически невозможно, но уверенно можно предполагать ее очень большую долю.

Что касается расходных статей, то они постоянно увеличивались. Расширение в течение весны – осени 1919 г. занимаемой территории, дальнейшее развертывание ВСЮР и рост инфляции – эти три фактора постоянно вызвали увеличение расходных статей бюджета ВСЮР.

Основными расходными статьями были: содержание, снабжение и обслуживание армии, содержание правительственного, центрального и местного государственного аппарата и Государственной стражи (полиции), субсидирование городского и земского самоуправления, ассигнования казенным военным предприятиям и транспорту, кредитование частной промышленности и торговли, а также ассигнования ведомствам на закупку сырья для экспорта и импорта необходимых промтоваров.⁶⁷

Главное командование постоянно испытывало сильнейшее давление офицерского корпуса, требовавшего повышения окладов в соответствии с ростом цен. В конце 1918 г. офицерское жалование офицеров было установлено в зависимости от чина и должности в 450 (прапорщик) – 3 000 (главнокомандующий) руб. Основное офицерское жалование в течение 1919 г. не повышалось и, чтобы не отставать от роста цен на продовольствие и предметы первой необходимости, несколькими приказами были установлены прибавки на семью и дороговизну. Однако на все прибавки свободный рынок отвечал новым ростом цен, который быстро поглощал их. Материальное положение одинокого офицера и солдата на фронте, где они ели из общего котла и были, хотя и неважно, одеты и обуты, было много лучше положения в тылу большинства

офицерских семей и офицеров тыловых штабов и учреждений, которые просто бедствовали.⁶⁸

В конце 1919 г. основное офицерское жалование было поднято до 700 (прапорщик) – 5 000 (главнокомандующий) руб., что едва превысило месячный прожиточный минимум. Рынок отвечал на увеличение окладов содержания резким увеличением цен, что быстро поглощало все прибавки.⁶⁹

В такой ситуации, устанавливая все новые прибавки, многие начальники и члены Особого совещания постепенно осознали, что номинальные денежные прибавки носят паллиативный характер, а повысить реальную заработную плату можно лишь путем ее натурализации. В том числе и Деникин пришел к заключению, что «единственным радикальным средством» улучшить материальное положение офицеров и их семей «был бы переход на натуральное довольствие». Но он считал, что для этого понадобятся «большевистские приемы социализации, продразверстки и повальных реквизиций», а они были невозможны по принципиальным идеологическим, политическим и экономическим соображениям. Кроме того, непреодолимая трудность состояла в невозможности провести эти меры в «суверенных» областях Дона и Кубани.⁷⁰

На деле, однако, войсковые части самочинно осуществили эту натурализацию в форме «самоснабжения».

В плане жалования чинам армии Кубань, богатая продовольственными и сырьевыми ресурсами, и Дон, имевший в своем распоряжении печатный станок, были в несколько лучшем положении. Жалование донским казакам, служившим в частях Донской армии, и кубанским казакам, служившим в кубанских частях в составе Добровольческой и Кавказской армий, платилось из казны соответствующего войска. При этом, «по политическим соображениям», войсковые правительства без согласования с главным командованием устанавливали его размеры выше тех, что были установлены в Добровольческой армии. Причем жалование донцов было выше, чем кубанцев.⁷¹

Выплата денежного содержания производилась с перебоями и задержками, причиной чего чаще всего было отсутствие наличных денег.⁷²

Особой статьей расходов, и довольно обременительной, стало пенсионное обеспечение военнослужащих и семей умерших и убитых офицеров и солдат. До мая 1919 г. выдавалось единовременно лишь ничтожное пособие размером в 1 500 руб. С мая 1919 г. удалось ввести систему пенсионного обеспечения.⁷³

Помимо обычных расходов на содержание своих управлений и отделов штабу главнокома приходилось дополнительно тратить боль-

шие средства на внештатные структуры, обслуживающие его. Так, с февраля 1919 г. на кредиты штаба содержалась созданная В.В. Шульгиным агентурная сеть «Азбука», которая после переезда ее руководящего центра из Киева в Екатеринодар стала одним из разведывательных органов штаба.⁷⁴

Быстрее прочих росли расходы на государственный аппарат. Главной причиной этого являлось его стремительное разбухание. Практически на каждом заседании Особое совещание утверждало штаты новых учреждений и сметы расходов на них, представляемые главами ведомств. Безостановочное размножение учреждений и соответствующее увеличение штатов и расходов крайне беспокоили главное командование, поскольку, естественно, возникало опасение, что тощий бюджет не сможет содержать огромную государственную машину.

23 апреля (6 мая) Деникин записал в журнале заседаний Особого совещания: «Невзирая на ужасающий размер расширения гражданского управления (при не изменяющейся, даже сократившейся территории), невзирая на неоднократные мои просьбы, приказания, штаты растут неизменно и неуклонно. Прошу Особое совещание проявить твердость и прекратить дальнейшее развитие аппаратов впредь до особого моего указания».⁷⁵

Однако стремление водворить «законность и порядок» на территориях одновременно с занятием их армией неизбежно приводило к тому, что аппарат гражданского управления создавался, в виде утвержденных штатов и выделенных на содержание чиновников сумм, заранее: за месяц – два до того, как это занятие фактически происходило. Так, сам Деникин назначал губернаторов в губернские города, которые армии еще только предстояло взять. А уже назначенные губернаторы, пробив через Управление внутренних дел утверждение Особым совещанием штатов и финансирование, энергично набирали чиновников и делали это довольно быстро, поскольку желающих из числа безработного чиновничества было больше чем нужно.⁷⁶

В итоге губернский аппарат, еще не работая реально, уже существовал в виде заполненных или почти заполненных штатов и чиновников, уже получающих жалование.

Более того, Особое совещание и главы ведомств стремились построить аппарат управления с расчетом на всероссийский масштаб. Армии, несмотря на отдельные неудачи, продвигались вперед, и главным в работе ведомств стало строительство, опережая события, аппарата, способного сразу по взятии Москвы приступить к управлению страной. Поэтому остановить эту стихию размножения учреждений и разбухания аппарата гражданского управления было невозможно.⁷⁷

Чтобы остановить устойчивую тенденцию к разбуханию штатов, особого центрального аппарата управления, и соответствующий рост доли выделяемых на его содержание средств, Особое совещание применило испытанный бюрократический прием: была создана Контрольно-финансовая комиссия, которая рассматривала предложения ведомств по вопросам штатов и ассигнований перед их вынесением на обсуждение и решение Особого совещания. Однако состояла эта комиссия из представителей тех же ведомств, по оценке члена Особого совещания Н.В. Савича, «зависевших от начальников управлений, заинтересованных так же, как и их подчиненные, в том, чтобы штаты росли и содержание увеличивалось». В результате комиссия не столько урезала предложения ведомств, сколько поддерживала их.⁷⁸

Особенно показателен в этом плане рост расходов на местные учреждения Управления внутренних дел и Государственную стражу, на содержание которой тратились самые большие суммы. На заседании 26 апреля (9 мая) кадетская часть Особого совещания выступила против бесконечных щедрых ассигнований на формирование и содержание Государственной стражи и предложила использовать эти средства более «производительным» образом: например, на субсидирование частной промышленности и торговли.⁷⁹

Но расходы на Государственную стражу продолжали расти под воздействием двух факторов. Первый состоял в расширении занимаемой территории и предполагаемом в будущем занятии конкретных губерний. По представлению Управления внутренних дел Особое совещание утверждало штаты губернских органов управления и бригад Государственной стражи и ассигновало необходимые суммы из бюджета на их формирование и содержание еще до фактического занятия войсками соответствующих губерний, т.к. управление считало, и с этим трудно было спорить, что полицейский контроль над территорией должен устанавливаться сразу после ее занятия армией, а для этого все органы и части Государственной стражи должны быть сформированы и укомплектованы заранее.

Так, 21 июня (4 июля), за три месяца до занятия Курска, Особое совещание ассигновало на органы Управления внутренних дел Курской губернии больше 1 млн. руб. В июле Особое совещание утвердило штаты Курской, Воронежской, Тамбовской и Саратовской бригад Государственной стражи, когда еще ни одна из этих губерний не была занята полностью.

Второй фактор состоял в росте повстанческого движения, особенно в Екатеринославской губернии, где оперировала Повстанческая армия Махно. По мере роста и распространения повстан-

ческого движения на новые районы, выступления кадетов в Особом совещании против столь щедрого финансирования Государственной стражи сошли на нет.

В итоге к сентябрю существовало уже 20 губернских, краевых и городских бригад Государственной стражи, общее число чинов которой достигло 77,5 тыс. Поскольку большинство повстанческих отрядов были конными, то управление решило придать ей большую маневренность посадкой стражников на коней. Эта мера должна была увеличить расходы на содержание Государственной стражи почти в 1,5 – 2 раза (покупка более 100 тыс. лошадей и соответствующего снаряжения, оплата фуража и содержание конюшен и т.д.). 10(23) сентября Управление внутренних дел представило Особому совещанию предварительный расчет, согласно которому содержание 20-ти бригад должно было обойтись в 400 млн. руб. в месяц. И вдобавок попросило ассигновать около 300 млн. на закупку обмундирования для стражников «хозяйственным образом» ввиду недостатка обмундирования, полученного от Управления снабжений ВСЮР. 20 сентября (3 октября) Особое совещание ассигновало авансом 200 млн. руб. на содержание Государственной стражи до конца года и авансом 450 млн. для закупки обмундирования внутри страны и за границей.⁸⁰

Городские и земские самоуправления, ведавшие местным водопользованием, электроснабжением, транспортом и связью, санитарно-медицинским делом, продовольственным и топливным снабжением и т.д., из-за инфляции и неуплаты населением налогов на их содержание практически были парализованы. Между тем земские больницы и школы, почтовые станции и телефонная сеть были разрушены, многие объекты городского и земского хозяйства – разграблены.

Поэтому городские и земские управы постоянно обращались в Особое совещание, к главноначальствующим и губернаторам с просьбой выделить им кредиты. Поскольку власти ВСЮР не собирались брать на себя решение вопросов городского и земского хозяйства, которыми традиционно занимались городские и земские управы, а налаживать городскую и сельскую жизнь было необходимо, они, хотя и далеко не полностью, удовлетворяли эти просьбы. В результате местное самоуправление жило и работало почти исключительно на ассигнования Особого совещания.⁸¹

Особое совещание понимало как важность восстановления разрушенной промышленности, так и невозможность для владельцев сделать это в силу острой нехватки оборотных средств, вызванной инфляцией и прекращением кредитования со стороны частных банков. Поэтому оно считало вполне естественным и оправданным удовлетворять ходатайства промышленников и торговцев о пре-

доставлении из бюджета ВСЮР кредитов, когда речь шла о восстановлении производства необходимой для армии и населения продукции, о вывозе сырья для закупки промышленного оборудования и т.д.

Однако здесь Особое совещание столкнулось с тем, что предпринимательские круги, собственность которых ВСЮР и восстанавливали, но которые при этом уклонялись от жертвований в пользу армии, стали требовать кредиты без всякой меры, обоснования и гарантий. Они использовали для выбивания государственных кредитов всякий повод и любую благую цель: «вырвать торговлю из рук спекулятивных элементов», наладить выпуск необходимых армии и населению промтоваров, импортировать оборудование для восстановления промышленных предприятий и т.д. Владельцы предприятий создавали «комитеты по воссозданию промышленности», отраслевые и территориальные, основной деятельностью которых было выпрашивание казенных субсидий. Особое совещание, как правило, удовлетворяло ходатайства о выделении льготных кредитов, когда ходатаи доказывали, что предприятия большевиками разрушены и разграблены настолько, что лишь с помощью кредитов можно наладить выпуск предметов, остро необходимых армии; число выделенных кредитов было велико.⁸²

Созванное Деникиным в августе в Ростове совещание крупных предпринимателей, кооператоров и экономистов в качестве панацеи от всех экономических бед предложило Особому совещанию широко предоставлять льготы и казенные субсидии частным промышленным предприятиям и торговым фирмам. Ту же позицию занял и собравшийся в Ростове в октябре съезд торгово-промышленников, выразивший уверенность, что «Управление финансов приложит все усилия, чтобы все свободные средства были направлены на финансирование промышленности и торговли».⁸³

По сути, буржуазия стремилась добиться того, чтобы вести предпринимательскую деятельность в основном за счет оборотных средств, полученных в виде казенных кредитов на максимально выгодных условиях. На Деникина и других генералов этот классовый эгоизм производил тяжелое впечатление. Особенно показательным для характеристики царивших среди большинства буржуазии настроений был случай, когда прибывший в Екатеринодар видный царский сановник при первой же встрече с Деникиным первым делом передал ему петицию группы крупных предпринимателей-монополистов о предоставлении ей, под обеспечение захваченных большевиками капиталов, фабрик и земель, широкого государственного кредита. Деникин отказал: по его поня-

тиям, это значило «принять на государственное содержание класс крупной буржуазии, в то время, как нищая казна... не могла обеспечить инвалидов, вдов, семьи воинов и чиновников».⁸⁴

Особой статьей расхода были дополнительные ассигнования ведомствам для осуществления экспортно-импортных операций. Такие ассигнования, как правило, обосновывались тем, что ведомство не может выполнять своих функций, если не приобретет на заграничном рынке такие-то промтовары или оборудование, для чего предварительно необходимо скупить у крестьян такое-то сырье и вывезти в иностранный порт. Такие кредиты давались из расчета покрытия расходов на закупку, транспортировку и т.д. (как, например, Управление внутренних дел получило ассигнования для закупки за границей обмундирования для стражников).⁸⁵

Полные данные о бюджете ВСЮР на 1919 г. никем, никогда и нигде не обнародовались; в сохранившихся документах Управления финансов и Управления торговли и промышленности они отсутствуют. Не приводят их в своих мемуарах и те авторы, которые имели доступ к этой информации.

В начале (середине) сентября 1919 г. начальник Управления финансов Бернацкий сообщил для печати, что за первые семь месяцев 1919 г. главное командование ВСЮР израсходовало 2 млрд. 363 млн. руб. причем, по его предположениям, бюджет каждого последующего месяца будет превышать эту цифру.⁸⁶ В ноябре, выступая в Ростове на собрании общественных деятелей, он дал более развернутую характеристику бюджета: с января по октябрь 1919 г. израсходовано 9 млрд. руб., из которых на содержание и снабжение армии было истрачено 4 млрд., на нужды железных дорог — 3 млрд., более 1 млрд. получило Управление внутренних дел только на содержание Государственной стражи и менее 1 млрд. получили Управление внутренних дел на прочие расходы и все остальные ведомства, причем меньше всех — ведомство просвещения.⁸⁷

Если учесть, что железнодорожный транспорт обслуживал главным образом армию, перевоза войска и предметы снабжения, то более 75 % бюджетных расходов пошло на войну против Красной армии на фронте и более 10 % на борьбу против повстанческого движения в тылу.

Однако эти суммы и доли являются весьма относительными, поскольку реально армия содержалась не только за счет денег, выделяемых из бюджета, но и в натуральной форме непосредственно населением и Красной армией. Эта натуральная доля «расходов» населения и противника включала в себя продовольствие, фураж, лошадей, перевозочные средства, обмундирование, снаря-

жение и т.д., получаемые путем законных бесплатных реквизиций, грабежа и захвата трофеев. Подсчитать денежное выражение этой натуральной доли практически невозможно. Соответственно, невозможно и составить точное представление о величине военных расходов ВСЮР.

Однако можно приблизительно представить, каковы были размеры бюджетного дефицита.

По данным Деникина, с 1 января 1918 г. по 15 октября (старого стиля) 1919 г. Ростовской экспедицией было выпущено 9 202 млн. руб., из которых главному командованию Добровольческой армии и ВСЮР было передано 3 982 млн.⁸⁸

За вычетом нескольких десятков миллионов, вся эта сумма пришла на период с января по октябрь 1919 г. Таким образом, из потраченных 9 млрд. руб. почти 3,9 млрд. были профинансированы за счет эмиссионного дохода. Доходы, полученные в 1919 г. от прямых и косвенных налогов, а также в виде таможенных пошлин, не известны. Но, если исходить из того, что Управление финансов планировало их на 1920 г. в размере 20 млрд. руб. с учетом ежемесячной инфляции примерно в 20 %, они должны составить за период с января по октябрь не более 5 — 6 млрд. Следовательно, за счет неэмиссионных доходов покрывалось не более 60 % расходов.

В этой ситуации эмиссия ничем не обеспеченных бумажных денег стала для ВСЮР единственным надежным источником пополнения бюджета и оплаты расходов на войну.

Заключенное между главным командованием и казачьими правительствами соглашение об образовании единого государственного банка и перехода к единому денежному знаку в жизнь проведено не было. Удалось лишь договориться, что Ростовская экспедиция останется в ведении донского правительства, но часть печатаемых денежных знаков будет отпускать Управлению финансов, а также кубанскому и терскому правительству. В обмен на это Управление финансов оказало содействие по улучшению оборудования Ростовской экспедиции. Но количество получаемых денег было совершенно недостаточно.⁸⁹

Поэтому Особое совещание стремилось создать подконтрольный только себе единый эмиссионный центр, чтобы, во-первых, можно было регулировать денежное обращение и тормозить инфляцию. Во-вторых, сконцентрировать финансовые ресурсы на обеспечении нужд армии, железнодорожного транспорта, аппарата гражданского управления и импорта материалов военного назначения. В-третьих, с помощью этого инструмента добиться централизации экономической политики и обеспечить экономическое единство всех областей на территории ВСЮР. В-четвертых, в даль-

нейшем использовать его как инструмент «собираания» России не только с помощью штыков и сабель, но и с помощью рубля: посредством восстановления свободного товарно-денежного обращения и торговых связей между различными обособившимися регионами.

Однако донское правительство никак не желало переподчинять Ростовскую экспедицию Управлению финансов ВСЮР и распределять выпущенные донские деньги по своему усмотрению⁹⁰.

У Особого совещания и Управления финансов, таким образом, не было иного пути, как обзавестись собственной экспедицией заготовления государственных бумаг и начать выпуск собственных денег. Именно в этом многие видели возможность не только ликвидировать бюджетный дефицит, но и избавиться от финансовой зависимости от донского правительства и, коль оно будет продолжать выпускать свои рубли, добиться хотя бы относительной унификации денежного обращения, вытесняя рублими ВСЮР рубли других выпусков, в том числе и донские.⁹¹

Первую попытку организовать экспедицию заготовления государственных бумаг ВСЮР предпринял лидер Совета государственного объединения России (СГОР) А.В. Кривошеин, прибывший в Екатеринодар в феврале 1919 г. и по приглашению Деникина вступивший в Комитет содействия Добровольческой армии. Под его руководством и благодаря его обширным связям с предпринимательской элитой, «Комитет содействия» нашел специалистов по печатанию денежных знаков, все необходимое оборудование и помещение в Новороссийске. В апреле был подготовлен проект организации на частные средства Новороссийской экспедиции с производительностью до 1 млрд. руб. в месяц, причем предусматривалась возможность ее увеличения до 3 млрд. Особое совещание в отсутствие Деникина приняло этот проект единогласно при одном воздержавшемся – Астрове.

Однако через несколько дней одобренный проект был возвращен Деникиным с резолюцией «Не утверждаю». Выяснилось, что Астров без ведома других членов Особого совещания направил Деникину свое особое мнение, где доказывал: «Комитет содействия ничем себя еще не проявил, состоит из лиц, никому не известных или непопулярных, что дело столь большой государственной важности не может быть поручено частным лицам». За этим явно стояло стремление не допустить усиления влияния на главкома и Особое совещание лидера СГОРа. Деникин, не доверявший предпринимателям из-за столь ярко обнаружившегося «классового эгоизма» и настороженно относящийся к Кривошеину как лидеру правых, согласился с Астровым.⁹²

Таким образом, пытаясь не допустить роста политического влияния своего соперника справа, кадеты похоронили проект чрезвычайной важности, который помог бы главному командованию ВСЮР уже весной 1919 г. избавиться от финансовой зависимости от донского правительства. Бернацкий, который в это время находился за границей, по возвращении снова поднял этот вопрос. На этот раз он был решен положительно, но оборудование уже было реквизировано или скуплено для Ростовской экспедиции, а подобранные специалисты разъехались. Управлению финансов пришлось начинать все дело создания Новороссийской экспедиции заново, имея в своем распоряжении лишь очень ограниченные казенные средства.⁹³

Новороссийская экспедиция заготовления государственных бумаг вступила в строй в конце августа (начале сентября) 1919 г., начав выпускать бумажные рубли главного командования ВСЮР (дензнаки достоинством 1 000 руб., прозванные, как уже говорилось, «колокольчиками»). Киевскую и Одесскую экспедиции удалось оборудовать и запустить в октябре – ноябре, но вскоре после начала работы их пришлось демонтировать и эвакуировать.⁹⁴

Только в январе 1920 г. было завершено оборудование Феодосийской экспедиции, в основном за счет эвакуированного оборудования Киевской и Одесской экспедиций, и с 5 (18) февраля она начала печатать дензнаки как главного командования, так и Донского войска.⁹⁵ Всего до 1 (14) мая ей было напечатано и сдано в Феодосийское отделение Государственного банка, которое выпустило их в обращение, почти 4 млрд. донских и 4,9 млрд. руб. ВСЮР.⁹⁶

Между тем, как только главное командование ВСЮР начало выпускать свои дензнаки, донское правительство в связи с инфляцией в ноябре 1919 г. увеличило эмиссию на 10 млрд. руб. Сделав это без всякого согласования, оно по-прежнему сопротивлялось установлению общего контроля над эмиссией и пропорциональности в распределении продукции печатного станка между ВСЮР, Кубанью и Терексом.⁹⁷

Всего, по данным Деникина, до марта 1920 г. экспедициями Управления финансов и Ростовской экспедицией донского правительства было напечатано около 30 млрд. руб., из которых 15 – 20 млрд. (донских и ВСЮР) были напечатаны экспедициями ВСЮР. Но даже такие объемы выпускавшихся денег совершенно не удовлетворяли текущей потребности бюджета, а плохое оборудование создавало большие чисто технические трудности в увеличении выпуска дензнаков. Затем к этому прибавились эвакуации Киева и Одессы: экспедиции пришлось демонтировать, и график эмиссии был нарушен.⁹⁸

Однако главная проблема состояла в том, что население встретило рубли ВСЮР с недоверием, особенно в сельской местности и казачьих областях. На то было две причины.

Во-первых, мало кто верил в прочность власти ВСЮР и крупные купюры (достоинством в 1 000 и 5 000 руб.) чисто психологически не воспринимались населением как настоящие деньги. Поэтому на свободном рынке курс их установился ниже курса донских рублей.

В такой ситуации Управление финансов, имея возможность модернизировать оборудование и повысить производительность печатных станков, вынуждено было отказаться от этого и сознательно сдерживать эмиссию дензнаков ВСЮР даже с риском не успевать пополнять бюджет, опасаясь «колебать привычные для населения донские знаки»⁹⁹.

Во-вторых, сельское население вообще с недоверием относилось к дензнакам с большим количеством нулей. Еще летом войска, интендантства и заготовители столкнулись с ситуацией, когда крестьяне не хотели принимать донские кредитки достоинством в 1 000 руб. Теперь же население, особенно крестьяне и казаки, повсюду требовало рассчитываться мелкими купюрами в 500 руб., которые стали самыми ходовыми, какими до мировой войны была медная мелочь.¹⁰⁰

Однако выпуск мелких купюр был нерентабелен при росте затрат на печатание денег. С другой стороны, чем больше выпускалось дензнаков главного командования ВСЮР купюрами в 1 000, 5 000 и 10 000 руб., тем сильнее падал их курс по отношению к донским рублям и при этом увлекал за собой вниз их курс.

Таким образом, возможность эмиссионного покрытия бюджетного дефицита оказалась весьма ограниченной не только техническими, но также экономическими и психологическими причинами. И расчеты, что эмиссия решит проблему наполнения бюджета, оправдались в незначительной степени. Результатом этого, ввиду растущих темпов инфляции и роста военных расходов, стал «хронический денежный голод» ВСЮР.¹⁰¹

Военные и гражданские власти наперебой обвиняли Управление финансов в неумении снабдить армию и гражданский аппарат необходимым количеством дензнаков. Управление оправдывалось, доказывая, что делает все возможное, но обстановка не позволяет наладить выпуск в нужных объемах. Лишь немногие, как Деникин и Лукомский, понимали: как ни налаживай работу печатного станка, это не решит вопроса, потому что курс бумажных денег падал столь катастрофически, что денег, сколько ни печатай, все равно не хватило бы.¹⁰²

В итоге, когда выяснилось, что донские рубли пользуются большим доверием, чем рубли ВСЮР, а тем более в условиях, когда ВСЮР отступили в казачьи области, Управление финансов оказалось в «эмиссионном» тупике: увеличивать выпуск рублей ВСЮР для обращения на казачьей территории, где донские деньги пользуются наибольшим доверием и ходят по более высокому курсу, чем остальные рубли, выпущенные после февраля 1917 г., значило своими руками понижать курс рублей ВСЮР. Но, с другой стороны, ограничение эмиссии при росте инфляции грозило скорым созданием ситуации, когда печатание денег перестанет быть рентабельным (то есть доходы от эмиссии не будут перекрывать затраты на печать). Следовательно, избавившись от административной финансовой зависимости от донского правительства, ВСЮР не избавился от зависимости рыночной.

И донские, и «добровольческие» рубли не имели за собой никакого золотого обеспечения. Хождение их основывалось исключительно на распоряжениях властей, инерции и доверии населения. Поэтому более высокий курс донских рублей держался за счет представлений населения об их обеспеченности имуществом и ресурсами Донского войска и доверия казаков к «своей» власти.¹⁰³

Примечательно, что центральный аппарат гражданского управления ВСЮР предпочитал в тылу для оплаты расходов на свою деятельность пользоваться донскими рублями, поскольку курс их был выше, а собственные свежотпечатанные дензнаки отправлять в действующую армию и использовать их для выплаты жалования и в расчетах с населением при реквизициях и закупках, а также выдавать ими кредиты промышленным предприятиям и оплачивать военные заказы.

М.В. Бернацкий, будучи решительным противником девальвации и прочих «экспериментов», предпочитал именно путем эмиссии пополнять бюджет, используя ее, по сути, как способ всеобщего принудительного налогообложения.

Но непосредственным результатом усиленной и несогласованной эмиссии рублей ВСЮР и рублей Донского войска стало ускорение связанных между собой процессов: падения курса рубля относительно курса иностранной валюты и падения покупательной способности рубля.

В июне 1919 г. в южных городах за 10 фр. давали 160 руб., а за 1 ф. ст. – 600 – 700 руб. В январе 1920 г. в Новороссийске 1 фр. можно было купить за 150 – 160 руб. главного командования ВСЮР, а за 1 ф. ст. приходилось платить около 6 000 руб. Если учесть, что перед мировой войной на российских биржах 1 фр. стоил 40 коп., а 1 ф. ст. – 10 руб., то становится очевидно: по сравнению с бумаж-

ными рублями довоенной России бумажные рубли, обращавшиеся на территории ВСЮР, к июню 1919 г., когда начался «поход на Москву», обесценились в среднем в 50 раз, а к февралю 1920 г. они вместе с бумажными рублями главного командования ВСЮР обесценились в среднем в 500 раз по сравнению с бумажными рублями императорского правительства, причем за период с июня 1919 г. по январь 1920 г. — в 10 раз.¹⁰⁴

В феврале — марте 1920 г., когда ВСЮР эвакуировались из Новороссии и Северного Кавказа в Крым, а состоятельные элементы населения, прежде всего предприниматели, бешено скупали валюту и спешили выехать за границу, курс рублей ВСЮР и Донского войска падал катастрофически, что приближало ВСЮР к полному банкротству.

Деникин так и не решил для себя вопрос, какая финансовая политика была бы лучше: поправила бы ситуацию неограниченная эмиссия или вся совокупность военно-политических условий исключала иную финансово-экономическую политику и более «здоровый» рубль. Он лишь констатировал, что «трагическое безденежье» в политическом и военном отношении сыграли «роль поистине роковую». И при этом отмечал: если в районах, которые долгое время были в тылу, пользовались продолжительное время миром, жизнь более или менее кое-как приспосабливалась к высокой инфляции и дефициту наличных денег, то население только что занятой территории, разом попав в такие условия, переносило их с большим трудом и быстро меняло свое отношение к белым с благожелательного и выжидательного на недовольное и враждебное.¹⁰⁵

Бернацкий же, со своей стороны, откладывая проведение каких-либо финансовых реформ «до Москвы», видел единственную реальную возможность избежать банкротства ВСЮР в том, чтобы создать валютный фонд и наладить его постоянное наполнение. Валюта могла решить как проблему закупок за границей военных материалов и нефтепродуктов для армии, так и помочь притормозить падение курса рубля.

Ввиду того, что главному командованию удалось получить в свое распоряжение лишь незначительную часть государственных валютных средств России за рубежом — 750 тыс. ф. ст. от правительства Колчака, — этот источник пополнения валютного фонда оказался крайне скудным.¹⁰⁶

Не было и возможности получить заем в иностранной валюте. Как уже говорилось, в отличие от Алексеева, считавшего это необходимым и неизбежным, Деникин отказывался от предлагавшихся ему проектов получения займов в денежной форме под гаран-

тии государственного имущества юга России. Он считал своим долгом отстаивать национальные интересы страны, ибо прекрасно понимал, сколь тяжким бременем на экономику лягут расчеты по этим кредитам после ликвидации большевистской власти. Как понимал и то, что такой способ залезания во внешние долги приведет к закабалению России ее союзниками, которые уже достаточно ясно показали, что в их политике в «русском вопросе» альтернуизм отсутствует начисто.¹⁰⁷

Единственным доступным способом получать валюту стала, таким образом, внешняя торговля. Поэтому Управление торговли и промышленности ВСЮР, регулируя частный экспорт и импорт, стремилось добиться наибольшего притока валюты, а также стало брать на себя скупку, вывоз к портам и экспорт забронированного за государством сырья для создания валютного фонда.¹⁰⁸

Во второй половине октября 1919 г. Комиссия по обороне рассмотрела и утвердила список товаров, разрешенных к вывозу частными экспортерами с условием сдачи в казну части валюты, вырученной от продажи сырья за границей. А Междуведомственной комиссии по заграничным заказам было поручено вести учет сырья, предназначенного для образования валютного фонда и давать заключения о возможности вывоза. Для распоряжения валютой был образован Валютный комитет, причем размеры валютной наличности никому, включая членов Комиссии по обороне, известны не были.¹⁰⁹ Хранилась иностранная валюта на счетах главного командования ВСЮР в частных банках в Константинополе.¹¹⁰

Однако частный экспорт почти ничего не приносил казне, ибо введенные обязательные валютные отчисления в казну с реализуемого за границей сырья большей частью оставались в кармане предпринимателей.¹¹¹ В этой связи в Особом совещании все чаще стал подниматься вопрос о предоставлении крупным компаниям стран Антанты различных концессий на территории юга России. Сторонники концессий указывали, что они — единственный способ получить значительные средства в иностранной валюте, что это «экономически затянет» союзников в русские дела и те будут щедрее в своей помощи. Но Деникин был против, считая себя не вправе «связывать будущее всероссийское правительство какими-либо долгосрочными обязательствами и заниматься распродажей России по частям». Только в декабре 1919 г. он уступил и с большой неохотой согласился с предложением предоставить концессии на эксплуатацию лесов в Черноморской губернии, но это предложение не было осуществлено из-за отступления ВСЮР.¹¹²

После подписания в январе 1920 г. договора с Верховным кругом Дона, Кубани и Терека, по которому гражданское управление

переходило в руки объединенного правительства, ответственного перед Законодательной палатой, Деникин добился назначения Бернацкого главой вновь образуемого Министерства финансов. Но даже при этом, не доверяя казачьим атаманам и правительствам, он стремился добиться хотя бы относительной финансовой независимости от них и сконцентрировать все наличные средства, включая валютные, на оплату военных расходов.

25 января (7 февраля) правительство при главкоме приняло решение, которое Деникин утвердил на следующий день, об образовании «Особого военного фонда», который должен был находиться в исключительном распоряжении главкома. В этот фонд были отнесены все суммы, ассигнуемые из средств Главного казначейства по перечням Управления главного начальника снабжений и Морского управления: 14 млрд. руб. из средств Главного казначейства с зачетом в эту сумму всех произведенных с начала 1920 г. отпусков на расходы военного и морского ведомств. В соответствии с распоряжением, данным Министерством финансов на основании этого решения, Главный полевой казначей распорядился об открытии за счет наличных средств государственного казначейства по счетам Главной бухгалтерии Полевых казначейств «чрезвычайного сверхсметного кредита» главному командованию в сумме 14 млрд. на нужды войны с зачетом всех отпусков, уже произведенных в 1920 г., во-первых, по перечню Главного начальника снабжений, во-вторых, по смете Морского управления на содержание флота и береговых управлений, а также расходы на его действия в сумме 696,3 млн. руб., в-третьих, по военной смете Управления главного начальника санитарной части в сумме 450 млн. В этот же фонд была зачислена и вся валюта, хранящаяся на счетах в константинопольских банках.¹¹³

В феврале – марте 1920 г., опасаясь возможного секвестра союзниками в целях компенсации средств, потраченных на снабжение ВСЮР, Кредитный отдел Министерства финансов перевел суммы в валюту, хранившиеся в константинопольских банках, со счетов главного командования на счета частных лиц, «особо доверенных в Добровольческой армии», которые составили неприкосновенный валютный резерв.¹¹⁴

Таким образом, в 1919 – начале 1920 гг. ВСЮР не удалось создать валютного фонда, который смог бы улучшить ситуацию со снабжением и оказать стабилизирующее влияние на курс бумажных рублей главного командования.

В итоге к апрелю 1920 г., когда остатки ВСЮР эвакуировались в Крым, в финансовом отношении они оказались почти банкротами.

Примечания:

¹ ГА РФ. Ф.3426. Оп.1. Д.17. Л.4,6,9; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин, 1925. Т.4. С.94,225; Берлин, 1926. Т.5. С.128; Скобцов Д.Е. Три года революции и гражданской войны на Кубани. Париж, 1962. Т.1. С.157.

² Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.225; Покровский Г. Деникинщина: Год политики и экономики на Кубани (1918 – 1919 гг.). Берлин, 1923. С.195-196.

³ Приазовский край. 1919. 6(19) авг.; Покровский Г. Указ. соч. С.196.

⁴ Гензель П.П. Девальвация и задачи налоговой политики. Симферополь, 1919. С.3-4.

⁵ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.226; Покровский Г. Указ. соч. С.195-196.

⁶ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.227.

⁷ Там же. С.226.

⁸ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.225; Т.5. С.128; Скобцов Д.Е. Указ. соч. Т.1. С.157.

⁹ Лукомский А.С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т.1. С.199; Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.226.

¹⁰ Лукомский А.С. Указ. соч. С.199-200; Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.226.

¹¹ Лукомский А.С. Указ. соч. С.199-200.

¹² Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.226.

¹³ Приазовский край. 1919. 3(16) сент.

¹⁴ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.2. Л.78.

¹⁵ Великая Россия. 1919. 16(29) окт.; Приазовский край. 1919. 5(18) нояб.; Лукомский А.С. Указ. соч. С.198; Кип Д. Деникинщина. Л., 1927. С.202.

¹⁶ Покровский Г. Указ. соч. С.185-187.

¹⁷ Лукомский А.С. Указ. соч. С.199-200; Врангель П.Н. Записки. Ч.1 // Белое дело. Берлин, 1928. Кн. V. С.212.

¹⁸ Врангель П.Н. Записки. Ч.1. С.212.

¹⁹ Приазовский край. 1919. 7(20) окт.

²⁰ Калипин И. Русская Вандея. М., Л., 1926. С.193-194.

²¹ Кип Д. Деникинщина. Л., 1927. С.196.

²² Гензель П.П. Девальвация и задачи налоговой политики. Симферополь, 1919. С.7.

²³ Там же.

²⁴ Гензель П.П. Девальвация и задачи налоговой политики. С.7-8; Он же. О финансовой политике и денежной реформе. Симферополь, 1919. С.7.

²⁵ Приазовский край. 1919. 21 авг. (3 сент.); Гензель П.П. Девальвация и задачи налоговой политики. С.8.

²⁶ Кип Д. Указ. соч. С.127.

²⁷ Приазовский край. 1919. 25 сент. (8 окт.); Кип Д. Указ. соч. С.129.

²⁸ ГА РФ. Ф.3426. Оп.1. Д.2. Л.106.

²⁹ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.228.

³⁰ Там же. С.227.

³¹ Гензель П.П. Девальвация и задачи налоговой политики. С.12-13; Кип Д. Указ. соч. С.141.

³² Великая Россия. 1920. 13(26) июля; Соколов К.Н. Правление генерала Деникина. София, 1921. С.185; Лукомский А.С. Указ. соч. С.196.

³³ Лукомский А.С. Указ. соч. С.198.

³⁴ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.226.

³⁵ Соколов А.А. Обезценение денег, дороговизна и перспективы денежного обращения в России. Екатеринбург, 1920. С.96-98.

³⁶ Там же. С.97.

³⁷ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.228.

³⁸ Из архива организаторов гражданской войны и интервенции в Советской

России// Исторический архив. 1961. № 6. С.70; Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.89,226; Лукомский А.С. Указ. соч. С.198.

³⁹ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.226-227.

⁴⁰ Там же. С.227.

⁴¹ Внешняя политика контрреволюционных «правительств» в начале 1919 г. /Красный архив. 1929. № 6. С.80.

⁴² Из архива организаторов гражданской войны и интервенции в Советской России. С.99.

⁴³ ГА РФ. Ф.Р-356. Оп.1. Д.251. Л.110-110об.

⁴⁴ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.226; Лукомский А.С. Указ. соч. С.198.

⁴⁵ Из архива организаторов гражданской войны и интервенции в Советской России. С.99.

⁴⁶ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.227.

⁴⁷ Там же. С.89.

⁴⁸ Скобцов Д.Е. Указ. соч. Т.1. С.158; Деникин А.И. Указ. соч. Т.5. С.190-191; Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С.299.

⁴⁹ Деникин А.И. Указ. соч. Т.5. С.190-191; Савич Н.В. Указ. соч. С.299.

⁵⁰ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.226.

⁵¹ Врангель П.Н. Записки. Ч.2. С.212.

⁵² Калинин И. Указ. соч. С.194-195.

⁵³ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.228.

⁵⁴ Калинин И. Указ. соч. С.194-195.

⁵⁵ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.227.

⁵⁶ Приазовский край. 1919. 20 авг. (2 сент.).

⁵⁷ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.2. Л.38,46,102; Гензель П.П. Девальвация и задачи налоговой политики. С.12-13.

⁵⁸ Приазовский край. 1919. 4(17) авг.; 1(14) окт.

⁵⁹ Кин Д. Указ. соч. С.196.

⁶⁰ Приазовский край. 1919. 1(14) окт.; Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.227.

⁶¹ Гензель П.П. Крым в финансово-экономическом отношении в 1918 — 20 гг. /Экономист. 1922. № 3. С.114-115.

⁶² ГА РФ. Ф.3426. Оп.1. Д.2. Л.2.

⁶³ Там же. Л.3-3об.

⁶⁴ Там же. Л.7-8,10.

⁶⁵ Там же. Л.10.

⁶⁶ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.227.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. С.89.

⁶⁹ Приазовский край. 1919. 10(23) декабря; Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.89.

⁷⁰ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.89.

⁷¹ Там же. С.89-90.

⁷² Деникин А.И. Указ. соч. Т.5. С.274.

⁷³ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.89.

⁷⁴ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин, 1924. Т.3. С.86.

⁷⁵ Кин Д. Указ. соч. С.75.

⁷⁶ Калинин И. Указ. соч. С.166.

⁷⁷ Кин Д. Указ. соч. С.75.

⁷⁸ Савич Н.В. Указ. соч. С.292.

⁷⁹ Кин Д. Указ. соч. С.79.

⁸⁰ Там же. С.79-80.

⁸¹ Деникин А.И. Указ. соч. Т.5. С.127,271.

⁸² Кин Д. Указ. соч. С.115.

⁸³ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.230.

⁸⁴ Деникин А.И. Указ. соч. Т.5. С.273-274.

⁸⁵ Кин Д. Указ. соч. С.125.

⁸⁶ Приазовский край. 1919. 7(20)сентября.

⁸⁷ Приазовский край. 1919. 9(22)ноября; Великая Россия. 1919. 10(23) нояб.

⁸⁸ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.226.

⁸⁹ Лукомский А.С. Указ. соч. С.196.

⁹⁰ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.117; Соколов К.Н. Указ. соч. С.186.

⁹¹ Приазовский край. 1919. 9(22) нояб.

⁹² Савич Н.В. Указ. соч. С.299.

⁹³ Там же. С.300.

⁹⁴ Лукомский А.С. Указ. соч. С.196.

⁹⁵ ГА РФ. Ф.3426. Оп.1. Д.10. Л.84; Лукомский А.С. Указ. соч. С.196.

⁹⁶ ГА РФ. Ф.3426. Оп.1. Д.1. Л.7,9.

⁹⁷ Скобцов Д.Е. Три года революции и гражданской войны на Кубани. Париж, 1963. Т.2. С.83.

⁹⁸ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.226; Лукомский А.С. Указ. соч. С.196; Соколов К.Н. Указ. соч. С.186.

⁹⁹ ГА РФ. Ф.3426. Оп.1. Д.10. Л.2-3,6; Лукомский А.С. Указ. соч. С.196; Соколов К.Н. Указ. соч. С.186.

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф.3426. Оп.1. Д.10. Л.2-3,6,74.

¹⁰¹ Соколов К.Н. Указ. соч. С.186; Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.227.

¹⁰² Лукомский А.С. Указ. соч. С.197-198.

¹⁰³ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.226.

¹⁰⁴ Приазовский край. 1919. 10(23)дек.; Гензель П.П. Девальвация и задачи налоговой политики. С.9.

¹⁰⁵ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.227.

¹⁰⁶ ГА РФ. Ф.Р-356. Оп.1. Д.251. Л.110-110об.

¹⁰⁷ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.89.

¹⁰⁸ Там же. С.229.

¹⁰⁹ Кин Д. Указ. соч. С.125.

¹¹⁰ Деникин А.И. Указ. соч. Т.5. С.101.

¹¹¹ Врангель П.Н. Записки. Ч.1. С.217.

¹¹² Лукомский А.С. Указ. соч. С.192.

¹¹³ ГА РФ. Ф.3426. Оп.1. Д.1. Л.1-1об.; Ф.879. Оп.1. Д.62. Л.24; Савич Н.В. Указ. соч. С.331.

¹¹⁴ ГА РФ. Ф.Р-356. Оп.1. Д.251. Л.110.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

Особое совещание изначально отвергало принцип полной свободы в области внешней торговли и стремилось к монополизации экспорта ради рациональности использования сырьевых ресурсов занятой территории¹.

В январе 1919 г. начальник Отдела торговли, промышленности и снабжения Особого совещания В.А. Лебедев представил в Особое совещание докладную записку, в которой сформулировал идею

централизованного регулирования внешней торговли. При этом он подчеркивал, что идею централизованного регулирования поддерживают представители Антанты: «Неотложность признания в настоящее время принципа правительственного регулирования внешней торговли встречает соответственное подтверждение и со стороны миссий союзных держав, аккредитованных» при главкоме ВСЮР. Будучи сторонником предельно централизованного и жесткого регулирования в интересах казны, он считал, что «орган, регулирующий русскую внешнюю торговлю, должен быть единым для всей освобожденной от большевиков территории России, ибо нерациональным являлось бы допустить, чтобы отдельные губернии или области в организации настоящего дела исходили из разных принципов и каждая по-своему проводила вмешательство правительственной власти в дело товарообмена с заграницей».

Его позиция, как и взгляды членов Особого совещания, состояла в том, что «регулирование как экспорта, так и импорта в Россию товаров из-за границы должно быть сосредоточено, как то неоднократно высказывалось и в заявлениях представителей держав Согласия, в организации, стоящей выше интересов отдельных групп населения, населяющих ту или иную территорию России... т.е. в Особом Совещании, а именно при Отделе торговли, промышленности и снабжения этого Совещания»².

В феврале 1919 г., когда гражданский аппарат, созданный при Особом совещании, разворачивался в систему ведомств, на базе Отдела торговли, промышленности и снабжения было создано Управление торговли и промышленности, структура которого воспроизвела дореволюционное Министерство торговли и промышленности. Оперативное регулирование внешней торговли было возложено на Отдел торговли, занявший едва ли не главное место в его структуре.

В.А. Лебедев совершенно оправданно ссылаясь на поддержку этой идеи правительствами стран Антанты и их представителями на юге России. Те действительно добивались централизации регулирования экспорта и импорта, но при этом они стремились реализовать прежде всего свои собственные интересы, которые лишь отчасти совпадали с интересами ВСЮР, а порой, как показали события конца 1918 – начала 1919 гг., прямо противоречили им.

Свою традиционно активную поддержку национальных коммерческих структур страны Антанты, прежде всего Великобритании, продемонстрировали сразу же после установления в декабре 1918 г. полного контроля над важнейшими портами Черного моря. Их военные и дипломатические представители, от которых зависело снабжение ВСЮР и которые распоряжались в портах Кон-

стантинополя и Батума, оказывали покровительство своим национальным торговым компаниям, стремившимся получить сверхприбыли на вывозе сырья с юга России и ввозе туда промышленных товаров из Европы, включая оставшиеся от войны предметы военного снабжения, в том числе вооружение и обмундирование, которые уже были в употреблении. Особенно активные шаги в этом направлении предпринимали англичане³.

После занятия Закавказья британскими войсками А.И. Деникин в начале 1919 г. отправил туда несколько своих представителей. Им поручалось, вступив в контакт с закавказскими правительствами и британскими оккупационными властями, способствовать нормализации политических и экономических отношений с Закавказьем. Особенно важным было восстановить торговые связи с Грузией и Батумской областью ввиду крайней необходимости закупок и ввоза на юг России угля, добываемого в районе Поты, и нефтепродуктов, доставляемых в Батум из Баку⁴.

Однако в Тифлисе британские власти, активно поддерживая социалистическое правительство Грузии ради расчленения России, уклонились от признания каких-либо интересов Добровольческой армии. Еще более жесткой была их позиция в Батуме, где они установили полный контроль над портом и нефтепроводом из Баку, а также начали вывозить нефть и нефтепродукты. Еще не решив окончательно вопрос о статусе Батума (то заявляя, что передадут его Грузии, то опровергая эти заявления сообщениями, что Батумская область останется самостоятельной под протекторатом Великобритании), англичане приступили к вывозу не только нефти и нефтепродуктов как взятых «у немцев», но и военного имущества из складов бывшего Кавказского фронта как взятых «у турок», объявив их своими «трофеями»⁵.

Вывоз осуществлялся английскими торговыми компаниями, действовавшими в качестве контрагентов правительства, при этом оккупационные власти делали все возможное, чтобы облегчить им проникновение в Закавказье и сделать их операции максимально выгодными, и в частности притесняя их российских конкурентов. Так, 22 февраля британские власти ввели специальные разрешения на въезд частных лиц с юга России, причем получить их можно было только в Константинополе, в штабе генерала Мильна.

Далее, они официально установили высокий курс фунта стерлингов и сравнивали курс российского рубля с грузинской боной, тем самым вдвое понизив реальный рыночный курс российских рублей разных выпусков, которые широко ходили в Батумской области⁶. Позже, в апреле, британские власти распустили Совет по управлению Батумской областью, поскольку он пытался защи-

тить российские экономические интересы, и на все должности поставили английских офицеров, причем во главе гражданского управления был поставлен некто Харрис, работавший до войны маклером на Лондонской бирже.

Соответственно, введение Особым совещанием централизованного регулирования внешней торговли рассматривалась правительствами и торгово-финансовыми кругами стран Антанты, их миссиями при главкоме ВСЮР, как мера, которую можно было использовать в собственных интересах: для захвата сверхприбыльного в условиях кризиса в Европе экспорта сырья и продовольствия с юга России. Согласно их представлениям и расчетам, такое регулирование в условиях войны и кризиса, во-первых, в принципе облегчало скупку сырья в России и его вывоза, а также ввоз и реализацию европейских промышленных товаров. И во-вторых, позволяло, пользуясь зависимостью ВСЮР от британского снабжения, широко и эффективно применять политическое давление на А.И. Деникина и его правительство для достижения экономических целей – создания режима наибольшего благоприятствования для коммерческой деятельности своих компаний. Такой подход наиболее активно проводился в жизнь Великобританией, которая стремилась занять место как минимум ведущего экспортера российского сырья, а как максимум – монополиста; менее активно – Францией и Италией.

Столь явно обнаружившая себя антироссийская внешнеторговая политика союзников заставила Особое совещание и российские предпринимательские круги, несколько отодвинув на второй план собственные противоречия, искать наиболее эффективное средство борьбы против иностранных компаний, пытающихся захватить в свои руки экспорт сырья из России. В качестве такового было предложено создание мощной коммерческой организации, которая объединила бы капиталы крупных фирм и работала бы при поддержке правительства. В феврале В.А. Лебедев разработал проект «Южно-русского общества для внешней торговли». Обосновывая свою идею, он настаивал в записке Особому совещанию на том, что «наиболее выгодной формой торговых отношений с границей явилась бы концентрация капиталов в руках коллектива, состоящего из мощных торгово-промышленных групп, с одной стороны, представителей потребительских групп в лице кооперативов – с другой, и, наконец, самого правительства»⁷.

В.А. Лебедев, таким образом, предложил Особому совещанию прибегнуть к варианту государственно-монополистического регулирования: создать с долевым участием государства крупное акционерное общество, которое обладало бы монопольным правом

на вывоз сырья и ввоз промышленных товаров на территорию ВСЮР и которое полностью контролировалось бы, а отчасти и управлялось государством через своих представителей в правлении. Логика В.А. Лебедева вполне понятна: на его взгляд, это была наиболее оптимальная форма сочетания интересов отечественного крупного капитала, ВСЮР и населения занятой территории. С другой стороны, только объединение могло отстоять национальные интересы от натиска внешних конкурентов и обратить сырьевые ресурсы в максимально возможной степени на удовлетворение потребностей ВСЮР.

Не менее очевидно и другое: за этим предложением стояли крупные финансовые структуры и торгово-промышленные общества, ибо в действительности такое «огосударствление» внешней торговли, отвечая интересам не только власти, но и их собственным, позволяло им за счет монопольного положения, содействия власти и даже использования льготных кредитов из бюджета, получать сверхприбыли. Но в то же самое время такая госмонополизация значительно ущемляла интересы среднего бизнеса, отодвигая его от самых выгодных внешнеторговых операций.

Что же касается кооперативов, то их В.А. Лебедев приглашал вступить в общество исключительно из желания привлечь их капиталы для самой тяжелой и наименее выгодной работы – закупки сырья и продаже импортных промтоваров на внутреннем рынке. Но при этом он не собирался предоставлять им возможность участвовать в самых выгодных операциях – реализации сырья на внешнем рынке. Это чисто утилитарное отношение отдела, а затем Управления торговли и промышленности к кооперации уже вошло в норму. Так, в январе отдел созвал совещание по вопросу заготовки и вывоза за границу кож и шерсти, пригласив на него представителей промышленных предприятий и торговых фирм, а также представителей заинтересованных учреждений, но представителей кооперации не пригласили⁸.

Случайностью это не было, ибо, во-первых, кооперативы являлись серьезными конкурентами крупных фирм, и, во-вторых, командование ВСЮР и верхушка аппарата гражданского управления с подозрительностью и враждебностью относились к кооперативам, в которых работало много социалистов. Отсюда происходила согласованная между правительством и крупными торговыми компаниями позиция: кооперативы на внешний рынок не допускать, а на внутреннем ограничивать.

В феврале Управление торговли и промышленности созвало совещание представителей кооперативных союзов, на которое были приглашены крупнейшие кооперативные объединения юга

России, включая донские и кубанские, — «Центросоюз», «Народный банк», «Кубсоюз», «Докат» и «Ювос». Их представители были ознакомлены с проектом «Южнорусского общества для внешней торговли» в расчете на вступление их в общество. Но те сразу поняли, во-первых, что правительство хочет использовать кооперативный капитал для удовлетворения прежде всего нужд армии, и, во-вторых, кооперации в этом «почтенном учреждении» отводится роль скромная и вспомогательная. Поэтому они отказались от совместной работы с крупными компаниями и правительственными учреждениями на внешнем рынке. Видя такую реакцию, представитель управления заявил, что, если кооперация не согласится вступить в акционерную компанию, то она, вероятно, будет вообще лишена возможности выступать на внешнем рынке⁹.

Между тем Особое совещание приняло предложение В.А. Лебедева и 22 марта (4 апреля) утвердило устав «Южнорусского общества для внешней торговли». Уставный капитал общества составил 100 млн. руб., из них пакет акций на 20 млн. руб. получало правительство, а остальные акции распределялись между банками, торгово-промышленными компаниями и кооперативами¹⁰.

Но создать это общество на деле не удалось. Крупные компании, имевшие возможность войти в общество, в большинстве своем предпочитали не искать правительственных привилегий и кредитов, а действовать самостоятельно, дабы избежать государственного контроля. Что же касается средних и мелких фирм, не имевших возможности попасть в общество, то они всеми путями пытались найти свою нишу в экспортно-импортных операциях.

Кооперативы, со своей стороны, созвали 6(19) марта Кооперативный съезд из представителей союзов юга России. Констатируя, что игнорирование кооперации не является единичным фактом, съезд вынес резолюцию с решительным протестом против попыток ведомства торговли и промышленности «игнорировать при разработке и проведении экономических мероприятий голос кооперации, представляющей интересы свыше четырех миллионов объединенных производителей юга России», и постановил настаивать перед ним на привлечении южных кооперативов к разработке вопросов торговли и промышленности.

Решением съезда было создано внешнеторговое объединение кооперативных организаций — «Южный совет кооперации по внешней торговле» («Юксвет») и избрано его временное бюро в составе представителей самых крупных организаций, включая «Центросоюз» и «Народный банк», местом пребывания которого был намечен Екатеринодар¹¹.

И в дальнейшем кооперативы, поддерживая государственное

регулирование внешней торговли, выступали против использования в качестве контрагентов правительства исключительно крупных частных фирм, добиваясь участия во внешней торговле. Так, Совет харьковских кооперативных съездов летом представил в Управление торговли и промышленности обширную докладную записку. Среди предлагавшихся в ней мер по восстановлению торговли и промышленности, во-первых, указывалось, что внешняя торговля должна регулироваться разрешением к ввозу только безусловно необходимых товаров, машин и сырья, а также разрешением к вывозу только того, что имеется в избытке, или, по условиям внешней торговли, должно быть предложено в обмен на необходимые России товары. Во-вторых, что внешняя торговля не может быть всецело предоставлена частной инициативе, а должно быть организовано специальное государственное учреждение, регулирующее эту работу частных и общественных предприятий. И, в-третьих, значительная часть работы по ввозу и вывозу должна быть предоставлена кооперации, поскольку она обслуживают население в его первейших потребностях, и нормированные импортные продукты должны поступать в кооперативы по тем же причинам¹².

Наконец, многие центральные управления стремились самостоятельно вести свои собственные внешнеторговые операции, ссылаясь на чрезвычайную необходимость и срочность снабжения войск теми или иными предметами военного снаряжения, горюче-смазочными материалами и т.д. К таким прежде всего относились Главное интендантство и Управление продовольствия, заключавшие договора с фирмами на вывоз сырья и ввоз товаров. Наконец, и само Управление торговли и промышленности, не ограничиваясь регулированием, стало брать на себя скупку, вывоз к портам и экспорт забронированного за казной сырья для создания валютного фонда¹³.

Развитие такой ведомственной внешней торговли, смешанной государственно-частной по своему характеру, стимулировалось не только объективными потребностями ВСЮР, но и предприимчивостью бюрократической верхушки, стремившейся, вступив в партнерские отношения с предпринимателями, попутно использовать свое служебное положение для получения доли прибыли от экспортно-импортных операций в виде взяток и «комиссионных». Эти операции, которые проводились как «поставки на армию» и велись через контрагентов куда более сильными, в смысле влияния на главкома и его ближайших помощников, ведомствами, чем Управление торговли и промышленности, Отдел торговли, выдавая разрешения на вывоз, мог только регистрировать, но никак не контролировать и тем более регулировать.

В ситуации, когда реализовать идею В.А. Лебедева о создании «Южнорусского общества для внешней торговли» не удалось, а вывоз контрагентами ведомств приобрел совершенно беспорядочный характер, когда Отдел торговли был не в состоянии разобраться, в какой степени та или иная сделка отвечает интересам казны, а в какой — интересам контрагентов, Особое совещание пошло чисто бюрократическим путем ужесточения регулирования. Дабы упорядочить вывоз сырья, рационализировать затраты вырученных валютных средств, наладить координацию закупок и обеспечить ввоз необходимых прежде всего для армии товаров, оно стало создавать одну за другой межведомственные комиссии, главная задача которых состояла в согласовании решений различных учреждений в области внешнеторговой деятельности.

Главную роль среди них стали играть созданные летом 1919 г. Комиссия по обороне при главкоме ВСЮР, Экспортная комиссия, Межведомственная комиссия по заграничным заказам для юга России. На Комиссию по обороне, возглавляемую генералом А.С. Лукомским, была возложена задача координации поставок на армию: исходя из предварительного экспертного заключения Межведомственной комиссии по заграничным заказам, она давала разрешения ведомствам на заключение с частными фирмами договоров о закупке на территории ВСЮР сырья, его вывозе за границу, реализации и ввозе предметов иностранного промышленного производства, необходимых ВСЮР. И хотя формально окончательные разрешения на экспортно-импортные операции выдавались Отделом торговли, он лишь оформлял решения Комиссии по обороне, которая, таким образом, фактически стала ключевым элементом всей системы регулирования внешней торговли, поскольку главным содержанием ее работы были поставки на армию¹⁴.

Экспертиза всех внешнеторговых договоров между государственными учреждениями и частными экспортерами на предмет коммерческой добросовестности и степени удовлетворения интересов казны, независимо от того, какое ведомство намеревалось заключить договор, была возложена на Государственный контроль. Также к проверкам и перепроверкам договоров постоянно подключались Управление финансов и Управление торговли и промышленности.

В течение лета — осени деятельность Управления торговли и промышленности и экспортных комиссий фактически приобрела не столько регулирующий характер, сколько непосредственно внешнеторговый. Каждая комиссия в пределах своей компетенции давала разрешение частным фирмам-контрагентам на вывоз сырья при условии ввоза необходимых заграничных товаров, и при

этом все чаще чиновники соответствующих заинтересованных учреждений сами становились участниками этих операций вплоть до выездов за границу и непосредственного участия в продаже сырья и закупках промтоваров. В такой ситуации ведомства все более настойчиво стали добиваться права самостоятельно заключать контракты с российскими или иностранными торговыми фирмами на вывоз сырья и ввоз товаров. С одной стороны, это диктовалось объективными потребностями соответствующих управлений и подведомственных им отраслей хозяйства и снабжения. С другой — за этим стояло как стремление чиновников максимально использовать систему государственного регулирования внешней торговли к своей личной выгоде, так и стремление частных торговцев прикрыться «поставками на армию» и под этим прикрытием работать без особых помех и различными путями, в том числе и незаконными, получать максимально возможные прибыли.¹⁵

Бурный рост подобной коммерческой активности вызвал специальное постановление Комиссии по обороне: «Указать всем ведомствам на недопустимость заключения контрактов как на приобретение предметов заграничного производства, так и на закупку сырья внутри страны без предварительного заключения Комиссии по заграничным заказам и разрешения Комиссии по обороне».¹⁶ Тем самым Комиссия по обороне при главкоме ВСЮР неуклонно стремилась сохранить и упрочить свое ключевое положение в системе регулирования внешней торговли, исходя из необходимости прекратить разбазаривание сырья и наладить его максимально рациональную реализацию прежде всего в интересах снабжения ВСЮР.

Предприимчивость частных торговцев, которые активно искали и под видом поставок на армию находили возможность экспортировать самые выгодные виды сырья, естественно, ради собственной прибыли, а не поступлений в бюджет и снабжения армии, ломала все регулирующие меры. Это заставляло все государственные органы, причастные к внешней торговле, выдвигать предложения о запрещении частного вывоза самых ценных сырьевых материалов с целью обратить их исключительно на нужды снабжения войск. Решениями Особого совещания, принятыми по предложениям Экспортной и других комиссий, в течение весны — лета были запрещены к частному вывозу (забронированы за государством) важнейшие виды сырья: хлеб, шерсть, кожи, табак и уголь¹⁷. С другой стороны, за частными экспортерами были забронированы как сырье, так и продукты его переработки: руда, железо, соль, поташ и некоторые другие¹⁸.

Запрещением частного вывоза хлеба Особое совещание рассчи-

тывало удержать на территории ВСЮР низкие цены на хлеб, чтобы не обострять продовольственное снабжение армии и городов, и в то же время иметь возможность скупать его по низким ценам для государственного экспорта в целях пополнения валютного фонда и закупки необходимых военных материалов для армии. Частичная монополизация вывоза сырья имела целью также и частичное удовлетворение интересов российских промышленников¹⁹. Наконец, бронирование производилось с таким расчетом, чтобы оставить частным торговцам достаточно широкие возможности для получения немалых прибылей от экспорта, но с одним условием: вывоз товаров должен быть компенсирован обязательным импортом товаров заграничного производства, необходимых для армии и населения. Обязательство ввезти обратно на территорию ВСЮР определенное количество конкретного товара фиксировалось в договоре, который экспортер должен был заключить с Отделом торговли или другим государственным учреждением ВСЮР. Таким образом, система бронирования была тесно увязана со сложившейся разрешительно-компенсационной системой.

Наряду с этим в течение первых месяцев 1919 г. Особое совещание запретило экспорт некоторых товаров, прежде всего продовольственного зерна, ввиду острой потребности в них армии и населения²⁰.

Правительства и торгово-финансовые круги стран Антанты и их миссии на юге России поддерживали меры Особого совещания, направленные на централизованное регулирование экспорта. По их мнению, государственное регулирование в условиях войны и экономического кризиса давало больше гарантий бесперебойного вывоза сырья из России в обмен на самые разнообразные товары, производимые европейской промышленностью. Кроме того, оно открывало широкие возможности использования политического давления на ВСЮР, крайне нуждавшиеся в военном импорте, как для направления сырьевого экспорта в конкретные страны, так и для содействия западным предпринимательским структурам в занятии ведущих позиций в самых прибыльных сферах российской экономики. Естественно поэтому, что в ходе переговоров и переписки с А.И. Деникиным в 1919 г. представители Антанты не понимали вопроса о расширении прав частных экспортеров. Захватив в свои руки часть судов российских пароходных компаний и создавая в черноморских портах различного рода препятствия для российских торговцев, они настаивали на том, чтобы власти ВСЮР оказывали максимальное содействие вывозу именно иностранными торговыми компаниями и именно в их страны тех видов сырья, прежде всего зерна, в которых остро нуждалась пораженная кризисом европейская экономика²¹.

С целью поощрения торговли с югом России британское правительство приняло правила, вступившие в силу 24 июня, согласно которым вводилось страхование английских товаров, вывозимых в Россию, с момента выгрузки их в российских портах и до момента реализации, а также российских товаров, ввозимых английскими фирмами, с момента их закупки на месте до момента их погрузки на суда. Как заявила британская миссия в Екатеринодаре, такого рода правительственное страхование было установлено впервые²².

Как правило, иностранные торговцы совершенно не заботились об интересах ВСЮР и населения юга России: вывозя ценное сырье, они старались ввезти предметы роскоши, пользовавшиеся большим спросом только у самых богатых, или распродать, пользуясь товарным голодом, залежалые низкокачественные товары²³.

Конкуренция между иностранными и российскими торговцами принимала подчас самые дикие формы. Так, в июле российские торговцы, которым выгоднее было самим возить товары из Константинополя в Новороссийск, чтобы отвалить иностранных конкурентов возить товар в Новороссийск, распустили в Константинополе слухи, что добровольческие власти конфискуют в Новороссийске товары, а купцов мобилизуют и отправляют на фронт. В результате несколько итальянских пароходов ушло из Константинополя обратно в Средиземное море²⁴.

Ввиду острой конкуренции с российскими торговыми фирмами и особых трудностей работы на российском рынке в условиях гражданской войны иностранные компании искали себе российских партнеров, стремясь сотрудничать лишь с крупными фирмами, во-первых, ввиду их большей надежности как деловых партнеров, и, во-вторых, рассчитывая именно при их содействии и за счет их связей с правительственными кругами прибрать к рукам вывоз русского сырья и скупить акции российских предприятий добывающей и перерабатывающей промышленности. Так, английские компании, масштабнее и агрессивнее других боровшиеся за свои интересы, предприняли попытку создания крупного монополистического объединения вместе с российскими партнерами, которое оказалось бы способно занять ведущие позиции в торговле с Россией и в российской экономике. В сентябре Русско-британская торговая палата разработала проект устава «Русско-британского общества», главная идея которого состояла в осуществлении российскими фирмами экспортно-импортных операций на деньги британских банков и компаний, капиталовложения которых гарантировались сырьевыми ресурсами и хозяйственными средствами территории ВСЮР.

В октябре Управление финансов передало этот проект на экспертизу в совет при Управлении торговли и промышленности. При обсуждении в совете было отмечено, что устав предусматривает льготы и «формы акционерного законодательства», «напоминающие концессии англичан в Ост-Индии», и указано Управлению финансов, что оно должно помочь торговле и промышленности не таким путем, а прямым финансированием²⁵. В итоге проект «Русско-британского общества» был отклонен.

Особую трудность для проведения политики регулирования представляла для Особого совещания «суверенность» казачьих областей, которые по своему усмотрению вели государственную торговлю и регулировали частные экспортно-импортные операции. В результате с территории Дона и Кубани и через их порты торговцы могли беспрепятственно вывезти товары, как, например, уголь и зерно, которые Особым совещанием были запрещены к вывозу.

Разрешая частный экспорт хлеба и других продуктов в Закавказье, войсковые правительства Дона и Кубани прежде всего защищали интересы казаков как мелких и средних сельских товаропроизводителей, которые не желали продавать продукты своего труда за обесценивавшиеся с каждым днем бумажные деньги, а стремились обменять их на крайне необходимые им промышленные товары иностранного производства, поскольку отечественная промышленность перестала их выпускать, прежде всего сельскохозяйственные орудия и технику. С другой стороны, на войсковые правительства давили местные финансисты, торговцы и промышленники; не связанные тесно с российским капиталом, они стремились нажиться на экспорте сырьевых ресурсов казачьих областей и импорте топлива и заграничных промышленных товаров. С точки зрения экономических интересов казачьих масс и предпринимательских кругов, Грузия, с которой Дон и Кубань имели тесные, исторически сложившиеся экономические связи, была оптимальным торговым партнером. Но тем самым они, во-первых, срывали регулирование внешней торговли, во-вторых, выступали в качестве экономических конкурентов ВСЮР и, в-третьих, существенно подрывали усилия главного командования и Особого совещания, направленные на организацию экономической блокады Грузии.

27 апреля (10 мая) совещание представителей главного командования ВСЮР и казачьих правительств под председательством А.М. Драгомирова закончилось заключением соглашения между ВСЮР, Доном и Кубанью с присоединением к нему Терека о создании общего Совета по делам внешней торговли для ее регули-

рования на всей территории ВСЮР. Но оно не было потом одобрено Радой и Кругом. Ввиду особой непримиримости кубанского правительства, в сентябре Управление торговли и промышленности вело отдельные переговоры по этому поводу с донским правительством, но так же безуспешно²⁶.

Эта ситуация заставила главное командование и Особое совещание в сентябре – октябре ввести блокаду казачьих областей, которая имела целью не только заставить их убрать таможенные границы и рогатки, но и распространить на них порядок внешней торговли, установленный на «добровольческой» территории.

Установление блокады сразу же отрицательно сказалось на внешнеторговых операциях. Так, донское правительство как раз перед этим снарядило несколько внешнеторговых экспедиций, которые должны были экспортировать с Дона антрацит, хлеб и железо, а на вырученную за границей валюту закупить и импортировать нужные товары. Два парохода уже были отправлены, готовилась отправка еще четырех, но командованием ВСЮР в сентябре был установлен кордон в Керченском проливе, без разрешения которого суда не могли выйти в Черное море. Донские пароходы были кордоном задержаны. 25 сентября (8 октября), получив предложение донского правительства пропустить два парохода, В.А. Лебедев ответил, что задержанные пароходы должны быть направлены в Одессу, Николаев или Херсон, так как юг России нуждается в угле и железе, и что вообще вывоз антрацита с Дона не может быть допущен. Когда же донское правительство обратилось по этому поводу в Особое совещание, А.С. Лукомский ответил, что Экспортная комиссия отменит систему разрешений, если Дон уберет таможенные границы. По этому поводу Круг принял резолюцию, в которой говорилось, что до соглашения о едином органе регулирования экспорта Особое совещание не должно препятствовать пропуску пароходов через пролив.

В официальном сообщении главное командование ВСЮР утверждало, что применило в отношении «вывоза с территории Добровольческой армии» — в качестве ответной меры — те же правила, которые уже больше года применяются областными казачьими правительствами, прежде всего кубанским, а также донским и терским: вывоз разрешается не иначе, как при условии ввоза равного по ценности и необходимого населению и армии товара. Вдобавок, как подчеркивалось в сообщении, Особое совещание было вынуждено прибегнуть к этой мере тем обстоятельством, что донское правительство свободно выпускало за границу, и в частности в Закавказье, те товары, которые оно получало с территории Добровольческой армии и которые Управление торговли и промышлен-

ности ВСЮР запрещало экспортировать виду острой потребности в них армии и населения²⁷.

В это же время делегация Особого совещания, ведя переговоры с прибывшей на юг России польской экономической миссией, добивалась, чтобы все торговые сделки польских коммерсантов заключались только через управления ВСЮР. Попытки же поляков заключить сделки непосредственно с правительствами Дона и Кубани решительно отвергались, прямой транзит с Дона и Кубани через территорию, занятую Добровольческой армией, запрещался²⁸.

Частичная монополизация и жесткое регулирование частной внешней торговли вызывали сильное недовольство предпринимательской среды и кооперативов. Это недовольство еще больше обострилось в условиях блокады казачьих областей и Грузии, от которых торговцы несли убытки. Так, крупная кубанская буржуазия в октябре обратилась к атаману А.П. Филимонову с просьбой повлиять на Особое совещание с целью несколько раскрепостить внешнюю торговлю. Ее предложения сводились к следующему: ввоз товаров, если они не запрещены к ввозу вообще, должен быть совершенно свободным, вывоз, за исключением вообще запрещенных товаров, — с разрешения (с территории Добровольческой армии — с разрешения Особого совещания, с территории казачьих областей — с разрешения войскового правительства), транзитные грузы пропускать беспрепятственно из Новороссийска через все казачьи области, регулирование должно быть возложено на Совет по делам внешней торговли, проект которого был принят в заседаниях комиссии под председательством А.М. Драгомирова 26 — 27 апреля (9 — 10 мая)²⁹.

* * *

В течение первой половины 1919 г. усилиями Управления торговли и промышленности и различных экспортных комиссий была выстроена система бронирования, ведущей составляющей которой стала государственная монополия на наиболее важные и доходные виды сырья и основанная на ней государственная внешняя торговля (прежде всего импорт военных материалов для ВСЮР, оплачиваемый за счет экспорта сырья), а вспомогательной составляющей — частная внешняя торговля, основанная на разрешительном и компенсационном принципах государственного регулирования и контроля. Однако система бронирования, призванная, по замыслу ее разработчиков, решать через внешнюю торговлю прежде всего задачи снабжения ВСЮР, но при этом сочетать интересы

ВСЮР с интересами предпринимательских кругов, на практике так и не дала ожидаемого эффекта.

Во-первых, государственный экспорт не был таковым в чистом виде, поскольку осуществлялся частными фирмами, являвшимися контрагентами конкретных ведомств. А, являясь таковыми, они имели немалые возможности осуществлять экспортно-импортные операции к большей выгоде для себя, чем для казны, и возможностями этими пользовались сполна.

Во-вторых, запретные барьеры бронирования сразу же стали ломаться исключениями, когда частным коммерсантам Особое совещание, Управление торговли и промышленности и различные экспортные комиссии давали разрешения на вывоз сырья, забронированного за казной. Исключения делались прежде всего тогда, когда английская торговая компания, являясь контрагентом британского Военного министерства, ввозила на юг военное снаряжение в обмен на вывоз сырья. Другим, еще более распространенным, вариантом исключения были случаи, когда разрешения давали фирмам, выступавшим в качестве контрагентов ведомств ВСЮР и ввозившим крайне необходимый вид промышленной продукции (например, когда фирма, являвшаяся контрагентом Управления путей сообщения ввозила железнодорожные материалы и инвентарь или фирма, являвшаяся контрагентом Главного интендантства, ввозила обмундирование). Наконец, разрешения на частный экспорт забронированного за государством сырья выдавались в тех случаях, когда его просили владельцы предприятий, добывающих или перерабатывающих именно этот вид сырья (например, уголь и шерсть), мотивируя свою просьбу необходимостью закупки на вырученную валюту и ввоза соответствующего промышленного оборудования для восстановления производства³⁰. Все подобные исключения быстро стали правилом.

В-третьих, система бронирования оказалась подвержена быстрому коррупционному разложению. С одной стороны, торговцы любыми путями, включая раздачу взяток, стремились добиться права на вывоз самого прибыльного, забронированного за государством, вида сырья — зерна. С другой — подбор контрагентов, заключение договоров и выдача разрешений быстро породили в чиновной среде, причастной к экспортно-импортным операциям, стремление самим поучаствовать в этих операциях в качестве пайщиков. Что же касается чиновников Управления торговли и промышленности, то они пытались таким способом фактически превратить Отдел торговли из контролирующего и регулирующего учреждения в такое, которое само ведет экспортно-импортные операции через аппарат частных фирм. Все это породило массу зло-

употреблений. Торговцы как никогда были щедры на взятки. Мздоимство среди чиновников управления приобрело небывалые масштабы: за выдачу торговым фирмам разрешений на вывоз сырья и продовольствия с юга России они требовали взятки, размер которых доходил до 50 процентов ожидаемой прибыли. За взятки чиновники разрешали частным торговцам вывозить партии сырья большие, чем это предусматривалось договором, закрывали глаза на то, что обратный ввоз не соответствовал условиям договора и тем самым не столько удовлетворял потребности армии, сколько приумножал прибыли торговцев и т.д. Коррупция особенно сильно затронула чиновников таможни, из которой просто исчезали большие партии товаров³¹.

Коррупция во всех учреждениях, причастных к внешней торговле, включая таможню, пограничную стражу и портовых служащих, достигла масштабов, которые не были известны в императорской России. Многим российским торговцам в таких условиях стало просто невыгодно вывозить что-либо с юга России, поскольку они не могли получить прибыли. А представители работавших на юге России солидных британских торговых фирм заявляли офицерам и чиновникам британских военной и дипломатической миссий, что при такой коррупции им лучше свернуть свои операции и остаться на территории ВСЮР они могут только при условии, что британское правительство официально возмест их под свою защиту³².

В октябре на торгово-промышленном совещании представители «крупных и солидных торговых организаций» вынуждены были признать, что на территории ВСЮР происходит «угрожающее падение нравственного уровня во всех профессиях, соприкасающихся с промышленностью и торговлей. Падение это охватило ныне все круги этих профессий и выражается в непомерном росте спекуляции, в общем упадке деловой морали...»³³

А.И. Деникин, который никогда не был крупным собственником и в личном плане отличался честностью и бескорыстием, резко отрицательно относился к спекуляции, казнокрадству и мздоимству. Но он понимал, что причина массового распространения спекуляции крылась «не в людях, а в общих явлениях народной жизни и хозяйства», к которым он прежде всего относил «общее расстройство денежного обращения и товарообмена». Как понимал он и то, что столь «суровая самокритика» представителей «крупных и солидных торговых организаций» вызвана главным образом желанием добиться от него и его правительства щедрого кредитования из казны и сосредоточения экспорта в их руках при общем ослаблении государственного регулирования³⁴.

В ситуации, когда не было возможности подавить спекуляцию и коррупцию экономическими мерами, А.И. Деникин сделал упор, с одной стороны, на усиление бюрократического контроля над коммерческой деятельностью, с другой – на применение карательных мер, которые также стали своего рода средством регулирования внешней торговли.

Важнейшим инструментом бюрократического контроля стала экспертиза проектов торговых договоров, которую проводили Государственный контроль, а также Управление финансов и Управление торговли и промышленности. Но она не давала полной гарантии от злоупотреблений, так как при помощи подкупленных чиновников торговцы находили всевозможные лазейки, чтобы уже в ходе проведения экспортно-импортной операции реализовать заключенный договор к своей максимальной выгоде и в ущерб казне. В то же время экспертиза вносила серьезный элемент дезорганизации в экспортно-импортные операции, поскольку фирмы, стремясь подставить ножку конкуренту и перехватить выгодный заказ, нередко доносили друг на друга, выдвигая обвинения в обмане правительства, ущемлении интересов казны, нарушении договорных обязательств и т.д.

Свою долю дезорганизации в государственный механизм регулирования вносили и центральные управления, а также другие учреждения ВСЮР. Конкуренция, противоречия и конфликты между ведомствами и их начальниками нередко приводили к срыву экспортно-импортных операций, суливших казне немалую выгоду, причем противоречия эти носили характер не только экономического, но также политический и персональный.

А.И. Деникин, получив информацию о каких-либо операциях в финансово-торговой сфере от кого-либо из своего окружения, нередко вмешивался в разрешение подобных конфликтных ситуаций, заподозрив в них злоупотребления и спекуляцию. При этом он был убежден, что способствует торжеству справедливости, наказывает спекулянтов и связанных с ними мздоимцев. На деле, однако, поскольку он имел лишь самые общие представления о предпринимательской деятельности и часто брал на веру оценки своего окружения, чем некоторые и пользовались в собственных интересах, А.И. Деникин своими действиями, защищая государственные интересы в одном месте, в другом наносил ущерб казне и внешней торговле.

Искренне стремясь пресечь спекуляцию, которая, по его мнению, ускоряла рост цен и усугубляла дефицит промышленных товаров и продовольствия на внутреннем рынке, А.И. Деникин в августе в порядке верховного управления провел через судебное ве-

домство «временный закон об уголовной ответственности за спекуляцию», каравший виновных смертной казнью и конфискацией имущества³⁵. Исполненный благими намерениями, во-первых, припугнуть спекулянтов и, во-вторых, показать армии и населению, что власть способна защитить их от спекулянтов, он спешил применить закон на практике.

Особенно показательным в этом плане стало на шумевшее на территории ВСЮР «дело МОПИТа».

«Товарищество московской объединенной промышленности и торговли» (МОПИТ) образовали около 30 крупнейших торгово-промышленных компаний Центрального промышленного района летом 1919 г., когда ВСЮР успешно наступали на московском направлении. Ведущую роль в товариществе играла группа П.П. Рябушинского. Согласно официально заявленной цели, МОПИТ путем экспортно-импортных операций предполагал снабдить московские фабрики сырьем, топливом и продовольствием, чтобы пустить их в ход сразу после освобождения Москвы. Реально же таким путем вступившие в МОПИТ компании рассчитывали получить доступ к бюджетным средствам и право экспорта сырья, за счет чего, а также за счет импорта дорогих на внутреннем рынке промтоваров и нефтепродуктов, приумножить свой оборотный капитал, компенсировав понесенные от большевистской национализации потери, а далее действовать в зависимости от развития событий. Дабы обеспечить себе хорошие отношения с правительственными учреждениями, в МОПИТ был приглашен и избран председателем совета близкий к П.П. Рябушинскому А.В. Кривошеин.

14(27) сентября МОПИТ заключил с донским правительством в лице начальника Отдела торговли и промышленности Бондырева договор на поставку Донской армии зимнего обмундирования, а населению Дона – мануфактуры, в обмен на сырье. Согласно договору, МОПИТ был причислен к организациям, «работающим на оборону», и стал комиссионером донской казны: на донские деньги он должен был скупить сырье на территории Донской области, а также на территории Добровольческой армии, вывезти его за границу и, продав там, купить на вырученную валюту все необходимое и ввезти на территорию Дона. Все расходы по скупке сырья, транспортировке, хранению, уплаты пошлин и портовых сборов и т.д. оплачивались из донской казны: общество, по договору, должно было получить из нее частями около 1 млрд. руб. При этом МОПИТ получал определенный процент, который включал в себя организационные расходы и предпринимательскую прибыль: при вывозе сырья – 19 %, при ввозе промтоваров – 18 %. Условия для

товарищества были исключительно выгодные: во-первых, текст, полный неясностей и недомолвок, позволял значительно увеличить прибыль, и, во-вторых, в случае невыполнения поставок в установленный срок товарищество должно было возместить донской казне полученные кредиты «с начислением процентов со дня просрочки в размере взимаемых Государственным банком по учету векселей», что далеко не покрывало инфляцию. Контрольные органы донского правительства договор с МОПИТОм, внося в него некоторые поправки, одобрили. Договор был подписан, после чего Управление торговли и промышленности дало обществу разрешение на вывоз сырья³⁶.

Эта схема представлялась предпринимателям наиболее выгодным вариантом экспортно-импортной операции – даже более выгодным по сравнению с довоенными поставками на армию: оборотные средства получались из казны в виде рублей, на них относительно дешево скупалось в сельской местности необходимое сырье, на зафрахтованных судах оно вывозилось в заграничные порты, где продавалось, а на вырученную валюту закупались необходимые армии и населению промышленные товары, которые после ввоза передавались государственным органам. Главная задача состояла в том, чтобы добиться права заключить такой договор с государственным учреждением, а уже затем открывались различные пути увеличения чистой прибыли (например, дав взятку таможенникам, вывезти сырья больше, а валюту, вырученную от продажи излишков, положить в свой карман). Поэтому за подобные контракты между различными предпринимательскими структурами шла особенно острая борьба.

Контракт между МОПИТОм и донским правительством стал, по оценке Н.В. Савича, «как нож острый для шайки международных спекулянтов, свивших свое гнездо в тылу армии. А тут еще удар по карману, ибо не только уплыл из-под носа громадный заказ, но еще и на будущее ставился предел аппетитам, так как донской контракт давал казне иностранную валюту примерно по 350 рублей за фунт стерлингов, когда биржевая цена была в два раза выше»³⁷.

В начавшейся борьбе против МОПИТа в ход пошли заказные статьи в газетах, где МОПИТ обвинялся в спекуляции и грабеже казны. Наиболее умеренные и объективные оценки, как в газете «Приазовский край», сводились к такой мысли: хотя в договоре «нет элементов заведомого обмана», он ярко демонстрирует, что «именитые москвичи также являются одними из многих, наживающихся на армии, на гражданской войне». Ситуацией воспользовалась кадетская часть Особого совещания, попытавшись дискре-

дитировать А.В. Кривошеина – своего политического противника справа³⁸.

А.И. Деникин ознакомился с договором из газет. Формально он не мог вмешиваться во внутренние дела Дона, однако, поскольку внешняя торговля регулировалась Особым совещанием, и тем более в условиях «торговой войны» с казачьими областями, он решил не дать им возможность пробить брешь в блокаде и проводить свою собственную внешнеторговую политику руками крупных российских компаний³⁹. С другой стороны, верх в нем взяли эмоции: на взгляд Н.В. Савича, он «окончательно распалился и решил покончить со спекулянтами одним ударом с помощью военно-полевого суда». На заседании Особого совещания, обращаясь к «правой стороне», он сказал «многозначительно и мрачно», явно имея в виду А.В. Кривошеина: «Дело доходит до того, что лица, стоящие во главе крупнейших политических организаций, занимаются такими спекуляциями, за которые они должны быть повешены»⁴⁰.

А.И. Деникин отменил данное МОПИТу Управлением торговли и промышленности разрешение на вывоз сырья с территории Донской области и назначил особую комиссию для экспертизы договора, явно ведя дело к военно-полевному суду над «мопитянами», включая А.В. Кривошеина. Учредителям товарищества пришлось разьяснять статьи договора и доказывать их выгодность для казны. Сам А.В. Кривошеин в письме 4(17) декабря пожаловался А.И. Деникину на «газетные инсинуации» и уверял, что лично он «с содержанием злополучного договора познакомился впервые, когда начался уже газетный поход».

В итоге комиссия для более надежной защиты интересов казны внесла некоторые изменения в договор, но в целом пришла к выводу, что контракт между МОПИТОм и донским правительством оказался более выгодным для казны, чем многие другие договоры, заключенные с торговыми фирмами Главным интендантством ВСЮР, а все обвинения против МОПИТа и лично А.В. Кривошеина являются клеветой. После чего Особое совещание утвердило злополучный договор. Но такое заключение комиссии и решение Особого совещания явились лишь моральным утешением оскорбленным «мопитянам», и ничем не могли помочь страдающей от холодов Донской армии, так как выполнение договора было сорвано⁴¹.

Таким образом, система бронирования, порождая взяточничество и вымогательство, позволяла торговцам, используя как заинтересованность различных учреждений, так и продажность конкретных чиновников, преодолевать все ее ограничения и добивать-

ся в ущерб казне немалых прибылей, часть которых оседала на счетах заграничных банков. Тем не менее, поскольку добиться этого могли далеко не все фирмы, а лишь крупные, имевшие тесные связи с верхами бюрократии, либо способные давать большие взятки, либо выплачивать большие комиссионные, основная предпринимательская масса активно боролась за отмену всяких ограничений и регулирования в области внешней торговли. За это же боролись и крупные торговые фирмы, поскольку отмена регулирования извлекла от необходимости делиться частью прибыли с чиновниками. При этом предпринимательские круги использовали свои многообразные связи в военных и гражданских правительственных кругах и печать, организуя публикацию статей с аргументами в пользу полной либерализации экспортно-импортных операций.

* * *

В октябре 1919 г. в Ростове состоялось совещание, на котором были представлены все крупные промышленные, финансовые и торговые компании и общества юга России, а также общественные организации российских предпринимателей. В ходе обсуждения состояния экономики юга России большинство представителей промышленных и финансовых групп и компаний, занятых в добывающей промышленности, видели выход из экономического кризиса в усилении субсидирования добывающей промышленности. Представители финансовых групп и торговых фирм, занимающихся экспортно-импортными операциями, в свою очередь, стремились добиться ослабления правительственного регулирования внешней торговли. С этой целью они подвергли критике вмешательство государства во внешнюю торговлю, доказывая, что оно привело к срыву многих сделок, выгодных казне и армии, росту взяточничества и волокиты среди чиновников и т.д. В качестве главных средств «вырвать торговлю из рук спекулятивных элементов» и увеличить «полезный импорт» они предлагали свести к минимуму вмешательство государства в эту сферу экономики и в то же время увеличить государственное кредитование торговых фирм.

По сути, участники совещания добивались того, чтобы правительство за счет казны увеличивало их оборотные капиталы и в то же самое время облегчило вывоз сырья, то есть облегчило перекачку оборотных капиталов из неприбыльной производственной сферы в сверхприбыльную внешнеторговую. Причем крупные торговые компании, которые в начале 1919 г. добивались запрета частного хлебного экспорта, теперь особенно активно стали требовать

его свободы, поскольку за лето они скупили на внутреннем рынке огромное количество зерна. По итогам своих заседаний совещание приняло резолюцию, которая требовала от правительства А.И. Деникина усиления субсидирования промышленности, «широкой поддержки государственным кредитом» и «раскрепощения» внешнеэкономической деятельности.⁴²

Таким образом, представители крупных предпринимательских организаций лишь на словах отстаивали государственные интересы, на деле же — свои корпоративные, которые стремились в возможно большей степени удовлетворить за счет казны, чтобы как можно меньше рисковать собственными оборотными средствами.

Одновременно торгово-промышленные круги активно стали добиваться отставки В.А. Лебедева, твердого сторонника жесткого регулирования и частичной монополизации, и проталкивать на должность начальника Управления торговли и промышленности инженера А.И. Фенина, деятеля кадетской партии, известного в качестве не столько политического деятеля, сколько горнопромышленника, близкого к М.М. Федорову и имеющего большой опыт руководства угледобычей в Донбассе.

Под давлением предпринимательских кругов Особое совещание также стало приходить к заключению, что государственный аппарат не в состоянии наладить внешнюю торговлю, а потому необходимо ее либерализовать. Некоторые из членов Особого совещания знали А.И. Фенина и считали, что он отличается честностью в личных и политических делах и вполне способен сохранять объективность и беспристрастие во всем, что касается торгово-промышленной среды.⁴³

И сам А.И. Деникин, получая донесения как о растущих злоупотреблениях, так и о том, что экспортные товары из-за разрухи на транспорте и волокиты в Управлении торговли и промышленности скапливаются на складах и не вывозятся к портам, также стал приходить к заключению, что в регулировании экспорта правительство «перешло пределы необходимости» и, чтобы активизировать экспорт, следует шире допустить к нему частных предпринимателей.⁴⁴

В.А. Лебедев, видя, что его стремление к госмонополизации внешней торговли поддерживается все меньше, а критикуется со всех сторон все острее, после октябрьского совещания вышел в отставку.⁴⁵

При последующем за тем рассмотрении вопроса о назначении нового начальника Управления торговли и промышленности на заседании Особого совещания дважды баллотировались кандидатуры В.А. Степанова, А.В. Кривошеина и А.И. Фенина, при этом

последний получил наименьшее число голосов. Тем не менее А.И. Деникин предпочел именно его назначить вместо В.А. Лебедева. А.В. Кривошеина и В.А. Степанова он, вероятно, считал слишком «политизированными», тогда как А.И. Фенина — профессионалом, выдвиженцем крупных предпринимательских организаций. Перед новым начальником Управления торговли и промышленности он поставил задачу максимально использовать для активизации внешней торговли возможности «частного торгового аппарата», предоставив ему большую свободу действий, но при этом добиться, чтобы какая-то доля валютной выручки частных экспортеров поступала в казну, а также пресечь спекуляции импортными товарами на внутреннем рынке.⁴⁶

Во второй половине октября (начале ноября) Комиссия по обороне рассмотрела и утвердила список товаров, разрешенных к вывозу частными экспортерами с условием сдачи части валюты, вырученной от их продажи за границей. А Межведомственной комиссии по заграничным заказам было поручено вести учет сырья, предназначенного для образования валютного фонда и давать заключения о возможности вывоза.⁴⁷

В течение ноября — начала декабря в Управлении торговли и промышленности, в Ростове, самые опытные и знающие чиновники вырабатывали новую систему регулирования внешней торговли. Дискуссии велись вокруг основных вопросов: всю ли валюту брать у торговцев или какую-то часть, допустить только казенный экспорт или только частный, если тот и другой, то как найти их оптимальное сочетание, какими должны быть гарантии добросовестного выполнения торговцами экспортно-импортных договоров с государственными учреждениями, сколь подробными и всеобъемлющими должны быть новые экспортно-импортные правила и т.п.⁴⁸ В итоге длительных и жарких споров чиновников торгово-промышленного ведомства, пытавшихся найти оптимальное сочетание государственных и частных интересов, была разработана новая система регулирования внешней торговли. Ее разработчики, по сути, признав неспособность государственного аппарата организовать казенные экспорт и импорт с целью пополнения валютных ресурсов и закупки военных материалов, пошли на раскрепощение частной внешней торговли при условии получения казной доли валюты, выручаемой частными экспортерами.

9(22) декабря 1919 г. новые экспортно-импортные правила, разработанные Управлением торговли и промышленности, были утверждены Особым совещанием. Согласно «Правилам 9 декабря» бронирование отменялось, предприниматели получали возможность вывозить все виды сырья и продукции, кроме вообще

запрещенных к вывозу, и устанавливался новый порядок регулирования внешней торговли.

Установленный «Правилами 9 декабря» порядок внешней торговли сводился к следующему.

Управление торговли и промышленности выдавало предпринимателям под гарантию банка или залог недвижимости разрешения на вывоз определенного количества конкретного вида сырья или продукции в установленные сроки и в конкретный порт. Основанием для получения разрешения являлся договор, заключенный между торговцем и управлением (если торговец работал самостоятельно) или иным государственным учреждением (если торговец работал в качестве контрагента), в котором четко устанавливались вид и количество товара, порт вывоза и сроки экспортно-импортной операции, проценты отчислений в казну и прибыль торговца.

Экспортеру предоставлялся выбор, как заплатить отчисления в казну: на территории ВСЮР в порту отправления в натуральной форме местному представителю управления или в иностранном порту по реализации товара в валюте заграничному представителю управления (торговому агенту). Реализовав сырье, экспортер обязан был закупить и привезти на территорию ВСЮР обусловленные договором товары на всю вырученную сумму за вычетом отчислений, расходов на перевозку и 5 – 8 % валюты, оставаемой в собственность экспортера. Продажа ввезенных заграничных товаров на внутреннем рынке должна была дать торговцам «добро-совестную предпринимательскую прибыль» в 15 – 20 %.

В тех случаях, когда торговцы первыми привозили товары на территорию ВСЮР, Управление торговли и промышленности должно было выдать им разрешение на вывоз такого количества сырья, которое обеспечило бы им 12 – 30 % прибыли (в зависимости от вида сырья).⁴⁹

Ряд товаров, в которых особенно остро нуждались армия и население, был полностью запрещен к вывозу за пределы территории ВСЮР. К таким были отнесены: лошади и скот, рожь и овес, консервы, мануфактура, кожа, овчины, медикаменты, уголь, железнодорожные материалы. На «валютные» виды сырья, пользовавшиеся повышенным спросом на заграничных рынках, были установлены твердые ставки валютных отчислений: на пшеницу – 10 % валовой продажной стоимости, ячмень – 12 %, табак – 20 %, шерсть – 22 %. При этом вывоз зерна разрешался прежде всего фирмам, выступающим в качестве контрагентов государственных учреждений. Запрещались к ввозу спиртные напитки и предметы роскоши.⁵⁰

Таким образом, разработчики «Правил 9 декабря» попытались, с одной стороны, отменить бронирование дать больше свободы частным торговым фирмам в расчете на максимальное использование их предприимчивости, оборотных средств и опыта, а с другой – сохранить и развить те присущие прежней системе элементы регулирования, которые на их взгляд, себя вполне оправдали. Такими являлись: предоставление экспортером имущественных гарантий, централизованная выдача разрешений на каждую экспортно-импортную операцию, обязательство обратного ввоза необходимых армии и населению товаров, получение в казну валютных отчислений от экспортных операций, нормирование прибыли экспортеров, использование частных торговых фирм в качестве контрагентов государственных учреждений.

По сути, новый порядок регулирования внешней торговли представлял собой детально разработанную и всеобъемлющую разрешительно-компенсационную систему, главная цель которой состояла в пополнении казны валютой за счет экспорта сырья силами «частного торгового аппарата».

Разрешительно-компенсационная система, декларируя «раскрепощение» внешней торговли в интересах частных предпринимателей, на деле вводила меры более жесткого и всеобъемлющего бюрократического регулирования и контроля частной торговли со стороны Управления торговли и промышленности и других ведомств, которые для решения своих функциональных задач прибегали к экспортно-импортным операциям. Существенно повышалась роль представителей (торговых агентов) Управления торговли и промышленности в иностранных (черноморских и отчасти средиземноморских) портах, которые должны были обеспечить контроль за выполнением торговцами условий заключенного договора. Проработка условий договора и итогов его выполнения требовала оперативного обмена информацией о рыночной конъюнктуре в различных странах и портах, отходе и приходе судов, погрузке и разгрузке товаров, таможенных правилах и т.д. между управлением в Ростове и его агентами в иностранных портах. Сфера вмешательства чиновников в экспортно-импортные операции значительно расширилась (от проработки условий договора до подведения итогов его выполнения), что, абстрактно отвечая интересам казны в целом, в то же время конкретно создавало хорошую почву для «делового сотрудничества» торговцев и чиновников, для процветания взяточничества, вымогательства и казнокрадства. Исключительно широкие возможности для этого давало использование государственными учреждениями частных фирм в качестве контрагентов.

Это особенно ярко видно на установленных правилах экспорта самого ценного «валютного» товара — зерна. К вывозу зерна частные торговые фирмы «Правилами 9 декабря» допускались прежде всего в качестве контрагентов государственных учреждений, главным образом тех, что ведали снабжением армии, топливным и продовольственным делом. Согласно разработанному Отделом торговли типовому договору схема частного зернового экспорта была целиком и предельно выгодно для казны подчинена цели получения валюты. Эта схема выглядела следующим образом. Торговая фирма, заключив договор с государственным учреждением и приобретая таким образом статус контрагента правительства, именно на этом основании получала разрешение Отдела торговли на вывоз конкретного количества и вида зерна в определенные сроки, в конкретный порт, а главное — исключительно на имя и в адрес торгового агента. В соответствии с договором фирма должна была скупить (на свои деньги или на деньги казны — это определял договор) на внутреннем рынке зерно, доставить его в порт и на зафрахтованном судне в строгом соответствии с разрешением Отдела торговли вывезти его в конкретный порт, причем в торговых документах (коносаменте и других), выданных Отделом торговли, в качестве получателя товара следовало указывать торгового агента. Разгрузкой и реализацией вывезенного зерна в иностранном порту фирма должна была заниматься под контролем торгового агента, который, в соответствии с документами, юридически являлся совладельцем привезенного груза и сохранял на руках все документы по операции. В его же распоряжение должна были поступить валюта, вырученная от реализации зерна на заграничном рынке. При этом контрагент освобождался от валютных отчислений и обязательств обратного ввоза необходимых армии и населению товаров, а получал в собственность установленную договором долю привезенного зерна. Вырученная от продажи этой доли валюта и составляла (за вычетом всех расходов) прибыль экспортера⁵¹.

Помимо типового договора с фирмой-контрагентом правительства на вывоз зерна, чиновники Отдела торговли разработали типовые договоры, которые предусматривали два варианта частных экспортно-импортных операций с другими товарами, устанавливали порядок таких операций и нормировали прибыль торговцев.

Первый вариант предусматривал ситуацию, когда торговец просит разрешение на вывоз определенного количества конкретного вида сырья. В этом случае ему надлежало заключить с Отделом торговли договор об уплате валютных отчислений и обязательном обратном ввозе на территорию ВСЮР товаров, необходимых ар-

мии и населению. Согласно договору этого типа, торговец был обязан на всю сумму, вырученную от продажи товара за границей, исключив из нее валютные отчисления и расходы на перевозку (фрахт, страховку, погрузку и разгрузку, таможенные пошлины и портовые сборы), закупить на заграничном рынке товар, вид и количество которого фиксировались договором, и ввезти его на территорию ВСЮР в сроки, также зафиксированные договором. На внутреннем рынке он мог продавать ввезенные товары по свободным рыночным ценам. Валютные отчисления могли уплачиваться как Отделу торговли или его представителю на территории ВСЮР (до вывоза или после ввоза), так и торговому агенту в той стране, где вывезенный с территории ВСЮР товар был продан. Договор предполагал получение торговцем так называемой «добросовестной предпринимательской прибыли» в 15 – 20 %⁵².

Второй вариант предусматривал ситуацию, когда торговец по собственной инициативе привез на территорию ВСЮР товары, необходимые армии и населению, в расчете на вырученные от их реализации деньги закупить сырье и вывезти его. Торговец сразу после прибытия на территорию ВСЮР обязан был заключить с Отделом торговли договор на вывоз сырья. Такой договор запрещал продавать на территории ВСЮР импортные товары за иностранную валюту и разрешал вывоз такого количества конкретного вида сырья, реализация которого на заграничном рынке обеспечила бы торговцу (после уплаты валютных отчислений, таможенных сборов и всех расходов на перевозку) «добросовестную предпринимательскую прибыль» в 12 – 30 % в зависимости от вида сырья⁵³.

«Правила 9 декабря» были разработаны со знанием дела и российской бюрократической дотошностью, однако их практическое применение оказалось далеко не таким, каким его видели разработчики.

Уже первые недели регулирования внешней торговли на основе разрешительно-компенсационной системы выявили ее отрицательные стороны.

Во-первых, до предела забюрократизированная «Правилами 9 декабря» процедура расчета количества товаров и величины «добросовестной предпринимательской прибыли» требовала активной переписки между Отделом торговли и его агентами в заграничных портах с целью выяснения конъюнктуры и контроля за выполнением договоров торговцами за пределами территории ВСЮР. Основная оперативная информация передавалась по телеграфу или радио (например, сведения о судах с товарами, вышедшими или пришедшими в иностранный порт), на что тратились немалые день-

ги. А служебная корреспонденция передавалась с торговцами или капитанами судов, на что уходило много времени (от одной до трех недель). Все это порождало и множило главного врага торговли – бюрократическую волокиту, результатом чего были потерянное время и упущенная выгода.

Во-вторых, более жесткая, подробная и всеобъемлющая система регулирования на деле открыла чиновникам простор для навязывания торговцам условий и параметров экспортно-импортных операций. При этом чиновники, действительно заботившиеся о пополнении казны (думается, таких было меньшинство), часто навязывали торговцам такие условия договора, что, с точки зрения последних, лишали их большей доли «законной» прибыли. А чиновники, думавшие преимущественно о собственном кармане (таких было большинство), получали необыкновенно широкие возможности для вымогательства, так как каждое слово и каждая цифра в договоре приобретали немалую цену в валюте.

В-третьих, поскольку новая система вынуждала торговцев отдавать большую часть «законной» прибыли в казну или чиновничьи карманы, она толкнула их на еще более изощренные способы защиты своих «кровных» и «честно заработанных». В массовом порядке они стали под разными предлогами добиваться изменения условий договора уже в ходе его выполнения. Просили увеличить сроки, изменить вид обратно ввозимого товара или уменьшить его количество, уменьшить размер валютных отчислений и т.д., используя в качестве предлогов неожиданные изменения рыночной конъюнктуры, трудности с транспортом и различные форс-мажорные обстоятельства, включая шторм, нанесший ущерб перевозимому на палубе грузу.

В-четвертых, более подробно регламентированное регулирование, поскольку буквально на все требовалось получить разрешение соответствующего чиновника, создало еще более широкое и благодатное поле для мздоимства всех чиновников всех государственных учреждений и властей, так или иначе причастных к контролю за экспортно-импортными операциями и въезду-выезду физических лиц: Управления торговли и промышленности, таможи, портов, контрразведки.

В-пятых, приближение фронта заставило торговцев думать не столько о выполнении условий договора в расчете на заключение следующего, сколько, опасаясь скорого прихода большевиков, о скорейшем вывозе сырья. В этом случае, поскольку о возвращении на юг России уже и речи быть не могло, не было смысла и соблюдать договор, особенно в части уплаты отчислений правительству, существование которого измерено месяцами, если не неделями.

Между тем поражения ноября – декабря, отступление от Киева, Орла и Царицына к Одессе, Ростову и Новочеркасску, перспектива новой зимней кампании поставили ВСЮР в исключительно трудное положение в плане снабжения. Был потерян Донбасс – источник угля. Рост повстанческого движения на Северном Кавказе создал большие трудности в получении нефти из района Грозного. В результате в очередной раз исключительное значение приобрел импорт военных и горюче-смазочных материалов, от чего зависело само существование ВСЮР. Таким образом, потери от разрыва в ноябре 1919 г. внешнеторговых связей с Батумом и Грузией стали для ВСЮР невосполнимы.

В январе 1920 г. стали очевидны и другие отрицательные последствия введения экономической блокады Закавказья. Вынужденным уходом отсюда российских торговых фирм воспользовались иностранные компании, резко активизировав свою деятельность по захвату закавказского рынка. Особенно напористо действовали английские фирмы, которые пользовались покровительством британских оккупационных властей Батума, что было ничем иным, как попыткой хотя бы отчасти компенсировать потерю всей России как источника сырья и рынка сбыта промышленных товаров. Торговый агент в Батуме и Закавказье Ю.П. Бирюков неоднократно информировал Особое совещание и Управление торговли и промышленности об этой тревожной ситуации. В частности он писал: «Мною неоднократно сообщалось об усиленной деятельности иностранных миссий в области экономического завоевания Закавказья..., о настоятельной необходимости самого тесного сближения Юга России с новообразовавшимися республиками – Грузией и Арменией для того, чтобы вновь занять место..., принадлежавшее нам до революции в области торговли всего Закавказья. Ныне уже ясно видны результаты разрыва торговых сношений: место русских занимает итальянцами, американцами и англичанами»⁵⁴.

Другой отрицательный результат разрыва торговых связей между югом России и Закавказьем состоял в том, что, поскольку никто больше не продавал на потийском и батумском рынках вывезенные из России товары за рубли, курс рублей всех выпусков в конце 1919 г. быстро падал. В январе 1920 г. Ю.П. Бирюков докладывал начальнику Управления торговли и промышленности: «...В связи с запрещением ввоза русских товаров в Закавказье, падение стоимости рубля катастрофически продолжается»⁵⁵. Рубли донского правительства и главного командования ВСЮР в Батуме стоили в 4 – 5 раз дешевле рублей закавказских правительств⁵⁶. Это вызывало соответствующее понижение курса рубля в Константи-

нополе, а также в Варне и Констанце, куда привозились товары с юга России.

Падение курса рубля делало более прибыльными экспортные операции и менее прибыльными импортные. Особенно это было невыгодно ведомствам, контрагенты которых ввозили военные материалы для армии и нефтепродукты. Торговцев, вывезших сырье и продавших его за валюту, эта ситуация наталкивала на мысль не ввозить обратно никаких товаров (или хотя бы повременить с ввозом) в нарушение договора и, естественно, не возвращаться на юг России самим, тем более, что ВСЮР отступали и росла угроза занятия этой территории Красной армией. И хотя ввоз товаров на юг России оставался достаточно выгодным за счет товарного голода и постоянно растущих спекулятивных цен, опасность быть захваченным большевиками вместе с товарами удерживала торговцев, менее склонных к риску головой, чем сумой, от своевременного обратного ввоза.

Учитывая все эти обстоятельства, 3(16) февраля Межведомственная экспортная комиссия при Управлении торговли и промышленности, рассмотрев вопрос об условиях экспорта товаров в Батум, приняла решение признать целесообразным снятие блокады с Батума. Исходя из того, что Батум не является территорией, находящейся под управлением главного командования ВСЮР, и нет уверенности, что в ближайшем будущем Батум войдет в состав территории ВСЮР, комиссия постановила «признать Батум иностранным портом и частично распространить на него действие Правил 9 декабря со следующими изменениями:

1. Разрешения на вывоз выдаются лишь на принципах товарообмена, против ввоза товаров из Батума. Считать эту меру временной впредь до выяснения взаимоотношений с Закавказскими республиками.

2. Предметы продовольствия могут быть разрешаемы к вывозу в Батум лишь в обмен на нефтяные продукты, уголь и предметы военного снабжения по специальному в каждом отдельном случае договору с заинтересованными ведомствами. Налог с этой категории товаров не взимается.

3. Ввиду трудностей, могущих возникнуть при определении размеров валютного отчисления, и невыгодности, с точки зрения поднятия ценности русского рубля, реализации товаров в Батуме на иностранную валюту, признать невозможным взимание налога в иностранной валюте. Поэтому в целях избежания утечки товаров через Батум за границу, разрешения на вывоз так называемых «валютных» товаров не выдавать.

4. Для товаров батумского потребления (железо, гвозди, стек-

ло и т.д.) установить налог в размере 20 % с валовой продажной стоимости (по батумским ценам) в рублях, имеющих хождение на территории Главного командования, причем определение цен предоставить Батумскому торговому агенту»⁵⁷.

Кроме того, Межведомственная экспортная комиссия, члены которой хорошо понимали ту исключительную важность, какую приобрели после отступления ВСЮР в казачьи области торговые связи с Закавказьем, приняла решение более общего плана, фактически вторгаясь в сферу компетенции правительства: «Признать полезным выяснить с представителями Закавказских республик через Батумского торгового агента о тех условиях, на которых могло бы быть достигнуто соглашение с ними в отношении товарообмена»⁵⁸.

При этом в отношении Батума строго должно было выполняться главное положение «Правил 9 декабря»: «Все товары, разрешенные к вывозу с юга России, должны идти в адрес торгового агента Управления торговли и промышленности и реализовываться под его контролем. Контролировать исполнение экспортером принятых им обязательств по договору, а также по обратному ввозу на юг России товаров поручено торговому агенту Управления торговли и промышленности»⁵⁹.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что комиссия пыталась таким образом отрегулировать торговые отношения с Батумом, чтобы одновременно решить две задачи: во-первых, обеспечить импорт на территорию ВСЮР угля, нефтепродуктов и военного имущества и, во-вторых, поднять курс рубля в Закавказье. На первый взгляд, поднятие курса российского рубля по отношению к грузинской боне должно было укрепить позиции российских торговых фирм. Ю.П. Бирюков, в частности, первостепенное значение придавал именно поднятию курса рубля. В это время он писал начальнику Управления торговли и промышленности А.И. Фенину: «Условием, на котором я полагал бы выгодным для юга России производить выдачу означенных разрешений, я считаю требование производить продажу ввозимых товаров в донской и добровольческой валюте, а также обязательство обратного ввоза в пределы Добрармии иностранных и закавказских товаров на сумму, равную стоимости вывезенных в Батум товаров российского происхождения. Означенная мера вызвала бы спрос на российские денежные знаки и тем бы способствовала их повышению»⁶⁰.

Однако в данном случае интересы ВСЮР и их учреждений, регулирующих внешнюю торговлю, вступали в противоречие с интересами частных торговцев. Падение курса национальной валюты делает вывозимые товары более конкурентноспособными на

внешнем рынке и позволяет экспортерам получать более высокие прибыли, но лишь при одном условии: продаже вывезенных товаров за твердую иностранную валюту. Поэтому торговцам в ситуации, когда курс рубля падал чуть ни ежедневно, было выгодно продавать товары в Батуме именно за иностранную валюту, но никак ни за российские рубли.

А схема, которую предлагал Ю.П. Бирюков, делала экспортно-импортные операции между территорией ВСЮР и Батумом совершенно невыгодными для торговцев: при продаже в Батуме товаров, вывезенных с юга России, например, муки за рубли ВСЮР или донского правительства при существовавшей на территории ВСЮР инфляции в 30 % и более в месяц торговец неминуемо должен был потерпеть убыток, поскольку закупить промтовары зарубежного производства можно было только за валюту. Последующая импортная часть операции никак не могла при такой инфляции возместить убытки ее экспортной части: продажа на юге России за рубли закупленных месяц или два назад в Батуме за валюту товаров за счет колоссальной дороговизны импортных товаров на внутреннем рынке ВСЮР (точнее: за счет разницы покупных цен в Батуме и продажных цен на юге России) приносила лишь номинальную прибыль в обесценившихся рублях. В пересчете же на твердую иностранную валюту оборотный капитал торговца с каждой новой операцией таял.

Чтобы схема, предложенная Ю.П. Бирюковым, удовлетворила частных торговцев, необходимо было, чтобы прекратилось падение курса рубля или иностранные компании в Батуме начали продавать русским торговцам товары, местные и завезенные из Европы, также за рубли. Чего, естественно, никто делать не собирался. Таким образом, «обратный ввоз в пределы Добрармии иностранных и закавказских товаров на сумму, равную стоимости вывезенных в Батум товаров российского происхождения», на чем настаивал Ю.П. Бирюков, становился невыполнимым, поскольку торговцы не собирались работать себе в убыток. В таком случае, с их точки зрения, и не имело смысла восстанавливать торговлю с Батумом.

Именно поэтому, оценив ситуацию с точки зрения интересов торговцев и под их давлением, А.И. Фенин, в конце концов, вынужден был найти иной компромисс между интересами казны и предпринимателей. Он внес серьезное изменение в решение Междуведомственной экспортной комиссии, которое и было утверждено правительством. Суть этого изменения состояла в том, что Управление торговли и промышленности отказалось от включения в договор с торговцем пункта об обязательной продаже в Ба-

туме вывезенных с юга России товаров за рубли ВСЮР или донского правительства ради поднятия их курса: торговец обязан был уплатить торговому агенту отчисление с привезенных в Батум товаров в размере 20 % их стоимости не деньгами, а частью товара. А уже затем сам торговый агент полученную в казенную собственность часть товара должен был продавать за боны, на которые затем покупать военные материалы и нефтепродукты⁶¹.

Таким образом, А.И. Фенин, с одной стороны, сумел сохранить главное условие поддержания выгодности экспортно-импортных операций при падающем курсе рубля – продажу в Батуме российских товаров за валюту (лиры, франки, доллары, фунты стерлингов), что обеспечивало прибыль торговцам и возможность закупки и импорта на территорию ВСЮР товаров европейского производства, с другой – перевел отчисления в исключительно натуральную форму, что позволяло ВСЮР в лице торгового агента вести самостоятельные операции и закупать на вырученные боны товары местного производства, прежде всего столь необходимые нефтепродукты и уголь, а также обмундирование и снаряжение.

В феврале 1920 г. Ю.П. Бирюков разработал типовой договор, который Отдел торговли должен был заключать с торговцем, пожелавшим осуществить экспортно-импортную операцию между югом России и Закавказьем. В основу он положил, естественно, «Правила 9 декабря», а также решения Междуведомственной экспортной комиссии и начальника Управления торговли и промышленности А.И. Фенина. Последнее он, однако, несколько скорректировал: поскольку прием отчислений с торговцев исключительно в натуральной форме грозил превратить его самого в заурядного кладовщика и торговца, он добился приема их также и в денежной форме. Согласно типового договора, торговец должен был закупить товары на юге России, за свой счет перевезти их в Батум и 20 % товара или его стоимости передать торговому агенту. При перевозке в Батум все товары надлежало отправлять исключительно на имя и в адрес торгового агента. По прибытии в Батум и разгрузке все товары должны были отвозиться на склад торгового агента. Продажа их могла происходить только под его строгим контролем. Вся вырученная от продажи товаров сумма, за вычетом расходов по перевозке и 10 % предпринимательской прибыли, должна была поступить в распоряжение торгового агента в качестве гарантии обратного ввоза товаров на юг России. На эту сумму торговец должен был закупить в Закавказье товары, необходимые ВСЮР и населению юга России, и не позднее чем через три месяца ввезти их на территорию ВСЮР⁶².

Ю.П. Бирюков считал, что такой жесткий и всеобъемлющий

контроль мог быть осуществлен только при том условии, если все привезенные торговцами в Батум товары сразу после разгрузки в порту будут сдаваться на склад управления торгового агента (торгового агентства), а не на местные частные склады. Хранение грузов на частных складах лишало торгового агента и его служащих возможности контролировать их продажу. Поэтому с самого начала своей работы в Батуме он приложил немало усилий, чтобы найти подходящие помещения для склада, на котором могли бы храниться все привозимые с юга России грузы.

Самым удобным помещением, найденным с подсказки Отдела по розыску казенного имущества Управления военного представителя главкома ВСЮР в Батуме, Ю.П. Бирюков счел Минный двор Михайловской крепости. Британское оккупационное командование признало Михайловскую крепость собственностью России, и она состояла под управлением военного представителя генерала Порохонского. На ее Минном дворе находились два больших склада и один маленький, а также один специально оборудованный склад для хранения бензина и керосина; к ним примыкала морская пристань и подходили пути Закавказской железной дороги⁶³.

Отдел по розыску казенного имущества предложил Ю.П. Бирюкову арендовать часть складов и отремонтировать за счет своего управления все склады и пристань. При этом он был предупрежден, что на аренду этих складов претендует много частных фирм и кооперативных организаций и, если он будет медлить с решением вопроса об аренде и ремонте, эти помещения сдадут кому-нибудь из них⁶⁴.

В феврале Ю.П. Бирюков попросил Управление торговли и промышленности выдать ему 600 тыс. руб. аванса на ремонт складов Минного двора. Управление согласилось с ним, что арендовать эти склады было бы лучшим вариантом решения проблемы хранения казенных и частных грузов, и обратилось к генералу Порохонскому с ходатайством сдать эти склады в аренду именно управлению торгового агента, а не частным фирмам и кооперативам. Порохонский образовал особую комиссию для решения этого вопроса, которая рассмотрела предложения различных частных фирм и кооперативных организаций и пришла к единогласному заключению, что склады необходимо передать в ведение управления торгового агента в Батуме. И уже в феврале первые грузы, принадлежавшие как частным торговцам, так и государственным учреждениям, которые привозились морем с юга России в Батум в адрес Ю.П. Бирюкова, стали поступать на хранение на склады Минного двора⁶⁵.

Однако поражения ВСЮР на фронте нанесли сокрушительный удар по внешнеторговым связям ВСЮР и системе государственного регулирования. Чиновники и офицеры Управления торговли и промышленности, Управления снабжений, Главного интендантства и органов продовольствия, которые заключали договоры с торговцами на экспортно-импортные операции, начали принуждать их подписывать менее выгодные договоры, требуя строго в установленный и очень короткий срок ввезти на юг России определенное количество конкретного товара. При этом торговцам все реже разрешали самим реализовывать ввезенные ими импортные товары на внутреннем рынке по свободным рыночным ценам и все чаще заставляли продавать товары соответствующим государственным учреждениям по твердым ценам, которые в несколько раз были ниже рыночных. В этой ситуации торговцы уже не могли получить тех прибылей, на которые они рассчитывали. Причем на территории ВСЮР они не только контролировались различными правительственными учреждениями, включая контрразведку, но и были практически беззащитны перед массовым вымогательством чиновников, включая торговых, таможенных, портовых и т.д.⁶⁶

Более того, в условиях поражений на фронте и панических настроений в тылу военные власти все чаще стали игнорировать распоряжения гражданских учреждений, включая Управление торговли и промышленности и его местные органы. Коменданты, начальники гарнизонов и командиры частей нередко попросту конфисковывали привезенные торговцами импортные товары и забирали транспортные средства, предназначенные для перевозки товаров, включая железнодорожные вагоны, речные и морские суда.⁶⁷

Происходили даже случаи, когда старшие начальники ВСЮР вмешивались в экспортно-импортные операции и срывали выполнение контрактов, подписанных государственными учреждениями с частными торговыми фирмами.

Так, например, генерал Н.Н. Шиллинг, главноначальствующий Новороссии и Крыма, в январе 1920 г., совершенно игнорируя «Правила 9 декабря», выдавал разрешения на вывоз зерна и другого сырья кому хотел и на каких угодно условиях, причем многие были убеждены, что делал он это за крупные взятки. Валютные отчисления при этом клались не на счета Управления торговли и промышленности, а на особые счета, которыми распоряжался лично Н.Н. Шиллинг.

Более того, он запретил вывозить из Керчи 27 тыс. пудов муки, на вывоз которых в Батум Отдел торговли уже дал разрешение. На валюту, вырученную от продажи муки, предполагалось, по договоренности с британским оккупационным командованием в Ба-

туме, закупить 500 тыс. пудов мазута для флота. Однако подчиненные Н.Н. Шиллингу военные власти Керчи, ссылаясь на продовольственный кризис в Крыму, наложили арест на муку, когда она уже была погружена на пароход. А.В. Кривошеин как начальник Управления снабжений, заключивший этот контракт с британскими властями с одобрения правительства, обратился с жалобой к А.И. Деникину и начальнику его штаба И.П. Романовскому; его поддержал А.И. Фенин. А.И. Деникин, не доверяя А.В. Кривошеину, приказал обсудить ситуацию на общем заседании правительства и при необходимости изменить договор. Правительство единогласно поддержало А.В. Кривошеина в том, что договор отвечает интересам казны и должен быть выполнен. На основании решения правительства штаб главкома ВСЮР отменил запрет генерала Н.Н. Шиллинга на вывоз муки. Уже разгруженную, муку снова начали грузить на пароход.

Узнав об этом, Н.Н. Шиллинг вторично запретил вывоз, и пароход, уже вышедший из порта в Керченский пролив, военными властями порта был возвращен, и мука вторично была разгружена. И лишь после того, как к Н.Н. Шиллингу прибыли ответственные чиновники Управления снабжений и разъяснили ему важность договора, он соблаговолил разрешить вывоз муки. Однако, поскольку вся эта история растянулась на полтора месяца, за которые положение ВСЮР еще более ухудшилось и позиция Лондона в отношении ВСЮР также претерпела изменения к худшему, британские оккупационные власти Батума отказались выполнять договор. Сделка эта, в конце концов, так и не состоялась, и флот остался без горючего; части ВСЮР и беженцы в Крыму в случае неустойки на фронте были обречены⁶⁸.

В ситуации, с одной стороны, нараставшей с каждым днем угрозы занятия юга России Красной армией, с другой — растущего произвола гражданских и военных властей, частным торговцам ничего не оставалось делать, как всеми способами избежать захвата ввезенных импортных товаров и закупленного и подготовленного к вывозу сырья красными или их реквизиции белыми. В убыток себе они спешно реимпортировали товары и вывозили закупленное сырье, при этом щедро раздавая взятки чиновникам Управления торговли и промышленности и его местных органов, железнодорожникам, капитанам морских судов, портовым властям, таможенникам и контрразведчикам. Сырье вывозили, подписывая с Отделом торговли договора на любых, даже невыгодных им условиях, поскольку уже не собирались возвращаться на территорию ВСЮР. Эвакуационная паника в южнороссийских портовых городах началась именно с торговцев, которые спеш-

ли до прихода большевиков уехать со своими товарами и капиталами в Европу.⁶⁹

Их стремление как можно быстрее решить вопросы вывоза товаров и сырья путем раздачи взяток встречало полное «понимание» со стороны чиновников, которые, также намереваясь уехать за границу, нуждались в валюте для оплаты переезда морем и на жизнь в эмиграции. В Новороссийске «в порту было много пароходов под всякими флагами, но переезд на них стоил очень дорого, обязательно в иностранной валюте, а заработать ее честным образом было невозможно. Поэтому среди служащих нашлось известное число элементов, которые... стремились обеспечить себя всякими средствами. В последнее время... пришлось видеть форменную вакханалию спекуляции и злоупотреблений, которой предавались некоторые служащие. Больше всего злоупотреблений было с выдачей разрешений на вывоз сырья. Спекулянты вступали в соглашения со служащими и устраивали свои дела с выгодой для себя и в ущерб казне».⁷⁰

С середины (конца) февраля состоятельных беженцев и предпринимательские круги охватила эвакуационная лихорадка. Предприниматели спешно ликвидировали дела и предприятия, за взятки получали разрешения на выезд, визы и паспорта, покупали по резко подскочившей цене билеты на пароход. Число имущих беженцев и буржуазии, выехавшей в марте и вывезшей все самое ценное — золото, драгоценности, иностранную валюту, а также огромное количество русских рублей, — превысило 40 тыс.⁷¹

Покидая Россию — по их ощущениям, навсегда — и вывозя сырье в январе — марте 1920 г., торговцы прибегали к самым разным махинациям и аферам, чтобы избежать уплаты валютных отчислений и обратного ввоза заграничных товаров. Их цель состояла в том, чтобы стать полноправными хозяевами вывозимого сырья и по своему усмотрению пустить в оборот в странах, свободных от войны, революции и большевиков, вырученную от продажи сырья валюту. И дело было не только в том, что они оказались весьма изобретательны по этой части, а еще и в том, что в «Правилах 9 декабря», вопреки их кажущейся основательности и тщательности, обнаружилось немало лазеек для их нарушений в ущерб казне. А главное — причастные к внешней торговле чиновники различных учреждений при заключении договоров и их реализации за взятки охотно помогали торговцам использовать эти лазейки и преодолеть все преграды, установленные так тщательно выстроенной разрешительно-компенсационной системой бюрократического регулирования.

При заключении договоров многие торговцы представляли в

Отдел торговли фиктивные имущественные гарантии. Документы о наличии у них недвижимого имущества, запасов товаров или денежных средств на счетах банков на юге России часто были либо поддельными, либо фиктивно оформленными за взятки. Чиновники Отдела торговли, в свою очередь получившие взятку, закрывали на это глаза и не проверяли предоставленные документы.⁷²

Нередко грузы вообще вывозились без разрешительных свидетельств. «Не замечать» этого пограничникам и таможенникам помогали щедрые взятки.

Согласно договору экспортер должен был в иностранном порту предъявить торговому агенту копию разрешительного свидетельства. Многие не предъявляли ничего, ложно ссылаясь на то, что не получили эту копию при отправке. Между тем без этого документа торговый агент не имел никаких данных, какое количество какого именно груза было разрешено к вывозу и на каких условиях. А торговцы либо значительно занижали количество вывезенного, либо поступали еще проще — предъявляли полученную за взятку справку от капитана судна, что «при шторме груз был смыт волной с палубы».⁷³

В тех случаях, когда торговцам удавалось зафрахтовать иностранное судно, им не трудно было за процент от будущей прибыли уговорить капитана следовать не в тот порт, который указывался в договоре с Отделом торговли, а в другой, где Управление торговли и промышленности вообще не имело своего агента. Капитаны иностранных судов обычно соглашались на это, поскольку все равно не планировали возвращаться в порты ВСЮР, которым грозил скорый захват большевиками.⁷⁴

Другой очень распространенный способ состоял в том, чтобы изменить в договоре и прочих торговых документах имя грузополучателя. По договору, груз должен был адресовываться исключительно на имя торгового агента, служившего в том иностранном порту, куда он отправлялся. Однако торговцы либо подделывали документы, либо за взятки оформляли отправку груза в адрес третьих лиц или на предъявителя. В этом случае, по прибытии судна с грузом в иностранный порт, торговый агент не имел никакой возможности проконтролировать его реализацию и уплату положенных отчислений хоть натурой, хоть валютой.⁷⁵

Торговый агент в Батуме и Закавказье В.П. Бирюков в марте 1920 г., когда в батумский порт пришло сразу несколько судов с товарами, адресованными в нарушение «Правил 9 декабря» и договора с Отделом торговли самим товаровладельцам, доносил в Министерство торговли и промышленности, в которое было преобразовано в феврале бывшее Управление торговли и промышлен-

ности: «...Грузы с юга России приходят вопреки постановлению Межведомственной экспортной комиссии при Министерстве торговли и промышленности в предъявительский адрес и без копий разрешительных свидетельств министерства, что лишает возможности торговое агентство проконтролировать исполнение экспортерами принятых на себя по договорам обязательств по обратному ввозу товаров из Закавказья, равно как и производить установленное правительством 20-процентное отчисление натурой в пользу казны».⁷⁶

Дополнительную возможность уклоняться от выполнения договоров давало торговцам хранение вывезенных за границу грузов на частных складах, поскольку своих собственных складов в иностранных портах торговые агенты не имели. Владельцы частных складов, куда на условиях выкупа помещались прибывшие грузы до их реализации, не были обязаны выполнять распоряжения торговых агентов иностранных государств. За хорошую плату они разрешали торговцам забирать груз втайне от российского торгового агента даже в тех случаях, когда груз, в строгом соответствии с «Правилами 9 декабря», был адресован именно этому торговому агенту. При этом торговцы вдобавок оставляли им документы, обычно поддельные, подтверждающие именно их, а не торгового агента, право собственности на данный груз. Этого было вполне достаточно, чтобы владделец склада мог оправдать свои действия в случае обращения российского торгового агента с иском в местный суд.⁷⁷

Ю.П. Бирюков писал по этому поводу: «...Обладание собственными складскими помещениями является необходимым условием для наблюдения за выполнением договоров со стороны контрагентов ведомств и частных лиц по отношению к главному командованию, так как хранение грузов, приходящих в адрес представительства, на частных складах не дает гарантии в том, что путем соглашений с владельцами складов товаровладельцы не используют возможности выкупа товаров помимо торгового агента».⁷⁸

Только в Батуме удалось решить эту проблему и с февраля 1920 г. все частные грузы стали поступать на хранение на склады, которыми распоряжалось управление торгового агента. В остальных черноморских и средиземноморских портах, куда доставлялись товары с территории ВСЮР, ситуация благоприятствовала махинациям торговцев.

Убежденные в том, что власть А.И. Деникина обречена, они не собирались возвращаться на юг России и поэтому считали для себя совершенно естественным забывать обо всех договорных обязательствах, присваивать себе весь вывезенный товар и класть в соб-

ственный карман всю вырученную от его реализации валюту. Тем более, полагали торговцы, они и так уже сильно потратились на взятки. Посему они были столь упорны и изобретательны в своих махинациях. Чем больше сокращалась территория ВСЮР и чем дальше от нее был иностранный порт, куда прибывали с грузом торговцы, тем циничнее они действовали. Многие просто заявляли торговому агенту, что валютный сбор уплатили при выезде с юга России, а «квитанции утеряли» и «вообще не желают давать объяснения на чужой территории»⁷⁹.

Торговый агент в Болгарии докладывал А.И. Фенину в марте 1920 г.: «Я имею несчастье лицезреть здесь обратную сторону медали, которая называется экспортом и которая в свое время так много занимала внимания, когда я был в Ростове. Помните споры – всю ли валюту брать или часть, казенный экспорт или частный, создание новых правил и миллион гарантий. А действительность такова: товары везут и везут много, а казна в моем лице смотрит на них, но валюты никто не получает ни копейки, а раненые, в это время, как полагается, мрут, чиновники сидят без жалования, беженцы голодают».⁸⁰

Между тем российские торговцы, которых население и власти юга России называли не иначе как «спекулянтами», совершенно по-иному оценивали свои действия. Всю политику регулирования, которую пыталось проводить правительство А.И. Деникина, они рассматривали как несправедливое нарушение своего права на свободную торговлю. А собственные махинации и аферы считали законным противодействием принуждению и насилию со стороны добровольческих властей, своего рода компенсацией за материальный и моральный ущерб.

Ярким образом таких настроений, распространившихся среди российских торговцев в начале 1920 г., является письмо проживавшего в Батуме некоего Бонч-Бруевича, адресованное начальнику Управления торговли и промышленности. По собственной инициативе он привез на юг России для армии обмундирование и сапоги на 10 000 ф. ст. Управление выдало ему разрешение на вывоз сырья, однако при заключении договора обязало его ввезти обратно нефтепродукты, что в принципе противоречило «Правилам 9 декабря». Бонч-Бруевич, заявив, что не может выполнить этот договор «по болезни», все же проявил некоторую «предпринимательскую добросовестность», предложив заключить «полюбовное соглашение»: заплатить казне отчисления в 300 000 руб. закавказскими бонами «и мы расходимся».⁸¹ Далее он пишет: «Если на любовное соглашение Вы не согласны, то ввиду того, что меня заставили подписать договор насильственно, вопреки моей воле,

что товар заставили отправить в чужой адрес тоже насильственно, чему имеются доказательства, подписанные самим представителем Управления торговли, то я этот договор не считаю для себя обязательным и благоволю требовать его от меня по суду. А я... предъявлю к Вам встречный иск на реквизированные товары, на недоплаченные товары и за все другие нарушения Добрармии по отношению меня как экспортера... Когда будет русским экспортерам гарантирован ввоз на законных и справедливых началах, тогда повезет товары и Бонч-Бруевич. А раз все основано на взаимном надувательстве и мошенничестве, то везти и экспортировать что-либо Добрармии я, Бонч-Бруевич, не буду несмотря ни на какие договоры и обязательства, о чем прошу довести до сведения правительства».⁸²

Таким образом, опыт регулирования внешней торговли, осуществлявшиеся Особым совещанием, Управлением торговли и промышленности, а также различными экспортными комиссиями в 1919 – марте 1920 гг., начиная от системы бронирования и сменившей ее разрешительно-компенсационной системы и кончая произволом военных властей и вымогательством чиновников, настроил российские торгово-промышленные круги против власти А.И. Деникина.

Хотя из-за отсутствия данных о видах и количестве вывезенных и ввезенных на юг России товаров, как и о величине полученных казной валютных отчислений, судить о внешнеторговых связях ВСЮР можно лишь в самом общем виде, очевидно, что по сути своей внешняя торговля ВСЮР под воздействием государственного регулирования свелась прежде всего к обмену сырьевых ресурсов занимаемой территории на военные и горюче-смазочные материалы, которые в первую очередь удовлетворяли потребности армии. При этом импортированных военных и горюче-смазочных материалов далеко не хватило для удовлетворения потребностей ВСЮР. А.И. Деникин по этому поводу заметил, что «заграничный рынок не дал сколько-нибудь достаточных средств для фронта»⁸³.

Примечания:

¹ Лукомский А.С. Указ. соч. С.192.

² Цит. по: Кин Д. Указ. соч. С.112.

³ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.45. Л.75; Д.53. Л.67; Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.144.

⁴ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.136.

⁵ Лукомский А.С. Указ. соч. С.140; Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.144.

⁶ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.45. Л.75; Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.144-145.

⁷ Цит. по: Кин Д. Указ. соч. С.121.

⁸ Покровский Г. Указ. соч. С.179-180.

⁹ Там же. С.180-181.

- ¹⁰ Кин Д. Указ. соч. С.122.
- ¹¹ Покровский Г. Указ. соч. С.179-181.
- ¹² Там же. С.184.
- ¹³ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.229.
- ¹⁴ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.2. Л.250-250об.; Кин Д. Указ. соч. С.125.
- ¹⁵ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.95. Л.10-11.
- ¹⁶ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.94. Л.7.
- ¹⁷ Покровский Г. Указ. соч. С.223.
- ¹⁸ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.229.
- ¹⁹ Кин Д. Указ. соч. С.122-123.
- ²⁰ Покровский Г. Указ. соч. С.205.
- ²¹ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.94. Л.30; Д.95. Л.1; Лукомский А.С. Указ. соч. С.197-198.
- ²² Кин Д. Указ. соч. С.126.
- ²³ Там же. С.127.
- ²⁴ Калинин И. Указ. соч. С.190.
- ²⁵ Кин Д. Указ. соч. С.127-128.
- ²⁶ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.228.
- ²⁷ Кин Д. Указ. соч. С.137-138.
- ²⁸ Там же. С.255.
- ²⁹ Покровский Г. Указ. соч. С.223.
- ³⁰ Кин Д. Указ. соч. С.124-125.
- ³¹ Documents on British Foreign Policy, 1919 — 1939. First series. V.III. P.588; Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.229.
- ³² Documents on British Foreign Policy, 1919 — 1939. V.III. P.588.
- ³³ Деникин А.И. Указ. соч. Т.5. С.274.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Деникин А.И. Указ. соч. Т.3. С.88-89; Савич Н.В. Указ. соч. С.301-302.
- ³⁷ Савич Н.В. Указ. соч. С.302.
- ³⁸ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.89; Савич Н.В. Указ. соч. С.302-303.
- ³⁹ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.88.
- ⁴⁰ Савич Н.В. Указ. соч. С.303.
- ⁴¹ Савич Н.В. Указ. соч. С.303-304; Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.88.
- ⁴² Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.229; Т.5. С.274; Кин Д. Указ. соч. С.128.
- ⁴³ Савич Н.В. Указ. соч. С.303; Лукомский А.С. Указ. соч. С.192.
- ⁴⁴ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.229.
- ⁴⁵ Соколов К.Н. Указ. соч. С.176-177.
- ⁴⁶ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.20. Л.1; Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.229-230.
- ⁴⁷ Кин Д. Указ. соч. С.125.
- ⁴⁸ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.91. Л.3.
- ⁴⁹ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.15. Л.33-34.
- ⁵⁰ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.17. Л.62об.
- ⁵¹ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.22. Л.3.
- ⁵² ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.15. Л.33.
- ⁵³ Там же. Л.34.
- ⁵⁴ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.53. Л.67.
- ⁵⁵ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.15. Л.14.
- ⁵⁶ Там же. Л.10.
- ⁵⁷ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.53. Л.24-24об.
- ⁵⁸ Там же. Л.24об.
- ⁵⁹ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.43. Л.3.
- ⁶⁰ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.53. Л.10.

- ⁶¹ Там же. Л.24об.
- ⁶² ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.43. Л.6-8.
- ⁶³ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.45. Л.71-71об.
- ⁶⁴ Там же. Л.72.
- ⁶⁵ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.44. Л.2-4,37-37об.
- ⁶⁶ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.43. Л.200.
- ⁶⁷ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.44. Л.12,29; Д.47. Л.124,178,179.
- ⁶⁸ Савич Н.В. Указ. соч. С.317-318; Врангель П.Н. Указ. соч. Ч.2. С.10.
- ⁶⁹ Савич Н.В. Указ. соч. С.291.
- ⁷⁰ Там же. С.337.
- ⁷¹ Деникин А.И. Указ. соч. Т.5. С.312.
- ⁷² ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.47. Л.39,72.
- ⁷³ Там же. Л.57,107.
- ⁷⁴ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.48. Л.53; Савич Н.В. Указ. соч. С.337.
- ⁷⁵ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.46. Л.37; Д.53. Л.17.
- ⁷⁶ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.53. Л.28.
- ⁷⁷ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.44. Л.9.
- ⁷⁸ Там же. Л.9об.
- ⁷⁹ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.91. Л.3.
- ⁸⁰ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.91. Л.3.
- ⁸¹ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.47. Л.201об.
- ⁸² Там же. Л.201об.
- ⁸³ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.230.

СВОБОДА ТОРГОВЛИ, СНАБЖЕНИЕ И САМОСНАБЖЕНИЕ ВОЙСК

Инфляция и порожденная ею спекуляция разрушили внутреннюю торговлю и создали большие трудности в снабжении армии и населения.

До февраля 1919 г. заготовками хлеба и фуража для армии и городов ведал Отдел продовольствия, включенный при формировании управлений поначалу в Управление торговли и промышленности. Но вскоре кадетское крыло Особого совещания убедило А.И. Деникина создать самостоятельное Управление продовольствия.

Еще во второй половине 1918 г., продумывая продовольственную политику будущего правительства при Добровольческой армии, «Национальный центр» подбирал знающих и опытных людей для работы в продовольственном ведомстве, которые переправлялись в Екатеринодар через Киев и Одессу. Одним из них стал бывший председатель Орловской губернской земской управы С.Н. Маслов, во время мировой войны работавший уполномоченным

«Хлебармии» по заготовке хлеба и фуража. По рекомендации представителей «Национального центра» А.И. Деникин в январе 1919 г. назначил его начальником Управления продовольствия, поручив ему как сформировать управление, так и разработать основы продовольственной политики, что было крайне важно ввиду свершившегося занятия Кубани с ее огромными хлебными ресурсами и предстоящего похода на Москву, дорога к которой шла через зернопотребляющие и изголодавшиеся губернии¹.

Задача перед управлением ставилась исключительно важная: не только обеспечить хлебом и фуражом армию, а также города уже занятой «добровольческой» территории, но и снабдить северокавказским, прежде всего — кубанским, хлебом освобождаемые от большевиков центральные губернии вплоть до Москвы, чтобы наглядно продемонстрировать населению: армия несет на штыках хлеб, сытость и благополучие.

Формируя управление, С.Н. Маслов провел в Екатеринодаре несколько совещаний с ближайшими сотрудниками, в результате чего общее мнение склонилось к необходимости отмены введенной в марте 1917 г. Временным правительством хлебной монополии. Из крайне неудачного опыта ее осуществления, точнее, из того факта, что она так и не была осуществлена из-за сопротивления крестьян, помещиков и торговцев, был сделан следующий вывод: только для продовольственного деятеля хлебная монополия — «мираж притягательный, рисующий ему в близкой перспективе сотни миллионов пудов хлеба», а для производителя и торговца это — «тяжелый кошмар», ибо низкими государственными ценами она их «душит среди бела дня», не давая производителю возможности увеличивать производство, а торговцу — свободно и рационально распоряжаться скупленным зерном².

Участники этих совещаний исходили из того, что «идеалом продовольственной политики должна быть свобода торговли». И единственный путь, который они видели, состоял в «мобилизации хлебного-торгового класса»: все закупки должны производиться мукомолами, хлеботорговцами и кооперативами, имеющими опыт и знания в этой области. Однако они понимали, что возвращение к свободной хлеботорговле грозит возвратом негативных последствий «взаимной конкуренции»: спекуляции, роста цен и т.д. Чтобы избежать этого, инженером С.С. Демосфеновым было высказано предложение, поддержанное большинством, о принудительном их объединении в акционерные компании — в один Всероссийский закупочный союз или несколько закупочных союзов. А чтобы исключить конкуренцию во втором случае, решено было «размежевать» союзы по территориальному или предметному принципу:

один союз производит закупки какого-то одного вида продуктов на всей территории или один союз производит закупки всех продуктов в пределах одной губернии или области.

В этом случае С.Н. Маслову и его ближайшим помощникам схема закупок и снабжения рисовалась в следующем виде. Союзы скупают у производителей зерно, перемалывают его на мельницах и отправляют зерно и муку в указанные правительством пункты. Союзы работают за счет собственных оборотных средств на комисионных началах с установленной нормой прибыли: правительство возмещает им расходы по ссыпке, доставке и контарке с оплатой определенного процента от затраченных средств. Вмешательство правительственных учреждений в деятельность союзов ограничено указаниями, как более экономно использовать транспорт. Само правительство посредством тех же союзов распределяет поступающие хлеб и муку по различным губерниям и «пунктам потребления». На взгляд разработчиков такой схемы, она должна была привести к «уничтожению жестокой конкуренции», установлению однообразных цен, планомерности работы, сокращению громоздкого государственного аппарата, ведающего заготовками и снабжением³.

Чтобы поощрить вступление хлеботорговцев и мукомолов в такие союзы (а также и при их «насаждении»), предложено было предоставить им преимущества в пользовании транспортом и торговле: перевозить их грузы в первую очередь и сконцентрировать в руках правительства все товары, необходимые сельхозпроизводителям (прежде всего сельхозорудия), и распределять их между теми же союзами, чтобы облегчить им в условиях инфляции и товарного голода скупку зерна путем их продажи или обмена. Из этого делался вывод о необходимости предоставления Управлению продовольствия преимуществ перед другими ведомствами: прежде всего в его руках должны быть сосредоточены запасы сельхозорудий, которые можно было бы использовать для «извлечения хлеба и продовольствия» и попутно дать возможность производителям обновлять инвентарь⁴.

Таким образом, руководство Управления продовольствия рассчитывало решить проблему закупки и распределения за счет частных предпринимателей-комиссионеров, с одной стороны, предоставив им финансовые, транспортные и торговые льготы, а с другой — получив в свое распоряжение запасы промтоваров, необходимых сельскому населению, и право на торговлю ими, в том числе и их импорт.

Однако было два вопроса, которые ставили под сомнение работоспособность этой схемы: как закупать хлеб, когда его «никто не

продает», и как «организовать торгово-промышленный класс», который «стремится не к согласованию своих действий, а к возможному обострению взаимной конкуренции».

С.Н. Маслов, С.С. Демосфенов и другие чины управления считали, что ряд обстоятельств дают возможность решить эти вопросы. Во-первых, считали они, заготовки будут производиться «в самых плодородных областях», где «в эпоху денежного хозяйства» не может быть «абсолютного воздержания от продажи» и где, с другой стороны, о местном населении, включая городское, «особенно заботиться не придется». Во-вторых, на основании неизвестно каких данных, они были убеждены, что «самый настойчивый и громадный потребитель» — вооруженные силы всех участников гражданской войны, включая Красную армию, — по численности уступает в 10 – 12 раз старой российской армии. В-третьих, население крупных городов зернопотребляющих районов «наполовину разбежалось». В-четвертых, потребление вообще сократилось ввиду того, что «требовательность населения понизилась» (этот тезис в устах опытных продовольственных работников выглядит несколько странным, ввиду того очевидного обстоятельства, что при резком сокращении потребления мясных и мясомолочных продуктов произошел естественный рост потребления хлебопродуктов). В-пятых, когда армия займет голодающие губернии, то находящаяся на их территории развитая промышленность начнет выпускать нужные сельскому населению промтовары и удастся наладить товарообмен между продовольственным югом и промышленным севером.

Что же касается предпринимателей, то, по мнению руководства управления, «широкие слои заинтересованных лиц» осознали, что прежняя конкуренция была «политикой самоубийства»⁵.

Самым сложным для участников этих совещаний оказался вопрос о «твердых» ценах, которые вызывали массовое недовольство сельского населения и его отказ от продажи зерна. Всем было очевидно, что даже с отменой хлебной монополии не может быть и речи о переходе к свободной торговле, раз сохраняются твердые цены. Однако отмена их представлялась «прыжком в неизвестность». Предвидели лишь два негативных последствия: резкий скачок цен на хлеб и все продукты питания и сохранение прежнего стремления производителей и торговцев воздерживаться от продаж, но теперь уже в расчете на дальнейшее повышение цен. Итогом дискуссий стало мнение, что отменить твердые цены, которые в условиях кризиса по крайней мере тормозят рост вольных цен, можно будет лишь тогда, когда «объединение торгово-промышленного класса ослабит или уничтожит конкуренцию» и закончится

война. Только в мирных условиях государство сможет, отменив твердые цены, «сбросить с себя тяжелую обязанность кормить не только армию, но и население», передав это предпринимателям, а заодно и отменив все привилегии⁶.

Таким образом, исходя из убеждения, что «серьезность положения отрицать нельзя, но и безнадежным признавать его не приходится», руководство Управления продовольствия главную ставку делало на громадные хлебные ресурсы Кубани, которые раньше шли на экспорт, и на то, что власти удастся добровольно-принудительно объединить частных предпринимателей, дав им ряд льгот, а те сумеют через торговлю и товарообмен извлечь зерно, заинтересовав крестьян и казаков отчасти в продаже хлеба по низким твердым ценам, а отчасти в обмене на промтовары, и в результате решится продовольственная проблема на юге России, удастся снабдить армию и население потребляющих районов вплоть до Москвы.

В феврале в Севастополе состоялось совещание представителей Управления продовольствия, хлеботорговцев, мукомолов и кооператоров по продовольственной проблеме, на котором С.С. Демосфенов представил рекомендации управления: отменить хлебную монополию, «фактически оставшуюся на бумаге», сохранить твердые цены, объединить частных торговцев и кооперативы в единый закупочный аппарат, который занимается заготовкой на комиссионных началах и получает льготы от правительства в области транспорта и торговли⁷.

Однако в течение весны и начала лета, пока не выяснилось, что урожай 1919 г. будет очень богатым, Управление продовольствия вынуждено было оставить в силе хлебную монополию и твердые цены на хлеб⁸.

Весной – летом, по мере продвижения ВСЮР к Москве, разворачивался, причем с некоторым опережением, местный аппарат Управления продовольствия. В губерниях создавались управления губернских уполномоченных по продовольствию, в уездах – канцелярии уездных представителей уполномоченного. К октябрю был создан аппарат уполномоченных по продовольствию Астраханской, Воронежской, Екатеринославской, Киевской, Курской, Орловской, Полтавской, Подольской, Ставропольской, Таврической, Харьковской и Черноморской губерний, а также Терско-Дагестанского края⁹.

Управление продовольствия и его местный аппарат занимались как скупкой через частных торговцев, работавших по договорам на комиссионных началах, так и распределением продовольственного и фуражного зерна, хлебных и других продуктов в соответ-

ствии с нарядами интендантств, железных дорог, городских и земских управ¹⁰.

Управление торговли и промышленности, занятое прежде всего регулированием экспортно-импортных операций, в области внутренней торговли поначалу продолжало политику российских правительств в период мировой войны: ограничивало свободу торговли предметами, необходимыми для снабжения армии, и вывоз их за пределы территории главного командования, полагая, что таким образом способствует снабжению армии¹¹.

Эффективность монополии или свободы торговли (с твердыми ценами или нет) зависела не столько от их достоинств или недостатков, сколько от того, будет ли включена в сферу продовольственной и торговой политики Особого совещания Кубань.

Несмотря на большевистское разорение и военные действия, в закромах кубанских казаков оставался еще хлеб предыдущих урожаев, а также большие запасы растительных масел и табака. А.И. Деникин, Особое совещание и Управление продовольствия понимали, что без кубанского хлеба не могут жить ни армия, ни занимаемые зернопотребляющие районы¹². По сути, кубанский хлеб становился по мере продвижения армии на север таким же мощным орудием войны против большевиков, как винтовки и пушки: Управление продовольствия должно было, скупая хлеб в зернопроизводящих районах, снабдить им население потребляющих губерний и тем закрепить и увеличить его симпатии к ВСЮР.

Чтобы создать единый аппарат регулирования внутренней торговли и проведения заготовок для армии и населения, а главное – поставить его под свой контроль, А.И. Деникин 12 – 13 (25 – 26) марта под своим председательством провел совещание представителей ВСЮР, Дона, Кубани, Терека и Крыма по вопросу об объединении дела продовольствия и товарообмена на юге России в одном коллегиальном органе при главнокомандующем. Предполагалось, что в этот орган войдут представители Особого совещания и всех областных властей. В итоге обсуждения с предложенной главным командованием идеей согласились все кроме кубанцев. Причину объяснил Н.С. Рябовол, выступая потом в Раде: «Вопрос затрагивает самую суть нашей экономической жизни. Они ничего не могут дать. Только мы можем дать»¹³. Таким образом, кубанские власти поняли, что все это затеяно только ради того, чтобы Управление продовольствия, Управление торговли и промышленности и Главное интендантство ВСЮР получили право распоряжаться продовольственными ресурсами Кубани. Поэтому они и не захотели жертвовать ими ради отвоевания России у большевиков, что грозило краю разорением.

26 марта (8 апреля), исходя из итогов совещания, А.И. Деникин утвердил положение о Совете по продовольствию. Но из-за противодействия кубанской краевой власти этот орган оказался мертворожденным¹⁴.

Поскольку кубанские власти, что было неизбежно ввиду нахождения кубанских частей в составе Добровольческой и Кавказской армий, взяли на себя обязательство снабжать ВСЮР, Главное интендантство регулярно выставляло краевому ведомству продовольствия и снабжения наряды на поставку в армию хлеба и других продуктов. Так, в июне для нужд ВСЮР требовалось более 1,5 млн. п. хлеба, которые были разверстаны между Кубанью и Ставропольской губернией – соответственно 60 % и 40 %.¹⁵ Однако практика закупки продовольствия и фуража для армии вызывал возмущение как казаков, так и кубанских торговцев и политиков: кубанское ведомство продовольствия и снабжения, ведя закупки для армии в соответствии с полученными нарядами, вынуждено было выдавать вместо денег квитанции, поскольку Военное управление ВСЮР не переводило деньги в оплату заготовок, а лишь высылало ассигновки. При этом Особое совещание добивалось у кубанского правительства разрешения производить заготовки через частных торговцев-комиссионеров, причем на Кубани все были уверены, что они получают большие кредиты от Управления продовольствия. В этой ситуации правительство Иваниса проявило большую твердость, с одной стороны, отказываясь пускать в край частных комиссионеров, с другой – требуя перевода денег на заготовки в соответствии с договоренностью. Более того, критикуя Особое совещание за то, что оно не может наладить «нормальную хозяйственную жизнь», кубанские деятели продовольственного ведомства указывали, что комиссионеры Управления продовольствия под видом заготовок для армии на «добровольческой» территории скупают зерно для экспорта и спекулируют им, и именно поэтому они не будут допущены на Кубань. В конце лета кубанское ведомство продовольствия и снабжения просто пригрозило прекращением заготовок и только таким крайним шагом добилось уплатой ему по частям 15 млн. руб. вместо следуемых 30 млн.¹⁶

Тем не менее, прекрасно зная, что Управление продовольствия готовит отмену хлебной монополии, крупные торговые фирмы, прежде всего фирма Молдавского, щедро раздавали взятки и устанавливали высокие закупочные цены. Это позволило им в течение лета создать на Кубани сеть сыпных пунктов и складов, скупить за дешево «керенки» 2 млн. п. табака, миллионы пудов пшеницы, ячменя, жиров и т.д. Их расчет состоял в том, что Особое совещание разрешит свободу торговли и добьется распростра-

нения ее на Кубань, и тогда появится возможность вывезти все закупленное¹⁷.

Между тем, продолжая закупки хлеба своими силами и через частных торговцев-контрагентов, Управление продовольствия постоянно срывало выполнение нарядов на поставки хлеба и продуктов армии и органам городского самоуправления, поскольку крестьяне упорно уклонялись от продажи заготовителям зерна по низким твердым ценам, а для покупки крупных партий у скупщиков часто не хватало денег. Так, уполномоченные по продовольствию Екатеринославской и Харьковской губерний из требуемых интендантством Добровольческой армии ежедневных поставок в количестве 11-ти вагонов (что составляло примерно 11 тыс. п.) зерна и муки доставляли в среднем не более 2-х вагонов¹⁸.

Одной из причин этого было медленное передвижение по железным дорогам хлебных грузов, направляемых уполпродам, вызванная, главным образом, тем, что железнодорожники за взятки в первую очередь отправляли грузы частных торговцев¹⁹.

Поэтому параллельно Управлению продовольствия закупки хлеба и продовольствия в прифронтовой полосе и в тылу вели интендантства на те деньги, которые были выделены Особым совещанием для этой цели Главному интендантству ВСЮР. Причем эти спешные закупки в прифронтовой полосе были весьма дорогостоящими, так как в только что занятой местности приходилось платить хлеботорговцам по рыночным ценам. В итоге чрезмерная экономия уполномоченных Управления продовольствия в тылу вела к еще большим затратам при спешных закупках интендантствами на фронте²⁰.

Не менее дорогостоящими были закупки, которые вели интендантства через частные фирмы, с которыми они традиционно заключали договора на поставку. Однако состав их по сравнению с дореволюционным временем изменился: солидные торговые фирмы среди них отсутствовали и сделки заключались или с мелкими торговцами, часто не имеющими достаточных оборотных средств, или с крупными «спекулянтами-хищниками», которые, как выразился А.И. Деникин, «развращали администрацию, обирали население и казну и наживали миллионы». Особую известность подобной деятельностью приобрели Молдавский на Кубани и Чаев в Крыму и на Дону, которых А.И. Деникин назвал «партизанами, рожденными безвременьем и чуждыми традициям промышленного класса»²¹.

Фактически, таким образом, получалось, что Управление продовольствия и интендантства конкурировали друг с другом, причем скупщики-интенданты и частные поставщики интендантств в

этой конкурентной борьбе побеждали, ибо, чтобы скорее скупить нужное количество зерна, они платили крестьянам и казакам по рыночным или близким к ним ценам и тем самым косвенно срывали закупки, которые вели уполномоченные по продовольствию (уполпроды) по твердым ценам.

Ввиду постоянных перебоев с продовольственным снабжением, интендантство Добровольческой армии и хозяйственники полков и дивизий вынуждены были часть захваченных трофеев использовать для обмена на продовольствие. Для этого они заключали договора с торговцами, которые на свои средства скупали зерно и муку, а затем сдавали интендантам в обмен на захваченные войсками промтовары, например, мануфактуру. Практика обмена на продовольствие «товарного излишка» укоренилась в Добровольческой армии уже в начале лета, в результате чего части возили за собой в обозах и вагонах большое количество промтоваров, а некоторые офицеры и хозяйственники стали уже вполне профессиональными торговцами²².

В ситуации, когда армия продвигалась на север и уже вступила в изголодавшиеся зернопотребляющие губернии, когда требовалось все больше хлеба и продовольствия для растущей численно армии, городского населения зернопотребляющих губерний и экспорта, а с другой стороны, приближалось время снятия нового урожая, А.И. Деникин и Особое совещание встали перед необходимостью решать принципиально вопрос хлебозаготовок, который, по сути, был стержневым вопросом продовольственной политики и внутренней торговли.

В основе своей схема, предложенная Управлением продовольствия еще в январе — феврале, была вполне обоснована и привлекательна. Однако для закупки хлеба даже по низким твердым ценам в бюджете не было денег. С другой стороны, урожай 1919 г. оказался исключительно богатым. Наконец, сам А.И. Деникин считал необходимым предотвратить «сжатие крестьянского хозяйства до потребительских норм, что угрожало неисчислимыми бедствиями государственному хозяйству», и стимулировать развитие мелких и средних хозяйств вместо того, чтобы твердыми ценами лишать крестьян и казаков возможности увеличивать объем производства²³. Поэтому он совершил тот самый «прыжок в неизвестность», которого так опасались руководители Управления продовольствия: отменил твердые цены, при этом наложив на сельхозпроизводителей обязанность часть хлеба сдавать государству по установленным им ценам.

В начале (середине) июля Особое совещание ввиду всех обстоятельств склонилось к решению, предложенному правой частью и

поддержанному преимущественно ею же, ввести «хлебный налог» специально ради решения продовольственной проблемы²⁴. В соответствии с этим 13(26) июля А.И. Деникин издал приказ об отмене закона Временного правительства от 25 марта 1917 г. о хлебной монополии и твердых ценах и о введении «военной хлебной повинности».

Приказ, во-первых, отменял хлебную монополию и твердые цены. Во-вторых, отменял все действующие на территории главного командования запреты на ввоз и вывоз продовольствия (за исключением запретов, введенных военными властями в порядке законов военного времени). В-третьих, устанавливал, что вывоз продовольствия за пределы территории главного командования может производиться только с разрешения Управления по продовольствию. В-четвертых, констатируя, что «нет средств» закупить хлеб для снабжения армии хлебом и фуражом исключительно свободной покупкой, установил хлебную повинность — 5 п. с десятины, засеянной в 1919 г. (в производящих губерниях) пшеницей, овсом, рожью, ячменем, просом, гречихой и кукурузой. В-пятых, установил порядок выполнения повинности: зерно сдается с первого обмолота, сроки сдачи и количество определяются Управлением продовольствия, последний срок сдачи — 1 ноября 1919 г., оплачивается по ценам, установленным управлением, а доставка к местам ссыпки оплачивается по нормам, установленным для гужевой повинности. В-шестых, установил, что в случае отказа от сдачи зерно отбирается безвозмездно в двойном размере. Наконец, в-седьмых, предоставил Управлению продовольствия в виде исключения право реквизиции зерна с оплатой по местным рыночным ценам в случае «невывоза на рынок продуктов в целях повышения цен»²⁵.

22 июля (4 августа) были изданы правила о 5-пудовом сборе.

Введение свободы торговли было важнейшим экономическим и политическим шагом. Свобода торговли должна была ликвидировать большевистскую национализацию и проддиктатуру, дать все возможности собственникам компенсировать себе потери, понесенные в результате политики большевиков, способствовать стабилизации цен благодаря выбросу на рынок огромной товарной массы сельхозпродукции, привлечь на сторону Добровольческой армии мелких товаропроизводителей в городе и в деревне. Приказ главкома ВСЮР об отмене хлебной монополии был оценен представителями кадетской партии и либеральными публицистами как «один из важнейших законов в ходе освобождения России от социалистического кошмара»²⁶.

В соответствии с новым порядком заготовок Управление продо-

вольствия и его местный аппарат стали готовить сбор хлеба по военной повинности, одновременно расширяя практику заключения договоров с частными торговцами на закупку и доставку зерна.

С другой стороны, приказ А.И. Деникина породил убежденность в том, что теперь ситуация с закупками и снабжением кардинально улучшится. Главный начальник снабжений генерал А.С. Санников и С.Н. Маслов договорились о том, что интендантство отказывается от самостоятельных заготовок в глубоком тылу и даже передал Управлению продовольствию 75 млн. руб. из 100 млн. руб. кредита, полученного от Особого совещания на заготовку, оставив себе 25 млн. для самостоятельных заготовок в прифронтовой полосе²⁷.

В связи с хроническими недопоставками продовольствия в Добровольческую армию и переходом на новый порядок заготовок 1(14) августа под председательством начальника снабжений Добровольческой армии генерала Г.Г. Деева было проведено совещание, в котором участвовали интендант армии полковник Н.Н. Елизаров, член совета Управления продовольствия А.С. Салазкин, уполномоченный по продовольствию Харьковской и Курской губерний П.Н. Троицкий и другие представители интендантства и продовольственного ведомства. На совещании Г.Г. Деев, исходя из соглашения между А.С. Санниковым и С.Н. Масловым, заявил, что Добровольческая армия не будет прибегать к самостоятельным заготовкам, если Управление продовольствия будет своевременно выполнять наряды армии. Н.Н. Елизаров, со своей стороны, заявил, что закон об отмене хлебной монополии фактически дает интендантству формальное право вести заготовку самостоятельно посредством «частного торгового аппарата», но предпочтительнее возложить это на Управление продовольствия при гарантии с его стороны, что интендантские наряды будут выполняться полностью и в срок. При этом он особо подчеркнул, что армии нужен запас, ибо без него приходится либо идти на «нежелательные реализации» части трофеев, либо поспешно закупать продовольствие в прифронтовой полосе по «бешеным» ценам. В итоге решено было, что основная обязанность Управления продовольствия — снабдить армию мукой и зерновым фуражом, а сено и остальные продукты как «второстепенные виды снабжения» обязательно заготавливать в размере 20 % от потребного количества, а желательно — до 50 %²⁸.

Однако никакого радикального улучшения с доставкой хлеба в армию не произошло, что давало основание интендантам, ссылаясь на то, что уполпроды отделиваются «бумажными обещаниями, а армия без хлеба», настаивать на предоставлении им права заготовки параллельно с уполпродами посредством частных тор-

говцев. Такой подход к делу сулил как быстрое снабжение, так и поступление в карманы интендантов доли от прибыли хлеботорговцев. Во всяком случае, интендантство Добровольческой армии этого добилося²⁹.

Однако сбор хлеба по повинности на практике сразу натолкнулся на сопротивление крестьян. Во-первых, цены, установленные Управлением продовольствия ко дню ссыпок, оказались низкими по сравнению с рыночными, а, во-вторых, Управление финансов из-за нехватки наличных денег приняло решение ассигновать Управлению продовольствия деньги из расчета оплаты наличными только 25 % сдаваемого хлеба, а за 75 % выдавать квитанции. Естественно, крестьяне встретили эту меру резко враждебно и не спешили сдавать хлеб по новой повинности³⁰.

До конца года хлеб по повинности собирали в большей степени войсковые части, чем уполнпроды; а сдача хлеба последним постоянно вызывала недовольство крестьян именно из-за низких цен³¹.

Заготовки же через торговцев-комиссионеров уперлись практически в ту же проблему: заключая с ними договоры, управление и его губернские уполномоченные старались в целях экономии заплатить торговцу как можно меньше и при этом не учитывали рост цен. Например, в августе заключался договор на поставку 200 вагонов зерна, согласно которому цена «не должна превышать» 55 руб. за пуд, тогда как рыночная цена уже поднялась выше этой цифры, а вознаграждение торговца «за труды», составлявшее 55 коп. с пуда, также существенно обесценивалось³². Таким образом, операции по скупке у крестьян зерна становились для торговцев убыточными.

В первой (второй) половине августа в Харьковской и Курской губерниях крестьяне так и не начали сдавать хлеб по повинности из-за установленных низких цен, а рыночные цены между тем выросли до 70 – 100 руб. (при мелких партиях – до 200 руб.) за пуд. В результате, как констатировало совещание уездных представителей уполномоченного по продовольствию в Харьковской и Курской губерниях, частные закупки стали невозможны, поскольку при таких ценах Управление продовольствия не в состоянии было расчитываться с частными заготовителями³³.

В.З. Май-Маевский, со своей стороны, ввиду обострения продовольственного кризиса в Курской, Полтавской и Харьковской губерниях, равно как и срыва снабжения армии, просил по телеграфу Особое совещание отменить сроки поставки хлеба, установленные июльскими правилами о военном сборе, и принять срочные меры по закупке хлеба³⁴.

Между тем в августе интендантство Добровольческой армии

потребовало от Управления продовольствия доставить в четыре армейских магазина, устроенных в Мариуполе, Славянске, Харькове и Купянске, не только количество продовольствия, потребное армии на август, но и четырехмесячный запас, который явно был рассчитан на снабжение армии вплоть до Москвы. На август армии требовалось 150 тыс. п. муки, 30 тыс. п. крупы и макарон, 6 тыс. п. животных и 4 тыс. п. растительных жиров, 10 тыс. п. соли, 400 п. чая, 3 тыс. п. табака, 240 тыс. п. зернового фуража, 10 тыс. п. сена, 75 тыс. п. мяса и соленой рыбы, 60 тыс. п. свежих овощей. Четырехмесячный запас должен был составить 900 тыс. п. муки, 320 тыс. п. крупы и макарон, 60 тыс. п. животных и 36 тыс. п. растительных жиров, 96 тыс. п. соли, 28 тыс. п. табака, 2 160 тыс. п. зернового фуража, а также 300 тыс. п. пшеницы на складе в Бахмуте³⁵. Судя по этим цифрам, интендантство Добровольческой армии, во-первых, исходило из того, что севернее Белгорода закупить уже ничего не удастся, во-вторых, стремилось обеспечить армию запасами, которые позволят везти операции и после взятия Москвы, в-третьих, исходило из предполагаемого увеличения численности армии не более чем в 1,5 – 2 раза и, в-четвертых, явно запрашивало больше необходимого, дабы получить, сколько нужно.

В этом проявилось обычное стремление начальников, начиная от командиров частей, подавать в органы снабжения завышенную численность личного состава с целью получить больше снабжения как в расчете на будущие пополнения пленными и мобилизованными в прифронтовой полосе, так и в расчете на создание запасов ввиду нерегулярности поступлений снабжения.

Особые сложности в это связи были со снабжением Кавказской армии. Так, генерал П.Н. Врангель летом постоянно жаловался А.И. Деникину в письмах и телеграммах, что его армия не получает кредиты, поэтому его «орлы», в отличие от бойцов других армий, сражаются «голодные». Деникин в начале (середине) августа запросил по этому поводу начальника Военного управления А.С. Лукомского, идейно близкого и дружественно расположенного к П.Н. Врангелю. А.С. Лукомский доложил, что Кавказская армия требует довольствие на весьма большое число людей: в июле на 80 тыс., в августе на 110 тыс. (хотя ее боевой состав не превышал 15 тыс.)³⁶.

В июле в Кавказской армии начались перебои с поставками хлебопродуктов и фуража с Кубани; начальник отдела снабжения Кавказской армии ежедневно телеграфировал главному начальнику снабжений ВСЮР и кубанскому правительству о «крайней нужде армии в хлебе, доходящей до катастрофического положения». Начальник снабжений Кавказской армии генерал П.Э. Вильчевс-

кий, приказав выдавать по фунту хлеба в день, докладывал П.Н. Врангелю, что не только нет подвоза, но никто даже не отвечает на его запросы³⁷.

Поскольку интендантство Кавказской армии, как и Добровольческой, быстро разуверилось в способности Управления продовольствия снабдить армию за счет «военной хлебной повинности», а поставки с Кубани срывались, П.Н. Врангель предпринял шаги к усилению заготовок самим интендантством. В начале (середине) августа, сообщив А.С. Лукомскому, что интендантство Кавказской армии не имеет достаточно большого аппарата и денег, чтобы полностью использовать паричинский район в продовольственном отношении, он заявил о необходимости спешно сформировать интендантский округ и приемную комиссию, которые бы взяли на себя «эксплуатацию района» и заготовки для всех армий³⁸. Впрочем, П.Н. Врангель, судя по всему, не столько заботился о заготовках для всех армий, сколько о создании подчиненного ему большого снабженческо-заготовительного аппарата, чтобы получать большие кредиты от Военного управления и с помощью торговцев выкачивать как можно больше из Саратовской губернии.

При этом П.Н. Врангель и его снабженцы постоянно утверждали, что Кубань не поставляет в армию достаточного количества продовольствия. Эти обвинения стали одной из причин введения блокады Кубани и подготовки расправы с Законодательной радой.

Между тем, по отчету Управления продовольствия, кубанским ведомством продовольствия и снабжения в адреса главного интенданта ВСЮР, краевого интенданта и интенданта Донского войска с октября 1918 г. по 15 ноября 1919 г. (ст. ст.) было отправлено хлебопродуктов (пшеницы, ячменя, овса, муки и т.д.) 8 728 вагонов (около 8,7 млн. п.) на сумму 351 360 700 руб. Причем задолженность этих интендантств кубанскому ведомству продовольствия и снабжения за поставленные хлебопродукты составила 229 974 308 руб. С 1 января по 1 октября 1919 г. мясных продуктов было отправлено интендантствам 134 128 п. на сумму 18 287 125 руб. Продукты доставлялись по твердым ценам, а не по рыночным; твердая цена за 1 пуд пшеницы составляла 45 руб., а за 1 пуд фуражного зерна – 25 руб., тогда как рыночные цены были в 2,5 – 3 раза выше.³⁹

Между тем А.С. Лукомский, ввиду недостатка дензнаков, даже не представлял, когда Военное управление сумеет рассчитаться с кубанским ведомством продовольствия и снабжения за поставленные хлеб и продукты, оправдываясь лишь «непредоставлением счетов». В письме П.Н. Врангелю от 18(31) октября он лишь обещал «постараться» за вновь поставляемое с Кубани продовольствие рассчитываться безотлагательно⁴⁰.

Когда в октябре 1919 г. командование ВСЮР и Кавказской армии обрушилось на кубанские власти с обвинениями в срыве снабжения Кавказской армии, управляющий краевым ведомством продовольствия и снабжения И.П. Тимошенко, приведя эти данные, заявил, что фронт снабжался Кубанью «вполне». За май 1919 г. было отпущено провианта сверх нормы на 29 вагонов, за июнь – на 63 вагона. На заседании Кубанской краевой рады И.П. Тимошенко говорил, что, отпуская продукты, его ведомство лишено возможности проверять составляемые интендантствами наряды под предлогом охранения военной тайны и контролировать отгрузку отпускаемых продуктов в армию с того момента, как они переданы в магазины Кавказской армии, находящиеся на территории Кубани, либо вывезены за ее пределы, намекая тем самым, что часть продуктов разворовывается⁴¹.

В ноябре, благодаря учиненной генералом В.Л. Покровским расправе над лидерами «черноморцев» и последовавшим за этим сменой правительства и изменениям в конституции Кубани, Главному интендантству и интендантству Кавказской армии, которые практически уже перестали надеяться на Управление продовольствия и занимались снабжением войск хлебом посредством хлебо-торговых фирм, выдавая им авансы из своих сумм, наконец-то удалось открыть дорогу на Кубань своим комиссионерам. 8(21) ноября, на второй день после разгрома Рады, в Екатеринодаре к управляющему ведомством продовольствия и снабжения И.П. Тимошенко явился интендант Кавказской армии полковник Дудников. Заявив, что людям не хватает хлеба и «лошади дохнут от бескормицы», он потребовал разрешение на закупку около 100 тыс. пудов хлеба, заверив, что хлеб пойдет на заполнение расположенных на Кубани хлебных магазинов армии и за пределы края вывозиться не будет. При этом он многозначительно заявил, что, если разрешения он не получит, то немедленно телеграфирует генералам А.И. Деникину, И.Г. Эрдели, П.Н. Врангелю и В.Л. Покровскому. И.П. Тимошенко, ввиду последних событий, счел за благо не возражать и разрешение дал; с условием, однако, что покупная цена должна быть не выше 75 руб. за пуд пшеницы и 40 руб. за пуд ячменя, что соответствовало твердым ценам, установленным в крае (иначе закупки самого краевого ведомства продовольствия и снабжения были бы затруднены). Дудников попросил выдать ему удостоверение о разрешении, каковое и было выдано, причем, что странно, без указания количества закупки.

Через две недели это разрешение оказалось у крупного дельца Молдавского и его агентов, скупщиков хлеба, скупавших его для Кавказской армии. Скупали они пшеницу не по 75 руб. за пуд, а по 120 –

140 руб., а в декабре подняли цену за пуд пшеницы до 160 руб., а муки до 270 руб. При этом они пытались вывозить хлеб с Кубани в Новороссийск, что свидетельствовало о том, что хлеб предназначен не для Кавказской армии, а для экспорта. Отправленные в Новороссийск 8 вагонов (до 8 тыс. п.) были кубанскими таможенниками задержаны и переадресованы в места нахождения хлебных магазинов Кавказской армии. При расследовании выяснилось, что Молдавский получил от Главного интендантства ВСЮР 200 млн. руб. аванса на закупку хлеба для Кавказской армии. 5(18) декабря И.П. Тимошенко заявил на заседании Финансово-экономической подкомиссии Кубанской краевой рады: «Молдавские получают деньги в то время, когда кубанское правительство получает одни ассигновки»⁴². Несомненно, что в этой спекулятивной махинации интендантские чины, начиная с полковника Дудникова, были «в доле».

Закупка зерна, хлебных и других продуктов, которую вело Управление продовольствия, далеко не удовлетворяла даже реальные потребности войск, железных дорог и городов. Главными причинами этого были дефицит промтоваров, разруха транспорта, рост цен и спекуляция, принявшая невиданные прежде масштабы. Все эти взаимосвязанные причины имели два следствия: крестьяне в условиях опережающего роста цен на промтовары не хотели отдавать хлеб за обесценившиеся бумажные деньги в то время, как на них нельзя было купить эквивалентного, в соответствии с их предвоенными представлениями об эквивалентности, количества промтоваров, а торговцам гораздо выгоднее было продавать скупленное зерно экспортерам.

Привезя импортные промтовары, торговцы распродавали их в портовых городах, прежде всего в Новороссийске, за «ермаки» и «колокольчики», на которые тут же покупали зерно и другое сырье. Партии импортных промтоваров, развозившиеся из портов по крупным городам, многократно переходили из рук в руки, часто оставаясь на складе или перемещаясь со склада на склад, при этом все больше поднимаясь в цене. Бойкая торговля шла прежде всего между оптовиками, а розничная все заметнее сокращалась, часто в продаже не было самых необходимых товаров. Розничные торговцы и владельцы магазинов хватались за любой товар. Часто витрину украшал не тот товар, продажа которого была основным делом владельца магазина: в аптекарских магазинах виднелись иногда кипы мануфактуры, в мануфактурных – парфюмерия и кожа. Из города в сельские населенные пункты везли мало и продавали по высоким ценам; соответственно, крестьяне и казаки не спешили вывозить на сельские, станичные и городские рынки свою продукцию⁴³.

Печать и население видели именно в действиях спекулянтов главную причину роста цен. Все лето в тылу нарастало сильнейшее возбуждение против спекулянтов; именно в спекуляции, внешнем и самом ярком проявлении экономического кризиса, по сути – его следствии, население видело корень зла, не осознавая подлинных причин. С другой стороны, спекулятивный рост цен срывал заготовки хлеба и продуктов для армии и населения. А.И. Деникин прекрасно понимал, каким страшным злом стала спекуляция, имевшая помимо объективных экономических причин и субъективную – жажду наживы, свойственную предпринимателям, особенно, когда объявленная свобода торговли создала условия для получения сверхприбыли⁴⁴.

Под влиянием общественных настроений, в силу личной убежденности и ввиду очевидного срыва заготовок А.И. Деникин предложил начальнику Управления юстиции Н.В. Челищеву разработать закон о суровых карах за спекуляцию. Тот затруднился выполнить поручение главкома, посчитав, что термин «спекуляция» чрезвычайно сложно определяется юридически, что может привести к произволу и злоупотреблениям. А.И. Деникин однако, настоял на своем, стремясь успокоить население и припугнуть спекулянтов. И в октябре он провел в порядке верховного управления через военно-судебное ведомство закон об уголовной ответственности за спекуляцию, каравший виновных смертной казнью и конфискацией имущества. Однако применение этого закона на практике никакого положительного эффекта не имело: крупные торговцы откупались взятками, а потому попадалась лишь мелкая сошка⁴⁵.

22 октября (4 ноября) своим приказом Донской атаман А.П. Богаевский, признав, что штрафы и конфискации товаров не могут остановить спекулянтов, поручил специально созданной комиссии представить ему проект закона по борьбе со спекуляцией, который предусматривал бы смертную казнь⁴⁶.

Однако все эти «бумажные» меры не могли остановить роста цен, ликвидировать спекуляцию и, соответственно, улучшить условия проведения заготовок для армии и городского населения.

Реальной силой, которая могла бы сбить спекулятивный ажиотаж и увеличить объемы закупок продовольствия, были кооперативы. Не случайно С.Н. Маслов и его ближайшие помощники в начале 1919 г. предполагали и ее включить в закупочные союзы⁴⁷. Но на практике чиновники Управления продовольствия и его местного аппарата делали главную ставку на частные торговые фирмы и игнорировали кооперативы, которые имели возможность заготавливать большие партии хлеба и при этом сбивать цены. При-

чины этого были двоякого рода. С одной стороны, в Особом совещании, центральных управлениях и у командования сложилось предубеждение против кооперации, где прочно укрепились социалистические партии, которые, используя кооперативные деньги, нередко превращали их в центры пропаганды против Добровольческой армии. С другой, крупные торговцы, стремились использовать государственный аппарат, на все звенья которого они влияли, против объединений мелких производителей как своих конкурентов. И, хотя А.И. Деникин в принципе ценил то, что кооперативы работали на свои оборотные средства и не просили у правительства льготных кредитов, политические предубеждения против них, подкрепленные тем обстоятельством, что они сотрудничали с Советской властью и их центральные правления находились в «Совдепии», взяли верх⁴⁸.

Репрессивные меры против кооперативов летом стали системой: в Харькове, Киеве, Симферополе, Одессе и других городах проходили аресты кооператоров, конфискации денег и имущества, закрытие контор и складов. Имущество и капиталы кооперативов конфисковывались на том основании, что они получали от советских учреждений деньги для разного рода закупок. Все это разрушало кооперативы и наносило им материальный ущерб, а главное – исключало их использование для снабжения армии⁴⁹.

Управление продовольствия само становилось жертвой роста цен и спекулятивных махинаций. Торговцы, доставив товар в порт или на станцию в соответствии с договором, в случае, если этот товар везли не один месяц издалека (например, в случае с доставленным в ноябре чаем из Владивостока), отказывались его сдавать и требовали в связи с ростом цен за прошедшее после подписания договора время повысить цену по сравнению с договорной, доказывая, и вполне обоснованно, что иначе операция станет для них убыточной. И управление вынуждено было соглашаться с этими требованиями и периодически просить у Особого совещания дополнительные ассигнования. В итоге Управлению продовольствия закупки обходились много дороже, чем это предполагалось при заключении договоров с комиссионерами⁵⁰.

Деловые отношения продовольственных органов с торговцами, с другой стороны, стали хорошей почвой для взяточничества. Торговцы при заключении договоров добивались максимально выгодных для себя условий либо таких формулировок статей договора, которые потом можно было трактовать к собственной выгоде. Их главной целью было получить в качестве комиссионных как можно больше зерна, которое они затем продавали экспортерам. По причине ничтожности содержания чиновники продовольственных

ведомств ВСЮР, Дона и Кубани не только брали взятки, но и участвовали в операциях комиссионеров за счет казенных сумм.

На Дону и Кубани существовал и другой фактор развития взяточничества: разрешительная система вывоза продовольствия за их пределы, при которой получить разрешение уже в начале 1919 г. стало возможным только за взятку. На Дону, в Отделе продовольствия и интендантстве, на почве закупок и разрешений на вывоз взяточничество и казнокрадство с отдельных чиновников распространилось на целые учреждения, военные и гражданские, так или иначе причастные к продовольственному делу. «И брали, и берут...» – заявил Кругу председатель Ревизионной комиссии Н.М. Мельников. Причем общественность считала это нормальным, и никто не приходил на помощь комиссии Н.М. Мельникова, не оказывал содействия во вскрытии фактов взяточничества.⁵¹

В Екатеринодаре «черная» продовольственная биржа существовала в одном из кафе, где просто продавались разрешения на вывоз продовольствия, выданное ведомством продовольствия и снабжения, во главе которого с начала 1919 г. стоял Я.О. Верещака. Разрешения покупали не только торговцы, но и прочие частные лица, имевшие хоть какие-то оборотные средства и вознамерившиеся «поправить личные дела»⁵².

Между тем среди армейского офицерства и общественности распространилось острое недовольство деятельностью Управления продовольствия, которое подогревалось критическими выступлениями печати. В обстановке страшной дороговизны и острого дефицита продуктов жители крупных тыловых городов были уверены в том, что его служачие, среди которых было немало дам из аристократии, получают по фунту сахара в месяц, а также спирт и вино, которых не получают лазареты и госпитали. В результате сложилось всеобщее убеждение: раз армию снабжает ее начальник снабжения, на Дону и Кубани продовольствие заготавливают казачьи правительства, а население городов ничего от управления С.Н. Маслова не получает, то оно фактически снабжает только себя и Особое совещание с другими центральными управлениями⁵³.

Вследствие ненадежности снабжения и несвоевременного получения хлеба и других продуктов, войсковые части вынуждены были прибегать к реквизициям у населения. Платные реквизиции были вполне законными, но, так как части не получали своевременно причитавшихся им сумм, поначалу вместо денег выдавали реквизиционные квитанции. С лета 1919 г. реквизиции участились, причем все реже стали выдавать квитанции и все чаще применять силу. Так граница между реквизициями и грабежом стала стираться. После введения «военной хлебной повинности» части

стали проводить реквизиции в счет нее, подкрепляя свои требования угрозой применить силу или применяя ее. Но случалось и так, что интенданты, имея деньги для оплаты продовольствия и спеши заготовить его как можно больше, рассчитывались с крестьянами по ценам выше тех, что устанавливало Управление продовольствия. Приказ, отданный командующим Добровольческой армией генералом В.З. Май-Маевским 21 октября (3 ноября), запрещал самовольные реквизиции и оплату по более высоким ценам, но никак не мог изменить ситуацию. Штаб и интендантство Добровольческой армии фактически сложили с себя заботы о поставках в части продовольствия, предоставив им самим довольствоваться местными средствами путем реквизиций. Осенью бесплатные реквизиции стали обыденным явлением и превратились в грабеж, когда никакие квитанции не выдавались, возбуждая население против ВСЮР⁵⁴.

У крестьян Украины и черноземных районов России, переживших опыт таких реквизиций, отношение к добровольцам быстро менялось: доброжелательность, основанная на надежде, что вместо большевистской продразверстки будет введена настоящая свобода торговли, быстро сменялась враждебностью. «Нас грабили большевики, пришла Добрармия, которую мы так ждали, и тоже стала нас грабить», — говорили крестьяне⁵⁵.

Таким образом, на территории ВСЮР даже в условиях богатого урожая так и не было налажено снабжение через государственные продовольственные учреждения, а в городах не было дешевого печеного хлеба. Продовольственная политика, основанная формально на свободе торговли, на практике не давала ожидавшихся результатов, лишь вызывая недовольство как крестьян и казаков, так и городского населения. В итоге приказом А.И. Деникина от 17(30) декабря Управление продовольствия было упразднено и его функции переданы в ведение Главного начальника снабжений ВСЮР⁵⁶.

* * *

Все недостатки снабжения войскам приходилось компенсировать «самоснабжением»: присвоением трофеев, раздеванием пленных и самочинными бесплатными реквизициями, превратившимися в массовый грабеж населения.

В армейском тылу были созданы особые комиссии, которые должны были принимать все захваченное имущество и сортировать его (для выдачи на довольствие войск, для возвращения владельцам, у которых оно было отобрано большевиками, для прода-

жи), но в распоряжение этих комиссий попадали жалкие остатки, ибо части, вследствие плохого снабжения и попустительства начальников, захватив имущество, первым делом удовлетворяли собственные нужды и преумножали собственные запасы в обозах и железнодорожных составах⁵⁷.

Трофейные боеприпасы сразу поступали в артиллерийские части и расходо-вались, пока снабженцы задерживались с их доставкой со складов. Так, в июле – августе, более месяца не получая снарядов, артиллерийские части Кавказской армии расходовали трофейные⁵⁸.

Так же командиры поступали с захваченным обмундированием и снаряжением: поскольку новые формирования и пополнения поступали на фронт далеко не полностью обмундированные, обутые и снаряженные «немошными» интендантствами, командирам ничего не оставалось, как одевать, обувать и снаряжать свои части прямо на фронте путем немедленного распределения трофеев⁵⁹.

Восприятие трофеев как законной добычи было настолько прочным в сознании казачества в целом, включая ее политическую и военную верхушку, что осенью лидеры «линейцев», договариваясь с главным командованием об изменении политического устройства Кубанского края, в качестве одного из условий своей сговорчивости выставили «установление права Войска на получение определенной части захваченной Кавказской армией военной добычи». А.И. Деникин отверг это условие, посчитав, что оно станет приданием организованности и легальности грабежу⁶⁰. Донское командование даже вывозило станки с заводов, находившихся за пределами донской территории. По мере продвижения армий вперед все эти безобразия вызывали жалобы владельцев различного имущества и населения, на которые, однако, само же командование никак не реагировало⁶¹.

Военная добыча стала для многих рядовых и младших офицеров одним из стимулов участия в военных действиях, прежде всего для казачьих частей и частей, сформированных из горских народов Северного Кавказа. А для многих командиров, в донских и кубанских частях – поголовно, обещание богатой добычи стало обычным способом поднять и повести в бой уставшую, иногда инертную и равнодушную к целям борьбы казачью массу⁶². Особенно этим отличались генералы А.Г. Шкуро, К.К. Мамантов и В.Л. Покровский.

Даже те военачальники, которых нельзя было заподозрить в корысти, не гнушались использовать посулы богатой добычи как стимул для подчиненных перед решающими операциями, особенно если целью этой операции был большой город. Так в июне 1919

г. В.З. Май-Маевский подарил первому полку, ворвавшемуся в Харьков, железнодорожный состав с углем. П.Н. Врангель перед решающим штурмом Царицына «подбодрил» кубанских казаков обещанием добычи, хотя сразу же по занятии города принял меры по пресечению грабежей, поскольку понимал, что грабежи разлагают армию⁶³.

Не рассчитывая на централизованное снабжение, интенданты набирали трофейного и награбленного имущества как можно больше. В результате в частях росли обозы, мешая воевать и сковывая маневренность. Причем в одних частях в обозах был переизбыток вещей, которых остро не хватало соседним частям, и наоборот. Все это порождало соперничество, зависть и недружелюбие. Постепенно захват добычи вышел за пределы удовлетворения острых нужд части, и целью его стало приобретение «товарного излишка», который вывозился в тыл и распродался. Особенно усердно работали в этом направлении наиболее предприимчивые офицеры и хозяйственники, которые не только обменивали трофеи на что-нибудь нужное для своих частей, но и успевали набить собственные карманы. Вовлечение частей и групп офицеров во внутреннюю торговлю имело своим последствием, во-первых, стремление в ходе операций заботиться не столько о разгроме противника и достижении каких-то тактических успехов, сколько о захвате трофеев, во-вторых, непомерное размножение обозов при каждой части, которые требовали отвлечения немалых сил и средств на охрану и перевозку (в бою в казачьих частях до трети личного состава охраняли сменных лошадей и обозы), в-третьих, убытие под разными предлогами в тыл по командировочным удостоверениям офицеров, которые занимались реализацией военной добычи⁶⁴.

С другой стороны, сбережение трофеев стало одним из элементов тактики. В феврале 1919 г., когда А.И. Деникин начал переброску кубанских частей под Царицын, те всеми мерами затягивали переброску. Причины состояли не только в расстройстве транспорта и нежелании покидать Кубань, но и в стремлении казаков успеть отправить в свои станицы «заводных лошадей и всякого барахла», с чем казачьи командиры, конечно, не считаться не могли⁶⁵.

Охота за трофеями приводила к трагическим последствиям. Самым ярким примером явился рейд 4-го Донского конного корпуса генерала К.К. Мамантова. Заняв 5(18) августа Тамбов, затем Козлов и 29 августа (11 сентября) Воронеж, он захватил склады Южного фронта с огромным количеством военных запасов: обмундирования, белья, обуви, сахара, соли и т.д.. Частично они были уничтожены, частично разобраны казаками, частично розданы на-

селению. Корпус сразу оброс длинными обозами с «благоприобретенным» добром, самую ценную часть которого составляли тысячи золотых и серебряных вещей, иконы в золотых окладах, церковные сосуды, жемчуг и бриллианты – из разграбленных церквей и богатых домов. Поэтому корпус уже не мог вести боевые операции, и К.К. Мамантов отказался от движения на железнодорожный узел Лиски и по тылам 8-й и 9-й советских армий, чего требовала директива, данная ему командующим Донской армии генералом В.И. Сидориным, и повел корпус по линии наименьшего сопротивления: на запад, переправился через Дон и 5(18) сентября вышел на соединение с корпусом А.Г. Шкуро⁶⁶.

Генерал А.Г. Шкуро так передает свои впечатления от увиденного: «Мамантов вел за собою бесчисленные обозы с беженцами и добычей. Достаточно сказать, что я, едучи в автомобиле, в течение двух с половиной часов не мог обогнать их. Казаки Мамантова сильно распустились, шли в беспорядке и, видимо, лишь стремились поскорее довести до хат свою добычу. Она была, по-видимому, весьма богата; например, калмыки даже прыскали своих лошадей духами».⁶⁷ Кубанцы корпуса Шкуро с завистью смотрели на разом обогатившихся донцов. А когда одна из дивизий 4-го конного корпуса была внезапно атакована красными и часть обоза была в панике брошена, кубанцы, выручая донцов, успели разбить некоторые из брошенных повозок. И тут же переобмундировывались: многие «щеголяли уже в новой одежде и даже в калошах».⁶⁸

В донские станицы потянулись многоверстные обозы, которые сопровождали тысячи казаков. Корпус Мамантова быстро уменьшился с 7 тыс. до 2 тыс. и потерял на время боеспособность. По мнению А.И. Деникина, если бы К.К. Мамантов искал не добычи, а победы, он бы сумел сохранить свой корпус от разложения и разгромил бы живую силу противника, чем мог бы внести решающий перелом в ситуацию на фронте⁶⁹.

Однако трофеи, пополняя войска артиллерийским, инженерным и интендантским имуществом, не удовлетворяли потребности в продуктах, особенно хлебе и мясе. Поэтому срывы продовольственного снабжения компенсировались «самоснабжением» путем реквизиций.

Переход к самочинным бесплатным реквизициям, которые проводили хозяйственные части полков и отдельные подразделения, жестко диктовался двумя основными обстоятельствами: неполучением жалования от полевых казначейств и непоступлением продовольствия от интендантств. Вследствие неналаженности снабжения и несвоевременного получения всего необходимого, командный состав и войсковые части проводили платные реквизиции у

населения, которые были вполне законны. Но так как части не получали своевременно причитавшихся им денежных средств, то вместо денег выдавали реквизиционные квитанции на забранные продукты. Сначала бесплатные реквизиции были редкими, но с лета участились, причем все реже стали выдавать и реквизиционные квитанции. С конца лета бесплатные реквизиции стали обычным явлением и превратились в грабеж, когда никакие квитанции не выдавались⁷⁰.

Летом – осенью в Добровольческой армии, Киевской и Новороссийской группах войск самочинные бесплатные реквизиции распространились почти повсеместно⁷¹. В Добровольческой армии этому способствовало и то обстоятельство, что ее начальник снабжения Г.Г. Деев и интендант Н.Н. Елизаров совершенно сознательно переложили на плечи полковых хозяйственников продуктивное довольствие личного состава за счет «местных средств», считая продукты «второстепенным видом» централизованного снабжения через интендантство⁷². Части Добровольческой армии, поскольку штаб армии сложил с себя заботы о довольствии войск, вынуждены были довольствоваться местными средствами. Войска активно занимались «самоснабжением» в виде грабежа населения, а то и просто вместо закупки или реквизиций сена травили посевы и покосы крестьян, когда лошади выпускались пастись на их поля и луга. Часть награбленного вместе с частью трофеев отправлялась в тыл для «реализации военной добычи» (что получило сокращенное наименование «реалдоб»). «Реалдоб» стал главным источником пополнения средств воинских частей. Поначалу он имел подотчетный и относительно законный характер, затем стал частным и групповым, превратившись в распродажу незаконно присвоенного имущества. В результате в руках отдельных чинов и целых воинских частей скапливались огромные суммы⁷³. В Добровольческой армии в руках чинов, имевших отношение к «самоснабжению», а с этим соприкасались все – от младшего офицера до взводного раздатчика включительно, в итоге «реализации добычи» оказались бешеные деньги⁷⁴.

Наиболее предприимчивые старшие начальники поставили «реалдоб» на широкую ногу: он служил не только цели обогащения, но и налаживанию продовольственного снабжения войск. Так, генерал А.Г. Шкуро гордился тем, что «продовольственный вопрос» у него был «поставлен хорошо»: «я приказал выдавать крестьянам мануфактуру и калоши из отнятых у большевиков складов в обмен на хлеб, продовольствие и фураж».⁷⁵

Превращению самочинных бесплатных реквизиций и грабежей в массовое явление, помимо перебоев со снабжением, неполучени-

ем денег и отказом крестьян продавать что-либо за обесценивавшиеся дензнаки главного командования, способствовал целый ряд обстоятельств.

Прежде всего зимой – весной в состав Добровольческой армии влились крымские добровольческие отряды, куда зимой при их формировании поступило немало лиц с темным прошлым и преступными наклонностями. Среди частей Крымско-Азовской Добровольческой армии, как стоящих в Крыму, так и воевавших на фронте в Северной Таврии, широко распространились незаконные реквизиции и обыски, грабежи и «выемки»⁷⁶.

С каждой новой мобилизацией в части попадало много лиц по принуждению, что привело к тому, что в армии оказался высокий процент преступного элемента⁷⁷.

Далее, для распространения склонности к самочинным реквизициям и репрессиям против сопротивляющихся этим реквизициям имел выход добровольческих частей за пределы казачьих областей, где сельское и городское население, включая не только рабочих, но и средние слои, относилось к добровольцам без того горячего сочувствия и симпатий, с которыми относились к ним донские, кубанские и терские казаки: в лучшем случае с дружелюбным любопытством, чаще всего – равнодушно, а то и неприязненно. Некоторые из переброшенных в Крым добровольческих частей, оказавшись вдалеке от штаба главкома и в окружении неприязненно настроенного населения, стали более вызывающе демонстрировать свои монархические настроения, что было особенно характерно для гвардейского офицерства. Считая политику кадетского Крымского правительства «слишком мягкой» по отношению к «большевикам», многие офицеры стали прибегать в негласным репрессиям и самосуду, создавая самочинно чуть ни в каждой части контрразведки. Как правило, чем враждебнее относилось к добровольцам местное население, тем больше укреплялась в них ощущение собственной исключительности и убежденность в праве на самочинные реквизиции, грабеж и террор⁷⁸.

Казаки, пострадавшие материально в 1918 г., желая возместить свои убытки, как только части вышли за пределы области, начали в массовом порядке грабить крестьянское население. Нормой стало и разграбление складов в захваченных городах. Награбленное имущество казаки отправляли затем в свои станицы, туда же гнали лошадей табунами.⁷⁹

Казаки не гнушались даже грабежом казаков же, а особенно иногородних, в пределах собственных областей. Так, весной 1919 г., отряды казаков-верхнедонцев, отступившие в Задонье, буквально нападали, обстреливая предварительно, на станицы и крестьянс-

кие села, грабили и насиловали, оправдываясь потом: «Часто денег не было за отсутствием аванса, ну и вынуждены были тащить».⁸⁰

Традиционные грабительские наклонности казаков, на протяжении столетий развитые в «походах за зипунами», усиливались по мере падения дисциплины в частях. Разложение кубанских и донских частей под воздействием политических и военных факторов прежде всего проявлялось в усилении грабежей. Поэтому, кубанцы, теряя под влиянием «самостийной» пропаганды и боевых неудач дисциплину, грабили крестьянское население «русских» губерний. Грабежи крестьянского населения казачьими частями в местах их дислокации за лето превратились в «сплошные разбои».⁸¹

Главным мотивом грабежей, отодвигая на второй план характерные для 1918 г. мотивы мести «большевикам» и возмещения недостатков снабжения, становилась корысть («только гнусность», как назвал ее А.И. Деникин) поначалу морально разложившихся элементов, а затем этот мотив стал все более широко распространяться среди всех частей, где группы офицеров и хозяйственников наладили «реалдоб».⁸²

Таким образом, грабеж, когда награбленное стало объектом торговли, превратился в своего рода способ первоначального накопления и принял характер широкого социального явления. П.Н. Врангель жестко раскритиковал в ноябре сложившуюся в Добровольческой армии систему «самоснабжения», обратившую «войну в средство наживы, а довольствие местными средствами – в грабеж и спекуляцию».⁸³

А.И. Деникин издавал приказы и законы о суровых наказаниях за грабеж, вплоть до смертной казни. По наиболее вопиющим случаям массовых грабежей создавались следственные комиссии. Военачальники также издавали приказы о борьбе с грабежами, поскольку понимали, что грабежи разлагают армию. Однако все приказы и законы встречали глухое сопротивление казачьей и офицерской среды. А.И. Деникин понимал, что надо «рубить с голов», а не «бить по хвостам», однако общественность, печать и молва уже поднимали многих храбрых и удачливых, но склонных к поощрению грабежей военачальников, как А.Г. Шуро, К.К. Мамантов, В.Л. Покровский, до высоты народных героев, дав им вместе с этим ореолом «служебный иммунитет».⁸⁴

Поэтому в условиях хозяйственного разорения, общего упадка нравов и срывов в снабжении главное командование не справилось со старшими начальниками. В свою очередь, одни начальники не захотели, а другие не смогли обуздать войска в ситуации, когда все слои населения, от крестьян до предпринимателей, не желали жертвовать своим достоинством ради армии.⁸⁵

Сквозь пальцы смотрела на грабежи проходящих частей уездная и сельская администрация, как в силу пренебрежительного отношения к нуждам крестьянского населения, так и из опасений вступать в конфликты с войсками. В результате недовольство крестьян становилось еще острее.⁸⁶

Военная юстиция была практически бессильна бороться с «самоснабжением».

Расхитители трофеев, грабители, казнокрады и взяточники в военной среде могли попасть под военно-полевой или обычный военный суд только в случае уведомления судебно-следственных органов со стороны их начальства. Если же жалоба попадала от жителей в военную прокуратуру, то ее препровождали тому же военному начальству для производства дознания. Начальники, сами нередко многогрешные, предавали подчиненных суду только в том случае, если имели с ним счеты или хотели избавиться от них. При этом старались предавать их именно военно-полевому суду, члены которого ими же и назначались и на приговоры которого можно было легко повлиять в направлении их смягчения. Следственный аппарат был очень слабым, и следствие в условиях военного времени тянулось бесконечно, поэтому начальники в случаях, когда дело получило огласку, а карать виновных не хотелось, дело передавали следователю военного суда, находившегося в тылу, а виновного отправляли на фронт, где его и найти было нельзя. Это было равносильно прекращению дела.⁸⁷

Из тысячи преступников осуждались и наказывались единицы, которых по каким-то своим причинам не хотело выручить их начальство. В тех редких случаях, когда суду удавалось осудить какого-нибудь расхитителя трофейного и казенного имущества, казнокрада и грабителя, начальство осужденного обращалось к главному (на Дону – к атаману) за милосердием и почти никогда не получало в нем отказа.⁸⁸

«Самоснабжение» стало главным фактором морального разложения войск. Сознание безнаказанности разнуздывало зверя, который даже в мирных и благодушных людях воспитывался обстановкой разрухи и гражданской войны, а кричащие недостатки снабжения помогали заглушать последние, и весьма слабые, укоры совести. Поскольку борьба с грабежами носила «бумажный» характер, а наказания за наиболее вопиющие случаи, отягченные убийствами, носили характер единичных исключений, правилом стало беспрепятственное и систематическое ограбление населения, прежде всего крестьян. Грабежи озлобляли население, которое приходило к заключению, что при добровольцах так же плохо, как и при большевиках. Растущая враждебность населения, в свою очередь,

стимулировала сопротивление реквизициям, что приводило к применению репрессий и еще большему размаху грабежей, когда добровольцы уже не считали себя обязанными не только платить, но и выдавать квитанции. В таких условиях разложение армии, превращение бойцов в грабителей, воюющих ради грабежа и захвата трофеев, пошло быстрыми темпами. О начавшемся разложении армии стали поговаривать, пока еще полушепотом в тыловых учреждениях, уже летом⁸⁹.

Вкусившие легкого заработка за счет «реалдоба», как трофеев, так и награбленного, шкурные элементы среди офицеров летом устремились в тыл – либо на тыловые должности, либо в длительные «командировки». Поэтому с лета началось разбухание тыловых учреждений ВСЮР, особенно бросающееся в глаза на фоне постоянного некомплекта в боевых частях. Несмотря на большой приток добровольцев во вновь занятых районах, численность боевых частей увеличивалась незначительно; рост численности ВСЮР в основном шел за счет разбухания бесконечного числа тыловых управлений и учреждений, куда устремлялись во все большем числе уклоняющиеся от фронта офицеры и где они благополучно пристраивались благодаря многообразным связям⁹⁰.

Особой формой легального дезертирства стали формирования. Под предлогом воссоздания известной в старой армии части офицерский кадр выводился в тыл, где и собирался, потом начиналось формирование. Из-за дезертирства и уклонения формирование замедлялось, так как не было людей; не было также оружия и снаряжения из-за проблем со снабжением. Формирования, как правило, заканчивались ничем, превращаясь в разбазаривание предметов снабжения, кражу начальством казенных сумм и легальное укрытие для дезертиров, шкурников и предпочитающих спекулировать и заниматься предпринимательством – как торговлей, так и игрой на бирже⁹¹.

В ноябре – декабре, при отступлении ВСЮР, много совершенно здоровых офицеров, не желая рисковать своей жизнью, под разными предлогами устремилось в тыл⁹².

Начиная с июня, после взятия Царицына, в связи с полевой страдой казаки, пользуясь послаблением власти, потекли из Кавказской армии в тыл: не только эвакуированные в тыл раненные, но и большая часть уволенных в отпуск и командированных под разными предлогами уклонялась от возвращения в строй. Одним из главных мотивов такой утечки стало стремление собрать урожай, без чего хозяйствам грозило разорение⁹³.

Пополнение, которое поступало в Кавказскую армию с Кубани осенью, по своим политическим настроениям и морально-психо-

логическому состоянию стало очень плохим. Во-первых, среди них были в основном шкурники и грабители. Во-вторых, свое дело сделала «самостийная» пропаганда: направлявшаяся главным образом на «линейские» отделы, прежде самые стойкие, она привела к распространению среди казаков нежелания воевать вместе с добровольцами, ради воссоздания «Единой Неделимой России». Значительная часть пополнений вообще не доходила до полков, разбегаясь по пути.⁹⁴ То же пополнение, которое доходило до фронта, прибывало, как писал П.Н. Врангель, совершенно «развращенным»: мало того, что в боевом отношении не представляло ценности, еще и вносило разложение в ряды тех казаков, лучшей части кубанцев, которые до сих пор оставались на фронте и самоотверженно дрались⁹⁵.

Продолжала нарастать неприязнь между добровольцами и казаками, почвой для чего служили как материальные, так и моральные обстоятельства.

Добровольцы в большинстве своем были бездомными и нищими в отличие от казаков. Казаки были у себя дома и были связаны со своими хозяйствами и семьями постоянными не только духовными и родственными, но и материальными отношениями: домой они отправляли награбленное добро и обмундирование, а оттуда получали продукты. Добровольцам же, при одном мизерном жаловании, чтобы прокормить себя и свои семьи, проживавшие в крупных городах, где стояли самые высокие цены, ничего не оставалось, как грабить население. В то время как командование и Особое совещание единственным радикальным средством решить проблему содержания все больше считали переход на натуральное довольствие, но отказывались от этого, ибо для этого следовало перенять и повторить большевистский опыт продразверстки и полевых реквизиций, что было невозможно по принципиальным политическим и идеологическим соображениям (тем более невозможно было провести эти меры в «суверенных» областях Дона и Кубани), добровольческие части самочинно осуществили «натурализацию» путем «самоснабжения»⁹⁶. На этой почве, сугубо материальной, также росла взаимная неприязнь между казаками и добровольцами.

Хотя в целом кубанское казачество, по оценке А.И. Деникина, было «чуждо совершенно политиканства своих верхов», под влиянием украинофильской и «самостийной» пропаганды в кубанских частях, среди некоторых элементов, постепенно вызревала враждебность к добровольцам, которых они стали именовать «черным вороньем». Добровольческое офицерство, со своей стороны, воспринимало все проявления украинофильства и «самостийности»

в екатеринодарской политике, публикациях кубанской печати и настроениях кубанских казаков очень болезненно, «горячо и непосредственно»; росла острая ненависть к кубанцам, которых стали именовать «предателями»⁹⁷.

Рядовое кубанское казачество с полным равнодушием относилось к созданию отдельной Кубанской армии до осени, когда неудачи Кавказской армии на саратовском направлении, общее утомление и провалы со снабжением сделали их более восприимчивыми к разрушительной пропаганде «самостийников», целенаправленно ведшейся на армию. В октябре – ноябре, когда борьба между главным командованием и кубанскими властями обострилась до того, что взаимные нападки приобрели крайне резкий характер, кубанские части стали разваливаться: казаки не видели больше смысла воевать за «старый режим»⁹⁸.

Поражения и отход резко сбили дух казаков: массовым стало уклонение от боя, часто казаки бросали оружие при отходе и разбегались. Дезертирство кубанцев приняло массовый характер. Вступив в командование Добровольческой армией, П.Н. Врангель, вместо того чтобы попытаться собрать полуразложившиеся кубанские части где-нибудь в армейском тылу, самовольно отдал приказ об отводе кадров кубанских дивизий на Кубань для формирования. Этот необдуманный шаг привел к тому, что дезертиры и уклоняющиеся от боя приобрели легальный статус: на Кубань потекли внушительного состава полки, на хороших конях и с большой материальной частью, с награбленным добром. Это вносило разложение в еще остающиеся на фронте кубанские части и подходившие подкрепления, а также вызывало озлобление среди донских казаков. Рознь донских и кубанских казаков обострилась. В ноябре – декабре, в период поражений и отступлений, донцы и кубанцы перестали доверять друг другу: донцы жаловались на развал и утечку в кубанских частях и наоборот⁹⁹.

Так свобода торговли, выродившаяся в условиях жестокого экономического кризиса в массовую спекуляцию, сорвала снабжение ВСЮР. Все это вместе дало толчок развитию самоснабжения, которое стало главной почвой разложения войск.

* * *

Таким образом, главному командованию ВСЮР и Особому совещанию не удалось преодолеть сепаратизм казачьих областей в экономической сфере, соответственно – и в политической, и не удалось создать «единого экономического пространства»: распространить на всю территорию, контролируемую ВСЮР, включая

казачьи области, сферу действия экономической политики Особого совещания и центральных управлений экономического профиля. Соответственно, территория реализации правительственных и ведомственных решений в экономической области была крайне сужена, а с другой стороны – противоречия в области экономических интересов сразу же приводили к серьезным политическим конфликтам, как только главное командование и Особое совещание пытались экономически подчинить себе казачьи области. Фактически главное командование и Особое совещание из-за сопротивления казачьих правительств, отстаивавших интересы казаков как сельхозпроизводителей и мелких предпринимателей, как и экономическое благополучие своих областей в целом, так и не получили возможность по своему усмотрению распоряжаться хозяйственными ресурсами казачьих областей.

С другой стороны, не централизовав управление экономикой на всей территории, контролируемой ВСЮР, главное командование и Особое совещание не получили в свое распоряжение эффективных, рыночных, инструментов мобилизации экономики на решение военных задач и ее стабилизации: единого эмиссионного центра и единого центра регулирования внешней и внутренней торговли.

Главной особенностью военного и гражданского аппарата, и в частности хозяйственных ведомств, было его разбухание при сохранении низкой эффективности работы. В его деятельности недостатки дореволюционной бюрократии – бюрократизм, волокита и формализм – быстро развивались до своей крайней степени при быстром же исчезновении ее достоинств. Хроническое отставание денежного содержания чиновников от постоянно растущего прожиточного минимума толкало их на должностные преступления, а регулирование хозяйственной жизни, прежде всего внешней и внутренней торговли, поставок на армию и снабжения, создало почву для них. Результатом стала коррупция, невиданная в дореволюционной России.

Во взятии Москвы и создании центрального правительства России главное командование ВСЮР видело решение всех экономических проблем, откладывая «до Москвы» проведение реформ в экономике и ограничиваясь временными регулирующими мерами.

С другой стороны, экономика юга России не позволяла воевать против центральной Советской власти дольше первой половины 1920 г.: до этого времени должны были быть исчерпаны продовольственные запасы Кубани (а перспектива нового урожая была неясна в связи с войной и разрухой).

Поглощение вместе с занимаемой территорией огромного коли-

чества дензнаков разных выпусков, включая советские, грозило совершенно дезорганизовать денежное обращение, а инфляция – достичь темпов, когда производство становилось невозможным. По сути, расширение занимаемой территории стало своеобразным видом эмиссии, поскольку включало в оборот новые массы и виды бумажных дензнаков и их суррогатов. В отличие от классической эмиссии, которая была средством пополнения бюджета, этот вид «фронтальной» эмиссии являлся средством истощения бюджета, поскольку понижал курс рубля и приближал ВСЮР к банкротству.

Казачьи государственные образования по мере нарастания экономических трудностей и в связи с уходом войск на территорию «русских» губерний, вели дело к отделению, и нужно было успеть взять Москву до того, как они добьются реальной автономии в полном объеме. Качественный переход экономического сепаратизма казачьих областей в их экономическую самостоятельность как базу политической независимости грозил главному командованию ВСЮР и Особому совещанию полной потерей возможности использовать их хозяйственные ресурсы как для войны, так и для восстановления экономики центральных районов России, без чего невозможно было восстановить минимально приемлемый уровень жизни населения и победить большевизм экономически.

В частности, коренная причина конфликта с Кубанью состояла в столкновении экономических интересов: казаки как мелкие и средние сельхозпроизводители, предпринимательские круги и политики не хотели оплачивать продовольственными и сырьевыми ресурсами края войну против большевистской России, что реально несло краю разорение, а у главного командования ВСЮР не было другого региона, столь богатого, способного за счет своих ресурсов решить проблемы снабжения армии, снабжения продовольствием населения и сырьем промышленности центральных районов России, обеспечить путем экспорта сырьевых ресурсов импорт всего необходимого для снабжения армии военными материалами, населения – промтоварами, промышленность и транспорт – оборудованием, подвижным составом и топливом.

Крестьянство все труднее мирилось с нерешенностью земельного вопроса, а сельскому хозяйству без восстановления рыночных связей с промышленностью и городом, без получения промтоваров, прежде всего сельхозорудий вместо совершенно изношенных, грозило скорое разрушение.

Наконец, союзники постоянно угрожали прекращением безвозмездной помощи, и она могла прекратиться в любой момент, а закупать или выменивать необходимые военные материалы не было средств и достаточных ресурсов.

Следовательно, ВСЮР в начале 1919 г., обеспечив себе базу на Северном Кавказе, объективно оказались в ситуации: взять Москву до конца года и тем, создав центральную власть, создать вместе с ней политические условия и инструменты для решения экономических проблем или не взять ее никогда, ибо тенденции разрушения экономики и распада страны стремительно набирали силу, сводя на нет военно-экономический потенциал военной диктатуры.

Занятие новых территорий в «походе на Москву» и увеличение численного состава ВСЮР за счет мобилизованных и пленных, с одной стороны, приближали ВСЮР к победе и достижению политических и экономических целей. С другой – расширяли зону экономического кризиса и обостряли сам кризис, поскольку требовали все больших расходов на содержание армии, государственного аппарата и железных дорог, на снабжение армии и населения, на кредитование промышленности и т.д., что неминуемо ускоряло инфляцию, а следовательно – вело к обострению всех экономических проблем: финансовой, топливной, продовольственной, транспортной и т.д. Таким образом, реально ВСЮР несли населению на штыках не избавление от «военного коммунизма», не свободу торговли, не хлеб Кубани и не уголь Донбасса, а стремительный рост цен и бешеную спекуляцию. С другой стороны, ухудшение качественного состава армии (резкое уменьшение доли идейных борцов против большевизма, готовых жертвовать своими жизнями и достоинством, и увеличение доли «шкурных» элементов) при обострении проблем финансирования, снабжения и обслуживания армии привели к деморализации армии, что прежде всего проявилось в массовых грабежах населения. Это, в свою очередь, радикально меняло отношение населения к добровольцам и казакам, вело к нарастанию повстанческого движения в тылу, разрушительного как для экономики в целом, так и для снабжения войск.

Повстанческое движение в «походе на Москву» представляло не меньшую опасность, чем сепаратизм казачьих областей. Направленное против любой власти и города, ее представляющего, в защиту имущества и свободы хозяйственной деятельности крестьян, оно быстро выливалось в прикрытое анархическими идеями и лозунгами организованный бандитизм. Для ВСЮР повстанчество на Украине и в Новороссии было фактором положительным, пока оно было в тылу у советского Южного фронта, когда же повстанческая территория перешла под контроль ВСЮР, стало фактором отрицательным, поскольку повстанческие формирования, прежде всего армия Н.И. Махно, разрушали тыловые коммуникации, вносили хаос в снабжение и отвлекали войска с фронта. Следовало свести к минимуму дезорганизующее и разлагающее влияние по-

встанчества на тыл и армию. Этого нельзя было сделать, сократив территорию, но можно было сделать, сократив время до превращения власти ВСЮР из «местной», южнорусской, в центральную всероссийскую.

Следовательно, увеличение зоны кризиса без роста эффективности мер по его преодолению оборачивалось еще большим его обострением.

После выхода ВСЮР за пределы Северо-Кавказской базы в их судьбе исключительную роль стал играть фактор времени. Все тенденции разложения армии и тыла можно было пресечь лишь установлением центральной власти, ее авторитетом, деньгами и силой, что имело бы решающее психологическое значение. Приостановление же наступления для «закрепления» занятой территории не могло притормозить кризисных процессов, поэтому оно не укрепило бы военно-экономический потенциал, уменьшило бы шансы на победу, а не увеличило.

«Самоснабжение», по сути, стало стихийным, неорганизованным и преступным видом натурализации бюджетного финансирования и жалования. Сама жизнь (и пример большевиков) подсказывала путь решения многих финансово-хозяйственных проблем, однако главное командование и консервативно-либеральное правительство не смогли сделать решительных шагов по этому пути, ибо для этого необходимо было резко ограничить право частной собственности и свободу торговли. В частности, устанавливая все новые прибавки к жалованию офицеров и чиновников, главное командование и Особое совещание постепенно осознавали, что подобные меры носят паллиативный характер и единственным радикальным средством решить проблему содержания является переход на натуральное довольствие. Но для этого следовало перенять и повторить большевистский опыт продразверстки и повальных реквизиций, что было невозможно по принципиальным политическим и идеологическим соображениям. Тем более невозможно было провести эти меры в «суверенных» областях Дона и Кубани.

Шанс хоть как-то стабилизировать экономику и упрочить военно-экономический потенциал дала бы материальная и финансовая (в виде займов в валюте, а не товарных кредитов) помощь Антанты. Главное командование ВСЮР, делая решающую ставку на эту помощь, смотрело на нее с узко военной точки зрения, не придавая особого значения тому, чему придавали значение демократические страны Запада: обеспечению Белому движению народной поддержки за счет демократической внутренней политики и стабильности экономики, созданию союза с окраинными госу-

дарствами путем признания их прав на самостоятельное существование после распада Российской империи, созданию правительства, которое опиралось бы на широкую народную поддержку и союз с окраинными государствами и за счет этого было бы более стабильно и жизнеспособно, чем большевистское.

С другой стороны, оно по мере сил и возможностей сопротивлялось намерениям стран Антанты, прежде всего Великобритании, поставить под контроль экономическую политику правительства, монополизировать вывоз сырья с юга России в обмен на промышленные товары, создать преимущества для английских фирм и русских фирм, торгующих с Англией, и направить поток сырья в Англию, которая находилась в состоянии тяжелого послевоенного кризиса. Таким образом, своими руками А.И. Деникин и его правительство лишили Антанту как морального оправдания, так и мотивации, политической и экономической, оказания щедрой экономической помощи, которую вполне обоснованно союзники с конца 1919 г. стали воспринимать не просто как выбрасывание денег на ветер, а «снабжение Красной армии», поскольку доставляемое ими военное имущество большей частью либо оказалось в руках спекулянтов и попало на рынки, либо было захвачено Красной армией.

Ввиду ограниченности материальной помощи со стороны Антанты особое значение приобрело регулирование внешней торговли. Экспортная политика Управления торговли и промышленности строилась на системе точного учета, регулирования и бронирования самых ценных видов сырья за государством (что фактически означало государственную монополию), а других товаров — за частными экспортерами. Главная задача этой политики состояла в том, чтобы компенсировать неразвитость и кризисное состояние промышленной и топливной базы занимаемой территории, рационально экспортировать ее сырьевые ресурсы для пополнения казны валютой и импорта военных материалов, прежде всего вооружения, боеприпасов, обмундирования и снаряжения, в которых остро нуждалась армия, а также горюче-смазочных материалов и промышленных товаров для войск, транспорта и населения.

Но механизм бронирования был неэффективен ибо, с одной стороны, бюрократический аппарат не справлялся с экспортно-импортными операциями, с другой — он ломался сепаратизмом казачьих областей и коррупцией во всех учреждениях, причастных к внешней торговле. Политика государственного регулирования экспортно-импортных операций посредством громоздкой системы бронирования привела к быстрому сращиванию бюрократии с частным торговым аппаратом и, соответственно, разложению этой

бюрократии. Взятками торговцы добивались того, что чиновники преступали любой закон и помогали им обходить все ограничения на вывоз сырья.

С самого начала осуществления внешней торговли с территорией, занятой Добровольческой армией, вокруг вопросов импорта и экспорта завязалась острая борьба, которая шла беспрестанно и в ходе которой отечественные предприниматели стремились отстаивать свои корпоративные интересы, а А.И. Деникин, Особое совещание и государственные учреждения отстаивали интересы Добровольческой армии и ВСЮР в целом, с их точки зрения – интересы общенациональные. До некоторой степени интересы ВСЮР и российских предпринимателей совпадали – в части противодействия иностранным компаниям в их попытках установить контроль над экспортом из России и российскими экономическими ресурсами в целом.

Главным образом под давлением предпринимательских кругов в декабре 1919 г. была проведена отмена элементов госмонополии во внешней торговле и введен новый порядок регулирования внешней торговли, представлявший собой детально разработанную и всеобъемлющую разрешительно-компенсационную систему, главная цель которой состояла в пополнении казны валютой за счет экспорта сырья силами «частного торгового аппарата».

Если чиновники, имевшие отношение к регулированию внешнеторговых операций, считали в порядке вещей ограничивать в интересах казны прибыль торговцев и регламентировать их операции, а порой и наносить им прямые убытки своим вмешательством, волокитой и т.д., то среди предпринимателей, стремившихся экспортно-импортными операциями как можно скорее возместить свои убытки от большевистских экспроприаций и разрухи, распространилась убежденность в материальной целесообразности и моральной оправданности всевозможных махинаций при выполнении заключенных договоров. Стремление торговцев, руководствовавшихся исключительно своими собственными интересами, но не интересами казны, выполнить условия заключенного договора с большей выгодой для себя или вообще нарушить их, с одной стороны, и стремление чиновников в условиях падения реальной заработной платы и под угрозой скорого прихода большевиков использовать свои «регулирующие» prerogatives для пополнения своего кармана взятками – с другой, привели к невиданной доселе коррупции: массовой даче взяток торговцами и массовому вымогательству чиновников. Одно питало другое и результатом преступного соучастия чиновников в экспортно-импортных операциях предпринимателей стало то, что законы и установленные

правила нарушались всеми возможными способами. Фактически путем взяток предпринимателям при помощи продажного чиновничества удалось в значительной мере сорвать правительственное регулирование внешней торговли.

С точки зрения качества внешняя торговля ВСЮР представляла собой крайне расточительный и нерациональный рыночный обмен сырьевых ресурсов занятой территории на заграничные товары, в первую очередь военные и горюче-смазочные материалы. Импорт направлялся таким образом, чтобы в первую очередь удовлетворить потребности армии, а во вторую – населения. С точки зрения количества экспортно-импортные операции в 1919 – марте 1920 гг. оказались вполне достаточными для обогащения торговцев, занимавшихся спекулятивными махинациями, и чиновников, бравших от них взятки, однако они оказались совершенно недостаточными для того, чтобы обеспечить потребности ВСЮР, а тем более населения.

В условиях острого финансового кризиса главное командование, Особое совещание и органы снабжения ВСЮР оказались не способны финансировать ВСЮР в полном объеме и снабдить их всеми необходимыми предметами снабжения ни за счет внутреннего рынка, ни за счет внешнего. Компенсировать отсутствие развитой военной промышленности на юге России переводом на выпуск военной продукции имеющихся предприятий не удалось прежде всего по причине невозможности их кредитования, в то время, как владельцы предприятий не восстанавливали производство, в условиях высокой инфляции не гарантировавшего прибыли, и все оборотные средства направляли в торговлю. Закупки продовольствия и топлива также срывались по причине острой нехватки средств. В результате недофинансирования и срыва снабжения войска вынуждены были заниматься «самоснабжением», что быстро превратилось в расхищение трофеев и массовый грабеж, прежде всего крестьян. С другой стороны, хищения и грабеж быстро превратились из способов удовлетворения самых острых потребностей в вид «первоначального накопления», поскольку хозяйственные службы, чтобы получить отсутствующие предметы снабжения и продовольствие через частных торговцев минуя интендантства, вынуждены были обменивать «товарный излишек» трофеев и награбленного на все необходимое. В итоге война для многих офицеров превратилась в средство наживы, а сами они – не только в грабителей, но и торговцев.

Такое вовлечение армии в свободную торговлю резко ускорило ее деморализацию, стало дополнительным стимулом расхищения трофеев и грабежей, что вызывало острое недовольство населения

и создавало почву для роста повстанческого движения. В итоге многие части армии, прежде всего казачьи, потеряли боеспособность.

Гибель Л.Г. Корнилова стала для Белого движения на юге России невосполнимой потерей харизматического лидера и знамени, смерть М.В. Алексеева – потерей прагматизма в экономике и политике. А.И. Деникин не обладал ни харизмой Л.Г. Корнилова, ни военно-экономическим и политическим опытом и прагматизмом М.В. Алексеева. Его упорство, граничившее с упрямством, и неумение находить принципиальные компромиссы в экономике и политике также сыграли свою негативную роль.

Примечания:

- ¹ ГА РФ. Ф.879. Оп.1. Д.1. Л.1.
- ² Там же.
- ³ Там же. Л.2-3об.
- ⁴ Там же. Л.3об.-4об.
- ⁵ Там же. Л.4об.-6.
- ⁶ Там же. Л.6об.-7.
- ⁷ Там же. Л.1об., 7об.-8.
- ⁸ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.229.
- ⁹ ГА РФ. Ф.879. Оп.1. Д.62. Л.5; Д.110. Л.6.
- ¹⁰ ГА РФ. Ф.879. Оп.1. Д.62. Л.5; Д.55. Л.22об.
- ¹¹ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.229.
- ¹² Там же. С.59.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С.59-60.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Кин Д. Указ. соч. С.133,136.
- ¹⁷ Скобцов Д.Е. Указ. соч. Т.2. С.83-84; Покровский Г. Указ. соч. С.253.
- ¹⁸ ГА РФ. Ф.879. Оп.1. Д.55. Л.20об.
- ¹⁹ Там же. Л.21.
- ²⁰ Там же. Л.20-20об.
- ²¹ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.88.
- ²² ГА РФ. Ф.879. Оп.1. Д.55. Л.20об.; Соколов К.Н. Указ. соч. С.193-194; Лукомский А.С. Указ. соч. С.195; Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.94.
- ²³ Деникин А.И. Указ. соч. Т.3. С.12,13; Т.5. С.271.
- ²⁴ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.223.
- ²⁵ ГА РФ. Ф.879. Оп.1. Д.2. Л.1-2об.
- ²⁶ Кин Д. Указ. соч. С.132.
- ²⁷ ГА РФ. Ф.879. Оп.1. Д.55. Л.20.
- ²⁸ Там же. Л.20об.
- ²⁹ Там же. Л.24.
- ³⁰ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.229.
- ³¹ ГА РФ. Ф.879. Оп.1. Д.110. Л.162об.
- ³² ГА РФ. Ф.879. Оп.1. Д.55. Л.98.
- ³³ Там же. Л.22.
- ³⁴ Кин Д. Указ. соч. С.132-133.
- ³⁵ ГА РФ. Ф.879. Оп.1. Д.55. Л.136-137.
- ³⁶ Деникин А.И. Указ. соч. Т.5. С.112,230.

- ³⁷ Врангель П.Н. Записки. Ч.1. С.180-181.
- ³⁸ Деникин А.И. Указ. соч. Т.5. С.113.
- ³⁹ Покровский Г. Указ. соч. С.227-228.
- ⁴⁰ Врангель П.Н. Записки. Ч.1. С.221.
- ⁴¹ Покровский Г. Указ. соч. С.229.
- ⁴² Там же. С.193-194.
- ⁴³ Калинин И. Указ. соч. С.185-187.
- ⁴⁴ Деникин А.И. Указ. соч. Т.3. С.34.
- ⁴⁵ Деникин А.И. Указ. соч. Т.5. С.274.
- ⁴⁶ Калинин И. Указ. соч. С.191-192.
- ⁴⁷ ГА РФ. Ф.879. Оп.1. Д.1. Л.2об.
- ⁴⁸ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.230.
- ⁴⁹ Покровский Г. Указ. соч. С.185-186.
- ⁵⁰ ГА РФ. Ф.879. Оп.1. Д.110. Л.1-1об.
- ⁵¹ Лукомский А.С. Указ. соч. Т.П. С.197; Деникин А.И. Указ. соч. Т.5. С.190.
- ⁵² Скобцов Д.Е. Указ. соч. Т.2. С.23-24.
- ⁵³ Калинин И. Указ. соч. С.169-170.
- ⁵⁴ ГА РФ. Ф.879. Оп.1. Д.110. Л.162об.; Лукомский А.С. Указ. соч. Т.П. С.196; Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.93; Врангель П.Н. Записки. Ч.1. С.248.
- ⁵⁵ Кин Д. Указ. соч. С.264.
- ⁵⁶ ГА РФ. Ф.879. Оп.1. Д.62. Л.6.
- ⁵⁷ Лукомский А.С. Указ. соч. Т.П. С.195.
- ⁵⁸ Врангель П.Н. Записки. Ч.1. С.181.
- ⁵⁹ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.84.
- ⁶⁰ Деникин А.И. Указ. соч. Т.5. С.208.
- ⁶¹ Лукомский А.С. Указ. соч. Т.П. С.195.
- ⁶² Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.93.
- ⁶³ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.94.
- ⁶⁴ Лукомский А.С. Указ. соч. Т.П. С.195; Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.94.
- ⁶⁵ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.94.
- ⁶⁶ Калинин И. Указ. соч. С.145,152.
- ⁶⁷ Шкуро А.Г. Записки белого партизана. Буэнос-Айрес, 1961. С.224.
- ⁶⁸ Там же. С.225.
- ⁶⁹ Деникин А.И. Указ. соч. Т.5. С.122.
- ⁷⁰ Лукомский А.С. Указ. соч. Т.П. С.196,197; Слащов Я. Крым в 1920 г. М.:Л., 1924. С.27,30.
- ⁷¹ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.228.
- ⁷² ГА РФ. Ф.879. Оп.1. Д.55. Л.20об.
- ⁷³ Соколов К.Н. Указ. соч. С.193-194.
- ⁷⁴ Врангель П.Н. Записки. Ч.1. С.248,251,259; Калинин И. Указ. соч. С.136-137.
- ⁷⁵ Шкуро А.Г. Указ. соч. С.236-237.
- ⁷⁶ Деникин А.И. Указ. соч. Т.5. С.59.
- ⁷⁷ Лукомский А.С. Указ. соч. Т.П. С.204.
- ⁷⁸ Деникин А.И. Указ. соч. Т.5. С.59.
- ⁷⁹ Шкуро А.Г. Указ. соч. С.229; Слащов Я. Указ. соч. С.21.
- ⁸⁰ Деникин А.И. Указ. соч. Т.5. С.189-190.
- ⁸¹ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.57-58.
- ⁸² Деникин А.И. Там же. С.95.
- ⁸³ Деникин А.И. Указ. соч. Т.5. С.260.
- ⁸⁴ Деникин А.И. Указ. соч. Т.4. С.95.
- ⁸⁵ Там же. Т.4. С.96.

- ⁸⁶ Лукомский А.С. Указ. соч. Т. II. С. 159-160.
⁸⁷ Калинин И. Указ. соч. С. 215-216.
⁸⁸ Там же. С. 216-218.
⁸⁹ Соколов К.Н. Указ. соч. С. 192-193.
⁹⁰ Калинин И. Указ. соч. С. 171; Врангель П.Н. Записки. Ч. I. С. 217.
⁹¹ Калинин И. Указ. соч. С. 172-173.
⁹² Врангель П.Н. Записки. Ч. I. С. 248.
⁹³ Там же. С. 162.
⁹⁴ Шкуро А.Г. Указ. соч. С. 240.
⁹⁵ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 206-207.
⁹⁶ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 4. С. 89-90.
⁹⁷ Там же. С. 58.
⁹⁸ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 4. С. 59; Т. 5. С. 187; Шкуро А.Г. Указ. соч. С. 240.
⁹⁹ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 237, 262.

**1920 ГОД В ТАВРИИ:
«ЛЕВАЯ ПОЛИТИКА ПРАВЫМИ РУКАМИ»**

«МОМЕНТО ДЕНИКИН»

1 мая 1920 года... В праздничный для мирового пролетариата день большевистское правительство впервые устроило Всероссийский коммунистический субботник. Войска Юго-Западного фронта под ударами превосходящих сил польских армий после семи дней кровопролитных боев отступили к Фастову; нависла угроза над Киевом. В этот день в Харькове, столице советской Украины, сотрудники разведотдела штаба Юго-Западного фронта допрашивали перехваченного командира украинского повстанческого отряда, направлявшегося из Севастополя в Каменец-Подольский для установления связи между генералом П.Н. Врангелем и С.В. Петлюрой. Тот оказался весьма информированным. Среди прочего он показал на допросе: «План штаба Врангеля состоит в следующем... После захвата Днепровской области они будут обеспечены хлебом на зиму, причем крестьянам будет передана земля. В надежде, что коммунистическое правительство вызовет своей политикой недовольство крестьянства, и этот протест выразится в форме восстания, они собираются тогда предпринять наступление на Москву. Ошибок Деникина они больше не повторят...».¹

Так впервые разведке Красной армии стали в общих чертах известны военно-политические планы генерала П.Н. Врангеля, сменившего 4 апреля А.И. Деникина на посту главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР), остатки которых из Новороссии и Северного Кавказа эвакуировались на территорию Крыма.

В апреле — начале мая Врангель и его штаб сумели восстановить боеспособность армии и укрепить оборону полуострова. Одновременно, провозгласив себя «правителем Юга России» и сосредоточив в своих руках «всю полноту военной и гражданской власти», Врангель сколачивал правительство из своих приверженцев и советников. Сам он неоднократно заявлял, что центральный аппарат управления строится им «не из людей какой-либо партии, а из людей дела, знаний и труда», выполняющих «внепартийную деловую работу». На деле же он руководствовался иными критериями подбора членов правительства: принадлежность к СГОРу, дофевральский бюрократический стаж, убежденность в необходимости лавирования и уступок «низам» ради конечной цели — свержения большевистского режима и реставрации в России монархии.

На должность своего помощника по гражданской части Врангель пригласил из Парижа Александра Васильевича Кривошеина, выехавшего туда еще до смены главкома ВСЮР. 63-летний статс-

секретарь, уроженец Варшавы, сын воронежского крестьянина, дослужившегося в армии до полковника артиллерии, и обедневшей польской дворянки, он закончил Юридический факультет С.-Петербургского университета. Свое восхождение к бюрократическому Олимпу начал с должности юрисконсульта при частной Северо-Донецкой железной дороге. Последующая служба в архивном отделе Московского окружного суда дала ему возможность обзавестись обширными связями в кругах московских промышленников и выгодно жениться на племяннице Саввы Морозова. В 1887 г. он был принят в Земский отдел МВД, затем служил комиссаром по крестьянским делам в Царстве Польском, в 1896 г. был назначен помощником начальника Переселенческого управления, а в 1902 г. — его начальником. После революции 1905 г. Кривошеин стал правой рукой П.А. Столыпина в проведении аграрной реформы: в 1906 г. возглавил Крестьянский банк, с мая 1908 г. по октябрь 1915 г. занимал высокий пост главноуправляющего землеустройством и земледелием. Бюрократ-делец, тесно связанный с финансовыми воротилами, он хорошо понимал глубину и необратимость происходивших в России изменений, ясно представлял себе, что возврата к прошлому нет, видя в продолжении дела Столыпина единственную возможность «излечить» Россию от большевизма. Врангель высоко ценил в нем это сочетание политической чуткости, гибкого ума и бюрократического опыта, не раз говоря окружающим, что Кривошеину он «целиком доверяет дела внутреннего управления».

На пост начальника Управления иностранных сношений был назначен Петр Бернгардович Струве, чье марксистское прошлое должно было доказать Европе демократизм новой власти. Во главе Гражданского управления, ведавшего внутренними делами, Врангель поставил Тверского, бывшего Воронежского губернатора и главноначальствующего Харьковской губернии в 1919 г. На пост начальника Особого отдела главного штаба, ведавшего разведкой и контрразведкой, Врангель пригласил из Сербии уехавшего туда генерала Е.К. Климовича, бывшего директора Департамента полиции, чьи политические взгляды сводились к формуле «все левые одним миром мазаны». Начальником Управления земледелия и землеустройства по рекомендации Кривошеина был назначен сенатор Г.В. Глинка, бывший начальник Переселенческого управления, сподвижник Столыпина, человек стойких монархических убеждений, но также убежденный в необходимости реформ.

По оценке выходившей в Грузии меньшевистской газеты «Вольный горец», вокруг Врангеля «сплотилось все самое талантливое в русской реакции, дельцы реакции, а не ее краснобаи, как у Деникина».

Готовясь к возобновлению вооруженной борьбы, Врангель и его ближайшее окружение понимали, что деникинская политика насильственной реставрации помещичьего землевладения обанкротилась и нужно идти на Москву «новыми путями». Борьба с Красной армией в центре России без поддержки крестьян считалась безнадежной. Штаб Врангеля был завален проектами реформ, прежде всего аграрной, и записками, авторы которых отмечали, что борьба против Советской власти «невозможна без внесения успокоения в деревню, без опоры на многочисленную массу крестьян, собственников в душе», и предлагали «утолить земельный голод и неудержимую тягу крестьян к захвату помещичьей земли» и тем самым «вырвать эту почву из-под ног большевиков».²

Врангель и сам уже не мыслил иначе. Председатель Таврической губернской земской управы князь В.А. Оболенский точно подметил главное, что отличало нового главкома от Деникина. Последний «был чрезвычайно прямолинеен в своих чувствах, взглядах и суждениях. Раз усвоив их, он оставался им верен до конца, хотя бы жизнь на каждом шагу давала ему разочарования». Врангель, напротив, «старался с жадностью почерпнуть не в идеях, а в самой жизни руководящие нити для своей политики... Он подходил к власти без каких-либо предвзятых мыслей..., с верой в свою интуицию и в умение делать практические выводы из опыта жизни. Он ставил себе определенную цель, а средства готов был выбирать любые...».³ Уже в первых своих публичных заявлениях и беседах с представителями различных общественных кругов и печати новый главком высказался категорично: «Это было совершенным безумием идти на Москву с разлагающейся армией и дезорганизованным тылом. Моя тактика будет другая. Даже при благоприятных условиях я не двинусь вперед, не приведя в полный порядок армию и тыл».⁴ «Я вижу к воссозданию России совершенно иной путь... — заявил он корреспондентам крымских газет. — Не триумфальным шествием из Крыма к Москве можно освободить Россию, а созданием хотя бы на клочке русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помысли и силы стонущего под красным игом народа».⁵

Агентурная разведка Красной армии доносила из Севастополя: «Врангель резко отличается от своих предшественников и выделяется из окружающей среды. Человек безусловно умный и опасный, великолепно учитывающий обстановку, события и настроение масс».⁶

К середине мая, исходя из многочисленных проектов, рекомендаций союзников и условий положения ВСЮР в Крыму, Врангель и его советники окончательно разработали план военных действий

и основу «левой политики правыми руками». Предусматривалось прежде всего захватить Северную Таврию, выдвинув армию на линию Бердянск — Пологи — Александровск — Днепр. Северная Таврия с почти полутора миллионным крестьянским населением, огромными продовольственными, сырьевыми и конскими ресурсами должна была обеспечить развертывание, пополнение и снабжение армии, решение финансово-хозяйственных проблем.

Предполагалось, что избыток зерна пойдет на экспорт, который благодаря правительственным мерам регулирования обеспечит приток в казну иностранной валюты, вырученная валюта позволит поднять курс рубля, остановить рост дороговизны и путем казенного и частного импорта снабдить армию вооружением, боеприпасами, обмундированием, снаряжением и прочим, население — товарами первой необходимости, промышленность и транспорт — топливом и смазочными материалами. Тем самым предполагалось справиться с хозяйственной разрухой, возродить экономику, основу прочности тыла, и обеспечить более высокий, чем в большевистской России, материальный уровень жизни населения.⁷

В политическом плане Крым вместе с Северной Таврией должны были стать тем «опытным полем», где новое военно-политическое руководство ВСЮР намеревалось опробовать «левую политику правыми руками», направленную, по словам Врангеля, на то, чтобы опереться на зажиточное крестьянство юга России и Украины «не в смысле демагогии, а в смысле реальной политики». Гвоздем ее была земельная реформа, в ходе которой намечалось, ограничив крупное помещичье землевладение, увеличить землевладение крестьян-середняков и тем расширить зажиточную прослойку в деревне, настроенную антибольшевистски. Кроме того, планировалось обеспечить крестьян остро необходимыми им промышленными товарами через свободную внутреннюю торговлю и регулируемую правительством внешнюю. Наконец, предполагалось прекратить грабежи и насилия войск над крестьянами, вошедшие в норму в деникинский период.⁸

Эта «реальная» политика, которую Врангель назвал «основой всего дела», должна была, удовлетворив интересы зажиточного крестьянства, во-первых, создать из него бездонный резервуар, из которого можно было бы черпать людские и материальные ресурсы для продолжения войны против большевистского режима, во-вторых, умиротворить деревню и повернуть ее к помощи белым войскам, и, в-третьих, поднять боевой дух войск сочувствием населения.

Планы Врангеля и его сподвижников предусматривали как можно более длительное удержание Северной Таврии, которая вместе с Крымом должна была стать своего рода «катушкой», на

которую впоследствии должна «намотаться остальная Россия». Помня, что Деникин, по выражению Кривошеина, «не справился с территорией», они намеревались реализацией «левой политики» обеспечить в занятых областях более высокий, чем в «Совдепии», материальный уровень жизни, «законность и порядок». Таким образом, они фактически планировали политику «двух России», стремились противопоставить большевистской России Белый Крым. Врангель откровенно говорил В.В. Шульгину: «Я добиваюсь того, чтобы в Крыму, чтобы хоть на этом клочке, сделать жизнь возможной... Показать остальной России..., вот у вас там коммунизм, то есть голод и чрезвычайка, а здесь: идет земельная реформа, заводится порядок и возможная свобода... Ну, словом, опытное поле...». Кривошеин в разговоре с Шульгиным к этому добавил: «...На этом клочке земли, в этом Крыму, надо устроить человеческое житье. Так, чтобы ясно было, что там вот, за чертой, красный кабак, а здесь, по сю сторону, — рай не рай, но так, чтобы люди могли жить... Мы, так сказать, опытное поле, показательная станция. Надо, чтобы слава шла туда, в эти остальные губернии, — что вот там, в Крыму, у генерала Врангеля, людям живется хорошо». И при это дважды оговорился, что главное — не забывать об ошибках Деникина: «momento Деникин».⁹

Расчет состоял в том, что через какое-то время русский народ, доведенный до полного разорения и страшного озлобления политикой военного коммунизма, «сам свергнет иго большевиков». И белой армии останется постепенно продвигаться вперед, закрепляя отвоеванные области, которые станут источником ее силы, а не слабости, как было при Деникине, проводившем политику «завоевания» России. Генерал П.Н. Шатилов, начальник штаба главкома, выразил эти надежды довольно образно: «Нас провожали выстрелами из окон, а будут встречать с иконами». Куда проще высказался комкор генерал А.П. Кутепов: «С аграрным законом и виселицей мы скоро дойдем до Москвы».

11 мая Добровольческая армия, название которой произносилось крестьянами с ненавистью, связывалось ими с возвращением помещиков, грабежами и террором, была переименована Врангелем в «Русскую», что, по его мнению, придало ей «народный» характер.

Начав наступательную операцию 6 июня высадкой Крымского корпуса Слащова на азовском побережье, Русская армия к 23 июня заняла и «присоединила» к Крыму всю Северную Таврию. Чтобы удержать это «опытное поле», Врангелю пришлось веерообразно растянуть свои лишние резервы войска тонкой линией. Такое расположение с точки зрения академической стратегии было совершенно непригодно ни для дальнейшего наступления, ни для

обороны. До этого Врангель не раз обвинял Деникина в том, что при нем «стратегия была принесена в жертву политике, а политика никуда не годилась». Теперь он сам принес стратегию в жертву политике, сделав решающую ставку на успех «левой политики правыми руками», прежде всего аграрной реформы, на преодоление экономического кризиса путем жесткого государственного регулирования и поддержку населения, прежде всего крестьян.

Примечания:

¹ РГВА. Ф.33988. Оп.2. Д.279. Л.133-135.

² РГВА. Ф.33988. Оп.2. Д.279. Л.133-135; Махров П.С. В белой армии генерала Деникина. СПб., 1994. С.266-278; Оболенский В. Крым при Врангеле. М.:Л., 1928. С.7.

³ Оболенский В. Указ. соч. С.9.

⁴ Там же. С.10.

⁵ Врангель П.Н. Записки (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). Ч.2//Белое дело. Берлин, 1928. Кн. VI. С.44.

⁶ РГВА. Ф.102. Оп.3. Д.500. Л.260об.

⁷ РГВА. Ф.109. Оп.3. Д.274. Л.306-4; Врангель П.Н. Записки. Ч.2. С.79; Раковский Г. Конец белых: От Днепра до Босфора (Вырождение, агония и ликвидация). Прага, 1921. С.97.

⁸ РГВА. Ф.109. Оп.3. Д.274. Л.306-4; Врангель П.Н. Записки. Ч.2. С.21,25,74.

⁹ Оболенский В.А. Указ. соч. С. 10; Шульгин В.В. 1920 год. София, 1922. С.204-205,207-209.

ДОРОГОСТОЯЩИЙ «ФАСАД ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»

Полагая, что Колчаку и Деникину «связывали руки» правительства — Временное Российское и Особое совещание, — Врангель был убежденным сторонником того, что в условиях разрухи и гражданской войны единственной формой правления может быть только военная диктатура сродни власти командующего армией¹.

После его назначения главкомом эвакуировавшиеся в Ялту сенаторы совместно с представителями правых крымских организаций подали ему докладную записку о форме правления, в которой предлагалось установить военную диктатуру («другого устройства власти, кроме военной диктатуры, при настоящих условиях мы не

можем признать») и «упростить» аппарат управления – образовать при главкоме Совет из назначенных им начальников центральных управлений, а «высшее наблюдение за законностью» возложить на Сенат². Аналогичные настроения царили и среди старшего командного состава. Так, генерал Слащов настойчиво предлагал Врангелю в рапорте от 5(18) апреля «объявить себя Диктатором (неограниченным Правителем) без флера, а ясно для всех (для народа)»³.

Главным препятствием, как показал опыт Деникина, на пути к установлению единоличной диктаторской власти являлась суверенность казачьих областей. Однако войсковые атаманы и председатели правительств Дона, Кубани, Терека и Астрахани, оказавшиеся в Крыму «без народов и территорий», попали в полную зависимость от нового главкома: только управления его штаба и подчиненные ему центральные учреждения могли финансировать казачьи части и снабжать всем необходимым, только в его распоряжение поступали предметы снабжения от англичан. Наконец, почти все наиболее оппозиционно настроенные к главному командованию казачьи политические деятели, прежде всего «черноморцы», предпочли перебраться в Грузию, но не в Крым. Поэтому Врангель мог уже более решительно ставить и без пространных совещаний решать вопрос о подчинении себе казачьих войск.

29 марта (11 апреля) приказом главкома ВСЮР № 2925 было объявлено новое «Положение об управлении областями, занимаемыми Вооруженными силами на юге России», в котором предельно ясно формулировался принцип военно-диктаторской власти: «Правитель и главнокомандующий... обнимает всю полноту военной и гражданской власти без всяких ограничений». Казачьи войска подчинялись главкому ВСЮР, а «земли казачьих войск» объявлялись «независимыми в отношении самоуправления». Состоящие в непосредственном подчинении главкома его помощник, начальник его штаба и начальники управлений – Военного, Морского, Гражданского, Хозяйственного, Иностранных сношений, — а также Государственный контролер составляли Совет при главкоме, «имеющий характер органа совещательного»⁴.

Согласно положению, Хозяйственное управление должно было ведать финансами, продовольствием, торговлей и промышленностью, транспортом⁵. Таким образом, в новое центральное управление были чисто механически соединены четыре прежних центральных управления, ведавших вопросами экономики и снабжения.

2(15) апреля Врангель заключил с казачьими атаманами соглашение, в соответствии с которым сохранялась «полная автономия и независимость» казачьих областей «в отношении внутреннего гражданского устройства», достаточно мифическая, поскольку на

их территории была установлена Советская власть. В то же время главкому предоставлялась реальная власть над эвакуированными в Крым казачьими войсками и исключительное право вести от их имени переговоры с иностранными государствами⁶.

Таким образом, уже в первые десять дней своего командования Врангель сумел, в силу сложившейся ситуации, решить проблему подчинения казачьих войск, которую Деникин не смог решить за два года.

В ходе подготовки десантной операции на Кубань, в случае успеха которой не только под контроль ВСЮР и его управление перешла бы Кубань, но и открывались, в случае подъема казаков, дороги на Дон и Терек, Врангель столь же решительно, с одной стороны, распространил свое управление на ведущие сектора экономики казачьих областей и установил свое исключительное право эмиссии, с другой – интегрировал казачьи власти в созданный при себе правительственный аппарат. 22 июля (4 августа) в Севастополе он подписал с атаманами и главами правительств Дона, Кубани, Терека и Астрахани соглашение «в развитие соглашения от 2(15) апреля».

Казачьи области в соглашении именовались «государственными образованиями» и им обеспечивалась «полная независимость в их внутреннем устройстве и управлении». В Совет при главкоме с правом решающего голоса были введены председатели их правительств. Главкому «присваивалась полнота власти» над всеми их вооруженными силами «как в оперативном отношении, так и по принципиальным вопросам организации армии», при этом Дон, Кубань, Терек и Астрахань обязывались «по указанию» главкома производить на своей территории мобилизацию «не менее сроков и категорий», чем проводится на территории ВСЮР. Все необходимые для снабжения войск «продовольственные и иные средства» они должны были предоставлять по требованию главкома «по особой разверстке». Управление железными дорогами и магистральными телеграфными линиями казачьих «государственных образований» передавалось власти главкома. Устанавливалась общая таможенная черта, отменялись все таможенные заставы и досмотры, вводилось единое косвенное обложение. Устанавливались единая денежная система и исключительное эмиссионное право власти главкома, причем размеры эмиссии определялись постановлениями совета при главкоме, а «установление денежной системы и распределение денежных средств, получаемых от эмиссии», должны были определяться дополнительными соглашениями. Наконец, внешнеполитические и внешнеторговые отношения целиком осуществлялись правителем и главкомом⁷.

Атаманы и главы правительств, поскольку судьба казачьих частей и гражданских беженцев в Крыму, прежде всего – снабжение и вооружение потерявших материальную часть полков и батарей, а следовательно – и перспектива возвращения в родные области, целиком зависела от Врангеля, вынуждены были принять условия этого соглашения. Хотя оно, по сути, воспроизводило схему «автономии», которую Деникин и Особое совещание не сумели навязать казачьим областям в 1919 г., и перечеркивало их собственные основные законы. Однако они могли утешить себя двумя последними пунктами: хотя соглашение «приемлет силу тотчас по его подписанию», но оно подлежало утверждению Кругов и Рады, что могло состояться лишь на собственно казачьей территории, а кроме того, срок действия его ограничивался «полным окончанием гражданской войны»⁸.

6(19) августа, в момент наибольшего успеха десантной операции на Кубань Врангель издал приказ № 3504, которым «ввиду расширения занимаемой территории и в связи с соглашением с казачьими атаманами и правительствами», он переименовал себя в «правителя юга России» и главнокомандующего Русской армией, а Совет при себе – в «Правительство юга России», в которое вошли начальники центральных управлений и представители казачьих государственных образований и которое возглавлял председатель правительства⁹. Проведенные этим приказом переименования, не меняя ни сути военно-диктаторской власти Врангеля, ни положения правительства как совещательного органа при главкоме, важны были как для обоснования распространения власти главкома на казачьи области, так и для придания этой власти более гражданского и общероссийского облика, без чего трудно было добиться признания со стороны держав Антанты, прежде всего – Франции, с представителями правительства которой на этот счет велись в Париже и Севастополе активные переговоры.

Поскольку Правительство юга России, как и Совет при главкоме, оставался совещательным органом, «решающие» голоса председателей казачьих правительств практически никакого веса в нем не имели. Они даже не всегда приглашались на его заседания. На его состоявшихся 54-х заседаниях (в среднем оно заседало два раза в неделю), как правило, рассматривались и утверждались внесенные начальниками управлений штаты учреждений, ходатайства об отпуске кредитов, проекты казенных внешнеторговых договоров. Председательствовал на заседаниях помощник главкома и начальник его штаба генерал П.Н. Шатилов, а с июня – прибывший из Парижа и назначенный помощником главкома по гражданской части А.В. Кривошеин. Сам Врангель председательствовал всего не-

сколько раз: когда нужно было одобрить проект какого-либо особо важного закона (например, о земле) или дать общие принципиальные указания начальникам управлений. Подавляющее большинство самых серьезных вопросов решалось по представлению глав ведомств путем согласования между Врангелем и Кривошеиным. Соответственно, все законы и решения правительства обнародовались в виде приказов «правителя и главнокомандующего»¹⁰.

Врангель через свой штаб осуществлял не только командование армией и флотом, но и отчасти управление теми гражданскими областями, которые так или иначе имели отношение к снабжению и обслуживанию вооруженных сил. Должность начальника штаба главкома до июня занимал генерал П.С. Махров, 6(19) июня его сменил генерал Шатилов, в 1919 г. служивший у Врангеля начальником его штаба в Кавказской и Добровольческой армиях. Штаб состоял из 1-го и 2-го генерал-квартирмейстерств. В 1-е, возглавляемое генералом Г.И. Коноваловым, входили отдел: общий, оперативный, организационный, разведывательный, агентурный, связи, а также управления генерал-инспекторов пехоты, кавалерии, артиллерии и авиации (управления среди прочих вопросов ведали артиллерийским и инженерно-техническим снабжением подведомственных родов войск). Во 2-е генерал-квартирмейстерство, возглавляемое генералом А.П. Архангельским, входили отделы: общий, политический (ведал агитацией и пропагандой на фронте, в тылу и на советской территории), иностранных сношений, военно-цензурный, особый (контрразведка) и управление дежурного генерала¹¹.

Комплектованием, снабжением и тыловым обеспечением Русской армии и Черноморского флота ведали Военное управление (начальник – генерал В.Е. Вязьмитинов) и Морское управление (начальник – адмирал А.М. Герасимов), а также Главное интендантство, Главное военно-инженерное управление, Главное военно-санитарное управление и Управление начальника военных сообщений, ведавшее транспортом и средствами связи.

Хотя обобщающие данные о численности офицеров, служивших в центральном аппарате военного управления, отсутствуют, их можно установить косвенным путем. В сентябре общая численность офицеров в Русской армии достигла почти 50 тыс., из которых до 20 тыс. служили в действующей армии и органах армейского тыла, 5 – 7 тыс. служило в запасных частях и местных органах военного управления (комендатурах и т.д.) и находилось в резерве. Таким образом, в центральном аппарате военного управления служило 20 – 25 тыс., что составляло почти половину всего офицерского состава¹².

Аппарат гражданского управления ВСЮР после эвакуации в Крым оказался совершенно дезорганизован. Почти все начальники управлений поспешили выехать за границу, остались лишь М.В. Бернацкий и А.А. Нератов. Выехали также многие начальники отделов и другие структурных подразделений. Тысячи чиновников, бросив большинство дел при эвакуации Новороссийска, не могли даже найти помещений. Одним из последних приказов Деникина были расформированы несколько управлений и эвакуированные в Крым губернские и уездные учреждения тринадцати губерний, многие чиновники остались за штатом¹³.

Одержимый идеей «упрощения административного аппарата», Врангель приказом от 29 марта (11 апреля) свел остатки всех центральных гражданских управлений в четыре: Гражданское управление (внутренние дела, земледелие и землеустройство, юстиция и народное просвещение), Хозяйственное управление (финансы, продовольствие, торговля и промышленность, пути сообщения), Управление иностранных сношений и Государственный контроль. По сути, шаг этот означал чисто механическое сведение более или менее близких отраслей управления под власть одного начальника. Поэтому уже спустя три дня начался обратный процесс рассредоточения управленческих функций.

Хозяйственное управление было разделено на Управление снабжений и Управление финансов. Первое из них в условиях Крыма, который объективно, в силу крайней скудости хозяйственных ресурсов, не мог содержать и обеспечивать всем необходимым армию и флот, население и беженцев, призвано было предельно централизовать снабжение топливом, продовольствием, промтоварами и военными материалами: как закупки, включая импортные, так и поставки потребителям. В его состав вошли отделы, ведавшие торговлей, промышленностью, топливом и продовольствием. Управление финансов должно было заниматься своим прежним делом: эмиссией, бюджетом, пополнением доходов, регулированием денежного обращения, стабилизацией курса рубля и т.д. Наконец, Отдел путей сообщения был передан в состав Гражданского управления¹⁴.

Логике и смысла во всех этих перетасовках отраслевых отделов было немного и отражали они прежде всего заинтересованность соответствующих начальников управлений, их представления о своих задачах и путях их решения и, наконец, их возможность влиять на главкома.

В апреле, по предложению Врангеля, Совет при главкоме организовал межуведомственную комиссию по пересмотру штатов «с целью их возможного сокращения», которую возглавил генерал

Шатилов. В течение апреля – июня Совет утвердил разработанные комиссией штаты всех центральных управлений¹⁵.

Начальником Управления финансов Врангель назначил профессора М.В. Бернацкого, возглавлявшего его при Деникине. Поскольку никакими успехами, если не считать открытия собственных экспедиций заготовления государственных бумаг, управление похвастаться не могло, главными мотивами этого назначения, скорее всего, были опыт Бернацкого и отсутствие других претендентов на эту должность. Поскольку он длительное время находился в командировке в западноевропейских странах, фактически его обязанности исполнял В.В. Матусевич.

В Управление финансов входили отделы: кредитный, акцизно-монопольный, счетно-казначейский, таможенных сборов. Кредитному отделу подчинялись местные отделения Государственного банка, через которые проходило финансирование из бюджета государственных учреждений, армии и флота. Акцизно-монопольный отдел ведал сборами косвенных налогов и фискальными монополиями, разрабатывал проекты по их введению. Отделу таможенных сборов, ведавших сбором таможенных пошлин, подчинялись тринадцать таможенных застав в портах Крыма и занятой в июне Северной Таврии¹⁶.

В апреле при Управлении финансов была образована особая Финансово-контрольная комиссия, которая давала заключения по сметам и штатам учреждений, проектам внешнеторговых договоров и т.д. Исходя из жесткой необходимости экономии бюджетных средств, комиссия, чаще всего – произвольно, урезала предполагавшиеся к отпуску суммы. Однако большого эффекта экономии ее деятельность не имела, поскольку главы ведомств через Врангеля или Кривошеина находили способ обойти установленные ею ограничения¹⁷.

Управление снабжений до июня представляло собой конгломерат весьма мало связанных друг с другом гражданских и военных отделов и управлений. В него входили, с одной стороны, артиллерийское, интендантское и ветеринарное управления, инженерно-технический отдел, отделение ремонта (конского состава), с другой – отделы промышленный, продовольственный, горный и топлива, торговых портов и мореплавания. Все это громоздкое сооружение, отдельные части которого были вдобавок разбросаны по Севастополю, объединялось лишь сверху – властью начальника управления, которым Врангель назначил генерала П.Э. Вильчевского, бывшего начальника снабжений Кавказской армии, исходя из убежденности в его «неподкупной честности, энергии и твердости». Дабы расширить его возможности в пла-

не привлечения частных фирм к поставкам на армию, ему в помощники по гражданской части был назначен инженер С.С. Демосфенов, известный предприниматель, занятый в сфере хлебо-торговли, который вскоре был снят за участие в грандиозных спекулятивных операциях¹⁸.

После того как в июне Кривошеин, защищая интересы предпринимателей, добился выделения из Управления снабжений отделов, которые прежде входили в Управление торговли и промышленности, работа Управления снабжений свелась к обеспечению тыловых учреждений армии продовольствием, а войск – различными военными материалами¹⁹.

Создание 15(28) июня Управления торговли и промышленности фактически стало воссозданием прежнего управления в составе тех же отделов: продовольствия, торговли, промышленности, горного и топлива, торговых портов и мореплавания. Во главе его по рекомендации Кривошеина главком поставил В.С. Налбандова, известного крымского землевладельца и финансиста, принадлежавшего к правому крылу кадетской партии и занимавшего в Крымском правительстве С.С. Крыма пост государственного контролера²⁰.

Отдел горный и топлива занимался как организацией добычи топлива в Крыму, так и закупкой горюче-смазочных материалов на внешнем рынке. Отдел промышленности вел учет предприятий и способствовал восстановлению производства путем кредитования. Отдел продовольствия производил через конторы своих уездных уполномоченных по продовольствию закупки хлеба, скота и продуктов. Почти половина чиновников управления работали в отделе торговли, занимавшем в нем центральное место, причем отделение внутренней торговли, на которое была возложена задача разработки и координации мер по борьбе со спекуляцией, состояло из одного лишь начальника, который занимался только тем, что регистрировал стремительный рост цен на рынках. Зато бурную деятельность вело многочисленное отделение внешней торговли, которое выдавало разрешения на вывоз сырья.

Все отделы управления имели своих уполномоченных губернского, уездного и городского ранга, руководивших конторами, а также представительства (торговые агентства) за границей (в крупных портах), численность чиновников в которых превышала численность их в центральном аппарате ведомства. Стремясь хоть как-то сократить разбухшие штаты, Совет при главкоме по проекту Налбандова в августе решил слить отделы торговли и продовольствия и объединить конторы местных уполномоченных всех отделов. Однако на практике эта реорганизация не была проведена из-за сопротивления чиновников²¹.

На возглавляемое Глинкой Управление земледелия и землеустройства, образованное 15(28) июня на основе одноименного отдела Гражданского управления, была возложена реализация земельной реформы. В составе управления в середине (конце) июля был создан лесной отдел, основой которого послужил отдел заготовок древесного топлива, переданный из Управления торговли и промышленности, который ведал как сохранностью лесов, так и заготовками дров через предпринимателей²².

На Управление государственного контролера (Государственный контроль) возлагался контроль за финансовой деятельностью ведомств, то есть расходами отпускаемых им бюджетных средств. До июня должность Государственного контролера занимал А.А. Васильев, затем на нее был назначен прибывший из Парижа Н.В. Савич. Работа этого управления в значительной степени была бесполезной, поскольку расходы проверялись по факту и ведомства часто присылали отчетность с большим опозданием, да еще не прикладывая необходимых документов. Когда же контроль не утверждал проектов, специально направленных ему, поскольку они требовали больших затрат, начальники ведомств часто игнорировали его мнение и получали все необходимые разрешения у Кривошеина и Врангеля в обход контроля²³.

В начале (середине) апреля выделенный из расформированного Хозяйственного управления отдел путей сообщения был сначала передан в Гражданское управление, а затем выделен в самостоятельное управление, которому были подчинены Южные железные дороги и строительство железной дороги Джанкой – Перекоп. Но уже через несколько дней управление было упразднено и отдел путей сообщения передан в Управление начальника военных сообщений, в результате чего железные дороги попали в полное распоряжение штаба главкома. В октябре в связи с усилением разрухи на транспорте Врангель восстановил Управление путей сообщения, пригласив на должность его начальника инженера Кригер-Войновского, бывшего управляющего Владикавказской железной дороги, однако очередная реорганизация никакого положительного результата не дала²⁴.

Обобщающие данные о бюджете и штатной численности аппарата гражданского управления не обнаружены. По косвенным данным можно, однако, установить, что в центральном аппарате работало не менее 5 тыс. чиновников, а на содержание этого аппарата за период с апреля по ноябрь было истрачено 10 – 12 млрд. руб.²⁵

Центральный аппарат, находившийся в Севастополе, был вздвигнут над губернским (Таврической губернии), который находился в Симферополе и сохранился в дореволюционном виде. Де-

тельность центральных учреждений практически не выходила за пределы Таврической губернии, которой управлял губернский аппарат численностью до 5 тыс. чиновников. Естественно поэтому, что большая часть работы центральных управлений состояла в переписке с подчиненными им губернскими учреждениями²⁶.

Уездная и волостная администрация в условиях самоуправления начальников войсковых частей, проходивших через их территорию или стоявших на ней, как и вообще офицеров, была совершенно парализована. Вся их деятельность сводилась к вымогательствам у зажиточных крестьян «детям на молочишко», пьянству и издевательствам над населением²⁷.

Чтобы пресечь практику «самоснабжения» войск путем грабежа населения, поднять в войсках дисциплину и тем переломить враждебное отношение крестьян к армии, что должно было облегчить проведение законных реквизиций и мобилизаций, в мае Врангель приказал образовать военно-судные комиссии при начальниках гарнизонов, штабах корпусов, дивизий и отдельных бригад. В их компетенцию входило расследование и вынесение приговоров по делам о грабежах, разбоях и самовольных реквизициях, совершаемых чинами армии в отношении населения²⁸.

Учреждение их в первую очередь породило неразбериху в судебном ведомстве: пока дела лежали без движения, между Военной прокуратурой, Управлением юстиции, окружной судебной палатой и окружным судом шли бесконечные споры о том, кто должен их рассматривать, поскольку все старались спихнуть их вновь образованным комиссиям. Но военно-судные комиссии, которые крестьяне Таврии осаждали с жалобами на грабежи, оказались совершенно недееспособны. Во-первых, потому, что состояли не из опытных юристов, а, в основном, из бывших строевых офицеров, которые не желали «цацкаться с мужиком» и строго наказывать своих однополчан. Во-вторых, командиры частей всячески третируют комиссии, не отвечая на их запросы и укрывая привлеченных к ответственности офицеров, казаков и солдат. В-третьих, большинство осужденных было помиловано самим же Врангелем ввиду их «боевых заслуг». К осени военно-судные комиссии превратились либо в бюрократические учреждения, безуспешно «штурмующие» штабы и командование с целью вытребовать на допрос обвиняемых, либо в хозяйственные органы, расплачивавшиеся с крестьянами за уведенных лошадей, отобранный хлеб и прочее имущество, и на этой почве сами погрязшие в вымогательстве и казнокрадстве²⁹.

Неудачей закончилась и попытка организовать при командирах корпусов управления заместителей по гражданской части, на-

стойчивым инициатором которой выступил генерал Слашов. В мае Совет при главкоме одобрил предложенный им проект. Согласно утвержденному главкомом 11(24) мая «Положению о начальниках гражданской части при командирах корпусов», «начграчи», как их стали именовать, наделялись правами губернатора и подчинялись начальнику Гражданского управления. В состав гражданских частей вводились представители всех гражданских ведомств. Их важнейшей задачей было формирование местного административного аппарата на только что занятой войсками территории (управлений начальников уездов, городской и сельской стражи), чтобы как можно скорее передавать ее под управление гражданских ведомств и тем положить предел произволу военного начальства, которое рассматривало ближайший тыл как свою вотчину. Однако уже в середине (конце) июля гражданские части были расформированы, поскольку создавали излишний параллелизм, вносили путаницу и неразбериху, а главное — вызвали сильнейшее недовольство военных начальников вмешательством в вопросы снабжения местными средствами³⁰.

По-прежнему самой характерной чертой государственного аппарата была устойчивая тенденция разбухания и саморазмножения. Врангель, государственный кругозор которого во многом оставался на уровне ротмистра гвардейской кавалерии, пребывал в убеждении, что государственный аппарат можно упростить и устроить на манер полевого штаба — стоит только приказать. За апрель — май он отдал приказы о расформировании более пятисот военных и гражданских учреждений. Однако эта кавалерийская атака на бюрократию особого успеха не имела. Офицеры, откомандированные из упраздненных тыловых учреждений на фронт, не веря в победу и не желая рисковать жизнью, добивались откомандирования в другие, вновь учреждавшиеся тыловые учреждения и в итоге все-таки покидали фронт. Чиновники также перекочевывали из упраздненных учреждений во вновь открывавшиеся. Сделать это было не так трудно, поскольку новые учреждения являлись продолжением старых — под новой вывеской, но под руководством тех же начальников. Главы ведомств и руководители учреждений стремились постоянно расширять подчиненные им аппараты, поскольку это расширяло бюджетное кредитование и делало службу «доходнее». Поэтому вместо упраздненных скоро возникали новые учреждения, множилось число управлений, отделов и канцелярий и весь этот процесс по сути свелся к «калейдоскопической перемене фамилий и вывесок, а зачастую даже только последних»³¹.

Разбуханию аппарата способствовала и деятельность Кривоше-

ина, видевшего средство решения всех проблем в реорганизации управления и остававшегося по психологии «тайным советником и министром большой самодержавной России». С другой стороны, он, как и многие главы ведомств, стремились решать все вопросы «во всероссийском масштабе», чтобы «выковать» в Таврии «прообраз будущей России». Поэтому и происходили постоянные «перестройки», переподчинения, слияния и разделения. Отсутствие эффекта от одной реорганизации порождало другую. Все это в итоге и вело к росту штатов. Результатом стал выстроенный руками опытных бюрократов крайне дорогой и «показной фасад государственности», который только прикрывал прогрессирующий развал тыла.³²

Разбухание аппарата управления, борьба за крайне ограниченные бюджетные средства и коррупция привели к тому, что межведомственные трения превратились в ожесточенную межведомственную конкурентную борьбу. Каждое ведомство в лице своего начальника отстаивало сохранение за собой наиболее «доходных» дел, стремилось добиться увеличения собственного кредитования за счет других, выставить свою деятельность как единственно правильную и опорочить конкурентов, отеснить их и при этом свалить на них наиболее сложные вопросы. Так, Управление торговли и промышленности и Управление финансов прочно увязли в противоборстве по поводу регулирования экспортно-импортных операций и контроля за деятельностью частных банков, а Управление торговли и промышленности и Главное интендантство жестко конкурировали между собой за бюджетные деньги, отпускавшиеся на закупку хлеба и т.д.³³

В результате такого противоборства законодательные предположения ведомств, вносившиеся в Совет при главкоме и позже в Правительство юга России, противоречили друг другу. Распоряжения, отдававшиеся управлениями и их отделами своим местным учреждениям, часто противоречили не только распоряжениям других ведомств, но и другим отделам того же управления. Между учреждениями различных ведомств, которым приходилось взаимодействовать при решении одного вопроса, шла бесконечная переписка о «согласовании», в ходе которой каждый стремился оградить свои интересы. Отсутствие фактической согласованности приводило к многочисленным выяснениям, уточнениям и переделкам распорядительных документов, в ходе которых учреждения, как выразился один чиновник, «запутывались в формальностях», а дело тем временем не двигалось. Руководители учреждений в конкурентной борьбе за бюджетные деньги и «доходные» сферы управления и дела нередко превышали свою власть, хорохорились

друг перед другом, но когда дело доходило до серьезных вопросов или неодолимых дел, стремились кивать на других, передавать дела другим и проявляли полное бездействие. Старая бюрократическая практика создания междоветовственных комиссий, к которой широко прибегал Кривошеин, не могла изменить ситуации, поскольку начальники весьма часто вообще игнорировали заседания комиссий, работа их затягивалась и решения не выполнялись. Как констатировал в одном из своих приказов Врангель, «канцелярская волокита и междоветовственные трения сводят на нет все мои начинания»³⁴.

Эффективность работы чиновников в 1920 г. была еще ниже, чем в 1919 г. Чувство долга, отчасти питавшееся расчетами на чины, награды и продвижение по службе, как и другие факторы, сошли на нет. Главным мотивам стало использование служебного положения в корыстных целях. Этому способствовали как ощущение непрочности положения Русской армии в Таврии, так и катастрофическое ухудшение материального положения.

В государственном аппарате врангелевской Таврии служило примерно 10 – 12 тыс. чиновников. Члены их семей насчитывали 20 – 25 тыс. Месячное жалование чиновников XVI – VII – IV классов составляло в мае 7 000 – 16 000 – 27 000 руб. и вместе со всеми прибавками покрывало от 5 до 25 % семейного прожиточного минимума. В сентябре оклады были удвоены, но уже за октябрь инфляция «съела» прибавку, и жалование снова стало покрывать всего 5 – 10 % прожиточного минимума. Положение чиновников усугублялось еще и тем, что за зиму – весну, голодая, многие продали последнее «лишнее» имущество и этот источник повышения реальных доходов иссяк. Поэтому чиновникам ничего не оставалось, как брать и вымогать взятки, присваивать казенные суммы³⁵.

Периодически издававшиеся приказы Врангеля грозили взяточникам и казнокрадам, «подрывающим устои разрушенной русской государственности», каторгой и смертной казнью, введенной в октябре. Однако никакого сдерживающего воздействия они не оказали. Столь же недейственными были и кампании официальной прессы, взывавшей к патриотическим чувствам чиновников (под лозунгом «Брать сейчас взятку – значит торговать Россией!») и рассуждавшей, что «ничтожное жалование, дороговизна, семьи – все это не оправдание» для мздоимства³⁶.

В итоге переписка превратилась в механическую канцелярскую работу «вне времени и пространства», в создание видимости деятельности. Волокита останавливала все дела и стала орудием вымогательства: всякое дело отставалось «точно баржа, путешествующая по шлюзам», пока взятка не открывала шлюзы. «Крымский

вестник» так живописал выполнение гражданскими ведомствами приказов «правителя»: «Бумажная машина совершила положенный ей круг, поставила точку и подвела итог: исполнено. Но в жизни остались лишь груды исписанной бумаги с номерами и подписями. Волокита организовала у нас свое государство в государстве...».³⁷

Наконец, резко упала служебная дисциплина чиновников. Опоздания на работу и бездельничанье приняли настолько массовый характер, что даже формальный документооборот оказался разрушенным, если не запутывался нарочно, чтобы скрыть следы должностных преступлений. Чиновники большей частью «пили чай и курили», обычное высокомерие и равнодушие к просителям и жалобщикам из простонародья превратилось в презрение и грубость.³⁸

Именно этот военно-гражданский, выстроенный по типу военной диктатуры, государственный аппарат призван был проводить в жизнь «левую политику правыми руками» и регулировать экономическую жизнь занимаемой территории.

Примечания:

- ¹ Раковский Г. Конец белых. С.26.
- ² Оболенский В. Указ. соч. С.31.
- ³ Слащов-Крымский Я.А. Требую суда общества и гласности. Крымская губерния, 1921. С.6.
- ⁴ Врангель П.Н. Записки. Ч.2. С.30.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Юг России (Севастополь). 1920. 3(16) апреля.
- ⁷ Врангель П.Н. Записки. Ч.2. С.131-133.
- ⁸ Там же. С.133.
- ⁹ Там же. С.149.
- ¹⁰ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.3. Л.2-79; Росс Н. Врангель в Крыму. Франкфурт н/М, 1982. С.119,121.
- ¹¹ РГВА. Ф.102. Оп.3. Д.500. Л.260-260об.
- ¹² РГВА. Ф.102. Оп.3. Д.538. Л.8об.-9,12; Лукомский А.С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т.II. С.235.
- ¹³ Врангель П.Н. Записки. Ч.2. С.149.
- ¹⁴ Росс Н. Указ. соч. С.118-119.
- ¹⁵ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.3. Л.7-21.
- ¹⁶ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.251. Л.110,132.
- ¹⁷ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.27. Л.55; Д.249. Л.62-63.
- ¹⁸ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.3. Л.70; Д.5. Л.9-10; Врангель П.Н. Записки. Ч.2. С.20.
- ¹⁹ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.15. Л.77об.
- ²⁰ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.16. Л.2-3; Врангель П.Н. Записки. Ч.2. С.107.
- ²¹ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.15. Л.77об.; Д.16. Л.2-3,9; Д.22. Л.8.
- ²² ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.15. Л.13.
- ²³ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.22. Л.13.
- ²⁴ РГВА. Ф.109. Оп.3. Д.296. Л.6об.; Таврический голос (Симферополь). 1920. 11(24) окт.
- ²⁵ РГВА. Ф.109. Оп.3. Д.279. Л.12; Д.296. Д.9; Оболенский В. Указ. соч. С.36.

²⁶ Статистический справочник Таврической губернии. Ч.I. Симферополь, 1915. С.79,86; Оболенский В. Указ. соч. С.36.

²⁷ Крестьянский путь (Симферополь). 1920. 2(15) сент.; Раковский Г. Конец белых. С.84-85.

²⁸ Врангель П.Н. Записки. Ч.2. С.45-46.

²⁹ Калишин И. Под знаменем Врангеля. Л.,1925. С.7,96-101; Раковский Г. Конец белых. С.148-149.

³⁰ Таврический голос (Симферополь). 1920. 15(28) июля; Врангель П.Н. Записки. Ч.2. С.80.

³¹ РГВА. Ф.109. Оп.3. Д.259. Л.7; Врангель П.Н. Записки. Ч.2. С.116; Оболенский В. Указ. соч. С.11-12,60-61; Валентинов А.А. Крымская эпопея // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т.V. С.6.

³² Немирович-Данченко Г.В. В Крыму при Врангеле. Берлин; Мюнхен, 1922. С.24; Оболенский В. Указ. соч. С.36.

³³ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.83. Л.13.

³⁴ Великая Россия (Севастополь). 1920. 13 авг.

³⁵ РГВА. Ф.109. Оп.3. Д.291. Л.9об.; Вечернее слово (Севастополь). 1920. 7(20) июля; Раковский Г. Конец белых. С.84-85,152.

³⁶ РГВА. Ф.109. Оп.3. Д.296. Л.16об.-17; Заря России (Севастополь). 1920. 26 сент.(9 окт.).

³⁷ РГВА. Ф.101. Оп.1. Д.174. Л.27,204об.-205; Великая Россия (Севастополь). 1920. 25 июня(5 июля).

³⁸ РГВА. Ф.101. Оп.1. Д.174. Л.27,205; Великая Россия (Севастополь). 1920. 25 июня(5 июля).

«ТРИШКИН КАФТАН» БЮДЖЕТА

Эвакуация остатков ВСЮР и беженцев в Крым привела к тому, что полуостров оказался буквально наводнен бумажными дензнаками. Вместе с дензнаками ВСЮР там обращались дореволюционные «романовские», «думские», «керенские» рубли, украинские карбованцы, рубли Крымского краевого правительства, донские и, наконец, советские. Количественная диспропорция между ними и стремительное обесценение денег ВСЮР поддерживали постоянно растущую разницу их курсов. Так, в июле — августе «романовские» были в 40 — 60 раз дороже рублей ВСЮР, «думские» — в 13, «керенские» — в 4, «донские» — в 2, украинские карбованцы — в 1,5 раза. Дензнаки, выпущенные до конца 1917 г., превратились в средство накопления и являлись предметом спекуляций; особенно усиленно их скупали предприниматели¹.

Наряду с рублями во врангелевской Таврии широко обращалась завезенная интервентами иностранная валюта, курс которой стремительно возрастал ввиду усиления разрухи и большого спроса на

нее со стороны торговцев, занимавшихся экспортно-импортными операциями, и уезжавших из Крыма помещиков и буржуазии, скупавших валюту для коммерческих операций и безбедной жизни за границей. В течение мая — октября цены на иностранную валюту, опережая рост цен на товары и продовольствие, выросли в 10 — 12 раз. А в последние предэвакуационные две недели ноября их курс поднялся еще более чем на 2 000 %. С июля по октябрь 1920 г. стоимость английского фунта на бирже поднялась с 28 000 до 105 000 руб., франка — с 500 до 2 100 руб., доллара — 7 500 до 9 000 руб.²

Колоссальная и постоянно растущая разница курсов рублей и иностранной валюты продолжали подстегивать бешеную валютную спекуляцию. Как грибы росли банковские отделения и меняльные конторы, занимавшиеся торговлей и обменом валюты. Продавая валюту на 5 % выше покупной цены, они наживали баснословные барыши. Попытки местных военных и гражданских властей ограничить их деятельность или установить твердый курс на иностранную валюту приводили лишь к развитию черного валютного рынка. Валютные спекуляции еще больше способствовали обесценению денег ВСЮР, однако Управление финансов никак не ограничивало и не регулировало деятельность банков и меняльных контор, отклоняя все предложения на этот счет³.

Несмотря на их аннулирование, особое место в денежном обращении занимали советские бумажные рубли, большое количество которых находилось у крестьян, рабочих и мелкой городской буржуазии. И при Врангеле Управление финансов стремилось к их полному аннулированию и изъятию из обращения, опасаясь, что их свободное обращение дает в руки большевиков серьезное средство экономической борьбы. Приказы об аннулировании вызывали недовольство не только населения, но и противодействие частей армии: получая денежное довольствие в недостаточном количестве и с большими опозданиями, зато располагая значительными суммами трофейных советских денег, интендантства и военнорасплачивались ими с крестьянами. Те, со своей стороны, охотно их принимали. Поэтому несмотря на приказы об аннулировании, советские деньги широко ходили в Таврии, особенно в прифронтовой полосе, где крестьяне тем охотнее принимали их, чем ближе была Красная армия⁴.

К апрелю 1920 г. курс бумажных рублей ВСЮР упал по сравнению с довоенным курсом рубля более чем в 500 раз. В течение весны — осени 1920 г. падение курса продолжалось, поскольку за период с апреля по октябрь в обращение было выпущено более 150 млрд. руб., не обеспеченных ни золотым запасом, ни произведенной товарной массой⁵.

Инфляция ускорялась также скупкой и вывозом из Таврии золота и драгоценностей потерявшими веру в успех белых и покидавшими Крым предпринимателями и помещиками⁶.

Наконец, инфляция ускорялась падением курса рубля на зарубежных биржах, прежде всего в Константинополе, что было результатом вывоза огромного количества русских денег эмигрантами и ведомственными закупочными комиссиями, которые спешили распродать их за иностранную валюту по любой цене⁷.

Правительство Врангеля считало если не остановку, то хотя бы торможение инфляции одной из своих главных задач. В июле оно приняло решение ограничить вывоз драгоценных металлов и русских рублей, как бумажных, так и металлических (из золота и серебра). Однако отъезжавшие свободно вывозили их контрабандным путем. Вместе с тем эта мера вызвала недовольство и протесты отъезжавших, стремившихся поскорее вывезти свои капиталы за границу «для производительных целей»⁸.

После отступления из-под Орла, когда всем стала очевидна невозможность взять Москву в ближайшем будущем, катастрофическое финансовое положение заставило М.В. Бернацкого изменить свои взгляды и практически приступить к разработке и проведению финансовой реформы. Наиболее радикальная мера — дефляция, то есть изъятие лишней денежной массы из обращения — была недоступна правительству, которое в этом случае само становилось банкротом. Девальвация, то есть снижение золотого запаса денежной единицы и понижение ее курса по отношению к иностранным валютам, была попросту невозможна, поскольку бумажная масса, находившаяся в обращении, достигла астрономических цифр и покупательная сила денег быстро приближалась к нулю, а золотое обеспечение отсутствовало. Реальное положение дел диктовало единственный способ избежать финансовой катастрофы — нуллификацию, то есть приравнивание старых денег к нулю и выпуск новых денег, обеспеченных реальными ценностями.

Поэтому в основу денежной реформы, разработанной Управлением финансов, было положено, во-первых, устранение разнообразия в обращении и замена денежных знаков новыми, и, во-вторых, обеспечение их устойчивости⁹.

В конце августа заказанные еще Особым совещанием новые денежные знаки на сумму 22 млрд. руб. и машины для их изготовления были доставлены в Севастополь¹⁰.

Планировавшаяся реформа была прежде всего скрытой формой экспроприации населения, поскольку неминуемо вызвала бы новое повышение цен. Вместе с тем она сильно задевала интересы

предпринимателей и вообще имущих групп, лишая их значительных средств и ограничивая свободу спекулятивных махинаций. Поэтому слухи о предстоящем обмене денег, официально подтвержденные в октябре Управлением финансов, вызвали сильнейшее беспокойство предпринимательских кругов и их давление на власти. Членам правительства пришлось публично и в печати заверять, что реформа не вызовет «никаких потерь для держателей нынешних денежных знаков», называя ее «безболезненной девальвацией», «унификацией внешнего вида денежного обращения» и т.п.¹¹. Окончательно проект реформы был похоронен, когда его раскритиковало и отвергло в октябре Финансово-экономическое совещание, на котором были представлены крупные предприниматели и их организации¹².

Таким образом, антиинфляционные меры правительства и Управления финансов не затрагивали коренных причин инфляции и могли дать лишь временный незначительный эффект. Но даже их Управление финансов не сумело провести в жизнь, поскольку эти меры, ограничивая бешеные прибыли русских и иностранных предпринимателей, вызвали их противодействие. Курс рубля из-за усиленной эмиссии продолжал катастрофически падать. В июле банкноты достоинством в 100 и 250 руб. стали разменной мелочью (их в насмешку называли «хамсой»), а самыми ходовыми — банкноты достоинством в 1 000 и 10 000 руб. В сентябре разменной мелочью стали банкноты достоинством в 500 руб.¹³

«Обесценение денежных знаков приняло характер народного бедствия», — констатировал Врангель в приказе от 12(25) октября, подводя итоги полугодовой работы своего правительства¹⁴.

К ноябрю 1920 г. курс рубля по сравнению с 1914 г. упал более чем в 10 тысяч раз (то есть 1 000 рублей стоила 7 — 9 довоенных копеек)¹⁵. А в последние предэвакуационные две недели ноября покупательная способность бумажных рублей главного командования ВСЮР (Русской армии) фактически свелась к нулю¹⁶.

Безудержный рост цен происходил независимо от состояния товарного рынка. Цены на продовольствие с апреля по октябрь поднялись в среднем в 16 — 20 раз, на промышленные товары — в 12 — 15 раз, на топливо — в 50 раз. Соответственно росту цен прожиточный минимум семьи из трех человек составлял: в марте — 23 000 руб., в апреле — 61 000 руб., в мае — 150 000 руб., в июне — 144 000 руб., в июле — 152 000 руб., в августе — 214 000 руб., в сентябре — 325 000 руб., в октябре — 535 000 руб.¹⁷

Инфляция парализовала таврические банки. Подчиненные кредитному отделу Управления финансов отделения Государственного банка, сохраняя учетный процент на уровне 6 % годовых, испыты-

вали хроническую нехватку денег даже для выплаты процентов и совершенно прекратили операции по кредитованию промышленности, сельского хозяйства, кооперации и т.д. Частные банки подняли учетный процент до 12 % годовых, однако даже при этом прибыли от «нормальных» учетно-ссудных операций по кредитованию были настолько ничтожны, что банки прекратили их и всю деятельность направили на спекулятивные финансовые махинации. Спекуляция на падении курса рубля приносила частным банкам огромные барыши. На этой почве в Крыму в 1920 г. процветало лихорадочное учредительство новых банков, общая численность которых превысила 80. Прекратив кредитование производственной сферы и устремив средства в спекулятивную игру на падении курса рубля, банки в конечном итоге сами способствовали росту инфляции. Попытки местной военной и гражданской администрации как-то контролировать деятельность банков вызывали громкое недовольство и скрытое экономическое сопротивление финансистов¹⁸.

Наконец, инфляция усугубляла финансовое положение врангелевского правительства, «съедающая» приходные статьи бюджета и раздувая расходы.

Основные приходные статьи бюджета составляли прямые и косвенные налоги. Правительство не решилось повышать ставки прямого налогообложения в соответствии с инфляцией и отказалось от идеи выбить из населения, прежде всего крестьян, многочисленные «недоимки» за годы Гражданской войны, опасаясь вызвать взрыв народного недовольства. Вместе с тем оно фактически установило регрессивное налогообложение: ставки прямых налогов с населения были повышены более чем в 10 раз, а налог с капитала и процентный сбор с прибыли предприятий — всего в 2 раза¹⁹.

Однако повышение прямых налогов не оправдало себя. Население, прежде всего крестьяне, рабочие и средние слои города, уклонялись от уплаты налогов власти, в долговременность которой не верили. Что касается промышленников и торговцев, то они под разными предлогами, путем махинаций и за счет раздачи взяток платили значительно меньше²⁰.

Основной упор в закручивании налогового пресса правительство и Управление финансов сделали на повышение ставок косвенного обложения. Управление финансов стремилось обложить акцизом весь торгово-промышленный оборот предметов широкого потребления (спиртные напитки, табак, сахар, соль, чай, кофе), регулярно повышая стоимость патентов и бандеролей на производство и торговлю, а также ставки акцизов. В целом по сравнению с 1917 г. ставки акцизов были повышены в 300 — 400 раз и достигли 30 % стоимости товаров²¹.

В то же время таможенные сборы держались на очень низком уровне (в среднем менее 4 % стоимости ввозимых товаров), в чем проявилось стремление правительства стимулировать импорт. За апрель — сентябрь весь импорт общей суммой в 27,5 млрд. руб. дал таможенных сборов на совершенно ничтожную сумму — не более 850 млн. руб.²²

Точные и полные данные о бюджете Правительства юга России не выяснены. Управление финансов в 1920 г. разделяло все расходы на «нормальные», мирные и «чрезвычайные», военные. К первым относились расходы на гражданский государственный аппарат, Государственную стражу и субсидирование невоенной промышленности. Поступлений в казну от прямого и косвенного налогообложения, исчислявшихся суммой около 1 млрд. руб. в среднем ежемесячно, едва хватало на покрытие «нормальных» расходов²³.

К «чрезвычайным» Управление финансов относило расходы на содержание армии и флота, восстановление и строительство железных дорог, закупку топлива и продовольствия, закупку зерна и другого сырья для экспорта и его вывоз, содержание беженцев в Крыму и за границей. В результате такого искусственного вычленения из расходных статей бюджета расходов на войну и решение связанных с ней, точнее — созданных ею, транспортной, топливной, продовольственной и беженской проблем Управление финансов создавало иллюзию бездефицитности «нормального», «мирного» бюджета, расходы по которому покрывались доходами от прямого и косвенного обложения. Что же касается «чрезвычайного», «военного» бюджета, фактически состоявшего исключительно из расходных статей, то его дефицит за 1920 г. составил 250 млрд. руб.²⁴

Единственным доступным правительству способом наполнения бюджета для покрытия военных расходов стала эмиссия, благо единственная в Крыму экспедиция заготовки государственных бумаг — Феодосийская — была и фактически, и юридически в полном распоряжении Управления финансов²⁵. Считая выпуск новых денег для оплаты военных расходов своей главной задачей, Управление финансов приложило немало усилий для реконструкции и расширения Феодосийской экспедиции за счет оборудования эвакуированной Новороссийской экспедиции²⁶.

С 5(18) февраля до конца февраля (ст. ст.) Феодосийская экспедиция напечатала кредитных билетов донского правительства и главного командования ВСЮР на 225 млн. руб., за март (ст. ст.) — 2,3 млрд. руб., за апрель (ст. ст.) — 6,4 млрд. руб.²⁷ 24 апреля (7 мая) начальник Кредитной части Управления финансов Сувчинский

настойчиво попросил Феодосийское отделение Госбанка, ведавшее экспедицией и выпускавшее в обращение напечатанные ею дензнаки, усилить производство тысячерублевых донских кредитных билетов в Феодосийской экспедиции и быстрее сдавать их в отделение Госбанка, поскольку наличных денег остро не хватало для содержания и снабжения армии и государственного аппарата²⁸.

В течение мая (ст. ст.) экспедиция, работая на пределе технических возможностей, напечатала еще почти 8,8 млрд. руб.²⁹ До 19 мая (2 июня) Феодосийской экспедицией было напечатано и через Феодосийское отделение Госбанка выпущено в обращение почти 12 млрд. руб., из которых 300 млн. по требованию Управления финансов были выданы Морскому управлению³⁰.

Однако правительству хронически не хватало денег, Военное управление не получало достаточных сумм и в результате полные казначейства отказывали войскам в крупных ассигнованиях, производя ассигнования по частям, что приводило к срывам интенданствами снабжения войск³¹.

В течение июня экспедиция напечатала почти 17 млрд. руб.³²

Когда в сентябре разменной мелочью стали банкноты в 500 руб., Управление финансов приняло решение начать выпуск банкнот достоинством 25 000 и 50 000 руб.³³

К осени рост инфляции свел на нет производительность экспедиции: сентябрьский заказ на 60 млрд. руб. был выполнен всего на 75 %. Для увеличения эмиссии Управление финансов решило приступить к печатанию банкнот достоинством в 25 000 и 50 000 руб.; на октябрь экспедиции был дан заказ на 150 млрд. руб.³⁴

Всего с февраля по октябрь Феодосийская экспедиция напечатала, а Феодосийское отделение Госбанка выпустило в обращение около 177 млрд. руб.³⁵, покрыв дефицит бюджета Правительства юга России, составлявший порядка 250 млрд. руб., примерно на 70 %.

Фактически эмиссия быстрыми темпами приближала правительство Врангеля к полному банкротству. С одной стороны, чтобы печатание денег было рентабельным и удовлетворяло растущие (как по причине инфляции, так и из-за увеличения численности армии, масштаба операций, величины занимаемой территории и объемов снабжения) расходы, необходимо было постоянно переходить на печатание кредитных билетов все большего достоинства. Однако учреждения, ведавшие заготовками на армию и ее снабжением, как и сами войсковые части, постоянно требовали для проведения закупок мелких купюр, поскольку покупали у крестьян зерно и продовольствие небольшими партиями, а крестьяне отказывались принимать невиданные прежде бумажки с таким большим количеством нулей — достоинством в 10 000 руб. — и от-

казывались что-либо продавать за них, не доверяя им. Раз из обращения вымывались, превращаясь из средства платежа в средство накопления, «романовские» и «думские», то они предпочитали брать хотя бы «керенки» и «донские» достоинством в 500 руб.³⁶

В этой ситуации Правительство юга России и его финансовую систему могло поддержать только получение в виде займа и безвозвратного кредита крупной суммы в иностранной валюте. Тем более что для ведения войны против большевиков правительство нуждалось не только в рублях, на которые оно удовлетворяло потребности армии путем закупок и расходов внутри Таврии, но и в иностранной валюте, на которую Управление снабжений и Управление торговли и промышленности закупали вооружение, боеприпасы, снаряжение, обмундирование, горюче-смазочные материалы и т.д. на внешнем рынке у западноевропейских и американских фирм³⁷.

Основу валютного фонда правительства составляли суммы, не израсходованные правительствами Деникина и хранившиеся в иностранных банках на счетах Управления финансов и его агентов. Суммы эти были получены в 1919 г. от Временного Всероссийского правительства адмирала Колчака³⁸.

С целью пополнения валютного фонда Бернацкий предпринял в июне – августе поездку в Константинополь, Париж и Лондон, которая, однако, не дала желаемых результатов. Суммы, находившиеся на счетах российских учреждений и частных лиц, стали предметом острой борьбы между различными группами эмиграции. Многие политические и финансовые деятели, одни из-за политических разногласий с Врангелем и поддерживавшими его правыми группами, другие из-за неверия в его успех, не хотели выпускать из своих рук валюту. Бернацкому удалось выпросить и перевести на счета финансовых агентов Правительства юга России лишь некоторую часть средств учреждений Временного правительства и остатки сумм, переданных Временным Всероссийским правительством адмирала Колчака Северо-Западному правительству генерала Н.Н. Юденича, который, в свою очередь, обещал передать их в распоряжение Врангеля.³⁹

Для пополнения валютного фонда правительство стремилось максимально использовать валютные отчисления с частного экспорта сырья. Однако введенная «правилами 9 декабря» система валютных отчислений с экспортных операций ожидавшегося поступления валюты не дала, так как торговцы всеми способами избегали их уплаты в казну⁴⁰.

Эта ситуация толкнула правительство на частичную монополизацию внешней торговли. В июле была введена монополия на

экспорт зерна, в сентябре — на экспорт соли, в октябре — табака. Однако монополизированный экспорт с привлечением частных фирм в качестве контрагентов не оправдал возлагавшихся на него расчетов из-за продажности чиновников Управления торговли и промышленности и махинаций торговых фирм. Тем не менее зерновой экспорт стал для правительства практически единственным источником пополнения валютного фонда: по подсчетам профессора П.П. Гензеля, вывезя в августе — октябре около 6 млн. пудов ячменя, оно выручило не менее 100 млн. франков.

К середине октября валютный фонд Правительства юга России, насчитывавший в июле около 450 млн. франков, сократился до 100 млн. франков, которых даже исключительно для снабжения Русской армии могло хватить не более чем до января 1921 г.⁴¹

Поскольку валютные поступления были недостаточны, а от проведения финансовой реформы пришлось отказаться, ничто не могло остановить инфляцию и хотя бы смягчить все сопряженные с ней явления, в частности — дефицит бюджета и острую нехватку наличности в отделениях Госбанка и полевых казначействах.

Полевые казначейства хронически испытывали нужду в дензнаках, не получая их из отделений Госбанка, в результате чего войскам не выплачивалось регулярно жалование, а интендантства не могли закупить всего необходимого для снабжения войск и рассчитаться как с торговцами-поставщиками, с которыми они заключали договора на поставку (прежде всего продовольствия), так и с владельцами промышленных предприятий, которым они заказывали производство предметов снаряжения⁴².

Врангель перед переходом Русской армии в наступление с целью занять Северную Таврию приказал снабдить войска не только снарядами и патронами, но и большим количеством дензнаков, чтобы части не отбирали продукты, лошадей и прочее у жителей, а покупали, и чтобы больше не было почвы для распространения грабежей, как это было при Деникине. Какие-то меры были приняты и ему доложили, что все исполнено⁴³. Однако в действительности все было иначе: 24 мая (6 июня), в первый день наступления, командир 1-го (Добровольческого) корпуса генерал А.П. Кутепов телеграфировал главному интенданту Елизарову, что «в самый критический момент» части корпуса остались без денег, что казначейство уже пять дней не производит оплаты ассигновок за отсутствием дензнаков (многозначительно прибавив: «...О последствиях судите сами»), и потребовал срочно прислать полевому казначейству 700 млн. руб.⁴⁴

В отличие от Кутепова, который всегда старался придерживаться порядка и обращался по инстанции, Слащов, как он уже при-

вык за то время, когда он был полновластным хозяином в Крыму, просто напрямую требовал дензнаки от Феодосийского отделения Госбанка и получал их. Таким способом в июне он получил 350 млн. руб. для своего корпуса. Когда начальник Кредитного отдела Сувчинский доложил об этом главкому, тот в достаточно мягкой форме «признал этот способ нежелательным», после чего Кредитный отдел предупредил все полевые казначейства, что они должны обращаться за «подкреплением наличности» в Кредитный отдел, а не к своим командирам корпусов⁴⁵.

Но так или иначе из-за нехватки наличности отделения Госбанка не могли вовремя обеспечить полевые казначейства дензнаками, в результате чего авансы и жалование выплачивались нерегулярно, а у интендантств не было достаточных сумм для закупки всего необходимого для снабжения войск. Поэтому, как и в прошлом году, интендантства забирали у населения продукты за квитанции, что само по себе уже вызывало недовольство крестьян, а многие офицеры, солдаты и особенно казаки попросту отбирали все им необходимое силой, что уже вызывало резкую враждебность и приводило порой к стихийным вспышкам сопротивления. В итоге не в последнюю очередь именно грабежи, возобновившиеся с новой силой в Северной Таврии и занятых районах Екатеринославской губернии, привели в августе – сентябре к повороту в настроении крестьян против власти Врангеля⁴⁶.

С целью выйти из финансового кризиса Врангель и Кривошеин предприняли попытку обеспечить себе помощь российских предпринимательских групп и организаций, которые, вывезя из России разными путями огромные средства, вложив их в экономику западных стран и наживая прибыли путем спекуляций на падении курса рубля, ограничивались лишь вынесением резолюций о поддержке Русской армии. Кривошеин в начале сентября пригласил в Севастополь из Парижа и Лондона лидеров русских финансовых групп. Финансово-экономическое совещание удалось собрать лишь в середине октября (начале ноября), когда, потерпев поражение в Северной Таврии, Русская армия отступила в Крым. Многие из приглашенных приехать отказались. Тем не менее на совещании были представлены все ведущие русские предпринимательские группы в эмиграции. Резко раскритиковав деятельность Управления финансов и лично М.В. Бернацкого, участники совещания рекомендовали сократить эмиссию, увеличить прямые и косвенные налоги, заключить принудительный внутренний заем. Бернацкий подал в отставку, зная, что Врангель ищет ему замену, но никто не захотел занять его место⁴⁷.

И Бернацкий, и Кривошеин остро переживали свое бессилие. В раз-

говоре с Шульгиным глава правительства с горечью признался: «Тришкин кафтан никак нельзя заплатать... Трагедия наша в том, что у нас невыносимые соотношения бюджетов военного и гражданского. Если бы мы не вели войны и были просто маленьким государством под названием Таврия, то у нас концы сходились бы. Нормальные расходы у нас очень небольшие, жили бы. Нас истощает война, Армия, которую мы содержим, совершенно непосильна для этого клочка земли»⁴⁸.

Не воевать было невозможно. Поэтому и крах финансовой системы был неизбежен. А он, в свою очередь, обрек на неудачу «левую политику правыми руками» в целом.

Примечания:

¹ ГА РФ. Ф.3426. Оп.1. Д.17. Л.9; Гензель П.П. Крым в финансово-экономическом отношении в 1918 – 20 гг. // Экономист. 1922. № 3. С.104,108-109.

² Великая Россия. 1920. 29 октября (11 ноября); Савич Н.В. Воспоминания. СПб., Дюссельдорф, 1993. С.411.

³ ГАРФ. Ф.356. Оп.1. Д.22. Л.6-7; Немирович-Данченко Г.В. Указ. соч. С.88.

⁴ Гензель П.П. Указ. соч. С.107; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.П. С.199-200.

⁵ Шафир Я. Экономическая политика белых // Антанта и Врангель. М.; Пг., 1923. С.119-120.

⁶ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.11. Л.20.

⁷ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.89. Л.111; Великая Россия. 1920. 18(31)июля.

⁸ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.11. Л.20; Д.40. Л.37.

⁹ Юг России. 1920. 26 июля (8 августа).

¹⁰ Раковский Г. Конец белых. С.156.

¹¹ Немирович-Данченко Г.В. Указ. соч. С.83,85.

¹² Раковский Г. Конец белых. С.155-156.

¹³ Там же. С.154-155.

¹⁴ Врангель П.Н. Записки. Ч.2. С.220.

¹⁵ Крестьянский путь. 1920. 2(15)октября.

¹⁶ Савич Н.В. Указ. соч. С.411.

¹⁷ Хвойнов П. Рабочее движение и профсоюзы в Крыму в 1920 г. // Антанта и Врангель. С.230-231.

¹⁸ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.3. Л.68-69; Д.64. Л.20; Д.67. Л.4-5.

¹⁹ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.27. Л.55-56; Великая Россия. 1920. 8(21)сентября.

²⁰ Раковский Г. Конец белых. С.93.

²¹ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.1. Л.217; Д.3. Л.53; Шафир Я. Указ. соч. С.118.

²² Гензель П.П. Указ. соч. С.114-116,119.

²³ ГАРФ. Ф.356. Оп.1. Д.139. Л.6-7.

²⁴ Врангель П.Н. Записки. Ч.2. С.149,190; Раковский Г. Конец белых. С.155.

²⁵ Савич Н.В. Указ. соч. С.392.

²⁶ Великая Россия. 1920. 8(21)сентября; Гензель П.П. Указ. соч. С.105-106,108.

²⁷ ГА РФ. Ф.3426. Оп.1. Д.10. Л.85.

²⁸ Там же. Л.13.

²⁹ Там же. Л.85.

³⁰ Там же. Л.17.

³¹ Там же. Л.25.

³² Там же. Л.85.

³³ Раковский Г. Конец белых. С.154-155.

³⁴ Юг России. 1920. 8(21)сентября.

³⁵ Шафир Я. Указ. соч. С.119-120.

³⁶ ГА РФ. Ф.3426. Оп.1. Д.10. Л.45,68.

³⁷ Гензель П.П. Указ. соч. С.111.

³⁸ Врангель П.Н. Записки. Ч.2. С.16; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.П. С.198.

³⁹ Немирович-Данченко Г.В. Указ. соч. С.83,85; Из истории внешней политики правительства Врангеля (Экономические отношения с Францией)//Красный архив. 1929. № 1.148.

⁴⁰ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.91. Л.3-4.

⁴¹ Врангель П.Н. Записки. Ч.2. С.149; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.П. С.232,240.

⁴² ГА РФ. Ф.3426. Оп.1. Д.10. Л.25-25об.,27.

⁴³ Врангель П.Н. Записки. Ч.2. С.101.

⁴⁴ ГА РФ. Ф.3426. Оп.1. Д.10. Л.26.

⁴⁵ Там же. Л.49.

⁴⁶ ГА РФ. Ф.3426. Оп.1. Д.10. Л.44; РГВА. Ф.101. Оп.1. Д.154. Л.95; Д.157. Л.126; Д.174. Л.140об.; Ф.109. Оп.3. Д.256. Л.6; Ф.182. Оп.3. Д.595. Л.12об.; Ф.192. Оп.3. Д.1441. Л.6; Ф.198. Оп.3. Д.625. Л.137.

⁴⁷ Оболенский В. Указ. соч. С.67; Раковский Г. Конец белых. С.155-156.

⁴⁸ Шульгин В.В. Указ. соч. С.209-210.

«УДУШЕНИЕ ЧАСТНОЙ ИНИЦИАТИВЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ

Генерал П.Э. Вильчевский, назначенный в апреле Врангелем на должность начальника Управления снабжений, куда вошли отделы бывшего Министерства торговли и промышленности, в вопросах внешней торговли практически не разбирался. Его помощник по гражданской части инженер С.С. Демосфенов, прибыв в мае в Батум, потребовал от торгового агента Бюрюкова предоставить подробный доклад о батумском рынке. Он объяснил это тем, что начальнику Управления снабжений «ничего не известно о ситуации с торговлей в Батуме», что было довольно странным, поскольку Бюрюков неоднократно посылал в Отдел торговли доклады и обзоры конъюнктуры батумского рынка¹.

Свою некомпетентность в вопросах внешней торговли и закупок на внешнем рынке необходимых для армии военных и горюче-смазочных материалов П.Э. Вильчевский попытался компенсировать традиционным бюрократическим путем — созданием спе-

циальной комиссии из начальников отделов своего управления, в которую вошел и начальник Отдела торговли В. Кудрявцев. Эта комиссия рассматривала предложения по экспорту и импорту, поступающие от торговцев и государственных учреждений, вносила изменения в проекты договоров и рекомендовала или не рекомендовала их к заключению. По всем вопросам внешней торговли решения и заключения комиссии имели рекомендательный характер, и все они подлежали утверждению Вильчевским².

Для самого Вильчевского при решении конкретных внешнеторговых дел, которые докладывал ему начальник Отдела торговли Кудрявцев, было характерно крайне придирчивое отношение ко всем предложениям торговцев поставить армии необходимые ей материалы в обмен на разрешение вывезти сырье, а также к просьбам разрешить вывоз сырья в том случае, когда заграничные товары уже были завезены в Крым.

Так, например, в мае 1920 г. торговец Елагин, уполномоченный британского командования в Батуме, обратился в Управление снабжений за разрешением на вывоз ячменя и шерсти, сообщив, что готовит к импорту в Крым из Батума медикаменты, закупленные у английских фирм. Вильчевский отказал, наложив резолюцию, что «дать неопределенную гарантию на неопределенную сумму экспорта невозможно»³. В конце мая Елагин, сообщив, что уже ввез в Крым лекарства на сумму 630 тыс. донских рублей и предполагает ввезти еще партию, снова попросил разрешение на вывоз сырья. Кудрявцев, доложив Вильчевскому о вторичном ходатайстве Елагина, проинформировал его, что, по расчетам и заключению отдела, Елагину можно дать разрешение на вывоз 2 тыс. пудов шерсти и 5 тыс. пудов ячменя. Однако Вильчевский потребовал «представления фактур с указанием стоимости медикаментов в иностранной валюте»⁴. В конце концов, Вильчевский дал разрешение на вывоз сырья: после того, как Елагин представил полный список медикаментов, которые он сдал в «Крымское общество торговли аптекарскими товарами», с указанием их стоимости в рублях⁵. Как и из каких побуждений Кудрявцев убедил его дать разрешение — из дела не видно, хотя в целом эта экспортно-импортная операция вполне укладывалась в генеральские представления о «предпринимательской добросовестности».

С другой стороны, Вильчевский был способен скоропалительно нарушить установленный порядок внешней торговли, когда речь шла о вывозе сырья представителями военных учреждений с целью удовлетворения нужд армии, ее чинов и их семей. Так, в мае из Батума в Феодосию на пароходе «Возрождение» прибыл ротмистр Протопопов — представитель генерала Томилова, уполномо-

моченного по устройству инвалидов и семей военнослужащих в Закавказье. Томилов на казенные деньги, принадлежавшие группе войск Северного Кавказа, зафрахтовал пароход «Возрождение» и обратился к начальнику Отдела торговли Кудрявцеву с просьбой дать разрешение на вывоз из Крыма ячменя, вырученные от продажи которого закавказские боны должны были пойти на обеспечение инвалидов и семей военнослужащих. Вильчевский, не вынося этот вопрос на комиссию, приказал немедленно выдать разрешение на вывоз из Феодосии в Батум в адрес генерала Томилова 5 тыс. пудов ячменя, причем без взыскания валютных отчислений и таможенных сборов как с груза, «следующего для казенной надобности»⁶.

Но несмотря на приказание Вильчевского, Отдел торговли не спешил выдавать разрешение, посчитав, вероятно, необходимым навести справки об этой коммерческой операции через торгового агента в Батуме (связь осуществлялась почтой, пересылавшейся с капитанами пароходов). Кроме того, было неизвестно, находятся ли вообще на интендантских складах в Феодосии 5 тыс. пудов ячменя, которые можно было бы погрузить на «Возрождение» без ущерба для снабжения войск и населения. Не дожидаясь выяснения ситуации, Вильчевский, как только ротмистр Протопопов доложил ему о «волоките», срочной военной телеграммой приказал начальнику интендантских складов в Феодосии отпустить и грузить ячмень без всякого разрешения Отдела торговли⁷. По документам невозможно проследить дальнейшую судьбу вывезенного ячменя и понять, какая часть вырученной суммы досталась инвалидам и семьям военнослужащих, а какая — организатором этой экспортной комбинации. Бесспорен лишь факт: начальник Управления снабжений Вильчевский сам нарушил установленный «Правилами 9 декабря» порядок экспорта.

Между тем, в марте — апреле 1920 г., когда остатки ВСЮР отступили в Крым, экспортно-импортные операции сошли на нет. В Батуме и Константинополе скопилось большое количество товаров, доставленных из Европы с целью их ввоза на юг России, последующей закупки сырья и его вывоза. Однако торговые фирмы, российские и иностранные, выжидали прояснения обстановки: насколько прочной окажется власть нового главнокомандующего ВСЮР генерала П.Н. Врангеля. Никто не хотел ввозить в Крым товары лишь для того, чтобы они были реквизированы белыми или захвачены красными. Торговцы постоянно запрашивали торговые агентства ВСЮР в Батуме, Константинополе и других черноморских портах, какие правила торговли установил Врангель, какие товары наиболее необходимы армии, на вывоз каких видов сырья

и на каких условиях можно будет получить разрешение. Больше всего, после перспективы быть захваченными красными вместе с товарами, торговцев пугала перспектива реквизиции белыми. Поэтому многие настаивали на том, чтобы новое правительство официально дало гарантии от реквизиции. Некоторые торговцы даже соглашались на реквизицию, но при условии, что реквизировано будет не более 75 % импортированных товаров и за уплату по ценам батумского рынка, рассчитывая получить прибыль от продажи в Крыму 25 % товаров по крымским рыночным ценам, которые были почти в 10 раз выше батумских.⁸

В мае 1920 г. Врангель разрешил полную свободу торговли на территории, занятой Русской армией, и запретил самочинные реквизиции товаров. Одновременно российским судам был разрешен свободный заход в порты Грузии и Батум⁹. Когда информация об этом дошла до Батума, торговцы потребовали от Бирюкова официального подтверждения. Бирюков попросил военного представителя главкома ВСЮР в Батуме генерала Порохонского «срочно по радио запросить главнокомандующего в Крыму генерала Врангеля о подтверждении гарантии, что грузы продовольственные и отопительные не подлежат бесплатной реквизиции... При наличии такого рода гарантии возможны немедленно отправки колоссальных партий продовольствия и нефтепродуктов частными лицами»¹⁰.

Между тем первостепенной задачей Управления снабжений в апреле — мае 1920 г., от которой зависела боеспособность флота и безопасность войск и беженцев, стал ввоз топлива в Крым. При этом не тратя времени на согласования договоров с частными торговцами и валютные расчеты с ними, а главное — вообще исключив валютные потери из-за махинаций торговцев. Уголь и нефтепродукты ввезти можно было только из Потти, Батума и Константинополя. Для осуществления закупок топлива Врангель отправил в Константинополь генерала А.С. Лукомского, назначив его своим военным представителем при союзном командовании в Константинополе. Расчет был сделан на то, чтобы добиться от союзников по максимуму возможных поставок и содействия в отношениях с иностранными торговыми фирмами, обосновавшимися в Константинополе. При Лукомском был создан специальный совет, в который вошли военные и гражданские чины — представители всех учреждений, имевших отношение к снабжению и торговле, включая торгового агента в Константинополе. Совет имел право обсуждать и решать вопросы заключения новых договоров с торговыми компаниями, а также вносить изменения в уже заключен-

ные старые договора о ввозе в Крым топлива и военных материалов в обмен на вывоз сырья. Кроме того, совет имел право «изменять направления казенных грузов, приходящих в Константинополь и проходящих через него транзитом»¹¹.

Таким образом, Лукомский фактически был превращен в главного торгового агента ВСЮР за границей. В то же время, наделяя высокое должностное лицо в военной иерархии диктаторскими полномочиями в хозяйственной сфере, Врангель, а за ним и его ближайшие помощники, следуя примеру главкома, создавали при себе советы из ответственных руководителей подчиненных им военных и гражданских учреждений. Задачи их состояли, во-первых, в координации действий различных ведомств и учреждений, во-вторых, в обеспечении генералов квалифицированным мнением гражданских специалистов.

Лукомскому удалось наладить с Вильчевским закупку и ввоз в Крым необходимого количества угля, бензина и керосина, необходимых для армии, а также обмундирования, обуви и снаряжения для армии. При этом они предпочитали иметь дело не с частными компаниями, доверие к которым среди генералов и чиновников было изрядно подмочено, а с фирмами-контрагентами государственных учреждений. Как показал опыт, фирмы, заключившие договоры с учреждениями и выступающие в качестве их контрагентов, более добросовестно и своевременно выполняли условия договоров независимо от того, в какой степени отношения между коммерсантами и чиновниками этого учреждения были основаны на заботе о нуждах армии, а в какой – на мздоимстве и взяточничестве. Более того, некоторые учреждения, и среди них Отдел горный и топлива (Гортоп), стали самостоятельно выходить на внешний рынок, посылая в Батум и Константинополь своих представителей вместе с грузом, фактически приступив тем самым к частичному огосударствлению внешней торговли. Лукомский и Вильчевский благосклонно относились к таким попыткам государственных учреждений заняться внешней торговлей, полагая, что в этих попытках присутствует только казенный интерес и отсутствует интерес частный. Поэтому они оказывали всяческое содействие казенным операциям с грузом, «следующим для казенной надобности». Привезенное из Крыма контрагентами и самими учреждениями в Константинополь сырье, адресованное на имя самого Лукомского, продавалось под контролем его и аппарата торгового агентства на константинопольском рынке. Все вырученные средства принадлежали казне и на них закупались горюче-смазочные и военные материалы, которые на судах, русских и иностранных, зафрахтованных за казенные деньги, перевозились в Крым¹².

В июне в результате успешного наступления Русской армии положение Крыма упрочилось, а в занятой Северной Таврии у крестьян были большие запасы зерна. Это значительно расширяло экспортные возможности. Тем более что стремительное падение курса рубля делало сырьевой экспорт из России баснословно прибыльным.

Однако целый ряд серьезных обстоятельств мешал как восстановлению постоянных и масштабных торговых операций, так и отлаживанию механизма их регулирования, установленного «Правилами 9 декабря». Наиболее наглядный тому пример – торговля с Батумом.

В основном торговыми операциями между Батумом и крымскими портами осуществляли закавказские фирмы, в которых большинство составляли армяне и русские торговцы из Крыма. В Батум из Крыма везли прежде всего зерно и продукты питания, а в Крым из Батума – нефтепродукты и промтовары. Нефтепродукты, чаще всего бензин и керосин, перевозили как частные торговцы, так и государственные учреждения юга России, прежде всего Гортоп. Перевозились нефтепродукты в железных бочках, поскольку это была самая удобная и дешевая тара. В портах Савастополя, Феодосии и Керчи бензин и керосин переливался из бочек в железнодорожные цистерны, а пустые бочки везли пароходами обратно в Батум, где снова заполняли для экспорта в Крым¹³.

Однако условия войны, а также сложные отношения между государствами Закавказья, правительством Врангеля и Великобританией создавали серьезные проблемы во внешнеторговых связях между Крымом и Батумом, в частности – мешали нормальной работе торгового агента в Батуме Бирюкова.

Прежде всего, торговцам было весьма непросто получить разрешение на въезд в Крым. Учитывая особый статус Батума, разрешение мог выдавать только военный представитель главкома ВСЮР в Батуме генерал Порохонский. Поэтому Бирюкову приходилось постоянно отправлять ему письма с просьбой выдать разрешение конкретному торговцу на въезд в Крым, указывая при этом, что торговая операция проводится по договору с Отделом торговли и на основании его разрешения, что есть согласие капитана судна на принятие груза и что торговец аккуратно выполняет свои обязательства¹⁴.

Потом Бирюков получил право самостоятельно выписывать удостоверения на въезд в Крым. При этом Порохонский строго предупреждал его об ответственности за выданные разрешения и за «могущие быть последствия». Но даже при наличии подобного удостоверения торговцы не были застрахованы от арестов какой-

нибудь из многочисленных контрразведок в Крыму как по причине атмосферы подозрительности и враждебности ко всем, прибывшим из Закавказья, так и по причине попыток вымогательства.

Дополнительно к «Правилам 9 декабря» были введены новые ограничения. В частности, приказами Врангеля были запрещены вывоз пшеницы и ряда промышленных товаров, в которых остро нуждались армия и население Крыма и Северной Таврии, а также ввоз предметов роскоши, табака и спиртных напитков, самых выгодных предметов импорта¹⁵.

Экспортные свидетельства, то есть разрешения на вывоз товара, по-прежнему выдавались только Отделом торговли, причем бюрократическая процедура их оформления занимала от трех до пяти недель. С целью ускорить ее, а также добиться разрешения на вывоз наиболее выгодного вида сырья и на обратный ввоз товаров, реализация которых на территории Русской армии давала наибольшую прибыль, торговцы еще менее скупались на взятки. Чиновники, со своей стороны, в условиях мизерности жалования по сравнению с ценами за взятки оформляли договора с торговцами в ущерб интересам казны и в нарушение всех правил и приказов. Многие уже не просто брали, что дают, а вымогали все более крупные суммы. Среди чиновников, причастных хоть как-то к внешней торговле, все больше распространялось беспрецедентное взяточничество и вымогательство¹⁶.

Внешняя торговля затруднялась также разрухой морского транспорта. Исправных российских торговых судов не хватало; самые большие были реквизированы для обслуживания армии и флота. Фрахт иностранных судов стоил очень дорого. Регулярные рейсы между портами Крыма и портами Черного и Средиземного морей отсутствовали, что часто приводило к срыву договорных сроков вывоза и ввоза товаров¹⁷.

Падение курса рубля на зарубежных рынках также подрывало внешнюю торговлю. Импорт на юг России товаров широкого потребления становился все менее прибыльным: теоретически он мог быть прибыльным только в условиях полной свободы торговли, не стесненной никаким регулированием, поскольку в рублях цены в Крыму благодаря острейшему дефициту стояли в несколько раз выше, чем в Константинополе и Батуме. Однако на практике низкая покупательная способность основной массы населения приводила к тому, что товары не находили спроса. А самые выгодные товары, которые всегда находили спрос даже по высоким ценам, прежде всего среди обеспеченных групп населения, — предметы роскоши, табачные изделия и алкогольные напитки — были запрещены к ввозу¹⁸.

По-прежнему острой проблемой для торговых агентов был контроль за продажей торговыми доставленными в иностранные порты грузов, поскольку торговые агентства не имели своих складских помещений. Даже в Батуме Бирюков распоряжался складами Минного двора не больше месяца.

В апреле 1920 г. вопрос об аренде складов Минного двора торговым агентством совершенно неожиданно для Бирюкова, который считал этот вопрос уже решенным в пользу своего ведомства и казны, встал снова. Причина была в поражениях ВСЮР и в том, что британская политика в этом регионе приняла более враждебный к белым характер. Генерал Порохонский испугался, что англичане, потратившие на снабжение ВСЮР большие деньги, захотят как-то компенсировать свои потери, и в частности объявят своей собственностью все российское казенное имущество в Батуме. Возможность избежать потери находившегося под его управлением казенного имущества он увидел в сдаче ее в аренду частным собственникам, хотя единственно надежную гарантию от реквизиции британскими оккупационными властями могла дать лишь продажа Минного двора какой-нибудь фирме или кооперативу. Возможно, он сам проявил такую предусмотрительность, а возможно, эта идея была ему подсказана торговцами и кооперативными союзами, которые были крайне недовольны его решением передать Минный двор в пользование торговому агентству. Среди особенно недовольных и активно добивавшихся сдачи им в аренду складов Минного двора были кооперативные организации «Центросоюз» и «Народный банк», крупные компании «Кавказ и Меркурий» и «Кавказский Ллойд», пароходные общества «Шхуна» и «Океан». По заключению Порохонского, «при могущем произойти изменении политической конъюнктуры склады бывшего Минного двора были бы наиболее надежно обеспечены за Российским государством при арендном пользовании ими "Центросоюзом"». И 24 апреля (н. ст.), совершенно неожиданно для Бирюкова, он приказал заключить с «Центросоюзом» договор о сдаче складов в аренду именно ему¹⁹.

26 апреля (н. ст.) Бирюков послал генералу Порохонскому рапорт, в котором доказывал необходимость оставления складов в распоряжении его агентства. Аргументы его состояли, во-первых, в том, что это дает единственную возможность установить реальный контроль за прибывающими с юга России грузами и за действиями торговцев, и, во-вторых, в том, что месячный опыт эксплуатации складов управлением торгового агента показал, что «при условии полного распоряжения складами можно ежемесячно извлекать свыше 500 000 руб. закавказскими бонами чистого дохода

в пользу казны при условии выполнения всех необходимых работ по ремонту и дооборудованию складов»²⁰.

27 апреля (н. ст.) Отдел по розыску казенного имущества потребовал от Бирюкова до конца мая освободить все склады от товаров: «Согласно распоряжению представителя главнокомандующего ВСЮР в Батуме 24 апреля подписан договор на отдачу «Всероссийскому центральному союзу потребительских обществ» Минного двора бывшей Михайловской крепости, причем в месячный со дня заключения договора срок все склады должны быть очищены и переданы означенному «Центросоюзу»»²¹. Позже был заключен договор о передаче части складов частной фирме «Каботаж»²².

Однако в начале мая Врангель снял генерала Порохонского с должности и назначил своим представителем в Батуме генерала Д.П. Драценко. Как только Драценко прибыл в Батум, Бирюков сразу же подал ему рапорт с просьбой пересмотреть решение его предшественника и оставить склады Минного двора за его управлением, высказав суждение, что, раз положение ВСЮР в Крыму укрепилось, то уже нет опасности, что британские оккупационные власти присвоят российскую собственность в Батуме. Указывая в рапорте, что в настоящее время на складах «хранится большое количество как казенных грузов, так и грузов, пришедших в адрес торгового агентства», он просил отменить распоряжение Порохонского о заключении договора об аренде с «Центросоюзом» и торговой фирмой «Каботаж» как «явно невыгодные для казны» и оставить склады в его распоряжении, «так как только при этом условии Торговое агентство сможет проводить в Батуме определенную торговую политику, диктуемую интересами Юга России, и гарантировать точное исполнение обязательств, принятых на себя экспортерами по обратному ввозу в Крым товаров Закавказья и уплату валютных отчислений в пользу казны»²³. В итоге Бирюкову удалось отстоять склады.

Таким образом, бюрократизм, волокита, взяточничество и вымогательство чиновников и всех должностных лиц, причастных к системе контроля и регулирования внешней торговли, дальнейшие ограничения вывоза сырья и ужесточение обязательств обратного «полезного» импорта, падение курса рубля, угроза скорой гибели белой власти на юге России, недостаток морского тоннажа, дороговизна фрахта и дезорганизация на транспорте – все это, с одной стороны, отталкивало от торговли с Крымом крупные фирмы, специализировавшиеся на операциях в определенной сфере и уже прочно обосновавшиеся в европейских странах, с другой – притягивало мелких и средних торговцев, которые, оперируя небольшими партиями сырья и товаров, быстро приспособлялись к из-

менениям порядка ввоза и вывоза, к колебанию конъюнктуры, не нуждались в крупном тоннаже, щедро раздавали взятки чиновникам и таможенникам и не останавливались перед подлогом торговых документов.²⁴

При этом торговцы громко выражали свое недовольство «стеснениями» разрешительно-компенсационной системы, которую они называли «социалистическим экспериментом», обязательством обратного ввоза, волокитой и вымогательством, стремлением белых властей «ободрать купца в пользу казны». Они требовали полной свободы ввоза и вывоза, устранения таможенного барьера, стабилизации курса рубля, передачи руководства внешней торговлей в руки исключительно торгово-промышленных организаций.²⁵

Еще большее распространение, чем при Деникине, получили представление фиктивных гарантий обратного ввоза от банков и нотариусов, подделки экспортных свидетельств, вывоз без разрешений, уклонение от уплаты валютных отчислений и обратного ввоза, а также самая банальная контрабанда. Раздача взяток и подкуп чиновников торгового ведомства и таможенников приняли массовый характер и колоссальные размеры.²⁶

Что касается импорта, частные торговцы использовали все возможные предлоги для того, чтобы изменить зафиксированные в договорах вид и количество ввозимых товаров. К этому их вынуждала реально сложившаяся конъюнктура. Дело в том, что весной – летом 1920 г. в черноморских портах – прежде всего в Батуме, Константинополе и Варне – скопилось огромное количество товаров, завезенных фирмами с целью их импорта на территорию ВСЮР. А потому цены на них, в пересчете на иностранную валюту, оказались выше цен на эти же товары в Таврии. В результате ввоз во врангелевскую Таврию товаров первой необходимости, сельскохозяйственной техники и других остро необходимых населению товаров стал невыгоден для торговцев. Поэтому они, в обход всех запретов, провозили в Крым предметы роскоши, галантерею, дорогое белье и платье и другие запрещенные к ввозу товары, которые пользовались широким спросом состоятельных групп населения.²⁷

Между тем занятие в июне Русской армией северных уездов Таврической губернии, зажиточное крестьянство которых имело большие запасы зерна, значительно улучшило экспортные возможности правительства Врангеля. Не получая от союзников ожидаемой материальной помощи, оно предпринимало все усилия с целью обратить экспорт на увеличение валютного фонда, из которого оплачивались казенные закупки военных материалов и топлива за границей и их завоз в Крым.²⁸

Врангель оценивал ситуацию трезво: «В Северной Таврии имелись большие запасы зерна, приближалось время сбора урожая. За обеспечением необходимым продовольствием занятых армией областей, мы могли надеяться получить избыток зерна для обмена на необходимые нам продукты. Запасы обмундирования, снаряжения, бензина, масла и угля приходилось полностью приобретать за границей...»²⁹.

Расчеты Врангеля и его правительства поправить финансовое положение и путем активной внешней торговли решить проблемы снабжения войск и населения необходимыми промышленными товарами имели под собой серьезные основания. В 1919 г. валовой сбор пшеницы и ржи в Северной Таврии составил 80 млн. пудов, ячменя и овса — 60 млн. пудов. Даже с учетом количества зерна, реквизируемого как белыми, так и красными, на рынок, после удовлетворения нужд местного населения, могло поступить около 50 млн. пудов пшеницы и ржи, а также до 50 млн. пудов фуражного зерна. С учетом удовлетворения потребностей городского населения, армии и беженцев за границу без ущерба для продовольственного и фуражного снабжения можно было вывезти 30 — 40 млн. пудов ячменя³⁰.

К зерновым ресурсам Таврии потянулись частные торговцы, готовые скупать у крестьян припасенный урожай 1919 г. и на корню — урожай 1920 г. В этой благоприятной ситуации Отдел торговли Управления снабжений с одобрения генерала Вильчевского все чаще стал выдавать разрешения частным торговцам на вывоз ячменя в обмен на ввоз товаров, необходимых для армии и населения. Однако торговля ячменем сразу «приобрела чисто хищнический характер, какой-то игры на скорость. В Константинополь ячмень попадал разрозненными мелкими партиями. Продавцы его были в руках организованных спекулянтов. Цены падали с каждым днем... При низких ценах на ячмень... все увеличивали число разрешений на вывоз, не могли не увеличивать»³¹.

Таким образом, активное поощрение Отделом торговли форсированного экспорта мелких партий ячменя, а отчасти и небескорыстное соучастие в нем, привело к падению цен на ячмень в Константинополе, куда везли основную его массу. В результате казна не получала валюту в тех размерах, на которые рассчитывала, а торговцы, со своей стороны, получали предлог для нарушения обязательств обратного ввоза и охотно его использовали.

Всего, по подсчетам профессора Гензеля, с апреля по июнь из Крыма было вывезено не более 1 млн. пудов зерна, в основном ячменя, что не дало казне больших валютных поступлений³². Главную причину этого Врангель и его правительство видели в том,

что экспорт ячменя захватили мелкие торговцы, в том числе и выступавшие в роли контрагентов казны: способные вывозить ячмень лишь мелкими партиями и склонные к спекулятивным махинациям и обману казны, они не дали ожидавшихся валютных отчислений.

Недовольный таким ходом дел, когда внешняя торговля приносила куда больше доходов торговцам, чем казне, Врангель 14 июня приказал Совету при главкоме «немедленно выработать порядок осуществления мер для усиления закупки зерновых продуктов» государством и «весь приобретенный хлеб, за исключением потребного армии, сосредоточить в портах»³³. Таким образом, он предполагал увеличить экспорт за счет активизации казенных (ведомственных) экспортно-импортных операций.

С другой стороны, крупный российский бизнес, уже прочно обосновавшийся в Европе, пытался захватить целиком в свои руки экспортно-импортные операции с Крымом, используя свои связи с властной верхушкой и рассчитывая получать сверхприбыли за счет правительственных гарантий и привлечения казенных средств. Прибыв в июне 1920 г. в Париж, начальник Управления финансов Бернацкий договорился с Коноваловым и Третьяковым об образовании «Русско-французского общества для торговли, промышленности и транспорта». Предполагалось, что общество, в которое должны были вложить свои средства Правительство юга России, российские и связанные с ними французские финансово-промышленные группы, будет обладать монопольным правом на экспорт из Крыма и реализацию на французском рынке зерна и других видов сырья, а также на импорт военных материалов для армии и товаров для населения. Аналогичное русско-английское общество предполагалось создать в Лондоне с участием эмигрантских финансово-промышленных групп, обосновавшихся в Англии.³⁴

Такие проекты, которые пытался реализовать в Париже и Лондоне Бернацкий, безусловно, были предварительно обговорены с Врангелем и получили его одобрение. По сути, они продолжали аналогичные попытки, предпринимавшиеся в начале 1919 г. Лебедевым, которые вели к созданию государственно-монополистической модели внешней торговли в интересах крупного российского бизнеса и казны. Привлекательность этих проектов состояла не только в рациональном использовании сырьевых ресурсов занятой территории, но и возможностью привлечь к торговле с Крымом через российские предпринимательские структуры и под их гарантии крупный частный капитал Запада.

Однако ситуация изменилась, когда решение всех экономичес-

ких проблем, сразу по прибытии в Крым, взял в свои руки А.В. Кривошеин. 6(19) июня он был назначен помощником главкома Русской армии по гражданской части. Председательствуя в Совете при главкоме, пока П.Н. Врангель был на фронте, он начал действовать по двум направлениям.

Во-первых, он стал активно добиваться изъятия из ведения генерала Вильчевского вопросов торговли и промышленности. Тесно связанный с крупным российским бизнесом, Кривошеин стремился защитить его интересы: оградить от произвола военных властей, поставить крупные фирмы в преимущественное положение перед средними и мелкими, передать управление внешней торговли в руки надежного и опытного представителя местной предпринимательской среды.

Уступив настойчивым предложениям Кривошеина, Врангель 28 июня восстановил Управление торговли и промышленности, назначив его начальником В.С. Налбандова, в составе отделов торговли, продовольствия, промышленности, горного и топлива, торговых портов и мореплавания. Его официально объявленная задача, сформулированная, вероятно, самим Кривошеиным, состояла в «облегчении деятельности торгово-промышленного аппарата, раскрепощении внешних и внутренних торговых сношений от излишних стеснений и привлечении к делу частной инициативы»³⁵.

Во-вторых, Кривошеин активно стал препятствовать реализации плана Бернацкого создать вместе с Коноваловым и Третьяковым «Русско-французское общество для торговли, промышленности и транспорта» и аналогичное русско-английское. Не потому, что он не разделял идеи создания крупных государственно-монополистических объединений для экспорта и импорта. Причина состояла в другом: тесно связанный с группой Второва и Рябушинских, он пытался именно им передать монопольное право на экспортно-импортные операции с Крымом.

Так или иначе, с каждым днем становилось все более очевидным, что своекорыстные действия торговцев и продажной бюрократии превратили разрешительно-компенсационную систему, основанную на взимании валютных отчислений, в фикцию. С другой стороны, из Северной Таврии в порты Крыма начало поступать зерно, прежде всего ячмень, закупленное у крестьян фирмами-контрагентами государственных учреждений, и надо было решать вопрос его экспорта. В этой ситуации Кривошеин и Налбандов стали склоняться к необходимости монополизации хлебного экспорта. Мера эта отвечала интересам прежде всего казны и крупных торговых компаний, которые предполагалось использовать в качестве контрагентов правительства. Реализация этой меры, по

их мнению, должна была позволить более рационально использовать зерно, единственное сырье и богатство, доступное правительству, значительно пополнить валютный фонд и за его счет увеличить закупки за рубежом и импорт в Крым необходимых для армии военных и горюче-смазочных материалов, и наконец, приостановить рост цен на хлеб на внутреннем рынке и их падение на внешних рынках.

Кривошеину и Налбандову удалось убедить Врангеля в необходимости монополизировать экспорт зерна, и 1(14) июля приказом № 78 тот ввел государственную монополию хлебной торговли. Закупка зерна у крестьян в Северной Таврии и его экспорт были сосредоточены в руках особоуполномоченного Управления торговли и промышленности, а реализация зерна на зарубежных рынках была централизована в особой комиссии управления в Константинополе³⁶.

Сам Врангель по-военному прямолинейно мотивировал свое решение: «Нашим единственным предметом вывоза мог быть хлеб, и единственной возможностью обеспечить дальнейшее боевое снабжение армии был обмен этого хлеба на предметы боевого снабжения. Приходилось остановиться на мысли монополизации вывоза хлеба. Мера эта неизбежно должна была вызвать неудовольствие в тех коммерческих кругах, которые преследовали прежде всего личную наживу, но другого исхода с государственной точки зрения не было»³⁷.

Для более рационального расходования валюты, которую предполагалось выручить от продажи зерна в Константинополе, 15(28) июля была создана особая Межведомственная комиссия по заграничным заказам во главе с В.С. Налбандовым. Ведению комиссии подлежали следующие вопросы: «а) рассмотрение и утверждение проектов договоров на закупки и заказы заграничных товаров; б) утверждение цен и условий приобретения ввозимых ведомствами или через посредство частных лиц и предприятий товаров в соответствии с размером и срочностью потребностей и имеющимися для оплаты средствами у каждого из них и у казны в виде средств Государственного казначейства, иностранной валюты и запасов русского сырья»³⁸.

Учитывая продовольственный кризис в Таврии, в качестве основного предмета государственного хлебного экспорта был выбран ячмень. Ссылаясь на неповоротливость бюрократического аппарата и расстройство транспорта, Кривошеин и Налбандов стремились привлечь частный торговый капитал в лице крупных фирм к закупке ячменя на внутреннем рынке и подвозу его к портам. При этом они отдавали предпочтение тем фирмам, с которыми сами

так или иначе были связаны. Управление торговли и промышленности разработало типовой договор с крупными фирмами, которые должны были закупить у крестьян не менее 200 тыс. пудов ячменя, подвезти его к портам и зафрахтовать суда для его перевозки и погрузить. Управление оплачивало 80 % загруженного ячменя по твердым договорным ценам в рублях главного командования ВСЮР, а 20 % — иностранной валютой после реализации его торговыми агентами управления на зарубежных рынках по тем ценам, которые удастся получить за ячмень³⁹.

Введенная В.С. Налбандовым при поддержке А.В. Кривошеина система договорных отношений между правительством и предпринимателями и система централизованного регулирования внешнеторговой деятельности упростила схемы сделок и механизм реализации договоров, сделала экспортно-импортные операции довольно прозрачными и легко доступными государственному контролю⁴⁰.

В сентябре государственный экспорт ячменя был более или менее налажен. Ячмень скупался у крестьян частными торговцами, свозился в Скадовск, Хорлы, Геничеськ и другие порты Северной Таврии, откуда, иногда с перегрузкой в Феодосии, вывозился в Смирну, Константинополь и другие иностранные черноморские порты. Вывозимый ячмень от имени управления адресовался его зарубежным торговым агентам, которые и занимались его реализацией⁴¹.

Монополизация хлебного экспорта, проведенная ради удовлетворения военных потребностей правительства П.Н. Врангеля и в интересах крупных компаний, большей частью уже обосновавшихся за пределами России, вызвала сильнейшее недовольство массы средних и мелких коммерческих организаций, российских и иностранных, которые были отстранены от самых выгодных экспортно-импортных операций. Как признал П.Н. Врангель, «на правительство юга России сыпались обвинения в «стеснении торговли», в «удушении частной инициативы». Однако со всем этим не приходилось считаться»⁴².

В этот период В.С. Налбандов твердо отказывал торговцам и промышленникам, обращавшимся за разрешением вывезти ячмень частным образом. При этом отказ следовал даже в тех случаях, когда на вырученную валюту они предлагали наладить в Крыму какое-либо важное для снабжения армии и населения производство. Например, в сентябре управляющий соляными промыслами на Устричном и Перегнойском озерах от имени владельцев промыслов обратился в Управление торговли и промышленности с просьбой дать разрешение на вывоз в Батум 50 тыс. пудов соли и заключить

контракт на поставку в порт 30 тыс. пудов ячменя с условием, чтобы 30 % ячменя были оставлены в собственности владельцев промыслов. Поскольку эти количественные параметры не соответствовали типовому договору, В.С. Налбандов разрешил только вывоз соли, а ячмень вывозить запретил. Хотя управляющий убедительно аргументировал эту экспортную операцию необходимостью закупить на вырученную валюту оборудование и материалы, необходимые для восстановления промыслов, дававших еще один товар экспортного значения — соль⁴³.

На этом примере можно убедиться в том, что В.С. Налбандов, решая сиюминутные задачи, не видел перспективы — не считал нужным терять возможные немедленные поступления валюты в казну от экспорта ячменя ради восстановления промыслов, которые дали бы соль на экспорт не ранее, чем через год.

Широкие круги предпринимателей были недовольны не только тем, что монополизация хлебного экспорта отрезала их от самого выгодного вида сырья и больших прибылей, но и общим ужесточением регулирующих мер. Это ужесточение, естественно, вызвало рост чиновничьего вымогательства и «породило целое море злоупотреблений». Сам В.С. Налбандов, прежде пользовавшийся в Крыму большой популярностью, вызвал против себя волну озлобления и обвинений в мздоимстве⁴⁴.

В кампанию против В.С. Налбандова включились и высокие чины Главного интендантства, которые прежде имели возможность легко получать разрешения на вывоз зерна и других видов сырья для тех торговых фирм, которых они договорами оформляли как своих контрагентов, которым покровительствовали, облегчая их контакты с другими учреждениями, включая портовые и таможенные власти, и от которых, соответственно, получали немалые взятки. Более того, с конца 1919 г. они фактически сами стали заниматься экспортом, кладя в свои карманы часть валютной выручки. Наконец, против В.С. Налбандова стали интриговать те чиновники Управления торговли и промышленности, которые за взятки оказывали протекцию торговым фирмам, проталкивали договора, более выгодные этим фирмам, чем казне. «Цель этой кампании, — считал Государственный контролер Н.В. Савич, — была ясна: все сделки теперь приобретали ясность и простоту для их проверки, что не нравилось поставщикам и некоторым из его подчиненных... Естественно, последовала борьба, направленная в первую очередь против Налбандова. Последний многим мешал, что создавало ему множество врагов»⁴⁵.

С другой стороны, как признавал тот же Н.В. Савич, В.С. Налбандов «сам давал им оружие против себя»⁴⁶.

Во-первых, В.С. Налбандов стремился все сделки поставить под личный контроль, сам высчитывал все финансовые параметры каждой сделки, стремясь при этом на всем сэкономить и до минимума сократить прибыль предпринимателей. Так он поступал даже в тех случаях, когда дело касалось контрагентов правительства, ввозивших остро необходимое топливо. Так, например, было в случае, когда необходимо было установить государственную цену на ячмень, закупленный контрагентом Гортопа подпоручиком Карахьянцем, ввозившем в Крым нефтепродукты. 30 июня совещание начальников отделов Управления торговли и промышленности вынесло решение: «Казенного ячменя нет, поэтому выдать разрешение на выпуск 18 750 пудов ячменя без валютного отчисления и считать 1 пуд ячменя в 3 500 руб. за пуд, так как ячмень можно приобрести только в Евпатории и Феодосии, где стоит его цена 3 500 – 4 000 руб. за пуд»⁴⁷. Однако В.С. Налбандов, считая сумму почти в 6 млн. руб. чрезмерной, согласился заплатить только по 3 000 руб. за пуд⁴⁸.

«Как человек очень недоверчивый и неумевший вести дело в крупном масштабе, — считал Н.В. Савич, — он все хотел делать сам, зарывался в мелочах и подробностях, проявлял скаредность в расходах по транспортировке скупленного зерна. Это вызывало волокиту, тормозило реализацию зерна...»⁴⁹ В результате заключение договоров и их реализация тормозились, так как торговцы под разными предлогами пытались добиться изменения условий договора к своей выгоде, а уже в ходе самой экспортно-импортной операции затягивали ее осуществление, прибегая к различным способам увеличения своей прибыли.

Между тем, чем жестче становились регулирование и мелочнее регламентация, чем сильнее урезало Управление торговли и промышленности прибыль торговцев, тем изобретательнее и циничнее они становились, тем активнее искали они возможность за взятку преодолеть все ограничения.

Во-вторых, В.С. Налбандов вел себя непринципиально в тех случаях, когда владелец торговой компании, с которой его управление заключало договор о вывозе ячменя, был как-то связан с А.В. Кривошеиным. В качестве начальника Государственного контроля Н.В. Савич неоднократно руководил проверкой тех договоров, которые отступали от «нормального контракта» (то есть типового договора, предусматривавшего оставление в распоряжении торговца не более 20 % скупленного и доставленного в порт ячменя в количестве не менее 200 тыс. пудов) в сторону больших выгод и привилегий торговца: либо оставляли в его распоряжении больше 20 %, либо требовали закупить и доставить в порт менее 200 тыс. пу-

дов ячменя. Контроль следил за тем, чтобы «не было отклонений в ущерб казне, поэтому контракты, хоть немного отступающие от нормального, поступали на предварительное заключение Контроля, где имелись юристы из бывших судебных деятелей, которые занимались этими делами и подготавливали материалы для заключений Контроля. Несколько проектов контрактов было ими опротестовано, и эти протесты неизменно принимались во внимание»⁵⁰.

Особенно характерны два случая, когда В.С. Налбандов лично просил Н.В. Савича «отнестись с особой тщательностью к деталям проекта». В обоих случаях торговыми фирмами руководили близкие к А.В. Кривошеину предприниматели: в первом – Второвы, во втором – инженер Чаев. В итоге контракт с фирмой Второвых контрольными органами был опротестован. Было очевидно, что, когда фирма «настаивала на особых кондициях», В.С. Налбандов, «зная близость ее главарей с Кривошеиным, не хотел отключать ее домогательств, боясь испортить свои отношения с всевластным премьером. Вот почему он не сделал сам изменений в проекте контракта, а предоставил эту роль Контролю. У него не хватило духу ни самому положить отрицательную резолюцию, ни переговорить откровенно с Кривошеиным»⁵¹.

Опасение В.С. Налбандова вызвать недовольство А.В. Кривошеина понятно: он, чья деятельность никогда не выходила за рамки Таврической губернии, никак не мог чувствовать себя свободным в своих мнениях, действиях и оценках рядом с одним из самых крупных сановников бывшей империи. Следуя этой логике, заметим, можно предположить, что в случаях, отмеченных Н.В. Савичем, В.С. Налбандов не получал никаких указаний и рекомендаций от А.В. Кривошеина. Следовательно, возможно, были случаи, когда А.В. Кривошеин, ссылаясь на особую выгодность или срочность исполнения контракта для казны, прямо указывал В.С. Налбандову на необходимость одобрить контракты, «отступающие от нормального». Н.В. Савич же, известный своей преданностью А.В. Кривошеину, никогда бы не стал писать о подобных контрактах. Наоборот, он отмечал, что А.В. Кривошеин никоим образом не проявлял своей личной заинтересованности в реализации контрактов с теми торгово-промышленниками, с которыми у него имелись давние личные и деловые отношения⁵².

Между тем большинство офицеров и чиновников военных и гражданских учреждений, журналистов и общественных деятелей были твердо убеждены в том, что некоторые члены правительства, включая А.В. Кривошеина, были непосредственно заинтересованы в прибылях фирм, принадлежавших Второвым и Чаеву – имели в них солидные пай (в этом случае, действительно, А.В. Криво-

шеину не надо было давать никаких особых указаний В.С. Налбандову) или попросту получали большие взятки (на Кривошеина, во всяком случае, это мало похоже)⁵³. Возможно, что общественное мнение механически переносило оценки деятельности Управления торговли и промышленности деникинских времен на крымский период. Но правдоподобнее другое предположение: коррупции так и не удалось положить конец. И если П.Н. Врангелю удалось подтянуть и дисциплинировать верхушку государственного аппарата, то, значит, коррупция активно заражала его средние и низшие звенья, что и позволяло торговцам так или иначе добиваться на деле куда больших прибылей, чем предусматривали договоры, в ущерб казне.

В целом государственная монополия на вывоз ячменя соответствовала интересам крупных российских торгово-промышленников и финансистов, поскольку позволяла им выкачивать огромные прибыли из сырьевого экспорта. Поэтому созданное П.Н. Врангелем и А.В. Кривошеиным в Севастополе в октябре 1920 г. Финансово-экономическое совещание, на которое приехали из-за границы многие известные российские предприниматели, уже широко развернувшие свой бизнес на Западе, обсудив итоги монополизации, высказалось за ее сохранение (42 голоса было подано за, 6 – против)⁵⁴.

Главной цели госмонополизация действительно достигла: валютный фонд вырос и дал возможность отчасти закупить на внешнем рынке необходимые армии и флоту предметы военного снабжения. По подсчетам профессора П.П. Гензеля, в период с августа по октябрь 1920 г. государственно-монополистический вывоз ячменя значительно возрос и составил около 6 млн. пудов, что дало правительству 100 – 150 млн. фр. Однако даже при этом экспорт зерна с территории Таврии в 1920 г. оказался почти втрое ниже среднегодового количества зерна, которое вывозилось из Таврической губернии за границу и в центр России до мировой войны.⁵⁵

Вырученная от государственного экспорта ячменя валюта несколько пополнила скудный валютный фонд правительства, однако ее было явно недостаточно, чтобы решить все финансовые проблемы и снабдить армию всем необходимым. В октябре 1920 г. валютный фонд не превышал 150 млн. франков, которых даже исключительно для снабжения армии могло хватить не более, чем до января 1921 г.⁵⁶

Свою немалую долю экспортного пирога успели отхватить и частные торговцы. Вывезя в 1920 г. из Крыма до 2 млн. пудов зерна, соли, шерсти и табака, они не только получили прибыль, но и благодаря различным махинациям и аферам не доплатили в казну до 10 млн. фр. валютных отчислений.⁵⁷

В целом, хотя источники не дают возможности даже приблизительно высчитать сумму, на которую было экспортировано сырье с юга России и Украины в 1919 – 1920 гг., не будет слишком смелым предположить, что она исчислялась сотнями миллионов франков, которые и составили стартовый капитал многих российских предпринимательских структур в эмиграции.

Потерпев в октябре поражение в Северной Таврии, Русская армия отступила в Крым. В результате этого отступления в Северной Таврии было оставлено большое количество зерна, закупленного частными фирмами и государственными учреждениями у крестьян. Среди многих причин этого были волокита и бюрократизм Управления торговли и промышленности и его местных органов, которые сопутствовали государственному регулированию и монополии. А также скардность В.С. Налбандова, пытавшегося сэкономить максимум возможного на внутренних и внешних перевозках: прежде всего именно «из-за вечных пререканий о величине фрахта пропустили удобное для вывоза из портов Северной Таврии время», после чего наступили ранние и сильные морозы, порты Азовского моря замерзли, и удобный момент для вывоза был упущен. Всего при отступлении Русской армии в Крым в октябре в портах Северной Таврии остались не вывезенными более 4 млн. пудов зерна⁵⁸.

В результате, если учитывать эти потери, государственная монополия на экспорт ячменя, которая, по оценке Н.В. Савича, «сулила казне много десятков миллионов франков дохода, обратилась в чистый убыток, особенно для предпринимателей, из которых большинство разорилось»⁵⁹.

Сводные данные о ввозе и вывозе из Таврии в 1920 г. не сохранились. Основу экспорта, сначала смешанного – казенного и частного, потом государственно-монополизированного, в период с апреля по октябрь 1920 г. составил ячмень. Что касается импорта, то его значительную долю, которую невозможно подсчитать даже приблизительно, поскольку военные грузы не учитывались таможеней, составляла продукция военного назначения, привозившаяся закупочными комиссиями соответствующих ведомств и частными фирмами-контрагентами для Русской армии. В «мирном» (весьма условное определение, поскольку немалая его часть также шла на удовлетворение потребностей армии и флота) импорте главную роль играли продовольствие, топливо, мануфактура; последнее место занимали сельхозмашины и металлы. Керосина было ввезено около 135 тыс. пудов – менее 30 % потребности населения. Сельскохозяйственных машин и орудий было ввезено около 7 тыс. пудов, что составило всего 5 % ежегодных потребностей сельского

населения. Металла и металлоизделий хозяйственного назначения было ввезено 13,5 тыс. пудов, что составило менее 1 % потребностей населения. Таким образом, внешняя торговля правительства П.Н. Врангеля свелась к обмену таврического зерна на средства ведения войны, потребности населения за счет импорта удовлетворялись в самой минимальной доле⁶⁰.

Импорт вооружения, боеприпасов, техники и запчастей к ней далеко не удовлетворил потребности Русской армии. На фронте находилось в исправности не более 75 % всей боевой техники, остальная ремонтировалась в тылу, причем зачастую одна машина ремонтировалась за счет разборки другой⁶¹.

Потребность в импортных горюче-смазочных материалах была настолько острой, что А.В. Кривошеин санкционировал затраты на их покупку в любом размере. Закупавшиеся Гортопом и его контрагентами в Батуме и Константинополе уголь, бензин, керосин и масла постоянно подвозились в порты Крыма и Северной Таврии. За период с марта по октябрь было ввезено 4 млн. п. угля, 364 тыс. п. нефти, бензина и керосина, 25 тыс. п. масел. Однако это количество удовлетворило потребности армии, флота, транспорта, промышленности и населения в угле не более чем на 30 %, в жидком топливе – не более чем на 50 %. Русской армии хронически не хватало бензина, керосина и масел, из-за чего были ограничены действия флота и технических частей, где нередко простаивали исправные танки, бронемашины и самолеты⁶².

Не удалось за счет импорта решить и проблему восстановления железнодорожного транспорта. Всю весну и лето представители ведомства путей сообщения пытались купить у иностранных фирм подвижной состав, но цена была непомерно высока. Лишь в середине (конце) сентября прибыли в Севастополь закупленные в США еще в конце 1919 г. десять паровозов «Де-Капот» в разобранном виде. Сборка их была закончена только к началу (середине) октября⁶³.

Таким образом, форсированный экспорт зерна далеко не обеспечил закупки импортных военных материалов и всего, что было необходимо для ведения войны.

С другой стороны, закупка зерна на экспорт резко обострила конкуренцию на внутреннем хлебном рынке. Комиссионеры уполномоченных, работавшие на казенные кредиты, проигрывали эту конкуренцию частным скупщикам-экспортерам, считавшимися только с заграничными ценами на зерно и беспрерывно повышавшими закупочные цены. Кроме того, они стали широко практиковать обмен большей части закупаемого хлеба на импортируемые ими же промтовары. Крестьяне Таврии, стремясь к натуральному об-

мену, охотно отдавали хлеб именно скупщикам-экспортерам, отказываясь продавать его уполномоченным, их комиссионерам и интендантским закупочным комиссиям⁶⁴.

Следствием такой конкуренции стали, во-первых, резкое уменьшение количества хлеба, заготавливаемого интендантствами и уполномоченными для армии и населения, которые не выдерживали конкуренции и закупали в 10 – 15 раз меньше скупщиков-экспортеров, во-вторых, сокращение подвоза хлеба в города, поскольку скупщики-экспортеры ежедневно с раннего утра устанавливали заставы на дорогах, перехватывая крестьян, везущих хлеб на рынок, а местные власти не препятствовали этому, либо твердо блюдя свободу торговли, либо, что скорее всего, получив от скупщиков взятки⁶⁵.

Пока Русская армия оперировала в Северной Таврии и довольствовалась местными средствами путем реквизиций и грабежа, она не ощущала срыва хлебозаготовок. Но в октябре, при отходе армии в Крым, выяснилось, что из потребного до нового урожая запаса в 12,5 млн. п. интендантствами заготовлено всего 400 тыс. п. Управление снабжений забило тревогу. Однако уже было поздно: по его оценке, отсутствие запасов в Крыму, где оказалась запертой Русская армия, грозило ей и населению голодной смертью уже к концу декабря 1920 г.⁶⁶

Примечания:

¹ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.55. Л.1.

² ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.70. Л.22.

³ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.56. Л.1.

⁴ Там же. Л.2-3.

⁵ Там же. Л.7.

⁶ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.66. Л.1,4.

⁷ Там же. Л.7.

⁸ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.53. Л.56,66.

⁹ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.66. Л.15.

¹⁰ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.44. Л.29-29об.

¹¹ Росс Н. Указ. соч. С.199.

¹² Лукомский А.С. Воспоминания. Т.II. С.231.

¹³ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.44. Л.23,26,27,47; Д.45. Л.65.

¹⁴ Там же. Л.7,15,22.

¹⁵ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.94. Л.30.

¹⁶ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.3. Л.42.

¹⁷ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.64. Л.24.

¹⁸ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.44. Л.35.

¹⁹ Там же. Л.37-37об.

²⁰ Там же. Л.9-10.

²¹ Там же. Л.18.

²² Там же. Л.38.

²³ Там же. Л.37-38.

- ²⁴ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.3. Л.42; Д.44. Л.35; Д.94. Л.30.
- ²⁵ Оболенский В. Указ. соч. С.65.
- ²⁶ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.89. Л.110.
- ²⁷ Калинин И. Указ. соч. С.118; Гензель П.П. Указ. соч. С.110.
- ²⁸ Савич Н.В. Указ. соч. С.368.
- ²⁹ Врангель П.Н. Записки. Ч.2. С.106.
- ³⁰ Шафир Я. Указ. соч. С.106.
- ³¹ Цит по: Росс Н. Указ. соч. С.203.
- ³² Гензель П.П. Указ. соч. С.111.
- ³³ Росс Н. Указ. соч. С.203.
- ³⁴ Из истории внешней политики правительства Врангеля//Красный архив. 1929. № 1. С.150-151; Маргулис М.С. Год интервенции. Берлин, 1923. Кн.3. С.203,207,223-224,229.
- ³⁵ Росс Н. Указ. соч. С.200.
- ³⁶ Там же. С.203-204.
- ³⁷ Врангель П.Н. Записки. Ч.2. С.117.
- ³⁸ Цит.по: Росс Н. Указ. соч. С.200.
- ³⁹ Шафир Я. Указ. соч. С.106.
- ⁴⁰ Савич Н.В. Указ. соч. С.369.
- ⁴¹ Гензель П.П. Указ. соч. С.111.
- ⁴² Врангель П.Н. Записки. Ч.2. С.191.
- ⁴³ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.68. Л.24.
- ⁴⁴ Оболенский В.А. Указ. соч. С.42,64-65.
- ⁴⁵ Савич Н.В. Указ. соч. С.369.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.70. Л.31.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Савич Н.В. Указ. соч. С.369-370.
- ⁵⁰ Там же. С.370.
- ⁵¹ Там же. С.370-371.
- ⁵² Там же. С.370-371.
- ⁵³ Немирович-Данченко Г.В. Указ. соч. С.84.
- ⁵⁴ Кривошеин К.А. А.В.Кривошеин, 1857-1921: Его значение в истории России начала XX века. Париж, 1973. С.334.
- ⁵⁵ Гензель П.П. Указ. соч. С.111.
- ⁵⁶ Карпенко С.В. Белое дело: Врангель в Таврии. М., 1994. С.53.
- ⁵⁷ Там же. С.39.
- ⁵⁸ Савич Н.В. Указ. соч. С.370.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Шафир Я. Указ. соч. С.110-114; Раковский Г. Конец белых. С.155.
- ⁶¹ РГВА. Ф.6. Оп.3. Д.116. Л.115; Ф.101. Оп.1. Д.149. Л.70б,80б; Д.174. Л.141об.-142; Ф.198. Оп.3. Д.620. Л.30-23.
- ⁶² РГВА. Ф.6. Оп.3. Д.116. Л.42; Д.141. Л.219об.; Ф.101. Оп.1. Д.174. Л.76,141-141об.; Ф.109. Оп.3. Д.238. Л.18; Ф.198. Оп.3. Д.577. Л.294.
- ⁶³ РГВА. Ф.101. Оп.1. Д.174. Л.141; Оп.3. Д.62. Л.83; Ф.102. Оп.3. Д.561. Л.71об.; Крестьянский путь (Симферополь). 1920. 13(26) сент.
- ⁶⁴ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.233. Л.1-3; РГВА. Ф.6. Оп.3. Д.116. Л.43; Раковский Г. Конец белых. С.86.
- ⁶⁵ Крестьянский путь (Симферополь). 1920. 13(26) окт.
- ⁶⁶ ГА РФ. Ф.356. Оп.1. Д.233. Л.3.

«СЛИШКОМ ДОРОГАЯ ПЛАТА» ЗА ПОМОЩЬ ЗАПАДА

Сразу после своего назначения главкомом ВСЮР П.Н. Врангель отправил в Константинополь адмиралу де Робеку телеграмму с согласием принять условия британского ультиматума прекратить военные действия. Выразив надежду, а фактически потребовав, чтобы Великобритания и далее снабжала ВСЮР, П.Н. Врангель, однако, отказался вступать в переговоры с большевиками непосредственно, возложив это на англичан, тем самым рассчитывая потянуть время и поискать возможность укрепиться в Крыму¹.

11 апреля британский министр иностранных дел Дж. Керзон отправил в Москву ноту с предложением прекратить военные действия против белых на юге и объявить им амнистию в качестве предварительного условия начала советско-британских торговых переговоров. Начавшийся затем обмен нотами между Москвой и Лондоном по поводу условий капитуляции войск Врангеля в Крыму продолжался до середины мая без какого-либо результата, так как П.Н. Врангель делал все, чтобы сохранить за собой Крым, а англичане были заинтересованы не столько в капитуляции Крыма, сколько в его использовании как рычага давления на торговых переговорах с большевиками, предполагая, что, в крайнем случае, белый Крым можно будет обменять на максимально выгодные условия торговли с Россией. Поэтому они требовали от П.Н. Врангеля только одного: не начинать наступления. Требование это диктовалось, во-первых, опасением, что П.Н. Врангель, начав наступление, подтолкнет большевиков к решительному штурму Крыма, и остатки ВСЮР будут разгромлены, и, во-вторых, необходимостью продемонстрировать большевикам, что Лондон полностью контролирует белых в Крыму и держит их судьбу в своих руках. Советско-британские торговые переговоры начались в Лондоне, куда приехала советская делегация, 31 мая, что для правительства большевиков означало прорыв изоляции и признание де-факто².

События в России и вокруг нее, однако, развивались далеко не так, как того хотелось бы Д. Ллойд Джорджу и Дж. Керзону, полагавшим, что они держат ситуацию под контролем. Французское правительство, активно поддерживая Польшу в ее антироссийской политике, попыталась вовлечь П.Н. Врангеля в орбиту своей политики и использовать Русскую армию в качестве силы, которая бы, создав на юге угрозу большевикам, отвлекла часть их войск с польского фронта. Начальник французской военной миссии генерал Манжен в течение апреля – мая неоднократно давал понять П.Н. Врангелю, что его операция в помощь полякам, которые на-

чали наступательные операции на Украине 25 апреля, была бы поддержана Францией. При этом французские представители в Крыму, а также ответственные чиновники французского Министерства иностранных дел ясно давали понять представителям П.Н. Врангеля в Париже, что они не поддерживают идею англичан о мирной сдаче Крыма. Напротив, в случае удара в тыл советским войскам, борющимся на Украине против поляков, французы обещали материальную поддержку³.

Планируя переход в наступление, П.Н. Врангель надеялся, что даже кратковременный успех изменит отношение Антанты, прежде всего Великобритании и Франции, к антибольшевикам на юге, стимулирует их к активной политической, а главное – материальной, поддержке. Однако 21 мая (3 июня), за три дня до намеченного наступления, он получил от де Робека письмо с предупреждением, что британское правительство испытывает «беспокойство» в связи со «слухами» о его намерении перейти в наступление. П.Н. Врангелю ясно было указано, что в случае его наступления «неминуемо должен провалиться план Правительства Его Величества о ведении переговоров с Советским правительством» и тогда материальная, а также политическая поддержка будет прекращена⁴.

В этой ситуации П.Н. Врангель накануне наступления поручил А.А. Нератову переговорить с Манженном, а также через посла во Франции В.А. Маклакова – с французским Министерством иностранных дел, с целью ознакомить их с британской нотой и, во-первых, выяснить, как Франция смотрит на позицию, занятую Великобританией, во-вторых, предупредить, что Русская армия в ближайшее время вынуждена будет перейти в наступление «для облегчения продовольственного вопроса», и, в-третьих, узнать, «может ли главнокомандующий рассчитывать в случае успеха своего наступления на помощь со стороны Франции, необходимую для развития операции: а) в снабжении армии военными материалами и б) в помощи финансовой и экономической»⁵.

Вернувшись в Севастополь с фронта, когда победа над советской 13-й армией в Северной Таврии была уже очевидна, П.Н. Врангель пригласил к себе генерала Перси, начальника британской военной миссии. Он просил его сообщить британскому правительству, что его армия заняла Северную Таврию с целью получения продовольствия и спасения Крыма от голода и дальше этой линии он продвигаться не намерен. При этом он просил британское правительство предоставить гарантии неприкосновенности занятой им территории в случае начала переговоров между большевиками и англичанами⁶.

Между тем именно в дни успехов Русской армии на юге войс-

ка советского Юго-Западного фронта нанесли ряд серьезных поражений полякам на Украине. 12 июня они вернули Киев, польские войска начали отходить по всему фронту. На 21 – 22 июня в Булони намечалось проведение очередной конференции Антанты, на которой в связи с новой военной ситуацией в России неминуемо должен был обсуждаться «русский вопрос». Многие французские политики стали склоняться к тому, что необходимо оказать самую широкую поддержку не только Польше, но и Врангелю. При этом они считали необходимым, чтобы поддержка эта была оказана всеми державами Антанты, включая Великобританию. Как раз в эти дни в Париже находился П.Б. Струве, назначенный П.Н. Врангелем начальником Управления внешних сношений именно из расчета на его известность в Европе как социалиста и демократа. Публичные выступления П.Б. Струве с сообщениями о военных успехах Русской армии и начатых П.Н. Врангелем демократических реформах, прежде всего земельной, были встречены в Париже с большим интересом и сочувствием. Многие политические деятели, близкие к правительству, пошли на личные встречи с П.Б. Струве, чтобы лучше ознакомиться с положением дел на юге России. В конце концов, П.Б. Струве принял глава правительства А. Мильеран. С целью усиления своей позиции перед встречей с Д. Ллойд Джорджем А. Мильеран попросил П.Б. Струве снабдить его официальным письмом об основных направлениях политики Врангеля⁷.

20 июня, накануне открытия конференции, П.Б. Струве передал А. Мильерану обширное письмо, в котором подчеркивалось стремление П.Н. Врангеля, во-первых, передать крестьянам в частную собственность те земли, которые они захватили в период революции, и, во-вторых, воссоздать Россию на основе федеративного договора между фактически существующими «политическими новообразованиями»⁸.

22 июня, на второй день работы, после обсуждения вопросов об уплате Германией контрибуции, лидеры стран Антанты перешли к «русскому вопросу». Обсуждение началось с заявления Д. Ллойд Джорджа об исключительной важности выработки странами Антанты единой политики в «русском вопросе», поскольку Германия рассчитывает именно на разногласия внутри Антанты в политике по отношению к России. Заявив, что «сегодня не стоит вопроса признания Советского правительства», Д. Ллойд Джордж, однако, признал, что переговоры с советской делегацией в Лондоне ведутся не только по вопросам торговли, но и по поводу ведения большевиками пропаганды, враждебной державам Антанты⁹.

Такой подход вызвал возмущение А. Мильерана. Французский

премьер-министр увидел в формуле Д. Ллойд Джорджа, согласно которой следовало потребовать от большевиков прекращения «враждебной пропаганды и враждебных действий», опасность фактического начала переговоров по политическим вопросам, что могло привести к установлению политических отношений с большевистским правительством. При этом А. Мильеран совершенно четко сформулировал позицию Франции: признано может быть только то российское правительство, которое возьмет на себя ответственность за все, что делали предыдущие правительства, и прежде всего признает старые долги¹⁰.

Далее глава итальянской делегации Сфорца поднял вопрос о советско-польской войне. По этому поводу Д. Ллойд Джордж заявил, что нет никаких сомнений в том, что польское наступление объединило Россию. При этом он сослался на мнение маршала Фоша, который еще в сентябре 1919 г. предупреждал, что именно это будет результатом польского наступления на русскую территорию. «Польша совершила смертельную ошибку», — таково было твердое заключение Д. Ллойд Джорджа¹¹.

А. Мильеран не поддержал обсуждение вопроса о советско-польской войне, понимая, вероятно, что позицию Лондона в этом вопросе не изменить, или надеясь все же на конечный успех поляков. Он предпочел вернуться к позиции Великобритании относительно переговоров с Советским правительством по поводу большевистской пропаганды. Д. Ллойд Джордж на это подробно мотивировал позицию Великобритании, интересам которой, по его словам, большевистская пропаганда угрожает в Индии, Афганистане и Персии, и если большевики не прекратят этой пропаганды, то британское правительство сочтет необходимым возобновить экономическую блокаду России. При этом он пригласил французских представителей, экспертов-экономистов, принять участие в предварительных переговорах с большевиками¹².

А. Мильеран заявил на это, что он сильно сомневается в том, что Советам можно доверять. После чего он многозначительно добавил, что события скоро подтвердят его правоту и в этом случае странам Антанты придется вернуться к политике блокады¹³.

В итоге короткой дискуссии, когда представители Италии, Бельгии и Японии фактически безмолвствовали, стало очевидно, что серьезные противоречия между Великобританией и Францией не позволили принять согласованный итоговый документ. Как и то, что в то время как Великобритания сделала главную ставку на восстановление торговых отношений с Россией и политический прессинг на большевиков, А. Мильеран выжидал развития событий на советско-польском фронте. Обращает на себя внима-

ние то обстоятельство, что на конференции имя Врангеля не разу не было официально произнесено и вопрос о положении на юге России вообще не обсуждался в ходе протоколируемой дискуссии.

Англичанам, вероятно, было одинаково тяжело как признать то, что именно они своим снабжением способствовали восстановлению боеспособности остатков ВСЮР в Крыму, как и то, что, получив помощь, Врангель вышел из-под их контроля, попросту обвел их вокруг пальца.

В конце июня британское правительство отозвало военную миссию генерала Перси из Крыма. Была оставлена лишь группа офицеров для наблюдения за развитием событий. Поставки военных материалов на кредиты, выделенные британским парламентом, были прекращены. То незначительное количество припасов, которые доставлялись англичанами в Крым, выдавались за счет бюджета военного министерства по решению У. Черчилля. По его же приказу британское командование в Константинополе оказывало содействие закупкам военных материалов, которые производили в Румынии, Болгарии и Грузии представители ВСЮР, и доставке их в Крым, в то время как дипломатические представители Великобритании в этих странах чинили всевозможные препятствия этим закупкам и под разными предлогами отказывались пропускать грузы¹⁴.

4 июля советские войска Западного фронта нанесли удар по польским войскам в Белоруссии и начали успешное наступление с целью прорваться на территорию Польши. 5 июля в Спа (Бельгия) открылась очередная конференция Антанты, которая работала до 16 июля. Одним из главных на этой конференции стал «русский вопрос»: в первую очередь ситуация на советско-польском фронте, где поляки терпели одно поражение за другим и отступали на территорию этнической Польши.

В Спа генералом П.Н. Врангелем были посланы П.Б. Струве и российский консул в Париже Н.А. Базили. На них была возложена задача обязательно встретиться с лидерами держав Антанты и добиться от них активной помощи Русской армии вплоть до признания правительства Врангеля де-факто¹⁵. Для П.Н. Врангеля это было жизненно важно, так как поражения поляков и откат их фронта на запад создавали прямую угрозу вышедшей из Крыма Русской армии, ибо командование Красной армии в случае скорого разгрома поляков могло получить возможность начать переброску на юг частей с польского фронта.

9 июля в Спа состоялись переговоры между британской делегацией во главе с Д. Ллойд Джорджем и французской делегацией во главе с А. Мильераном, в которой принял участие польский премьер-министр Грабский.

Габский заявил, что Польша оказалась в очень опасной ситуации по своей собственной вине и глава государства Ю. Пилсудский теперь признал свою ошибку. По его словам, Польша не имела достаточных резервов и военных материалов для сопротивления большевикам, нуждалась в получении военных материалов и моральной поддержке союзников. Важнейшим, жизненным вопросом для Польши, подчеркнул Габский, является вопрос заключения мира с большевиками. Однако теперь, когда большевики побеждают, они предложат такие условия мира, которые Польша принять не сможет. Габский поставил перед лидерами Великобритании и Франции вопрос, сможет ли Польша рассчитывать на их поддержку в случае, если большевики отвергнут мирные предложения и вторгнутся на ее территорию¹⁶.

Д. Ллойд Джордж попросил маршала Фоша, который перед этим встречался с польскими военными, осветить военное положение на советско-польском фронте. Фош заявил, что в Белоруссии польские войска сохраняют боеспособность, а на Украине отступают из-за дезорганизации. По его мнению, ситуация не была смертельной или проигранной. Д. Ллойд Джордж на это возразил, что, по его данным, положение гораздо более серьезно, так как Красная армия усиливает свою мощь и большевики ставят своей целью занять Польшу и выйти к германской границе. По его мнению, для Польши было бы ошибкой надеяться на то, что она способна изменить ситуацию. А. Мильеран после этого поинтересовался у Габского, как долго Польша может оказывать сопротивление. На что тот ответил, что большевикам потребуется несколько недель, чтобы дойти до этнической границы Польши¹⁷.

После этого выступил Д. Ллойд Джордж. Смысл его речи состоял в том, что ситуация одинаково опасна как для Польши, так и для Европы в целом. Союзники установили независимость Польши, что стоило немалых жертв, и несут ответственность за сохранение ее независимости. Но Польша, к сожалению, не удовлетворилась своими национальными границами, захватив часть литовской, белорусской и украинской территории, причем на последних занятых территориях бывшей Российской империи проживает от 20 до 30 миллионов русских, украинцев и белорусов. Фактически Польша вступила в борьбу со своими соседями, включая Германию. В этой ситуации, как заявил Д. Ллойд Джордж, он не уверен, что союзники могут сделать очень много, поскольку еще не решены вопросы выплаты Германией контрибуции и не подписан мирный договор с Турцией. Будет возможно что-то сделать, если под угрозой окажется независимость Польши, но ничего не может быть сделано, пока Польша на деле и на словах не откажет-

ся от «империалистической и захватнической политики». Д. Ллойд Джордж особо указал на то, что он даже не станет обращаться к британскому парламенту по поводу оказания помощи Польше, пока речь не будет идти о защите ее независимости внутри собственных этнических границ. Великобритания только в этом случае сможет оказать давление на Россию с целью установления ее мира с Польшей, и только если Россия откажется, Великобритания сможет помочь Польше защитить ее независимость¹⁸.

Габский с этим согласился. После чего А. Мильеран заявил, что британское и французское правительства приложат все возможные усилия, чтобы оказать Польше эффективную помощь, но Польша, со своей стороны, должна выполнить все данные ею обязательства¹⁹.

10 июля на вилле «Франьез» состоялось заседание Верховного совета Антанты, на котором обсуждался и был одобрен текст ноты правительства Великобритании Советскому правительству о прекращении военных действий. В ходе обсуждения А. Мильеран отказался одобрить пункт ноты, который требовал от правительства РСФСР признать политические заявления российских правительств, включая его собственное заявление, о признании независимости Польши. По его мнению, это было близко к вступлению с большевиками в переговоры политического характера и являлось продолжением сепаратных переговоров англичан с большевиками. Он заявил, что сможет поддержать эту ноту только в том случае, если от большевиков будет потребовано признать старые долги²⁰.

На это Д. Ллойд Джордж заметил, что его единственной целью является спасти Польшу и предотвратить ситуацию, когда германское социалистическое правительство пойдет на конфронтацию с Антантой, используя поддержку большевиков с территории захваченной Польши. В ответ А. Мильеран заявил, что его целью также является спасение Польши, однако он подчеркнул, что при этом его задачей является примирение «противоречивых интересов спасения Польши и гарантирования французских интересов»²¹.

Таким образом, А. Мильеран всеми силами стремился избежать ситуации, когда ради установления мира на советско-польской линии фронта придется вступать в политические переговоры с большевистским правительством и тем самым фактически признать его без всяких с его стороны обязательств вернуть Франции долги. С другой стороны, он использовал это как предлог для того, чтобы «спасать» Польшу не дипломатическими, а военными средствами. Иными словами, он предпочитал поддерживать продолжение войны Польшей и рисковать дальше ее независимостью до

тех пор, пока большевики не согласятся вернуть долги. Долги даже затмили в его глазах угрозу соединения германских социалистов с российскими большевиками, германской армии с Красной армией на новой, установленной Антантой, польско-германской границе.

Тогда Д. Ллойд Джордж заявил, что, в случае отказа Франции присоединиться к общей ноте, британское правительство пошлет ее в Москву на свою собственную ответственность²².

Во второй половине дня 10 июля Верховный совет Антанты в присутствии Грабского продолжил обсуждение текста британской ноты, уделив особое внимание той линии, по которой должна пройти граница Польши с ее восточными соседями. Британская делегация в качестве такой линии предложила ту, которая была принята Верховным советом по предложению Дж. Керзона в декабре 1919 г. в Париже. Эта «линия Керзона» вызвала возражения Грабского, поскольку полякам приходилось покидать Минск и Вильно. Его возражение вызвало и то обстоятельство, что британская нота требовала от большевиков не приближаться к установленной линии ближе, чем на 20 км. Фактически это означало, что Красная армия могла продвигаться дальше без всяких боев. Однако Д. Ллойд Джордж отверг все эти притязания польского премьер-министра, указав ему на то, что большевики только вернуться на те позиции, которые они занимали в 1919 г. и займут ту территорию, которые польские войска заняли в нарушение решения Верховного совета Антанты. Но даже после этого Грабский упорно стоял на том, что Вильно и часть литовской территории, занятой поляками, должна остаться за Польшей²³.

Похоже, упорство польского представителя подогревалось закулисной поддержкой Франции. С другой стороны, Д. Ллойд Джордж, коль не удалось использовать Врангеля как разменную карту, теперь стремился так же использовать Польшу в торговых переговорах с правительством Ленина. Наконец, разбитая большевиками Польша теряла свое значение противовеса Германии и буфера между Германией и большевиками.

Вместе с тем Д. Ллойд Джордж попытался вернуть под свой контроль армию Врангеля, включив его в общую схему урегулирования. Суть его предложения состояла в том, что большевики подписывают с П.Н. Врангелем перемирие при условии, что Русская армия отступает в Крым и генерал Врангель приглашается в Лондон на конференцию. Это предложение относительно П.Н. Врангеля ни у кого никакой реакции не вызвало²⁴. Судя по всему, Д. Ллойд Джордж сделал попытку снова использовать Русскую армию как постоянную угрозу большевикам и в то же самое время как предмет торга, как разменную карту, которую всегда можно

выгодно на что-то обменять. А. Мильеран же, также не сделав никаких заявлений в поддержку П.Н. Врангеля, продумывал свои сепаратные шаги, которые до поры до времени не хотел раскрывать.

На это Грабский поспешил уточнить, какую помощь получит Польша в случае, если примет предложения союзников, и в случае, если эти предложения не будут приняты большевиками и они продолжат наступление. Д. Ллойд Джордж ответил, что он не готов сейчас обсуждать этот предмет, пока не обсудит его с военными советниками. По его мнению, помощь могла быть оказана военными материалами или офицерами. Когда же Грабский уточнил, нельзя ли рассчитывать на помощь войсками, Д. Ллойд Джордж и А. Мильеран, проявив полное согласие взглядов, ответили, что это невозможно²⁵.

В итоге документ был в принципе одобрен, однако А. Мильеран заявил, что считает невозможным присоединиться к отправке этого документа Советскому правительству. Глава итальянской делегации Сфорца, со своей стороны, предложил, что будет лучше, чтобы не подчеркивать отказ Франции, послать этот документ в Москву только от имени одного британского правительства²⁶.

Таким образом, французский премьер-министр отказался официально раскрывать свою причастность к разработке документа, главной идеей которого был созыв в Лондоне международной конференции с участием советского правительства и правительств соседних с Россией государств. Он всеми способами избегал того, что могло быть истолковано как продвижение к фактическому признанию большевистского правительства, а участие большевистской делегации в Лондонской конференции, по сути, как раз и стало бы таким признанием. С другой стороны, он счел за благо всю ответственность возложить на Великобританию, оставив свои руки развязанными в том, что касалось поддержки всех сил, способных создать угрозу и бороться против большевиков, включая Русскую армию Врангеля.

На следующий день, 11 июля, министр иностранных дел Великобритании Дж. Керзон направил правительству РСФСР ноту с предложением немедленно приостановить военные действия и заключить перемирие с Польшей. Для переговоров об окончательном мире между РСФСР и ее соседями предлагалось созвать в Лондоне конференцию. Относительно армии Врангеля в ноте предлагалось, «чтобы было также подписано перемирие между армией Советской России и генералом Врангелем при условии немедленно-го отступления сил Врангеля в Крым, с тем, чтобы на время перемирия перешеек был нейтральной зоной и чтобы генерал Вран-

гель был приглашен в Лондон для обсуждения судьбы своих войск и беженцев, но не как член конференции».²⁷

Когда нота была опубликована, она была воспринята в Европе, как это и предвидел А. Мильеран, как решающий шаг к признанию большевистского правительства. И тот факт, что британское правительство гарантировало, что польские войска отступят к «линии Керзона», установленной Верховным советом Антанты в декабре 1919 г., говорил о стремлении Великобритании стать верховным арбитром по урегулированию противоречий прежде всего в собственных интересах, о готовности Великобритании жертвовать интересами своих союзников, прежде всего Франции, ради захвата в свои руки экономических связей с Россией.²⁸

Между тем 13 июля в Спа приехал Н.А. Базили, а 14 июля – П.Б. Струве, когда Верховный совет уже перешел к обсуждению других вопросов. Им удалось встретиться со многими членами французской и британской делегаций, включая Фоша. Однако их главной целью было встретиться с Д. Ллойд Джорджем и А. Мильераном. Из разговоров с дипломатами и военными они сделали вывод, что британский премьер решил полностью игнорировать прибытие в Спа представителей П.Н. Врангеля, а А. Мильеран, напротив, склоняется к встрече с ними.²⁹

Всю ночь с 14 на 15 июля П.Б. Струве и Н.А. Базили сочиняли ноту Д. Ллойд Джорджу и Дж. Керзону. В этой ноте они настаивали на необходимости сохранить за Русской армией всю занятую территорию и на приглашении П.Н. Врангеля в Лондон в качестве равноправного участника переговоров.³⁰ В 10 часов утра переведенная на английский язык нота была послана в отель «Британик», где разместились британская делегация. Однако Д. Ллойд Джордж никак не ответил на эту ноту и на следующий день, 16 июля, когда конференция закончила работу, покинул Спа, совершенно проигнорировав делегацию, присланную П.Н. Врангелем.³¹

А. Мильеран, напротив, 16 июля принял П.Б. Струве и Н.А. Базили. В беседе с ними он заявил, что «французское правительство не приняло участия в английском шаге, но вынуждено было признать необходимость этого шага для предупреждения тех опасностей, которые созданы для Польши и для Врангеля победами большевиков». Он посоветовал им настаивать на том, чтобы получить приглашение в Лондон в качестве равноправных участников конференции. П.Б. Струве и Н.А. Базили были очень довольны результатом встречи с А. Мильераном, расценив ее как поддержку со стороны Франции.³²

Оценка эта было более чем оптимистична. А. Мильеран не взял на себя никаких обязательств в отношении помощи, тем более ма-

териальной, Русской армии. Более того, он признавал то очевидное обстоятельство, что ни Польша, ни армия П.Н. Врангеля не могут ликвидировать большевиков, они лишь могут представлять угрозу для них в случае, если на конференции удастся гарантировать им неприкосновенность занятых территорий. Таким образом, линия Франции состояла в том, чтобы законсервировать до лучших времен врангелевскую часть России, но при этом использовать ее по своему усмотрению и не дать Великобритании использовать ее в собственных интересах.

17 июля правительство РСФСР заявило, что будет вести мирные переговоры только с Польшей без всяких посредников, если польское правительство само обратится с предложением перемирия. Что касается армии Врангеля, то Москва, вернувшись к майским переговорам, потребовала ее полной капитуляции на условиях амнистии.³³ Такая позиция большевиков объяснялась прежде всего их расчетами на скорую социалистическую революцию в Польше, надежды на которую возрастали по мере продвижения Красной армии к Варшаве и Львову.

В ноте от 20 июля правительство Великобритании потребовало от правительства РСФСР, чтобы оно приостановило наступление Красной армии и не допустило перехода ею этнической границы Польши. 21 июля войска Западного фронта форсировали Неман и тем самым перешли этническую границу Польши – «линию Керзона». 22 июля Польша сама обратилась в Москву с предложением начать непосредственные переговоры и 23 июля правительство РСФСР ответило Д. Ллойд Джорджу, что уже предпринимаются шаги к открытию советско-польских мирных переговоров. Что касается конференции в Лондоне, то в ноте выдвигалось предложение провести ее с участием только РСФСР и держав Антанты для обсуждения отношений между ними.³⁴ Такой вариант был равнозначен признанию советского правительства.

Для обсуждения ситуации, сложившейся на советско-польском фронте, и предложения большевиков провести в Лондоне конференцию с участием только России и держав Антанты Д. Ллойд Джордж и А. Мильеран 27 – 28 июля спешно провели встречу в Булони. Во время переговоров 27 июля они продемонстрировали не только кардинальную разницу своих подходов к проблеме переговоров с большевистским правительством, но и нежелание идти на компромисс друг с другом. А. Мильеран соглашался на участие Франции в Лондонской конференции только в том случае, если будет обсуждаться вопрос о мире с Польшей. Он подчеркнул, что, даже если у него не будет никаких иных возражений, он откажется

принять приглашение на конференцию, из повестки дня которой будет исключен польский вопрос³⁵.

Д. Ллойд Джордж тогда уточнил, что предлагаемый им ответ большевикам сохраняет возможность обсуждения на конференции в Лондоне всех вопросов, включая польский и «вопрос Врангеля». И если на самой конференции большевики заявят, что они «не будут обсуждать вопрос о мире с Польшей или будут обсуждать его только с правительством Советской Польши», то он, Ллойд Джордж, даст им ясно понять, что польский вопрос не может быть исключен³⁶.

Несмотря на твердо заявленную позицию Москвы, Д. Ллойд Джордж почему-то считал себя способным взять ситуацию в свои руки и навязать большевикам переговоры по Польше. Понимая, что упорство Д. Ллойда Джорджа диктуется его стремлением ускорить заключение торгового договора с Россией, А. Мильеран твердо отстаивал интересы Франции. Он сформулировал несколько условий, при выполнении которых он мог согласиться на участие в конференции с большевиками, осознавая при этом, что большевики не пойдут на эти условия. Главным из этих условий было признание большевиками долгов предыдущих российских правительств и созыв Учредительного собрания. На это Д. Ллойд Джордж возразил, что выдвижение таких условий приведет к тому, что конференция никогда не состоится. Однако А. Мильеран, возможно, именно на это и рассчитывая, продолжал настаивать на том, что, если не заставить большевиков принять эти условия сейчас, то после разгрома Польши они никогда их не примут, превратившись в страшную угрозу для Европы, как внешнюю, так и внутреннюю³⁷.

Вероятнее всего, А. Мильеран, как и Д. Ллойд Джордж, не питал никаких иллюзий относительно способности Польши, а тем более армии Врангеля свергнуть большевиков. И так же точно не хотел тратить деньги на их снабжение. Однако на этом сходство позиций Великобритании и Франции заканчивалось, и далее начиналась вопиющая рознь.

Д. Ллойд Джордж считал, что поддерживать их наступательные намерения – значит, продолжать выбрасывать деньги на ветер, затягивать решение экономических проблем в Англии и углублять социальный кризис. Поэтому он хотел использовать эти фронты в торговых переговорах с Москвой с целью разменять их на максимально выгодные условия торговли. И путем торговли начать возвращать затраченные деньги, выходить из кризиса и стабилизировать социальную ситуацию, а также упрочить положение своего правительства. И для достижения этой цели выгодно было

сдать, сторговать Польшу и армию Врангеля: Польшу загнать в ее этнические границы, а армию Врангеля эвакуировать из Крыма.

А. Мильеран же, ради сохранения единой России в качестве противовеса Германии и как гарантии возврата долгов хотел законсервировать эти конфликты, превратить фронты в границы, которые можно будет использовать как средство давления на Советское правительство и, не признавая его, добиваться возврата долгов и демократизации, а затем активизировать эти границы во фронты при более благоприятных условиях, например, при остром кризисе внутри Советской России.

В конце концов, А. Мильеран заявил, что окончательное решение об участии в Лондонской конференции он сможет принять тогда, когда будет получен ответ из Москвы, но он не сможет принять положительного решения, если на Лондонской конференции все будет происходить таким образом, что будет означать признание советского правительства³⁸.

Д. Ллойд Джордж и Дж. Керзон потратили много слов и времени, чтобы убедить А. Мильерана в том, что большевистское правительство и без их признания является фактическим правительством, так как оно создало сильную армию и контролирует территорию страны, однако участие в конференции в Лондоне отнюдь не означает признания его де-юре. В конце концов, они добились лишь согласия А. Мильерана на то, что в своей ноте Д. Ллойд Джордж будет говорить не только от имени Великобритании, но и Франции³⁹.

Давая согласие на такой текст, А. Мильеран, прежде всего, пытался спасти Польшу дипломатическими маневрами, а затем, по возможности, помочь ей продолжать борьбу против большевиков за счет усиленного снабжения. Что же касается армии Врангеля, то ее, вероятно, предполагалось начать снабжать только тогда, когда Великобритания возьмет на себя часть снабжения Польши, ибо Франция одна не могла помогать и Польше, и Врангелю. И не дать Великобритании, решив свои проблемы, выйти из игры, то есть отойти от поддержки всех сил, готовых бороться с большевиками.

30 июля британское правительство послало ноту в Москву, в которой впервые от имени Великобритании и Франции сообщалось, что оба правительства согласны на проведение конференции с участием советского правительства, но без пограничных с ней государств, однако только в том случае, если конференция прежде всего займется установлением условий мира между Россией и Польшей, затем между Россией и другими окраинными государствами, а в последнюю очередь – между Россией и державами Антанты⁴⁰.

Тем временем, представляя себе ход переговоров между Францией и Великобританией лишь в самых общих чертах, П.Н. Врангель стремился добиться максимума: признания и как политической поддержки, и как политической основы для оказания материальной помощи военным снабжением и предоставлением валютного займа. Поскольку на безвозмездную материальную помощь рассчитывать не приходилось, крупный валютный займ – это ясно понимал и он, и А.В. Кривошеин – оставался единственным способом радикально улучшить снабжение Русской армии за счет собственных заграничных закупок и ввоза в Крым военных материалов. Так, 25 июня А.В. Кривошеин телеграфировал П.Б. Струве в Париж: «Необходимо выяснить и, буде возможно, урегулировать кардинальный вопрос снабжения армии..., ибо без заграничных военных материалов невозможно дальнейшее наступление и даже крайне затруднительна задача обороны Крыма».⁴¹

«Изнашивается оружие, иссякают огнеприпасы, приходят в негодность технические средства борьбы. Без них мы бессильны. Приобрести все это нет средств. Наше экономическое положение становится все более тяжелым. Хватит ли сил у нас дожидаться помощи, придет ли эта помощь и не потребуют ли за нее те, кто ее даст, слишком дорогую плату. На бескорыстную помощь мы рассчитывать не в праве. В политике Европы тщетно было бы искать высших моральных побуждений. Этой политикой руководит исключительно нажива» — такие мрачные мысли терзали Врангеля⁴². Тем не менее, он считал, что Деникин совершил ошибку, отказавшись в 1919 г. удовлетворить требование Великобритании и Франции предоставить их фирмам концессии на территории ВСЮР под обеспечение просимого им займа. Осуждая Деникина за «упорный отказ от использования для привлечения иностранного капитала громадных естественных богатств юга России», Врангель готов был заплатить за освобождение России от большевизма и «слишком дорогую плату»: часть экономического достояния страны⁴³.

Выполняя его инструкции, М.В. Бернацкий в течение лета неоднократно информировал правительство и банковские круги Франции, что правительство Врангеля признает государственные долги России и долги деникинского правительства, а также согласно покрывать денежную помощь и военное снабжение экспортом во Францию зерна и других видов сырья как из Таврии, так и с территории, «предполагаемой к занятию»⁴⁴.

Одновременно посол в Вашингтоне по поручению Врангеля зондировал почву в правительственных и финансовых кругах США о получении займа у частных фирм минимум на 50 млн. дол., предлагая в качестве гарантии его погашения и уплаты процентов

«различные виды государственных доходов и концессий на территории Русской армии»⁴⁵.

Между тем в конце июля – начале августа войска советского Западного фронта быстро продвигались к Варшаве. В этой катастрофической ситуации 7 августа польское правительство сообщило по радио в Москву, что оно готово вести переговоры о заключении мира. Советское правительство немедленно предложило польскому направить делегацию через линию фронта в Минск, а в Лондон была послана нота, что предложение Польши дает возможность установить мир быстрее, чем это предлагается английским правительством. Таким образом, большевики продолжали добиваться своего участия на конференции в Лондоне для обсуждения только своих отношений с державами Антанты, что означало их признание последними⁴⁶.

8 – 9 августа состоялась очередная встреча Д. Ллойд Джорджа и А. Мильерана в Гайте. В ходе дискуссии британский премьер-министр, прежде всего, констатировал, что польская армия совершенно деморализована, защитить Варшаву невозможно и возникла реальная угроза, что большевики достигнут германской границы. В то же время, по его словам, на ведущихся в Лондоне с советской делегацией переговорах ее глава Л.Б. Каменев соглашается на то, чтобы прекратить военные действия и предложить Польше мир на вполне приемлемых условиях⁴⁷. А. Мильеран на этой встрече проявил особое упорство в отстаивании своей позиции непризнания большевиков и продолжения вооруженной борьбы с ними. Он заявил, что большевики утвердили себя в России силой и теперь путем переговоров пытаются добиться признания со стороны держав Антанты, поэтому большевикам совершенно нельзя доверять, ибо они никогда не откажутся от своих планов и своей пропаганды. С другой стороны, успехом большевиков против Польши может воспользоваться Германия: захватом земель на востоке она может компенсировать все потери на Западе. А если Германия и большевистская Россия вступят в союз, то Антанте придется обороняться против них «на правом берегу Рейна». В этой ситуации, когда Великобритания и Франция не могут найти общего языка и «прямо смотреть друг другу в глаза», он, Мильеран, считал необходимым открыто высказаться о принципах своей политики⁴⁸.

Таким образом, А. Мильеран взял курс на всемерную поддержку Польши как страны, которая оттягивает на себя угрозу Германии от Франции, с другой же стороны – создает угрозу большевикам. Этот курс исключал переговоры с большевиками, которые неизбежно должны были стать шагом на пути к признанию боль-

шевиков (тем более что такой шаг уже сделала Великобритания).

Д. Ллойд Джордж использовал все свое красноречие, чтобы попытаться убедить Мильерана в ошибочности его позиции, заявив, что никакими декларациями нельзя остановить продвижение Красной армии: ни Великобритания, ни Франция не в состоянии послать в Польшу свои войска. По его словам, маршал Фош заявил ему, что Франция не может послать даже одного солдата. Операции британского флота в Балтийском море в мирное время стоят 10 млн. ф. ст. в год, а в военное время — 40 млн. В этих условиях союзники не могут помочь Польше военным путем и единственно возможный путь — переговоры с большевиками с целью добиться наименее тяжелых для поляков условий советско-польского мира⁴⁹.

Затем для участия в дискуссии был приглашен маршал Фош, которому Д. Ллойд Джордж задал вопрос: как союзники могут помочь Польше? Фош ответил, что помочь можно только усиленными поставками вооружения и амуниции, а также отправкой офицеров-инструкторов. Кроме того, необходимо установить блокаду российских портов на Балтике, а также блокаду большевистских портов в Черном море и предоставить возможную помощь генералу Врангелю. После этого Д. Ллойд Джордж пожелал узнать, что думает Фош о Врангеле. Фош заявил, что П.Н. Врангель по своим способностям превосходит А.В. Колчака, А.И. Деникина и Н.Н. Юденича: он реорганизовал власть, установил порядок в войсках, наладил отношения с казаками⁵⁰.

После этого Д. Ллойд Джордж заявил, что, как его информировал Вильсон (тем самым он признал, что уже думал о помощи Польше и Врангелю и обсуждал эту проблему с военными), Великобритания может отправить в Польшу определенное количество одежды, обуви и седел. Что касается Врангеля, то его придется снабжать до тех пор, пока он не установит мира с большевиками. Это будет стоить слишком больших средств, притом, что поддержка А.И. Деникина уже обошлась союзникам в 50 — 100 млн. ф. ст. Единственное, что может сделать Великобритания, — дать ему ограниченное снабжение и помощь флотом с моря⁵¹.

Этот пассаж Д. Ллойда Джорджа как-то не вписывается в ту линию, которой он придерживался, и вообще выглядит довольно странным. Во-первых, не понятно, почему он дает такой широкий разброс в цифрах, хотя раньше он же называл цифру до 100 млн. ф. ст. Во-вторых, не уточнено, в каких географических границах Врангель может установить мир. В-третьих, помощь флотом играет роль только при обороне, но никак не при наступлении, а также при защите коммуникаций, по которым морем идет снабжение. Возможно, этим заявлением Д. Ллойд Джордж хотел продемонст-

рировать свое движение, скорее обозначить его, навстречу позиции А. Мильерана, из чисто тактических соображений. А возможно, что успехи Русской армии в сочетании с положительной оценкой военных заронили в него мысль, что Врангель достаточно силен, чтобы можно было законсервировать его в Крыму, а то и на большей территории.

Сближения позиций, однако, не произошло. В итоге дискуссии Д. Ллойд Джордж остался при своем мнении: союзники не могут эффективно помочь Польше военными мерами. А. Мильеран с этим не согласился, считая, что военную поддержку Польше нужно дополнить шагами, которые позволили бы включить в активную борьбу против большевиков другие пограничные государства, прежде всего Финляндию и Румынию. Примечательно, что А. Мильеран в этой связи ни словом не обмолвился о Врангеле, хотя, конечно, он имел в виду и его. Эти разногласия в ходе дискуссии так и не были преодолены⁵².

Дискуссия в Гайте продемонстрировала, что оба мировых лидера имели очень схематичное представление о ситуации на советско-польском фронте, судили только на основании динамики перемещения линии фронта и не более. Не имели представления о внутренних процессах в Польше, и особенно на большевистской территории, считая, что, чем дальше продвигается Красная армия, тем большевики сильнее, а Польша тем слабее. О Врангеле также судили по чисто внешним признакам, формальным (что следует признать заслугой П.Н. Врангеля и его представителей в Европе), не углубляясь в реальные процессы, протекавшие на юге России. Поэтому оба, каждый на свой лад, серьезно заблуждались относительно перспектив развития ситуации как на советско-польском, так и на таврическом фронтах. Борьба против большевиков снова отошла для них на второй план по сравнению с борьбой против Германии. Точнее, большевики в их восприятии представляли наибольшую опасность не сами по себе, а только в военно-политическом союзе с социал-демократической Германией в Европе и кемалистской Турцией в Азии. За этим им мерещилась новая война: Великобритания и Франция видели ее в Европе, в Азии ее видела только Великобритания. Поэтому, пока эта угроза локализовалась в Азии, Франция проявляла спокойствие и больше думала о сохранении единой России как противовеса Германии и гаранта возвращения долгов. Когда же эта угроза была создана в Европе, когда Версальская система, рассчитанная на то, что Германия будет в первую очередь стремиться вернуть земли (Померанию и Силезию), переданные Польше, то есть ее будущий реваншизм будет направлен на восток, а не на запад, противоречия между Франци-

ей и Великобританией должны были бы отойти на второй план. Но они были слишком остры, чтобы это произошло так быстро. Позицию Д. Ллойд Джорджа — большевизм может быть изжит Россией только изнутри — следует признать более реалистичной, но эффективность его политической линии определялась не этим реализмом самим по себе, а тем, что интересы Великобритании, экономические и геополитические, вполне могли быть реализованы, в отличие от Франции, в рамках политики торговли и полу-признания правительства Ленина.

Результатом того, что на конференции в Гайте А. Мильерану и Д. Ллойд Джорджу не удалось выработать общую политику ввиду «вопиющей розни», как выразился Ленин, их интересов, каждая из ведущих стран Антанты стала активно проводить сепаратную политику. В то время как британцы попытались путем переговоров найти оптимальные (для себя прежде всего) условия советско-польского мира, выторговывая себе наиболее благоприятные условия торгового договора, Франция усилила помощь полякам и демонстративно признала Правительство юга России.

10 августа А. Мильеран письмом на имя Н.А. Базили проинформировал его о решении французского правительства признать правительство генерала Врангеля де-факто и направить в Севастополь своего дипломатического представителя. Таким образом, французы брали, или пока только изображали готовность взять в случае определенных условий, на себя оказание Русской армии материальной помощи и политической поддержки в случае начала ею активных операций на украинском направлении, направленных на облегчение положения поляков⁵³.

В ответ на это 16 августа Д. Ллойд Джордж категорически заявил, что Великобритания не намерена поддерживать и признавать Врангеля⁵⁴.

Таким образом, демарш Франции, за которым пока еще ничего реального не стояло, разом перечеркнул намерения Великобритании оказать помощь Русской армии. П.Н. Врангель, считая это победой, даже не подозревал, что лишь теряет от такого поворота событий.

Между тем в середине августа войска советского Западного фронта потерпели поражение под Варшавой, что стало полной неожиданностью для всех. 17 сентября в Минске начались советско-польские переговоры, которые завершились в Риге подписанием предварительного мира 12 октября.

Признание Францией прежде всего было нацелено на укрепление положения Русской армии в Таврии и стимулирование П.Н. Врангеля на активные действия в направлении Правобережной

Украины, фактически — с целью помочь польским войскам. Ввиду того, что М.В. Бернацкий неоднократно заявлял о готовности признать долги царского, Временного и денкинского правительств и о согласии покрывать военное снабжение экспортом сырья, прежде всего зерна, с юга России, французское правительство в середине сентября приняло решение выделить П.Н. Врангелю займ на сумму в 100 млн. фр. Причем займ предполагался в товарной форме: правительство Врангеля не получало ни одного франка — вся сумма шла на оплату военных поставок в Крым.

Только к середине октября (н. ст.) были выработаны условия договора. Правительство П.Н. Врангеля обязывалось продавать во Франции половину всех вывозимых с юга России хлеба, угля, шерсти, табака и кожи, причем половину вырученной суммы направлять на покрытие займа, который следовало погасить не позже 31 декабря 1921 г. Причем все, что можно было закупить и доставить в Крым на 100 млн. фр., составляло всего лишь 10 % военного имущества, запрошенного представителями Врангеля у французского правительства, а остальные 90 % французы соглашались поставить лишь за немедленную уплату валютой.

П.Б. Струве, ведущий в Париже переговоры о займе, считал эти условия «крайне обременительными». Но телеграмма А.В. Кривошеина из Севастополя от 9(22) октября положила конец его колебаниям: «Согласитесь на все условия, лишь бы получить возможность немедленно распоряжаться кредитом в 100 000 000 франков. Без такого кредита положение становится безвыходным»⁵⁵.

Однако поражение Русской армии в Северной Таврии обесмыслили для французского правительства предоставление кредита правительству П.Н. Врангеля.

* * *

Опыт «левой политики правыми руками», проводившейся П.Н. Врангелем, А.В. Кривошеиным и их ближайшими сотрудниками в 1920 г. в Таврии, их опыт регулирования рыночной стихии, взбаламученной жестоким кризисом и войной, посредством бывшего в их распоряжении военно-бюрократического аппарата, чрезвычайно важен для понимания хода и исхода Гражданской войны.

Все попытки П.Н. Врангеля, исходя из уроков поражений ВСЮР в 1919 г., сократить государственный аппарат в целях его удешевления, повышения управляемости и эффективности деятельности ни к чему не привели. Многочисленные реорганизации аппарата управления, в частности — хозяйственных и снабженческих ведомств, поначалу проведенные с целью их сокращения, не

дали ни реального сокращения, ни повышения эффективности труда чиновников. Причиной этого стали как сопротивление чиновничества и их стремление не потерять свое социальное положение вместе с мизерным жалованием, но безразмерными взятками, так и стремление руководства ведомств и учреждений приумножить подчиненный им аппарат и увеличить его штаты с целью повышения своей роли и получения большей доли бюджетных средств. В конце концов тенденция разбухания государственного аппарата одолела все попытки его сокращения.

Соответственно, все пороки бюрократии и отрицательные черты ее работы получили полное завершение. Волокита, формализм и канцеляризм превратились в полную бездеятельность. Казнокрадство и взяточничество переросли в массовое воровство и вымогательство сверху донизу, финансовые махинации целых учреждений. Межведомственные трения выросли в ожесточенную конкурентную борьбу между ведомствами, дополняясь подобной же борьбой внутри ведомств между учреждениями.

Главная цель финансовой политики правительства П.Н. Врангеля в 1920 г. состояла в том, чтобы мобилизовать все возможные финансовые ресурсы для оплаты расходов на армию и ведение войны против большевистского режима. Разруха промышленности и инфляция единственным надежным источником финансирования и поступлений в бюджет сделали эмиссию. В условиях инфляции, общего экономического кризиса и распада государственности система налогообложения, таможенных сборов и прочих регулярных поступлений в бюджет, присущих мирному времени, не дала необходимых финансовых ресурсов. Поэтому эмиссия стала ключевым элементом финансовой политики Правительства юга России.

Эмиссия ничем не обеспеченных бумажных рублей Донского казачьего войска, главного командования ВСЮР и Русской армии в ситуации, когда финансовый рынок и денежный оборот были дезорганизованы выпуском денежных знаков различных правительств, а также обращением огромного количества советских денег, стала главной причиной гиперинфляции. Причиной психологического порядка являлось неверие большинства населения в прочность власти П.Н. Врангеля и силу его армии. Обесценение рубля и падение его курса по отношению к наиболее устойчивым валютам западных стран приняло катастрофический, необратимый характер.

Попытки Управления финансов хотя бы замедлить падение покупательной силы рубля никакого эффекта не дали, поскольку они заключались лишь в незначительных административных ог-

раничениях свободы денежного обращения. Предприниматели использовали к своей выгоде растущую разницу курсов рублей различных выпусков и иностранной валюты. Наживая огромные прибыли, они сводили на нет все усилия Управления финансов по мобилизации финансовых ресурсов и регулированию денежного обращения.

В 1920 г., когда ВСЮР оказались отброшенными от Москвы в Крым, Управление финансов предприняло первые реальные шаги к проведению финансовой реформы путем нуллификации, поскольку все остальные пути были закрыты. Однако сопротивление предпринимателей и других имущих социальных групп, опасавшихся потерять хотя бы часть своих капиталов при обмене денег старого образца на новые, помешало правительству осуществить такую реформу.

Эмиссия, наряду с другими кризисными факторами, вела к стремительному росту цен и фактически являлась чрезвычайным всеобщим налогом, основная тяжесть которого ложилась на крестьянство, рабочих и средние слои городского населения, включая чиновничество, интеллигенцию и офицеров Русской армии. Такое выкачивание финансовых ресурсов из населения на военные расходы вело к обнищанию основной массы населения и подрыву социальной базы Белого движения на юге России. С другой стороны, эмиссия приближала Правительство юга России и Русскую армию к неминуемому банкротству.

Единственный способ избежать такого банкротства состоял в создании и пополнении правительственного валютного фонда, средства которого использовались для закупок военных материалов за рубежом, а также могли быть использованы для стабилизации курса рубля. Однако державы Антанты не предоставили П.Н. Врангелю, как и А.И. Деникину, кредитов в денежной форме. Во-первых, они боялись потерять эти средства в случае поражения Русской армии. Во-вторых, они стремились использовать предоставлявшиеся товарные кредиты к своей выгоде и в расчете на дальнейшее экономическое закабаление России.

Поэтому валютный фонд мог пополняться только одним путем: массовым экспортом сырья с занятой территории юга России. Соответственно, снабжение Русской армии могло осуществляться за счет заграничных казенных и частных закупок за валюту, вырученную от продажи вывезенного сырья. И поскольку, вдобавок, безвозмездное снабжение союзниками прекратилось, Русская армия и власть генерала П.Н. Врангеля в Крыму, в отличие от ВСЮР в 1919 – начале 1920 г., в деле снабжения попала в полную зависимость от внешней торговли.

Ввиду чрезвычайности ситуации со снабжением в апреле – мае П.Н. Врангель начал фактически создавать централизованную государственную систему закупки и доставки в Крым наиболее остро необходимых для армии и флота товаров, которая придавала внешней торговле преимущественно государственный характер. И хотя «Правила 9 декабря» никто официально не отменял, частные торговые фирмы отказались оттеснены даже не на второй, а на третий план, договоры с ними заключались на условиях, которые были куда более выгодны казне, чем им самим.

Соответственно, для правительства Врангеля проблема регулирования внешней торговли встала значительно более остро, чем в деникинский период, приобрела жизненно важное значение, поскольку промышленность в Крыму была развита очень слабо, сырьевые ресурсы были очень ограничены, а топлива не было совершенно. В этой ситуации лично генерал П.Н. Врангель и глава правительства А.В. Кривошеин, а также еще несколько высокопоставленных чинов занимались проблемами внешней торговли гораздо более активно и конкретно, вникая подчас в детали экспортно-импортных операций.

В мае – июне 1920 г., когда Русская армия расширила занимаемую территорию, заняв северные уезды Таврической губернии, экспортные возможности значительно расширились за счет зерна. Несмотря на средний урожай, ожидавшийся в 1920 г., у таврического крестьянства остался богатый урожай предыдущего года. Однако в это же время стал очевиден крах установленной «Правилами 9 декабря» разрешительно-компенсационной системы, основанной на валютных отчислениях. Фактически государственное регулирование по этой системе (ее разработчики, как им казалось, нашли оптимальное сочетание интересов казны и интересов предпринимателей, но они не учли психологические сдвиги, произошедшие в предпринимательской среде за годы кризиса, революции и войны, приведшие к необыкновенному обострению классового эгоизма) было сломано сопротивлением предпринимателей и продажностью чиновников. Сама по себе разрешительно-компенсационная система создавала благоприятную почву для волокиты, бюрократизма, вымогательства и взяточничества. Сложившееся на этой почве «деловое партнерство» торговцев-спекулянтов и продажных чиновников породило невиданную коррупцию и свело эффективность разрешительно-компенсационной системы к минимуму. Теряя большое количество сырья на частном экспорте, правительство получало в казну минимальные доходы в валюте.

В этой ситуации правительство П.Н. Врангеля и А.В. Криво-

шеина, вопреки своей заповеди «*momento Деникин*», пошло на повторение опыта государственной монополизации экспорта: ввело монополию на вывоз ячменя и предельно централизовало управление внешней торговлей. Однако на практике это не была монополия в чистом виде, поскольку частные торговые фирмы привлекались в качестве контрагентов как для закупки ячменя на внутреннем рынке, так и для его продажи на зарубежных рынках. При этом они стремились выполнить договор с правительством прежде всего к своей собственной выгоде в ущерб казне. Конкуренция при скупках ячменя на внутреннем рынке, из-за которой повышались закупочные цены, отчасти обесценила доходы от импорта, а кроме того – сорвала закупки продовольствия для нужд армии. То есть монополизация экспорта не дала нужного эффекта ввиду свободы внутренней торговли и вдобавок породила непредвиденные проблемы снабжения армии.

Монополизация и централизация не только не уменьшили, а увеличили негативные моменты, присущие разрешительно-компенсационной системе. Усилились противоречия между властями и широкими предпринимательскими кругами, обострилась борьба за право вывоза самого ценного вида сырья между различными ведомствами, еще больший размах приобрели волокита, бюрократизм и коррупция.

В целом государственно-монополистический экспорт зерна позволил правительству П.Н. Врангеля несколько поправить финансовое положение и наладить снабжение армии за счет импорта, однако в силу всех связанных с ним негативных моментов он не дал ожидавшихся от него результатов. В целом потребности Русской армии и населения в зарубежных товарах были удовлетворены далеко не полностью, что не позволило поддерживать ее боеспособность на необходимом уровне. Без крупного внешнего займа валютный фонд был обречен на исчерпание к концу 1920 г.

В 1920 г. международные отношения в Европе развивались таким образом, что сотрудничество, в смысле взаимоувязывания и взаимоучета интересов, и согласование действий между Францией и Великобританией стало практически невозможным из-за существовавших между ними противоречий. В этой ситуации никакой исход дипломатического противоборства между ними в «русском» и «польском» вопросах, никакое изменение тактики совместной борьбы против РСФСР не мог привести к возобновлению безвозмездной материальной помощи Русской армии в Крыму военным снабжением. Единственную возможность получить от стран Антанты военные материалы давала покупка за твердую иностранную валюту (или обмен на вывозимое сырье).

П.Н. Врангель и его правительство, со своей стороны, стремясь получить валютный займ, готовы были, в отличие от А.И. Деникина и его окружения, пойти на то, чтобы гарантировать его возврат частью национального достояния и при этом экономически заинтересовать державы Антанты в удержании и расширении территории, подконтрольной Русской армии, тем самым предотвратить повторение ими действий Великобритании, прекратившей материальную помощь ВСЮР.

Хотя на совместных конференциях и заседаниях Верховного совета Антанты и двусторонних встречах лидерам Великобритании и Франции и пытались преодолеть разногласия, им все труднее становилось находить общий курс политики в «русском вопросе». Главными причинами этого были разрыв их интересов и победы большевиков. В конце концов, военно-политические силы, активно боровшиеся против большевиков в 1920 г., Польша и Русская армия П.Н. Врангеля, не получили той поддержки, которая могла бы им эффективно помочь. Победа Польши была обеспечена в первую очередь факторами и процессами внутренней консолидации и стабилизации, поражение Русской армии П.Н. Врангеля — внутренними процессами распада и разложения ее и ее тыла.

Со своей стороны, две самые активные антибольшевистские силы в 1920 г. — Польша и режим П.Н. Врангеля на юге России — своей воинственной политикой, действуя в своих собственных интересах, главную ставку делали именно на политическую, финансовую, материальную и даже военную помощь Антанты. Настойчиво требуя этой помощи, они тем самым только обостряли противоречия внутри Антанты, так как их военные планы, расчеты и претензии значительно выходили за рамки возможного, за пределы той помощи, которую реально могли оказать державы Антанты.

П.Н. Врангель, пытаясь совершить дипломатический маневр не между Германией и Антантой, а внутри самой Антанты, между Великобританией и Францией, пытался обеспечить сохранность занятой территории как части России, альтернативной РСФСР.

Но военным диктатурам юга России фатально не везло: всегда находилась другая сила, которая в глазах Антанты была более сильна, надежна и перспективна в смысле свержения большевиков, вложения средств и их возвращения: в 1918 г. — Северная область, в 1919 г. — власть А.В. Колчака, в 1920 г. — Польша. Более того, державы Антанты при разрешении своих противоречий и поиске компромисса прежде всего готовы были жертвовать интересами Русской армии (ВСЮР). В результате при всех поворотах союзнической политике в «русском вопросе» прежде всего и больше

всего теряли белые правительства в России вообще и на юге России в частности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Врангель П.Н. Записки. Ч.2. С.13-14.
- ² Там же. С.46-49.
- ³ Там же. С.48,83-85.
- ⁴ Там же. С.87.
- ⁵ Из архива организаторов гражданской войны и интервенции в Советской России//Исторический архив. 1961. № 6. С.106.
- ⁶ Врангель П.Н. Записки. Ч.2. С.97.
- ⁷ Там же. С.107.
- ⁸ Там же. С.107-109.
- ⁹ Documents on British Foreign Policy, 1919 — 1939. First series. V.VIII. 1920. L., 1958. P.375-376.
- ¹⁰ Ibid. P.376-377.
- ¹¹ Ibid. P.378.
- ¹² Ibid. P.377.
- ¹³ Ibid. P.378.
- ¹⁴ Врангель П.Н. Записки. Ч.2. С.110,117.
- ¹⁵ Basily L. *Memoirs of a Lost World*. Stanford, 1975. P.139.
- ¹⁶ Documents on British Foreign Policy, 1919 — 1939. V.VIII. P.502.
- ¹⁷ Ibid. P.504.
- ¹⁸ Ibid. P.505.
- ¹⁹ Ibid. P.506.
- ²⁰ Ibid. P.514.
- ²¹ Ibid. P.515.
- ²² Ibid. P.516.
- ²³ Ibid. P.524-526.
- ²⁴ Ibid. P.527.
- ²⁵ Ibid. P.528.
- ²⁶ Ibid. P.529.
- ²⁷ Врангель П.Н. Записки. Ч.2. С.125-126.
- ²⁸ Штейн Б. Международное положение и внешняя политика РСФСР в период врангелевщины//Разгром Врангеля, 1920. М., 1930. С.21.
- ²⁹ Basily L. Op. cit. P.140-141.
- ³⁰ Врангель П.Н. Записки. Ч.2. С.126.
- ³¹ Basily L. Op. cit. P.141-143.
- ³² Basily L. Op. cit. P.143; Врангель П.Н. Записки. Ч.2. С.126.
- ³³ Штейн Б. Указ. соч. С.22.
- ³⁴ Там же. С.22-23.
- ³⁵ Documents on British Foreign Policy, 1919 — 1939. V.VIII. P.652-653.
- ³⁶ Ibid. P.653-654.
- ³⁷ Ibid. P.656-657.
- ³⁸ Ibid. P.653-654.
- ³⁹ Ibid. P.658-660.
- ⁴⁰ Штейн Б. Указ. соч. С.25-26.
- ⁴¹ Кривошеин К.А. Указ. соч. С.327.
- ⁴² Врангель П.Н. Записки. Ч.2. С.135.
- ⁴³ Там же. С.16.

- ⁴⁴ Врангель П.Н. Записки. Ч.2. С.181-183; Раковский Г. Конец белых. С.97.
⁴⁵ Врангелевщина (Из материалов Парижского «посольства» Временного правительства)//Красный архив. 1930. № 3. С.11.
⁴⁶ Штейн Б. Указ. соч. С.27-28.
⁴⁷ Documents on British Foreign Policy, 1919 — 1939. V.VIII. P.709-711.
⁴⁸ Ibid. P.711-712.
⁴⁹ Ibid. P.712-713.
⁵⁰ Ibid. P.725.
⁵¹ Ibid. P.727.
⁵² Ibid. P.730.
⁵³ Врангель П.Н. Записки. Ч.2. С.146-147.
⁵⁴ Штейн Б. Указ. соч. С.30.
⁵⁵ Кривошеин К.А. Указ. соч. С.332-333.

СОДЕРЖАНИЕ

Бесприютная армия: добровольцы в конце 1917 — начале 1918 гг.	5
Поход на Москву в 1919 г.: мобилизация и регулирование экономики	147
1920 год в Таврии: «левая политика правыми руками»	271

Научное издание

Карпенко Сергей Владимирович

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ НА ЮГЕ РОССИИ
(1917 - 1920 гг.)**

Лицензия № 00843

Подписано в печать 4.04.2003

Формат 1/16 60x90

Гарнитура PetersburgC

Усл. печ. л. 22

Тираж 300 экз.

Издательство Ипполитова

Отпечатано в типографии «Выбор-принт»

Москва, Рижский пр., д. 1.